

КЛАУДИО НАРАЙХО

ХАРАКТЕР И НЕВРОЗ

Неврология Мифология Кунштута

КЛАЗУАНО НАРАНХО

ХАРАКТЕР И НЕВРОЗ

Психологија Мифологија Култура

Клаудио НАРАНХО

ХАРАКТЕР И НЕВРОЗ

Данное исследование латиноамериканского ученого существенно дополняет существующую психоаналитическую и психологическую литературу. На основе идей Карла Юнга, Карен Хорни, в сотрудничестве с Кеттелом, Шелдоном, Перлзом и рядом суфийских учителей, таких как Идрис Шах, Оскар Ичазо и других, Клаудио Наранхо разработал оригинальную концепцию психологической типологии человека, строя ее с учетом характерологических черт личности на базе современной психотерапии.

Книга является важной вехой на пути построения новой психотерапии и предназначена для широкого круга читателей, интересующихся современными разработками в данной области.

Интегративное обозрение

Серия «Психология. Мифология. Культура»

Перевод с английского под общей редакцией Валерия Зеленского

Переводчики:

Предисловие автора В. Зеленский

Введение: теоретическая панорама - В. Зеленский

Главы 1-4 - М. Скородумова .

Главы 5-6, приложение - К. Бутырин .

Главы 7-10 - Д . Скородумов .

Character and Neurosis An Integrative View

Claudio Naranjo, M. D.

Gateways/IDHNB, Inc. Publishers, 305 p., 1994.

ПАМЯТИ КАРЕН ХОРНИ

«Тихому бунтарю» в психоанализе, кто была первой, увидевшей и прознавшей то, что многие другие открывают для себя сегодня, той, которая оживает в этой книге своими прозрениями в области изучения характера и верой в самоанализ. Под ее косвенным влиянием я постепенно стал практикующим психотерапевтом, и ей я признателен за то, что она привезла к нам в Америку Фритца Перлза

Биографические сведения об авторе

Живя в Чили, Наранхо изучал медицину, музыку и философию. Кроме того, он работал ординатором в психиатрической клинике при Чилийском университете в тот период, когда его возглавлял Матте-Бланко. В дальнейшем Наранхо преподавал психологию искусства Католическом университете и социальную психиатрию в Школе журналистики при Чилийском университете и исполнял обязанности директора в Центре исследований по медицинской антропологии. Перебравшись на жительство в Соединенные Штаты Америки, д-р Наранхо участвовал в работе Института Эсален, находившемся тогда - 60-е годы - в стадии становления, и стал в нем одним из приемников Фрица Перлза. В ходе своего дальнейшего жизненного паломничества ему довелось общаться со многими духовными учителями, среди которых были Свами Муктананда, Идрис Шах, Оскар Ичазо, Сулейман Деде, Его Высочество Кармана XVI и Тартхайг Тулку Ринпоче, причем, встреча с последним стала для Наранхо решающей. Кроме того, некоторое время он занимался научно-исследовательской работой в институте исследования и оценки личности при университете Беркли и был сотрудником Раймонда Кэттела в Институте психотехнических испытаний личности. Д-р Наранхо преподавал сравнительное религиоведение в Калифорнийском институте азиатских исследований, гуманистическую психологию в Университете штата Калифорния в Санта Крус, медитацию в Институте Найингма (Nyingma Institute) в Беркли, Калифорния, и явился основателем института САТ (Теста академических способностей), занимающегося проблемами комплексного психодуховного образования личности. Д-р Наранхо - почетный Президент Гештальт-института, член Ученого совета Института культурных исследований в Лондоне и член отделения Римского Клуба в США. Он считается одним из пионеров Движения по изучению резервных возможностей человека, а введение им идей «Четвертого пути» в психотерапию - образец его работы в качестве интегратора на стыке между психиатрией и духовными традициями. В настоящее время д-р Наранхо в основном посвящает свое время комплексному и трансперсональному обучению психотерапевтов в различных странах Европы и Южной Америки.

*«Вот эти препятствия: темнота глупости,
самоутверждение, страсть, ненависть,
привязанность.*

Темнота глупости - область других...

*Ноша зависимости и рабства, к сожалению,
имеет свой корень в этих препятствиях".*

ПАТАНДЖАЛИ. КНИГА II

*Бывает и с отдельным человеком,
Что, например, родимое пятно,
В котором он невинен, ибо, верно,
Родителей себе не выбирал,
Иль странный склад души, перед которым
Сдается разум, или недочет
В манерах, оскорбляющий привычки, -
Бывает, словом, что пустой изъян,
В роду ли, свой ли, губит человека
Во мненьи всех, будь доблести его,
Как милость Божья, чисты и несметны,
А все от этой глупой капли зла,
И сразу все добро идет насмарку.
Досадно ведь.*

ШЕКСПИР. ГАМЛЕТ. АКТ 1, СЦЕНА 4
(Пер. Б. Пастернака)

«Интроспекция есть первый шаг к преобразованию, и
Я понимаю, что после узнавания себя никто уже не сможет
продолжать быть тем же самым».

ТОМАС МАНН. «О САМОМ СЕБЕ»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА ^{III}

Он, который знает, и знает, что

ОН ЕСТЬ: он мудр.

Последуй за ним.

*Одного его присутствия достаточно
для преобразования человека.*

(Повествование Сармуни)

Я обязан Френку Бэррону идеей подзаголовка данной книги и надеюсь, что мои читатели сочтут ее полное название вполне уместным и очевидным, хотя сам дух книги концентрируется не на противоречивых ее аспектах. Я исследую разные школы, подходя к ним с открытым разумом, и считаю, что мой самый специфический вклад в современное понимание вопроса интегративен по своей природе. Сам подход, который я излагаю на протяжении всей книги, в равной степени можно назвать когнитивным в психодинамическом смысле, подход, где личность рассматривается как система черт (traits). Думается, что лишь искусственно можно отделить черты характера человека от мотивов и от способов (modes) видения вещей ^[2], точно так же как я полагаю искусственным отделять взгляд на социальное научение этим чертам от объектно-ориентированного (object relational view) подхода, который рассматривает интернализацию родительских фигур и ранние чувства в отношении к ним.

Наряду с клиническим изучением той же самой области, обычно исследуемой теоретиками в сфере личности, которые включают сюда математический аппарат, а также психодинамическое исследование личностных черт и их взаимосвязи, и наряду с включением сюда рассмотрения характерологических ориентаций, как стилей или форм защиты и оценки, которые связаны с определенными иллюзиями относительно осуществления чего-либо, то понимание, которое я представляю здесь, можно также назвать трансперсональным или духовным (spiritual) взглядом на характер и невроз, или - альтернативно

- подходом экзистенциальным, так как он приравнивает (как станет ясно из дальнейшего изложения) духовное "умопомрачение" к утрате бытия.

Возможно ввиду такого притязания на обобщающий синтез будет небезынтересным заявить, что подобный подход (на страницах данной книги) не появился как следствие амбициозного намерения, а возник скорее как результат спонтанной интеграции различных позиций и точек зрения, с которыми я знакомился по мере моих личных интеллектуальных странствий в области исследования личности под изначальным влиянием со стороны академической психологии. В ретроспективе я вижу, что сами вопросы личностных и человеческих типов составили "любовный роман" последних двадцати лет моей жизни, и здесь элемент предназначения, по всей видимости, свелся с другим судьбоносным аспектом, наиболее впечатляющим в том смысле, что, как я ни пытался оставить эту тему, она, казалось, тащила меня к себе назад, влекла к себе, так сказать, сзади, без какого-либо намерения с моей стороны, скорее как следствие спонтанного вызревания моего понимания, исходившего из живого влияния суфийского Учителя в так называемой традиции «Четвертого Пути».

С самого начала моих психологических штудий я довольно серьезно интересовался типологией человека. Хотя мой первоначальный интерес к карьере медицинского работника носил чисто научный характер и понадобилось открытие Юнга, подвигнувшее меня остаться в этой сфере после того, как я разочаровался в поисках мудрости на тропе нейрофизиологии, мое действительное погружение в сферы психотерапии и психологии состоялось годом позже, когда я поступил на курс психиатрии Игнасио Матте-Бланко (Ignacio Matte-Bianco). Матте-Бланко ^[3] был человеком разносторонних интересов, и ему я должен быть благодарен не только за вдохновляющее психоаналитическое образование, но также и за знакомство с экзистенциальной психиатрией, и - что не менее важно для данной книги - за знакомство с идеями и исследованиями Уильяма Шелдона (William Sheldon). Здесь, как и в других вопросах, его личный интерес совпадал с работой, проводимой в клинике, где на устах у всех было не только имя Шелдона, но и пациенты типологизировались соматически (somatotyped).

Представление Шелдона о том, что трехмерный человеческий темперамент тесно связан с телесными структурами, возникшими из

первоначальных трех уровней эмбриона человека, глубоко подействовало на мое тогдашнее понимание вещей. Это было время моего исследования трехмерности и троичности. Вдохновляющим моментом моего столь длительного интереса было одновременное воздействие идей Гурджиева, создавшего малоизвестную эзотерическую школу, чье мышление распространилось, благодаря работам русского журналиста и писателя Успенского [\[4\]](#), а также Тотиля Альберту, чилийско-немецкому художнику, поэту, скульптору, - «человеку знания». В то время как Гурджиев (основатель Института гармонического развития человека) говорил о «Законе Трех» - космическом принципе, согласно которому возможно различать активную силу, негативную силу и нейтрализующую силу в явлениях любого рода в процессе их становления, - Тотиля Альберт рассматривал Отца, Мать и Ребенка как «три компонента» в человеческом бытии и в космосе и искал случая предупредить своих современников относительно опасности устаревания нашего патриархального общества.

Полученное впечатление о глубоко живущей истине в заявлениях Гурджиева и Тотиля Альберта, естественно, привлекло меня, когда я познакомился с идеями Шелдона, - уже просто потому, что мысли, переданные первыми двумя и исходившие, соответственно, из традиции и личного откровения, казались подтверждающими друг друга реципрокным образом, но плюс к тому оказывались подтвержденными и научными открытиями Шелдона. Согласованность положений последнего и видений Тотиля включала и тот факт, что заявления Тотиля Альберта рассматривали три уровня эмбриона как биологическое выражение универсальных «Составляющих» или «Принципов».

«В потенциальной форме эти три принципа можно обнаружить уже в оплодотворенном яйце.

Отцовский принцип можно распознать в эктодерме, внешнем слое эмбриона, из которого создается кожа, органы чувств, а также центральная нервная система, обеспечивающая нашу связь с макрокосмосом.

Материнский принцип проявляется в энтодерме, внутреннем слое эмбриона, из которого формируются внутренние органы, обеспечивающие связь с землей.

Принцип ребенка воплощается в мезодерме, среднем слое эмбриона, который, в свою очередь, состоит из оболочки, обращенной к энтодерме. Из мезодермы формируется скелет, мускулатура, сердце, а также система, отвечающая за сохранение вида.

Человек рождается с этими принципами и может гармонично развиваться только при условии их гармонического развития» [5].

Такого энтузиаста шелдоновских идей, каким я тогда был, несколько не смущала критика, появившаяся после публикации его работы «Многообразие темперамента» [6], касавшаяся как методологии, так и арифметических ошибок. В отношении первого высказывались мнения ряда оппонентов, что факторный анализ мог бы оказаться более подходящим способом для оперирования данными, нежели более ранняя техника кластерного (cluster) анализа, которую использовал Шелдон. Нетрудно понять, что я заделался студентом по исследованию факторного анализа и жадно перечитал исследование, проведенное самыми выдающимися экспертами в применении факторного анализа в то время в области изучения личности - Гансом Айзенком в Англии и Раймондом Кеттеллом в США. Широкое расхождение в их ответах, касающихся основных личностных измерений, задало дальнейший стимул к продолжению исследования данного вопроса. Результаты Айзенка, касающиеся личностных измерений, выглядели весьма просто и сводились к описанию личности в терминах трех переменных: интеллекта, нейротизма и экстраверсии/интроверсии. Сюда не укладывалось шелдоновское различие между активной и эмоциональной (или экспрессивной) экстраверсией, которое в жизни выглядело весьма уместным и правдивым. Кеттелл, с другой стороны, получил 16 факторов из анализа материала опросника, откуда сложилось впечатление, что последних могло быть и 15, и 18, поскольку для их соединения не доставало существенной внутренней связи, могущей быть сравнимой с математическим изяществом.

Мой интерес к более активному вовлечению в исследования личности совпал с периодом беспокойства в качестве новичка в психоаналитической психотерапии (когда я чувствовал, что то, что я мог предложить, не встречало высоких ответных ожиданий со стороны моих клиентов), а также наличием соответствующих тем (куратором которых я являлся) для диссертационных работ по психологии, которые выполнялись студентами в области исследования личности. Помимо

этого в то время я сотрудничал с Институтом медицинской антропологии, где занимался исследованием процесса дегуманизации, в котором прояснился аспект медицинского «обучения», а это, в свою очередь, потребовало разработки инструментов адекватного тестирования.

В 1962 году я получил благоприятную возможность приехать в США и посетить Гарвардский университет, а также Государственный университет в Колумбусе штата Огайо, где уже имелись разработки в области перцептивного обучения. Эта поездка прибавила мне аппетита для более обстоятельной академической подготовки - которую я впоследствии благодаря счастливой судьбе смог завершить.

Фулбрайтская стипендия в 1963 году позволила мне более полугода заниматься в Гарвардском университете, кроме того, в это же время я проходил подготовку в Центре по изучению личности, где господствовала школа Генри Мюррея (Henry Murray), личные встречи с которым служили дополнительным побудительным мотивом для знакомства с его идеями.

В последующие месяцы (как и планировалось) я посещал д-ра Раймонда Кеттелла в Иллинойском университете, а впоследствии некоторое время с ним переписывался (я консультировался у него в отношении рефакторизации 16PF в Южной

Америке), воспринимая себя как ученика-заочника. Еще задолго до нашей встречи я прочел его книгу о Факторном анализе и погрузился в нее как истинный верующий в поисках более глубокого понимания разума через статистику. Месяцы, проведенные в Урбане (Иллинойский университет), были насыщены учебой и продолжением моего собственного исследования, а также посещением ряда специалистов подобно Осгуду (Osgood) и Моуреру (Mowrer). Перед отъездом я принял приглашение д-ра Кеттелла стать партнером в основанном им IPAT (Институт личности и тестирования) в качестве его представителя в Южной Америке. Казалось, это вполне соответствовало той работе, которую я вел тогда, но вспыхнувшая во мне любовь к Калифорнии несколько изменила мои планы. К концу моего пребывания в Гарварде пришло письмо от д-ра Фрэнка Бэррона из калифорнийского Института личностной оценки и исследований (IPAR) с приглашением поработать в Беркли, и я принял судьбоносное решение согласиться...

Во время моей работы в IPAR я получил стипендию Гугген- хейма и до 1966 года продолжал свои «интеллектуальные странствия», не переставая жаждать более точных ответов на вопросы об истине. Эта жажда не в последнюю очередь питалась настроениями Altered State of California на заре шестидесятых годов ^[7].

Особенно значимым из множества влияний, исходивших из области «революции сознания» (первое воплощение в этой сфере психологии - гуманистическое движение), было влияние Фритца Перлза - основателя гештальт-терапии и ученика Карен Хорни, - который настаивал на именовании его подхода холистическим и экзистенциальным. Несмотря на принципиальную позицию клинического феноменологиста (clinical phenomenologist) со значительным антитеоретическим уклоном (в то время), я получил очень много впечатляющего понимания от его живого присутствия. Сходным образом я могу сказать, что мое мышление экзистенциально в той степени, в какой имплицитно экзистенциальной была и моя клиническая практика, сложившаяся на том пути, который получался в результате существенной поддержки многих наставников.

Особо я хочу упомянуть о Карен Хорни, поскольку хорианская психотерапия была наиболее значимой в моем исцелении до знакомства с гештальтом. С ней меня познакомил Гектор Фернандес, университетский ректор, который был моим первым супервизором и наставником по систематическому самоанализу, что было гораздо важнее, чем мой ранний кейнзианский анализ в Психоаналитическом институте в Чили. За несколько лет до нашей встречи Фернандес пережил процесс глубокого изменения - процесс, который он назвал «самоанализом», но который до значительной степени был спонтанным и инспирированным изнутри. Поскольку Хорни была для него катализатором, то он стал апостолом и разработчиком ее идей, которые комментировал в дневниковых записях групповой работы (я был участником этой группы) со студентами в конце пятидесятых годов.

Могу сказать о себе, что я никогда ни от кого больше не слышал высказываний типа: Карен Хорни - мой любимый автор психологических работ. Действительно, Фрейд был пророком - проводником глубочайшего социокультурного изменения, однако он, светивший в моих интеллектуальных небесах многие годы сродни отцовской фигуре, оказался тем, чьи работы я не могу читать сегодня без некоторого смущения. Перлз написал: «От Феникеля я получил

неразбериху; от Райха - бесстыдство; от Хорни - человеческое затруднение без терминологии» [8].

Я думаю, тот факт, что Хорни была сама простота, уже говорит о ее тонкости и величии, лишенном напыщенности. Я рад видеть сегодня, что психоанализ в значительной степени преобразился относительно своих ранних воззрений и что имя Хорни стало вспоминаться все чаще, хотя и думаю, что подлинная ценность ее работ выявится позднее. Привлекая внимание к Хорни посвящением данной книги ее памяти, я хочу указать на ее имя не только в общем, но признать ту степень ее воздействия, которая спонтанно выявилась на страницах нижеследующего изложения. Но возвращаясь к своей истории: наконец, в 1969 году, пришло то время, когда эмпирический искатель (experiential seeker) взял верх во мне над интеллектуальным исследователем (intellectual investigator).

Поскольку я был готов к своему жизненному паломничеству (pilgrimage), то намеревался выразить свой предшествующий опыт странника в форме различных книг [9], но совершенно не чувствовал готовности делать какие-либо утверждения относительно личностной типологии. Мой поиск в этой области казался мне носящим предварительный характер.

Полагаю, что мои читатели немало удивятся, если я скажу по этому поводу, что, несмотря на обширный вышеизложенный curriculum (профессиональное досье), главное влияние на эту книгу пришло вовсе не от источников, которые я упомянул. Как ни странно, оно возникло с самой неожиданной (и для меня в первую очередь) стороны: от человека, который первым привлек мое внимание к суфийскому наставничеству и чьим практическим руководством я стал интересоваться настолько, чтобы оставить свою академическую жизнь позади - похоже, навсегда.

Как и многие другие, кто оказывался под глубоким впечатлением от духовного наследия Гурджиева, я был разочарован масштабами развития постгурджиевской школы. В своих поисках я обратился к суфизму и с этой целью вошел в группу под руководством Идриса Шаха. К тому времени мои земляки из Чили пригласили меня на встречу с духовным учителем, глубоко погруженным в источники так называемого «эзотерического христианства», которое Гурджиев называл «Четвертым Путем». Они написали мне о своих впечатлениях

после встречи с Оскаром Ичазо и предложили мне встретиться с ним во время одного из моих посещений Чили. Так я и сделал и был весьма взволнован, обнаружив человека, который объявлял себя, как и Гурджиев, эмиссаром особой школы, которую я непроизвольно искал все эти последние годы, школы, о которой упоминал Гурджиев в конце своей книги «Встречи с замечательными людьми» и писал Рой Давидсон в своем путевом отчете после визита в общину Сармун (Sarmoun) на Гиндукуше [\[10\]](#). Я храню для событийной автобиографии историю своего частного ученичества, здесь же скажу лишь то, что имеет отношение к теме данной книги: во время серии открытых лекций, спонсированных чилийской Психологической ассоциацией, а впоследствии поддержанных моим другом и бывшим супервизором Гектором Фернандесом, я услышал, как Ичазо представляет свой взгляд на личность, взгляд, показавшийся мне совпадавшим с гурджиевским, но выходявшим за его пределы в части, касавшейся деталей и подробностей.

Во время этих лекций, тему которых он обозначил как «протоанализ», Ичазо согласился с просьбой д-ра Фернандеса дать нам практическую демонстрацию своего метода. В течение нескольких минут Ичазо интервьюировал пациентов д-ра Фернандеса, после чего давал настолько точный и подробный отчет, что мы все оказались под глубоким впечатлением, хотя и не могли до конца понять переходы от ичазовских кратких вопросов к клиентам к его тщательно проработанным восприятиям клинической картины. Сейчас мне кажется, что, если бы мой контакт с Ичазо прервался в тот момент, я никогда бы не научился делать то же самое путем заострения характерологической интуиции, выделяющей информацию о характере. Я обнаружил в себе эту способность годом позже главным образом в форме спонтанного сопутствующего продукта во время глубокого трансформирующего опыта, которому я подвергся, когда вновь приехал в Чили для длительного тренинга (retreat) под руководством Ичазо в Арике [\[11\]](#).

Хотя в курсе, проведенном в Арике во второй половине 1970 года, дальнейших разработок теории не последовало, само близкое знание более чем сорока сотоварищей было убедительным вкладом в последующие глубоко преобразующие уединенные тренинги, во время которых я внезапно осознал, что способен видеть личностную

структуру других участников наподобие того, как хороший карикатурист мгновенно подмечает сущностные черты в физическом облике того или иного человека. Этой разбуженностью «клинического глаза» я был обязан всему тому, чему оказался способен научиться относительно типов личности и личности вообще и интеллектуальному опыту всевозрастающего сращивания получаемой мной информации по данному вопросу. Могу сказать, что энеаграммы Сармуни [\[12\]](#) действовали в моем мозгу как магнит, сводя вместе частицы психологических знаний и сведений до тех пор, пока, еще будучи разъединенными, они не оказывались в каталитическом факторном поле энеаграмм, заставлявших относительный хаос поступающей информации преобразовываться во вполне определенный паттерн [\[13\]](#).

Когда время моего первого «Арика-странствия» дало свои плоды и пришло другое время интенсивной беспорядочной комбинации психотерапии, обучения и духовного наставничества, которое началось для меня в 1971 году, то было совершенно естественно, что я искал интеграции своих ранних открытий с последовавшим обучением. В контексте того, что можно было бы назвать группой медитации и психотерапии, я имел возможность обнаружить, как центральные идеи протоанализа и в особенности его девятимерная характерология послужили первой отправной точкой спонтанной кристаллизации более ранних представлений и отправной точкой для постепенного разворачивания ассоциаций между моими текущими наблюдениями (в свете протоанализа) и стандартными (типовыми) классическими наблюдениями, поставляемыми психологической литературой [\[14\]](#).

Позже сама работа с группой, ставшей костяком вновь созданного в Калифорнии SAT Institute, дала возможность более продолжительного исследования как в изучении характера, так и в наведении мостов между «Четвертым Путем» и академической психологией. В условиях полной конфиденциальности, в которой эти психологические идеи были представлены Ичазо после начала моего с ним сотрудничества, я также сделал секретность условием для допуска в группу, которую я вел в семидесятые годы. Не ограничиваясь устным соглашением, я ввел подписание каждым участником письменного контракта, одним из пунктов которого было обязательство не разглашать некоторые из идей и духовных практик, получаемых на этапе обучения в SAT. К концу семидесятых, однако, некоторые из тех, кто давал обязательство

хранить данное учение в тайне и использовать в своей работе только имплицитным образом, начали предлагать «Курсы энеаграмм» сначала в Беркли, а затем и в других аудиториях.

[...]

С появлением личностных энеаграмм и воркшопов по протоанализу на широкой публике я возобновил свои преподавательские мероприятия, одновременно совершенствуя применение идей, представленных Ичазо, не только в отношении аналитических вопросов, но и касающихся модификации уровней поведения. На протяжении всех последующих лет я получал все большее подтверждение эффективности этого традиционного подхода, а именно, интерпретации, предлагаемые «Четвертым Путем», всякий раз оказывались центральными для людей каждого характерологического типа. В тоже самое время я не хочу игнорировать то, что сам процесс помогающего инсайта является искусством, - проявлением профессионального артистизма, когда интуитивный психотерапевт или проводник (guide) говорит не из книг, а из непосредственного наблюдения за отклонением (заблуждением, умопомрачением = aberration). Этот процесс инсайта - конечно, не тот, что приносит ярлык или даже знание чего-то специфического относительно психики того или иного человека, но тот, который свидетельствует о знании чего-то РЕАЛЬНОГО, что означает знать наилучшим образом в данный момент и в определенном отношении оставаться связанным со всем остальным знанием. Однако, когда мы имеем дело с конкретным индивидом, то обнаруживаем на переднем плане характерные аспекты личности среди универсально работающей структуры. Традиционное утверждение, что распознавание доминирующей страсти несет в себе огромную терапевтическую силу, отозвалось в моем опыте, из которого следует, что, в то время как взаимоисключающие интерпретации могут оказаться одинаково верными, ОСОБЕННО важно обратить внимание и учесть интерпретации, ориентированные сообразно восприятию доминирующей страсти и управляющей фиксации.

В то время как Гурджиев работал над проблемой инсайта, а Ичазо занимался диагнозом авторитарности, я в своей работе все больше концентрировался на вопросах помощи процессу самодиагностики, опираясь на поддержку типологии. Работая над текстом девяти глав, составляющих основной корпус этой книги, я имплицитно воспринимал

их, среди прочего, как основу для самодиагностики и принимал как само собой разумеющееся, что уже самовосприятие, вытекающее из такого перемежающего распознавания, содержит в себе терапевтический эффект.

Непосредственным толчком к созданию книги послужило предложение моей доброй приятельницы Марты Хуэпе целиком посвятить ее летнее каникулярное время в январе-феврале 1988 года помощи мне в работе над текстом книги. Помимо удивительной духовной атмосферы в ее доме в предместье Сантьяго (Чили), ее живейший интерес к самому предмету и эмпатическое участие сделало ее идеальным слушателем по мере того, как я надиктовывал магнитофонные кассеты, которые она затем перепечатывала на бумагу.

Хотя уже сама задача приведения в стройный порядок черновых записей служила побудительным мотивом для очерчивания контуров будущей книги, первоначальный план последней стремительно менялся по мере диктовки, - неизменной оставалась лишь общая структура. Книга Начинается с теоретического обзора. Последующие девять глав посвящены девяти различным характерологическим структурам, ни одна из которых не нова для психологии, но каждая представлена здесь в новом свете: «специализация психического» (*specialization of psyche*) в одном из девяти возможных направлений, сообразно эмфазе той или иной из девяти взаимосвязанных мотивационных диспозиций. Заключительная глава содержит предложения по дальнейшей работе с данным материалом.

Изначально в своих описаниях я хотел опереться на мемуарную литературу для иллюстрации типов характеров, соответственно составляющих фокус каждой из девяти глав, но затем я остановился на классических портретных характерах, а также предпринял обзор главных медицинских и психологических источников. Из последних я включил в книгу не только наблюдения психиатров и клинических психологов, но также и гомеопатов. Воздерживаясь от каких-либо оценок относительно самого гомеопатического лечения, где у меня нет никакого опыта, я хотел лишь включить само богатейшее описание человеческих типов, которое составляет часть гомеопатического учения и весьма близко типам характера, с которыми я лично знаком. Я позаимствовал гомеопатические описания, главным образом, из авторитетнейшего источника по данному вопросу: Catherine R. Coulter

«Portraits of Homoeopathic Medicines» (Портреты гомеопатической медицины).

На протяжении всего моего предшествующего учительского опыта я описывал характеры путем последовательного комментирования их основных черт, теперь же я хотел основать свои размышления на дальнейших разработках списков этих черт [\[15\]](#). Точно так же как и в той статье, и здесь я ищу возможность выстроить диаграмму «черт, присутствующих позади поверхностных черт», в таком отношении, чтобы отразить их «взаимное взаимоотношение» (да простит меня читатель за этот речевой каламбур) в психодинамическом паттерне, и здесь я тоже основываю свои «психодинамические размышления» на рассмотрении гипотетического источника черт и взаимоотношений последних, как выходящих за пределы изолированных дескрипторов. Часть каждой главы посвящена анализу самих черт характера, где я сплел воедино описание характера в терминах черт и обсуждение лежащих в их основе мотивов и психодинамических связей между чертами наряду с разбором традиционного взгляда с намерением (to the effect) продемонстрировать, что в центре каждого характера наличествует - в реципрокном отношении друг к другу - определенная недостаточность мотивации (deficiency- motivation) и когнитивная ошибка (cognitive mistake) [\[16\]](#).

Данное исследование, дополненное психологической и психиатрической литературой, не нуждается в особом пояснении. Единственное, о чем мне хотелось бы здесь упомянуть, - я концентрировался на описательном материале (а не на умозрительном), и для каждого из типов личности, картированного энеа-граммой, я подыскал соответствующую документацию, хотя один из них впечатляюще отсутствует в сегодняшней повсеместно используемой номенклатуре DSM-III, а другой отражен чрезвычайно скудно в перечне личностных расстройств. В идеологический проект по мере написания книги все шире входило систематическое объяснение соответствия энеатипов психологическим типам в юнговской типологии (восемь типов в изначальной юнговской схеме и описание типических респондентов в отношении к опроснику, созданному на базе юнговских понятий).

С самого начала я считал, что из данной работы следует исключить этиологические вопросы, переадресовав их в другую последующую

публикацию в силу тех обстоятельств, что большая часть моих многочисленных записей по техническим причинам оказалась слишком сложной для перевода с кассет на бумагу и у меня нет возможности анализировать данные самоотчетов, в них содержащиеся. До некоторой степени это компенсируется тем, что за последние десять лет мне пришлось выслушивать порядка двухсот различных жизненных историй ежегодно. Возможно, мне следует извиниться за отсутствие у меня каких-либо попыток обсуждать обширный материал психоаналитических предположений по данному вопросу. Ограниченный интерес в связи с этим объясняется не только наличием других жизненных задач, но также и согласием с позицией Петерфрюнда (Peterfreund), согласно которой психоаналитические взгляды на детство и младенчество - «взросломорфны» (adultomorphic) [\[17\]](#).

Уже будучи законченной, первоначальная рукопись включала обзор типов личности в отдельном разделе литературы, посвященном описанию характера от момента, предшествовавшего появлению научной психологии, до сегодняшнего дня. Но в настоящем варианте я упростил изложение и убрал ретроспективные диагнозы и комментарии Теофраста, Ла-Брюйера и др. для последующих публикаций.

Традиционный акцент на точке зрения, согласно которой когнитивная ошибка является изначальной сутью личности в устной традиции Среднего Востока, предвосхищает и противостоит всевозрастающему вниманию к когнитивному фокусу в современной психологии - в работах таких авторов, как George Klein и Shapiro, Ellis и Beck. Из личной уверенности относительно важности когнитивной области я уделил особое внимание вопросу защитных механизмов (т. е. избранным способам поддержки бессознательного), которые можно было бы рассматривать как взаимозависимые с различными межличностными стилями, а также поиску когнитивной формулировки самой межличностной стратегии. Я также утверждаю, что каждый характер вызывает особую «метафизическую иллюзию»: неверную предпосылку (assumption) в отношении к бытию - или, более точно, к возможности или обещанию бытия, что и будет продемонстрировано в нижеследующих главах.

Помимо психодинамических связей, показанных в каждой главе, между «управляющей страстью», центральной (core) стратегией и

другими подструктурами я намечаю общий план успешной стратегии экзистенциальной интерпретации характера, а через него - эскиз теории невротизма как поиска и утраты бытия.

В этой книге я обсуждаю предмет иллюзий в соединении с вопросом «онтической обскурации» («ontic obscuration») [18]: каким образом «нехватка или недостача бытия» («Being scarcity») переживается в каждом из «психологических адов», насколько индивид ответственен за ее (нехватку) поддержание и каким образом утрата бытия удерживается в каждом случае вводящей в заблуждение жажды бытия, которая ищет свой объект не в бытии, а во внешности: не там, где оно может быть найдено, а где верится, что оно есть, ввиду самообманчивой подмены, миража, иллюзии, ловушки...

Обусловленная личность ведет к организменному вмешательству (organismic interference), организменное вмешательство ведет к утрате переживания бытия, утрата переживания бытия ведет к иллюзиям, «страстям» и сохранению навсегда обусловленной личности, и так далее, и тому подобное.

Выполняя этот последний анализ, я следовал руководству Гантрипа [19], который утверждал, что точно так же, как кейнзианский психотический уровень интерпретации лежит в основании соответствующей психодинамики (в которой либидо есть непосредственно источник интерпретации), мы должны искать более глубокий «винникоттовский» или экзистенциальный уровень, который осознает «утрату самости» или «слабость эго» как более глубокий слой (уро- BeHb=stratum), нежели оральное, анальное или генитальное (т. е. биологическое) либидо.

Гантрип говорит, что, когда он показал Фэрбэрну в 1957 году черновой набросок своей статьи «О слабости эго» (On Ego Weakness), Фэрбэрн сказал: «Я рад, что вы это написали. Если бы я сейчас мог писать, то это как раз та самая проблема, которую мне следовало бы изложить на бумаге». Однако здоровье Фэрбэрна покинуло его, прежде чем он смог полностью исследовать, как он сам того желал, заявление одного пациента: «Я добрался до основания скалы, где я чувствую, что совсем не имею эго». Демонстрируя, что вся психопатология поддерживается единым скелетом специфической характерологической структуры и что каждый характер вдохновляется (одушевляется) особым «страстным» мотивом, утверждая, что девять страстей

составляют, как и многие пути поиска бытия (взаимозависимые с многими иллюзиями относительно бытия), сохраняющуюся всегда онто- ческую обскурацию (помрачение), я чувствую, что осуществил заветную мечту Фэрбэрна.

Через исследование утраты бытия или самости как сердцевины характера я увидел, что книга в своем развитии выходит за пределы трактата по типам характера и становится всесторонней доктриной. Утверждение, что вся психопатология влечет за собой «экзистенциальный вакуум», помрачение (*obscuration*) бытия, в котором этот «вакуум» поддерживается, и помрачение, сохраняемое экзистенциальным вакуумом, влечет за собой очевидное заключение: неотделимость процесса просвещения от исцеления наших межличностных болезней.

Когда во время диктовки я давал рабочее название книги, то назвал ее Структура характера и Динамика (в свете энеаграмм Сармуни). После завершения работы, однако, я подумал, что более подходящим названием будет Характер и Невроз, поскольку книга наполнена представлением о том, что сердцевиной невроза является характерологическое начало и, таким образом, полномасштабная теория характера включает и теорию невроза. Соответственно, я убежден, что при расшифровке структуры и динамики основных компонентов человеческого характера я имел дело (описательно, динамически и экзистенциально) со всей полнотой невротических стилей.

Нет необходимости говорить, что я не согласен с теми, кто продолжает рассматривать патологии характера как осложнения, и полностью поддерживаю утверждение Вильгельма Райха о том, что характер составляет базовый тип защиты (*fundamental mode of defense*). Я нахожу самое красноречивое выражение моей собственной убежденности в нижеследующих словах Хорни [\[20\]](#): «В психоаналитическом понятии неврозов имеет место смещение акцента: в то время как первоначально интерес фокусировался на драматизме симптоматической картины, то теперь все больше и больше осознается, что действительный источник этих психических расстройств лежит в нарушениях в области характера, что эти симптомы являются манифестным результатом конфликтующих характерологических черт и что без раскрытия и выправления (*straightening out*) структуры невротического характера мы не сможем вылечить невроз. При анализе

этих черт характера в огромном числе случаев поражает тот факт, что в заметном контрасте с расхождением симптоматических картин трудности характера неизменно сосредотачивались вокруг тех же самых базовых конфликтов».

Совсем недавно я получил удовольствие, встретив сходную установку в последней книге Давида Шапиро (Shapiro), где он говорит [\[21\]](#).

«Под этим термином я имею в виду, что невроз состоит не из ядерного конфликта внутри самой личности - скажем, как между отдельным бессознательным импульсом и защитой, - а из искажения всей личности. Невроз состоит из определенных ограниченных и конфликтопорождающих способов (путей), с помощью которых действует личность... определенных способов (путей), с помощью которых, как уже указывал раньше, личность противодействует самой себе. Я уже использовал термин невротический стиль в том же самом смысле. С этой точки зрения старые различия между „симптомом невроза" и „расстройством характера" исчезают; любой невроз - характерологичен».

По мере того как я надиктовывал главы этой книги, мысленно я обращался к трем категориям слушателей.

Во-первых, аудитория, изначально имевшаяся в виду, когда я вынашивал саму идею книги, представлялась мне состоящей из людей, для которых данная книга служила бы руководством по самоинсайту и являлась бы чем-то сродни дистанционному управлению (remote control) и расширением того вида работы, которую я вел в группах. Для этих читателей я написал отдельную дополнительную главу с предложениями о том, как применять полученную информацию в дальнейшей работе над собой.

Во-вторых, по мере того как я надиктовывал саму книгу, я обнаружил, что с особым интересом обращаюсь к теоретически мыслящим студентам, и, в третьих, меня интересуют читатели-психотерапевты. Я старался максимально избежать возможного читательского конфликта между профессионалами и широкой аудиторией любознательной публики, обращаясь и к тем и к другим с одной кафедры в одно и то же время, стремясь избежать излишней «академичности» с ее терминологией и - я делаю это сейчас - прося читате- лей-неспециалистов быть терпимыми, если некоторые из моих

цитат и библиографических ссылок покажутся им малоинтересными. Завершив работу, я чувствую удовлетворение от предвкушения, что она окажется интересной и питающей (nourishing) для читателей и что через них она послужит более полному и более обобщенному пониманию человеческого падения (fallenness) во времена, когда мы в этом крайне нуждаемся.

ХАРАКТЕР И НЕВРОЗ

Интегративное обозрение

ВВЕДЕНИЕ:

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА [\[22\]](#)

Как и любая область научного исследования, психология личности нуждается в дескриптивной модели или таксономии предмета своего изучения... таксономия позволяет исследователям изучать специфические области личностных характеристик... Кроме того, общепринятая таксономия в значительной степени облегчает накопление и передачу эмпирических сведений, предлагая стандартный словарь или номенклатуру... Почти каждый исследователь в этой области надеется, на том или ином уровне, оказаться тем, кто создаст структуру, способную превратить сегодняшний Вавилон в сообщество, говорящее на одном языке.

Оливер П. Джон
(Институт личности, Калифорнийский университет)

1. Взгляд на невроз, умопомрачение и характер

В данном разделе я буду обсуждать в общих чертах представление о личности, а также процесс, который можно назвать деградацией сознания, в узкоспециальном смысле обычно называемый «теорией

невроза», который находит отражение в религиозных традициях и, в частности, в мифических сказаниях об «изгнании из рая» (грехопадении). Я не буду в данном контексте делать различие между религиозным «изгнанием» сознания и психологическим процессом аномального развития («отклонения от истины»).

Прежде всего, позвольте мне обратить ваше внимание на то обстоятельство, что деградация сознания в конечном счете приводит к тому, что индивид не чувствует никаких изменений, т. е. не ощущает ни потерь, ни ограничений, ни неудачных попыток в реализации своего полного потенциала. Это падение настолько значительно, что ослепленное сознание начинает веровать в свою свободу. В восточных традициях в связи с этим часто проводится аналогия со спящим человеком, из которой видно, что разница между потенциальным бытием человека и его состоянием на данный момент соизмерима с разницей между обычным бодрствованием и сном.

Что касается деградации сознания, то, естественно, подразумевается, что процесс «падения» или «изгнания из рая» - это процесс сужения сознания или переход в состояние относительно бессознательное (relative unconsciousness). Кроме того, это «падение» не просто падение самого «сознания», но и соответственно деградация эмоциональной жизни и качества мотивации. Можно говорить о том, что наша психическая энергия течет совершенно по-разному в здоровом состоянии просветления и состоянии, которое принято считать «нормальным». Повторяя мысль Маслоу (Maslow), можно также сказать, что мотивация у полноценно функционирующего человека возникает из избытка и наполненности, в то время как при неоптимальном состоянии у мотиваций имеется оттенок «недостаточности» - качество, которое скорее можно описать как желание заполнить нехватку чего-то, нежели как дефицит общего удовлетворения.

Можно говорить о том, что различие между «высшим» и «низшим» состояниями заключается не только в разнице между переизбытком любви и нехваткой желаний. Существует еще более полная формулировка, которую мы находим у буддистов, объясняющих человеческое падение с точки зрения того, что символизируется как «три отравы». Треугольник, изображенный на рис. 1, представляет собой схему взаимозависимости между действующим (активным)

бессознательным (в буддистской терминологии оно часто называется неведением) и комплементарной парой противоположностей, составляющих альтернативные формы недостаточности мотивации: бессознательное, отвращение и влечение, тяга или стремление.

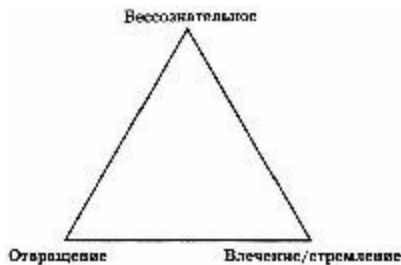

Рис. 1

Мы все знакомы с точкой зрения Фрейда, что в общем невроз является следствием вмешательства в инстинктивную жизнь. Фрейд утверждал, что основной причиной возникновения беспокойства ребенка по отношению к родителям является «либидонозная» фрустрация («libidinal» frustration), другими словами, вмешательство в ранние проявления его сексуальных желаний, направленных, главным образом, к родителю противоположного пола. Сегодня мало найдется людей, которые бы отстаивали это исходное положение психоанализа, и так называемая «теория либидо», мягко говоря, вызывает сомнения. Современные психоаналитики, такие как Фэйербэрн (Fairbairn) и Винникот (Winnicott), сходятся в том, что истоки невроза следует искать в недостатке материнской заботы и ласки, а если уж рассматривать эту проблему шире, то скорее в проблемах воспитания в семье. Сегодня многие считают, что большее значение имеет недостаток любви, нежели потревоженная инстинктивная сфера. По крайней мере, можно сказать, что ухудшение контакта и взаимоотношений имеет большее значение, чем прегенитальные или генитальные проявления сексуальности. Как бы там ни было, большая заслуга Фрейда заключается в понимании им того, что невроз - это всеобъемлющее явление и что он передается из поколения в поколение в процессе родительского воспитания. Во времена Фрейда такое утверждение, безусловно, было очень смелым, однако сегодня оно вполне очевидно.

Рассматривая некоторые религиозные свидетельства, такие как Евангелие от Иоанна, мы находим мысль о том, что истина пребывает в

мире, так сказать, перевернутой вверх дном: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». В традициях суфиев общепризнано, что «человек истины» также как бы «перевернут вверх ногами», а потому обычными людьми воспринимается как идиот. Однако, когда истина «распинается», это происходит не только с героями, но и в какой-то степени с каждым из нас.

Нетрудно представить, что все мы пострадали и подвергались - часто неосознанно - мучениям со стороны мира в нашем детстве и, таким образом, все мы являемся передаточным звеном в том, что Вильгельм Райх (Wilhelm Reich) называл «чумой эмоций», поражающей все общество. Такой взгляд присущ не только современным психоаналитикам, ибо бедствие, переходящее из поколения в поколение, известно с древних времен. Наша современность дает отражение сущности представления о «больном обществе», названном еще во времена древнеиндийской и древнегреческой цивилизаций «веком тьмы» и «калиюгой» (Kaliyuga) - веком великого упадка по сравнению с нашим первоначальным духовным состоянием.

Я не говорю, что материнское воспитание - это единственное необходимое условие, отцовское воспитание так же важно, как и прочие дальнейшие события, которые могут повлиять на наше будущее развитие. События раннего детства, такие как «травма рождения», могут иметь разрушающие последствия в развитии индивида. Совершенно ясно, что то, как происходит рождение ребенка в больницах, влечет за собой ненужный шок, и можно предположить, что ребенок, родившийся в полумраке, которого не хлопали по спине для стимуляции дыхания, должно быть, лучше подготовлен к оказанию сопротивления грядущим травмирующим событиям в своей дальнейшей жизни. Точно так же ребенок, получивший достаточно материнской ласки и опеки, наверняка лучше подготовлен к травмирующей ситуации, возникающей вследствие плохого отцовского воспитания и недостаточной заботы с его стороны.

Пользуясь метафорой Хорни (Ногпеу), можно сказать, что появляемся мы на этот свет подобно семени растения, в котором заложен определенный потенциал и которое инстинктивно ожидает от окружающей среды определенных условий, таких как плодородная земля, вода и солнце.

Эксперименты с шимпанзе, проведенные Харлоу несколько лет

назад, продемонстрировали, к примеру, что детеныш обезьяны нуждается не только в молоке, но и в чем-нибудь пушистом, чтобы иметь возможность прижаться к нему. Такой детеныш скорее станет нормальной взрослой обезьяной, если ему дать куклу обезьяны, изготовленную из махровой ткани, чем если ему дать искусственную маму, сделанную из проволоки, пусть даже она и имеет бутылочку, прикрепленную на груди.

Конечно, условия и требования для развития полноценного взрослого человека гораздо сложнее, и многое может пойти не так, как следовало бы. Другими словами, существует множество причин, исходя из которых родители предают свою любовь к детям. В одних случаях занятость родителей может перейти в невнимательность и запущенность по отношению к ребенку, а в других - чрезмерная опека взрослых может привести к недостатку у ребенка жизненного опыта. Иногда нежность может оказаться заслоненной чрезмерными проявлениями агрессивности и т. д.

Можно сказать, что изгнание из Эдема в этот нижний мир, выбранное самим человеком, и та личность, которую мы в результате отождествляем со словом «Я», - это есть способ существования, усвоенный нами для защиты собственной жизни и благополучия. Подобное приспособление осуществляется путем «регулировки», в широком смысле этого слова, и обычно основано на сопротивлении, а не на смирении.

Растущий ребенок, лишенный возможности удовлетворить свои потребности, вынуждается к тому, чтобы умело управлять, и с этой точки зрения можно сказать, что его характер представляет собой контрманипулятивный аппарат (counter-manipulative apparatus).

При таком положении дел ясно видно, что жизнью управляют не инстинкты, а ранняя адаптационная стратегия, которая конкурирует с инстинктом и вмещивается в «мудрость» организма в самом общем смысле этого слова. Постоянство такой ранней адаптационной стратегии объясняется болезненным фоном, на котором она возникла, и особым видом научения, поддерживающим ее: это не то научение, которое естественным путем появляется в развивающемся организме, а скорее вынужденное научение, характеризующееся особой фиксированностью и жесткостью, поскольку в непредвиденном случае индивид в своем поведении обращается за помощью к изначальной

ситуации. Можно сказать, что индивид не свободен в том, использовать или нет результаты своего нового научения, и «работает на автопилоте», приводя в действие определенную реакцию, не «советуясь» со своим разумом и не рассматривая творчески сложившуюся ситуацию. Именно эта фиксация (fixity) прошлых реакций и утрата способности действовать творчески в конкретный момент лучше всего характеризуют психопатологическое функционирование^

Несмотря на то что в целом тот вид псевдоадаптационного научения, который я описал выше, в духовной литературе принято называть «эго» или «личность» (personality) (в отличие от человеческой «души» или «сущности»), мне кажется, что будет уместно называть его также «характером».

Слово «характер» происходит от греческого «charaxo», что означает «выгравировать», и потому «характер» относится к тому, что в человеке постоянно, что выгравировано в нем и, следовательно, касается и поведения, и эмоциональности, и когнитивных схем (cognitive conditionings).

Несмотря на то что в психоанализе базисная модель невроза представлена как жизнь, основанная на инстинктах, очерченная активностью суперэго (super ego), привнесенной из внешнего мира, я предлагаю рассматривать основной конфликт, присутствующий в нас, как вмешательство в саморегулирование организма со стороны нашего характера. Именно в характере мы можем обнаружить суперэго с его ценностями и потребностями и контрсуперэго (counter-super-ego). Фритц Перле (Fritz Perls) называл это «побежденной стороной» (under-dog), которая является объектом потребностей и обвинений со стороны суперэго. Именно в этой «побежденной стороне» скрывается феноменологическое сходство с фрейдистским понятием «ид» (id), но тем не менее интерпретация жизненных влечений как инстинктивных вызывает сомнение. Нашим внутренним объектом торможения, появляющимся в результате укоренившейся тенденции к самоотречению и желания быть не такими, какие мы есть на самом деле, является не только инстинкт, но и наши невротические потребности. (Таким образом, можно - правда, весьма условно - считать, что влечение есть совокупность, состоящая из инстинктивных побуждений и побуждений невротического характера. - В. 3.) Различные виды дефицита (deficiency) мотивации, которую я предлагаю называть

нашими страстями (passions), для нас являются запрещенными ввиду присутствия в них аспектов жадности и ненависти.

Можно описать характер как совокупность характерных черт, одна часть которых является следствием желания быть похожим на родителей, а другая - наоборот - не похожим на них. (Многие из черт нашего характера тождественны с чертами одного из родителей, но в то же самое время противостоят чертам другого родителя.) Остальные черты характера можно рассматривать через призму более сложных адаптационных процессов и контрманипуляций. Однако характер - это не только хаотический набор черт, это сложная структура, которую можно представить как некое дерево (arborization), где отдельное поведение (discrete behaviours) является разновидностью общего поведения и где даже различные черты характера можно выразить через нечто более фундаментальное.

Суть основы характера, формулируемая мною здесь, двойственна по природе: ее можно рассматривать как аспект мотивации во взаимодействии со стремлением к познанию - или как отношение «страсти» к «фиксации». Соотношение главенствующей «страсти» и доминирующего когнитивного стиля в личности можно сравнить с двумя фокусами эллипса, и наше более раннее высказывание о противостоянии характера и природы можно развить далее, если говорить более подробно об этом процессе как о вмешательстве в инстинкты со стороны «страсти», при непрекращающемся воздействии вносящем искажения в познавательную деятельность.

Схема структуры психики, представленная на рис. 2, является графическим выражением воззрения на личность, предложенного Оскаром Ичазо (Oscar Ichazo) и во многом похожего на то, что разработано Гурджиевым. По мнению обоих, человеческая личность (имеется в виду ее характер) состоит из пяти «центров». Однако в зрелом человеке происходит пробуждение двух высших центров, называемых «высшим эмоциональным» и «высшим интеллектуальным». В то время как Гурджиев говорит о низшем или обычном интеллектуальном центре, о низшем центре чувств и о низшем двигательном центре, Ичазо часто называет этот двигательный центр «инстинктивным», и в соответствии с его пониманием этот инстинктивный центр делится на три части.

В наши дни теория Фрейда об инстинктивных началах поведения

(instinct theory of behavior) подверглась в психологии серьезной критике. Сначала появление этиологии породило стремление проводить различие между инстинктом как основополагающим мотивом в поведении животных (с его механизмами освобождения и почти неизменяемыми схемами выражений) и всем тем, что связано с инстинктами в жизни человека. Затем взгляды Адлера, Хорни и Клейн, а позже и теоретиков объект-отношений привели к тому, что часть психоаналитического мира отвернулась не только от фрейдовского биологизма, но и, в частности, от теории либидо [23]. Фритц Перле, которого можно рассматривать как современного фрейдиста, если учитывать его обучение у Райха, Хорни и Фенике-ля, в духе того времени заменил в своей концепции саморегуляции организма язык инстинктов на язык кибернетики.

Рис. 2

В отличие от тенденции принижать значимость инстинкта при интерпретации поведения человека взгляд, изложенный в данной статье, не только принимает во внимание теорию инс^тнктов, отводя инстинктам по меньшей мере треть всей психологии, но даже совпадает с воззрением психоаналитиков на невроз как на пертурбацию инстинкта и, наоборот, на выздоровление как на высвобождение инстинктов. В отличие от двух теорий инстинктов Фрейда, а также воззрений Долларда и Миллера (Dollard, Miller), рассматривающих поведение с точки зрения разнообразия стремлений, теория, предложенная нами, признает три основных инстинкта и влечения, составляющих основу всего многообразия человеческой мотивации (чисто духовная мотивация исключается): самосохранение, удовольствие и родственные

отношения. Мне кажется, что, хотя многие сегодня (например, гештальтисты) предпочитают пользоваться языком кибернетики и говорить, что невроз заключается в пертурбации саморегуляции организма, мало найдется таких, кто будет оспаривать огромное значение секса, самосохранения и родственных отношений и их центральную роль в определении поведения. И хотя при объяснении человеческой жизни Маркс подчеркивал важность первого (самосохранения), Фрейд - второго (удовольствия), а современные теоретики объектных отношений третьего (родственные отношения), мне кажется, что никто из них не сумел выработать четкую концепцию, охватывающую все три основных влечения.

В традиционных религиях область инстинктов безоговорочно отождествляется со сферой страстей. В отличие от этого наш взгляд на оптимальное ментальное состояние, как на состояние со свободным или высвобожденным инстинктом, подразумевает, что подлинный враг в «священной войне», традиционно представленный всем ложным и низшим, что есть в личности, находится не в самом человеке, а в сфере недостаточности (deficiency) мотивации. Таким образом, враг этот - побуждения «страсти», заражающие, оказывающие пагубное влияние, подавляющие и замещающие инстинкт (а также когнитивные аспекты эго, которые, в свою очередь, поддерживают эти страсти).

Из диаграммы видно, что функционирование когнитивных и эмоциональных аспектов личности представлено в двух альтернативных режимах в зависимости от уровня сознания, в то время как центр инстинктов представлен только одним режимом. Такое соотношение может вызывать сомнения, поскольку инстинкт также может быть выражен двумя контрастирующими способами: либо как инстинкт, ограниченный эго, либо как свободный, рассматриваемый принадлежащим к самой сущности ^[24].

Тот, кто знаком с употреблением понятия «сущность» в суфизме, поймет, что под данным словом подразумевается самая глубокая сторона человеческого сознания, существующая «в Боге», которая становится очевидной для индивида только после аннигиляции («fana»). Тем не менее может показаться, что такое определение «сущности» не совсем совпадает с представленной нами моделью сущности, состоящей из следующих абстрактных составляющих: сферы высшего интеллекта, высших чувств и инстинкта. Противоречия исчезают, если учитывать

различие между собственно сознанием и работой мозга в сознательном состоянии (в отличие от «эгоических» (egoic) состояний). При использовании «сущности» в подобном смысле надо быть осторожным, чтобы не материализовать (reify) сущность, и здесь я могу повторить то, что писал в работе «Структуры энеатипов»: «Самое большое различие, лежащее в основе психологии Четвертого Пути, которое я стремлюсь раскрыть, - это различие между „сущностью" и „личностью"; между реальным и обусловленным существованием; между высшим и низшим разумом. То, что Гурджиев называет личностью, Ичазо называет эго, скорее просто придерживаясь современного словоупотребления (смерть эго, трансцендентальное эго и т. п.), нежели общепринятого в современной психологии значения „эго". Различие это похоже на то, которое предлагает сегодня Винникот, т. е. между истинным „я" и ложным „я", и все же ошибочно считать сущность, душу, истинное „я" или „Атман" чем-то неизменным и имеющим строгое определение. О сущности следует говорить не как о вещи, а как о процессе, который лишен эго и имеет свободный способ „функционирования" интегрированной человеческой целостности (integrated human wholeness)» ^[25].

Следовательно, можно сделать вывод, что предложенная на рис. 2 схема будет полноценной только в том случае, если предположить, что она охватывает область центров личности и сущности, т. е. то пространство, которое обозначает сознание. Поскольку сознание, при котором существуют «низшие центры», деградировало, в измененной схеме на рис. 3 я специально закрасил его темным и, наоборот, три «высших центра» поместил в светлый круг, чтобы выразить понятие тройственности в единстве, характерное для Четвертого Пути и в общем для всей христианской религии.

Рис. 3

2. Характеры

Те, кто знаком с работой Гурджиева, должны знать, насколько важную роль в его подходе к «пробуждению» играет самопознание, заключающееся в стремлении раскрыть у самого себя «самое главное качество», т. е. ту всеобъемлющую характеристику личности, которую можно рассматривать как центральную (подобно тому, как Кеттелл и его соавторы представляют «изначальные черты (характера)», каждая из которых считается корневой основой «характерологического дерева»). Концепция, предлагаемая нами, идет еще дальше, не ограничиваясь фиксированным количеством «главных качеств», а утверждая, что их может быть столько, сколько существует основных синдромов личности. Кроме того, мы будем описывать два центральных свойства в каждой структуре характера: первое - это основное свойство, состоящее из особым образом искаженной реальности, т. е. «когнитивного дефекта», а второе заключается в природе мотивационной основы, т. е. «управляющей страсти» (ruling passion).

Можно предположить, что структура характера формируется определенными основными путями, которые ведут к относительному выдвигению вперед того или иного структурного аспекта нашего

менталитета. «Ментальный скелет» (mental skeleton), имеющийся у всех нас, можно представить в виде кристалла, который может по-разному распадаться на части, но все варианты этого распада определены заранее. Из этого следует, что любой индивид, несмотря на существование набора основных структурных качеств, в результате взаимодействия конституциональных и ситуативных факторов, остается с одним ярко выраженным качеством, а все другие отходят на задний план. Можно также провести аналогию с геометрической фигурой, лежащей на той или другой из своих сторон: все мы имеем личность с одинаковыми «сторонами», «ребрами» и «вершинами», но по-разному расположенными в пространстве.

В соответствии с данной концепцией существует девять основных разновидностей характеров (в отличие от трех у Шелдона, четырех темпераментов у Гиппократов, пяти биоэнергетических типов у Лоуэна и пятимерного пространства у некоторых факториалистов (factorialists)).

Каждый из этих девяти, в свою очередь, имеет три разновидности в зависимости от интенсивности стимулов самосохранения, половых и социальных стимулов (и наличия определенных черт, появляющихся вследствие вмешательства в инстинкт со стороны «страстей»), после чего он «регулируется» доминирующей страстью индивида) [26]. Существуют девять вариантов доминирующих страстей, каждый из которых связан с характерным когнитивным искажением (cognitive distortion), а также с одной или двумя-тремя ментальными характеристиками, ведущими происхождение из области инстинктов, о чем только что говорилось выше.

Девять характеров, рассматриваемых нами, представляют собой не просто собрание разных личностных типов и стилей, а скорее организованный набор структур характеров, упорядоченных на основе наблюдаемых контрастов, сходств и других взаимосвязей между ними. Эти связи представлены традиционной геометрической структурой, называемой энеграммой (enneagram) [27]. В соответствии с этим я буду пользоваться термином «энеатип», что будет означать «тип личности в соответствии с энеграммой».

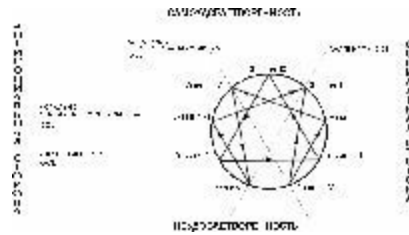

Рис. 4

Современная психология одержима идеей систематизировать все известные характерологические синдромы (characterological syndroms) в так называемую циркумплексную модель (circumplex model). «На протяжении тридцати с лишним последних лет различные исследователи стремились продемонстрировать, что структуру характерных черт в поведении личности можно лучше всего представить, используя „циркумплексную модель" [28]. Эта модель представляет собой градуированную окружность (см. рис. 5), на которой соседние характеры более всего схожи друг с другом, в то время как характеры, расположенные напротив друг друга, являются противоположностями. В отличие от этого в энеаграмме подчеркивается тройственная связь. Одна циркумплексная модель была предложена Леари (Leary) в соответствии с его межличностной системой (interpersonal system), а другая - Шафером (Schaefer) для систематизации результатов его исследований в области взаимоотношений родителей и детей. В 1963 году Лорр и Макнайр (Lorr, MacNair) сообщили о своем «круге межличностного поведения» (interpersonal behavior circle), который был получен при помощи факторного анализа заключений врачей о поведении индивидов и отображал девять групп переменных.

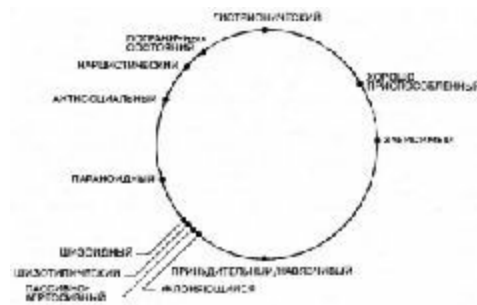

Рис. 5 Циркумплексная структура DSM III, ось II личностных расстройств, основанная на измерениях прямых совпадений и семантически дифференцированном сходстве профиля.

Помимо этих теоретически построенных циркумплексных моделей, Конт и Плутчик (Conte, Plutchik) продемонстрировали, что циркумплексная модель охватывает основную область межличностных качеств. Пользуясь двумя методами - анализом близких оценок терминов и факторным анализом семантически различающихся оценок терминов, они получили одинаковое эмпирическое распределение терминов по окружности при подстановке первых двух факторов. В последующих работах этих авторов исследовались диагностические понятия личностных расстройств по классификации DSM-II. Они обнаружили, что эти данные также можно представить в виде циркумплексной упорядоченности, подобно тому, что было получено в исследованиях 1967 года.

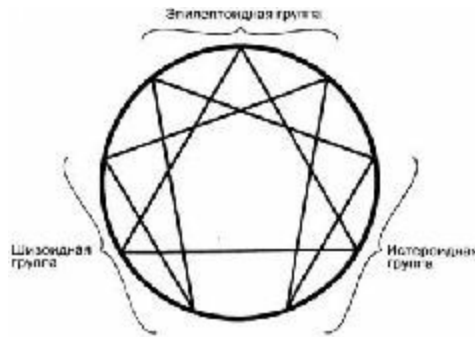

Рис. 6

Схема, приведенная на рис. 6, наверное, представляет собой наиболее убедительный пример циркумплексной модели. Она не противоречит размещению синдромов DSM-III на предыдущей диаграмме, но при этом разделена на три основные группы: группу шизоидов (schizoid group) со склонностью к мышлению (их я считаю энеатипами V, VI и VII), группу истероидов (hysteroid group) со склонностью к чувствам (энеатипы II, III и IV) и телесно-ориентированную группу (body build) (возможно, Кречмер назвал бы их эпилептоидами), конституционально занимающую самое нижнее положение в эктоморфии (ectomorphia) и ориентированную в основном на действие.

Теперь мы приступим к краткому описанию девяти основных характеров, придерживаясь принятой нумерации точек на окружности энеаграммы.

Первый тип личности (и конечно же, тип нервной системы) является одновременно злопамятным и доброжелательным, правильным и

формальным, в малой степени непосредственным и действующим скорее в соответствии с чувством долга, нежели для собственного удовлетворения. Люди этого типа требовательны, критично относятся к себе и другим, и я предпочитаю называть их перфекционистами, нежели применять к ним определения из психиатрии, хотя данный синдром соответствует в DSM-III личности, одержимой навязчивой идеей. Несмотря на то что для каждого энеатипа можно найти соответствующий медицинский синдром, каждый человек вместе с тем может рассматриваться как представитель того или иного типа личности, и каждого можно соотнести с конкретным уровнем из широкого диапазона - от психотического осложнения до трудно уловимых остатков детских привязанностей в историях о жизни святых.

Энеатип II, который в нашей нашей характерологии «Четвертого Пути» я охарактеризовал как парадокс эгоцентричного великодушия, соответствует гистрионической (histrionic) личности в классификации DSM-III. Представители данной группы обычно являются гедонистами (hedonists), беспечны и возмущаются всем, что ограничивает их свободу. Давно, когда я еще работал со своей первой группой в Беркли, один из слушателей, доктор Ларри Эфрон (Larry Efron), объединил все характеры из карикатур Вильяма Стейга (William Steig) в коллаж, который подарил мне на день рождения. В этом коллаже тип II представлен клоуноподобной фигурой, которая контрастирует с фигурой альпиниста на восхождении, представляющего трудолюбивый тип I, одержимый идеей.

Любопытно, что энеатип III не входит в классификацию DSM-III, несмотря на то что он является самым распространенным среди характеров американцев (как замечает Эрих Фромм, это происходит из-за преувеличенной в их жизни роли рынка). Я солидарен с Кернбергом (Kernberg) в его недовольстве по поводу невключения типа истеричной личности, отличающейся от гистрионической тем, что представитель данной группы не является непостоянным или непредсказуемым в своих эмоциональных реакциях, но обладает самоконтролем, а также известной преданностью и способностью к длительным эмоциональным напряжениям. Если бы термин истеричный не использовался в разговорном языке для обозначения чересчур впечатлительной и импульсивной личности типа IV, можно бы даже рекомендовать, чтобы

он включал в себя как истеричные, так и гистрионистические типы. Я считаю, что большая часть клинических примеров, приводимых Лоуэном в его книге «Нарциссизм», соответствует индивидам III типа. Однако слово «нарциссический» было также использовано Хорни для описания характера, но в противоположном значении, и потому оно не подходит для описания данного типа. Это является характерологической склонностью, замеченной Рисманом (Riesman), который говорил о ней с точки зрения направленности на другого. На энеаграмме карикатур тип III представлен врачом, что символизирует профессиональный успех и респектабельность, а также профессиональные знания. Индивиды типа III посредством своих достижений, социального положения, эффективности действий стремятся заслужить признание окружающих, они управляемы и в то же время могут управлять сами, потому являются обладателями одного из самых счастливых характеров на энеаграмме.

Тип IV в карикатуре Стейга представлен страдающей фигурой - жертвой жизненных обстоятельств и действий окружающих. Он соответствует самоуничтожительной личности в переработанной классификации DSM-III. А также, по определению Хорни, является мазохистским характером, которому свойственны отрицательное восприятие себя, предрасположенность к излишним страданиям, сильная зависимость от любви окружающих, хроническое чувство отверженности и тенденция к неудовлетворенности [\[29\]](#). Пародия на изоляцию в точке 5 соответствует диспозиции, которая может рассматриваться как межличностный стиль, способствующий поддержанию длительных отношений. Это соответствует шизоидной личности в классификации DSM-III и индивидам, которые практически не имеют связей с внешним миром, но при этом не чувствуют себя одинокими, стремятся свести свои потребности к минимуму, стеснительны и испытывают большие затруднения, если им необходимо выразить свое недовольство.

Воин, изображенный в точке 6, также символизирует чувство, весьма отличное от страха, но которое намекает на воинственность, возникающую по причине боязни власти и поддерживаемую стремлением избежать испытание страхом. Изображение воина является карикатурой, подходящей только для некоторых индивидов типа VI, не слишком слабых и трусливых. В энеатипе VI имеется множество

различных подтипов, так что он включает в себя не только личность, избегающую всего отрицательного, которая присутствует в классификации DSM-III, но также параноидов, представляющих другую форму настороженности и подозрительности - с большей одержимостью навязчивыми идеями. Последние будут описаны в отдельной главе.

Тип VII соответствует характеру, который описан Карлом Абрахамом как устно-восприимчивый (oral-receptive) и оптимистичный на словах (oral optimistic) и аналогией которому сегодня служит нарцисстический синдром из классификации DSM-III. Типичный представитель данного характера - это яркий пример беспечности и безразличия, демонстрирующий стремление к удовольствиям и к обладанию более четкой стратегией в жизни по сравнению с другими типами. Карикатурная фигура, изображенная в точке 7, имеет вместо головы нечто напоминающее провода, что символизирует уход от реальной действительности в фантазию путем построения различных планов и схем.

Тип VIII соответствует фаллически-нарцисстическому типу (phallic-narcissistic type) по определению Райха, а в наши дни представлен в классификации DSM-III антисоциальной и садистской личностями. Это человек, стремящийся к власти, господству, а также склонный к насилию. В точке 8 мы видим карикатуру человека, стоящего на возвышении, который собирается говорить с людьми сверху вниз, т. е. произносить торжественную речь своим властным голосом, при этом кривляясь и манерничая. Это присуще данному типу, хотя здесь и отсутствует проявление садистского поведения.

В точке 9 мы видим лениво сидящую человеческую фигуру, а весь рисунок - это олицетворение отдыха среди тенистых пальм на тропическом пляже. Несмотря на то что все описываемое подходит для изображения лени в ее обычном понимании, однако это не раскрывает психологическую лень человека, не желающего взглянуть на себя со стороны, и не является характеристикой безропотного приспособленчества типа IX. В классификации DSM-III тип IX соответствует зависимой личности, однако такое определение не совсем подходит, поскольку оно присуще нескольким типам личности и, как мне кажется, не является «ядром» структуры характера типа IX, который к тому же еще и покорно безропотен, нерасторопен, склонен к стадности в поведении и легко приспосабливается к внешним

обстоятельствам [\[30\]](#).

Мы не стали воспроизводить здесь описанный выше коллаж, состоящий из характеров, изображенных при помощи карикатур, поскольку их суть можно описать словами. Вместо этого мы предлагаем вам в качестве дополнительной информации выполненный Маргаритой Фернандез (Margarita Fernandez) рис. 7, который отражает определенные конституативные и мимические хаюактеоистики энеатипов.

Размещение характерологических синдромов вдоль окружности подразумевает, что между ними имеется некая легко читаемая взаимосвязь. Однако это взаимодействие не дает полного объяснения, поскольку соседние характеры еще и контрастируют друг с другом в некоторых отношениях. Например, тип I является непреклонным, а тип II - ненавидящим непреклонность; тип II импульсивен, в то время как тип III уравновешен. В свою очередь, тип III является веселым, тогда как тип IV - грустным. Тип IV - эмоциональный и верный, а тип V - интеллектуальный и отрешенный, и так далее. Однако, когда мы рассматриваем только область страстей, каждый тип может быть понят как гибрид двух соседних типов.

Вообще говоря, человек, имеющий сходство с одним из девяти типов характера, легко может себя узнать и в двух соседних типах на данной схеме. Таким образом, индивид типа III, чья жизнь направлена на то, чтобы угодить окружающим и добиваться успеха, может спроектировать свое жизненное поведение на типы II и IV, аналогично индивид энеатипа IV может воспринимать свои ощущения как фрустрацию, присущую типу III, или же интерпретировать свои чувства и действия в стиле «прилипалы» с ощущением истощенности, что свойственно шизоидному индивиду.

Рис. 7

Конечно, в целом жизнь человека и его переживания можно всегда соотнести с любой из девяти разновидностей характеров. Одним из центральных в психоаналитической теории является характер, при котором человек во всем видит опасность, - подобное качество вообще является самым распространенным. Очевидно, что не все случаи легко соотнести лишь с одним из характеров.

В то время как интерпретация, подчеркивающая значимость доминирующей страсти и когнитивной направленности, типичные для каждой обозначаемой на энеаграмме точки, является более всего подходящей, можно утверждать, что соседние точки в этом отношении стоят на втором месте - особенно это касается тех, которые расположены в углах центрального треугольника. Таким образом, обнаруживается, что интерес к собственному образу или нарциссизм проявляется здесь даже ярче, чем у шизоидного типа. Аналогично в случае энеатипа VII можно сказать, что данный характер, основанный преимущественно на страхе, относится к шизоидной группе [\[31\]](#). Однако он также прочно связан с мстительным характером такими чертами, как импульсивность, мятежность и гедонизм.

В противоположность этому энеатип VIII по существу склонен к лени (тип IX), несмотря на то что его свойство странного внутреннего отстранения прикрывается типичной энергией, направляемой индивидом на то, чтобы почувствовать в себе жизненные силы и избежать чувства обреченности из-за недостатка внутренней целостности.

Характеры, расположенные в VI и IX углах треугольника на энеаграмме, так же как и точка III, находятся между полярностями. Так, по правой стороне угла (IV-II) имеется полярность: грусть и веселье; по левой стороне угла (V-VII) - отстранение и выразительность, а в вершине угла (VIII-I) - аморальность, или антиморальность, и «напряженная» нравственность.

Отношения, обозначенные стрелками, соединяющими точки во внутреннем треугольнике на энеаграмме, а также остальные, соединяющие точки 1, 4, 2, 8, 7, 1, можно воспринимать как психодинамические отношения, если рассматривать энеаграмму как карту мозга индивидов, о чем будет говориться дальше, когда речь пойдет об энеаграмме страстей. Когда эта карта представляет набор характеров, ее можно использовать для того, чтобы выявить то скрытое, что присутствует в каждом предшествующем характере в представленной последовательности и что не является очевидным при рассмотрении энеаграммы страстей, указывающей на мотивационные склонности и приоритеты характеров (см. ниже).

Помимо связей между соседними типами и отношениями, выраженными линиями во «внутреннем потоке» энеаграммы, можно видеть также взаимоотношения между противоположностями на энеаграмме. Подобно тому, как типы I и V находятся на разных концах прямой линии, так же расположены и типы характеров VIII и IV и - вдоль горизонтальной оси - типы VII и II.

Поскольку и шизоидный, и обсессивно-компульсивный характеры в соответствии со взглядами Фрейда и Джонса можно вполне назвать «анальными» (anal), то и я буду называть ось I-V «анальной» осью на энеаграмме.

С другой стороны, ось IV-VIII я называю в честь Карла Абрахама «орально-агрессивной» (oral-aggressive) осью. Несмотря на то что подобное определение преимущественно давалось разочарованному и жалующемуся типу, свойства энеатипа VIII также заслуживают такого названия [\[32\]](#).

По аналогии ось II-VII я называю «словесно-восприимчивой» (oral-receptive). Хотя, по правде говоря, возможно, тип VII и больше других соответствует оральному оптимисту (oral optimist) в абрахамовском понимании, тем не менее гистрионик в равной степени является словесно-восприимчивым, а не только «эдиповым».

В противоположность характерам, описанным выше, энеа- типы VI и III можно назвать фаллическими (phallic), поскольку все, кроме контрфобического типа VI, можно также рассматривать как подавленно-фаллические (inhibited-phallic), в то время как тип III в своей напыщенности (cockiness) представляет форму конверсивной, «возбужденной» версии фаллической предрасположенности.

Я ничего не сказал об энеатипе IX относительно тех последствий, которые могут быть вызваны прегенитальными синдромами и ранними генитальными ориентациями. Это тот характер, который лучше всего может быть назван псевдогенитальным, так как в большинстве случаев он выглядит менее патологичным, чем другие, по существу - хорошо приспособленным, удовлетворенным, любящим и трудолюбивым. Это тот тип, который имитирует умственное здоровье (то есть то, что само слово «генитальный» изначально и означало). Тип IX - это индивид, который повзрослел в трудных условиях слишком быстро, потеряв, таким образом, свое детство. Вместе с этой преждевременной зрелостью у индивида остается где-то в подсознании регрессивная тяга, более глубокая и архаичная, чем на прегенитальной стадии, - сильное желание оставаться в утробе матери и никогда не выходить оттуда. Типы I и VIII являются на энеаграмме зеркальным отражением друг друга относительно точки IX. Я их охарактеризовал как аморальный и чрезмерно придерживающийся морали, когда говорил о характерах, примыкающих к типу IX, однако к этому еще стоит добавить, что в остальном оба располагают достаточно высокой активностью. Подобным образом и энеатипы V и IV, находящиеся в нижней части энеаграммы, контрастируют друг с другом (их можно назвать впечатлительным и флегматичным), но тем не менее у них есть и сходства: мягкость характера, сверхчувствительность и отстраненная замкнутость. Энеатип II и энеатип VII, которые мы представляли как два вида словесно-восприимчивого характера, можно рассматривать как третью пару (две другие пары составляют типы I-VIII и V-IV), если исходить из того, что им в большей степени присуща экспрессивность (нежели активность и замкнутость).

В общем, можно отдельно рассматривать правую и левую стороны энеаграммы, симметрично расположенные относительно точки 9, и при этом заметить, что правая сторона имеет социальную окраску, а левая - антисоциальную. Или, другими словами, правая сторона содержит

больше привлекательности и соблазна, а левая - возмущения и сопротивления. Я не сомневаюсь, что, по крайней мере на Западе, на левой стороне преобладает мужской пол, а на правой - женский, хотя в некоторых типах характеров существует более дифференцированное соотношение полов. Несмотря на то что типы I и III более распространены среди женского пола, по количеству женщин, обладающих характерами данных типов, они уступают типам II и IV. На левой стороне самый мужской характер - VIII.

Наблюдается резкий контраст между характерами в парах VII-IV и V-II. В первом случае - это контраст между веселым и грустным характером, во втором - между холодностью отчужденности и теплотой близости.

И наконец, можно наблюдать контраст между верхней и нижней частями энеаграммы. В то время как тип IX, расположенный в верхней части, максимально выражает то, что я называю «оборонительной экстраверсией» (defensive extraversion), т. е. стремление уклониться от внутреннего самосозерцания, которое всегда сопровождается самоудовлетворенностью, нижняя часть энеаграммы максимально выражает внутреннюю направленность и неудовлетворенность. Можно сказать, что представители нижней части энеаграммы никогда не чувствуют себя достаточно хорошо или вполне удовлетворенными, их взгляд на себя полон противоречий и проблем, и внешний мир смотрит на них как на патологию. В то же время тип IX характеризует индивида, который вряд ли будет создавать проблемы самому себе или казаться другим ненормальным. Общим свойством, связывающим тип IX с типами VI и V, является склонность к депрессии, а основная характерная черта характеров типа IX и IV - собственно сама депрессия

^[33]. Энеатип V также страдает депрессией, выражающейся в апатии и вечном недовольстве, однако наиболее заметное сходство между типами IX и V заключается в покорности и смирении: в типе V - это смирение с отказом от отношений с внешним миром, а в типе IX - без отказа (смирение и покорность в соучастии), что придает характеру оттенок самоотречения.

3. Динамическая основа невроза

Исходя из того, что ухудшение эмоционального настроения вызывается скрытым вмешательством со стороны когнитивного расстройства (фиксации), я теперь перейду к рассмотрению этой сферы страстей, т. е. сферы основных, мотивированных дефицитом побуждений, движущих психикой. Будет логично начать именно с них, поскольку традиционно считается, что они являются самыми ранними проявлениями процесса «падения» (fallenness) в период детства. Несмотря на то что преобладание того или иного из этих настроений можно наблюдать в ребенке уже в возрасте между 5 и 7 годами, тем не менее только после семи лет (стадия, хорошо изученная исследователями-психологами, начиная от Гесселя (Gesell) и кончая Пиаже) в нем формируется когнитивная основа для конкретного эмоционального настроения.

Слово «страсть» с давних пор имеет второе значение - «болезнь». В своей работе «Антропология» Кант говорит: «Эмоции напоминают воду, которая пробила плотину, а страсть - поток, который делает дно все глубже и глубже. Эмоции подобны опьянению, после которого хочется спать, страсть же - вроде болезни, причиной которой является плохая конституция человека или отравление».

Мне кажется, что одна из причин, вследствие которых страсть рассматривается как нечто нездоровое, заключается в том, что она зачастую сопровождается страданием и разрушением. Можно сказать, что страсти являются разными проявлениями одной основной «недостаточной мотивации». Употребление терминологии Маслоу не должно, однако, служить поводом для игнорирования психоаналитического понимания данного термина: страсти можно рассматривать как результат того, что во взрослых людях остается много таких настроений, которые были усвоены ими в период грудного возраста.

Слово «страсть» подходит для соотнесения с низшими эмоциями не только потому, что последние неразрывно связаны со страданием (пафосом), но еще и потому, что оно имеет отношение к пассивности. Можно говорить о том, что мы все подвержены воздействию страстей скорее в роли пассивных «агентов», нежели свободных, как утверждал Аристотель относительно добродетельного поведения и как утверждает современная психология о психическом здоровье. Религиозные традиции в большинстве своем единодушны относительно потенциального «неведения» в области страстей, что стало возможным

благодаря интуитивному пониманию трансцендентного ^[34]. Если рассматривать энеаграмму страстей на рис. 8, то можно заметить, что три из них (в точках 9, 6 и 3) занимают более близкие к центру позиции, чем остальные. Кроме того, поскольку в построении энеаграммы присутствует некий символизм - аналогия со ступенями и интервалами в музыкальном ладе, то верхнюю точку, где находится психодуховная леность (psychospiritual laziness), можно считать самой главной страстью - нотой «до» для всех страстей.

Рис. 8. Энеаграмма страстей

Тот факт, что все три психические состояния расположены в вершинах треугольника на энеаграмме страстей, позволяет представить их в качестве краеугольных камней всего здания эмоций, различные состояния которых объясняются осуществляемым в разных пропорциях взаимодействием между тремя основными состояниями.

Можно отметить, что выдвижение психологической инертности как основы невроза напоминает представление об обучающей теории неврозов в форме обуславливания (conditioning), в то время как другие две точки во внутреннем треугольнике напоминают взгляды Фрейда на невроз как на трансформацию страхов детства, а также воззрения экзистенциалистов, рассматривающих ложное бытие и «плохую веру» как основу патологии.

Соединения между тремя точками, образующими стороны треугольника, символизируют психодинамические связи, где каждая страсть лежит в основании последующей при выборе направления против часовой стрелки. Если мы станем читать эту психодинамическую последовательность, начиная сверху, то сможем сделать вывод, что отсутствие чувства бытия 'под которым подразумевается психологическая инертность или «роботизация» лениности) лишает индивида основы его действий, повергая его в состояние страха. Поскольку в жизни нам приходится как-то действовать, невзирая на страхи, мы пытаемся разрешить это противоречие тем, что начинаем действовать от лица ложного «Я», хотя следовало бы быть похрабрее и становиться теми, кто мы есть на самом деле. Затем мы создаем себе маску для общения с миром, которую и будут отождествлять с нашей личностью. В зависимости от той степени, в которой мы практикуем такой подход, мы все больше забываем, кто же мы есть на самом деле, мы увековечиваем само онтическое помрачение (ontic obscuration), которое, в свою очередь, вызывает страхи, и так далее, удерживая нас в этом порочном круге.

Точно так же, как стороны «внутреннего треугольника» обозначают психодинамические связи между психическими состояниями, отмеченными точками девять-шесть-три-девять (в указанной последовательности), линии, соединяющие остальные точки, подобным же образом обозначают психодинамические отношения, где каждая страсть может рассматриваться как основанная на предыдущей.

Рассмотрим «гордость». Легко заметить, что выражение гордости у индивида включает в себе попытку компенсировать неполноценность во взгляде на самого себя. Гордые люди, как правило, страдают от подавленности и чувства собственной неполноценности, что является доминирующим в зависти. В свою очередь, для зависти характерен «гнев», сопровождаемый психологическим саморазрушением. В то же

время человек с раздражительным и дисциплинированным характером, возможно, будет защищать себя от словесно-восприимчивого, избалованного и нетребовательного к себе настроения «обжорства».

Энеатип VII, обладающий выразительностью, способностью убеждать и обаянием, в свою очередь, является противоположным по отношению к косноязычию энеатипа V, и в то же время можно предположить, что он является результатом компенсации дефицита ложной самоизбыточности, как это было в случае трансформации «зависти» в «гордость». Тип V, или шизоидный характер, вроде бы является полной противоположностью конфликтному, импульсивному, грубому и агрессивному характеру типа VIII (его характеристика - «сладострастие» и непослушание), и все же можно понять, что отчуждение от людей и мира как альтернативная форма выражения мстительности является решением-защитой не дарить никому свою любовь и вычеркнуть другого человека из своей жизни. И наконец, когда мы рассматриваем жесткий, задиристый и чрезмерно мужественный характер энеатипа VIII, мы опять-таки находим, что он является прямой противоположностью нежному, чувствительному и чрезмерно женственному гистрионическому типу II. Однако «сладострастие» можно рассматривать как возвышенную и преобразованную «гордость», где зависимость не только отрицается, но трансформируется в хищное, эксплуататорское и подавляющее отношение к окружающим.

Что же касается связей между соседними страстями на энеаграмме, то каждую страсть можно рассматривать как гибрид двух соседних. Таким образом, «гордость» можно рассматривать как гибрид тщеславия (чрезмерной озабоченности собственной персоной) и «гнева», где «гнев» подразумевает самоуверенное самовозвышение над окружающими. «Зависть», в свою очередь, можно представить как гибрид «тщеславия» и ощущения крайней скупости, причем такая комбинация вызывает чувство невозможности соответствовать требованиям тщеславия.

Вместо того чтобы предложить вам описание страстей (что я намерен сделать в последующих главах в ходе рассмотрения характерологической предрасположенности к доминирующей страсти), я только хочу подчеркнуть, что нам необходимо вернуться к исходному пониманию традиционных слов. «Гнев», к примеру, будет

использоваться в нашем контексте скорее как внутреннее и основополагающее сопротивление перед лицом реальности, нежели как вспыльчивая раздражительность. Под «сладострастием» подразумевается не только половое влечение или даже склонность к наслаждению - это стремление к избытку или избыточной страсти, и сексуальное удовлетворение является лишь одним из многих путей его достижения. Аналогично «обжорство» понимается не в узком смысле пристрастия к еде, но в предрасположенности к гедонизму и ненасытности. «Жадность» может включать, а может и не включать в себя общепринятый буквальный смысл и будет означать трусость и алчность, являясь альтернативой привязанности к сладострастию, обжорству, зависти и другим эмоциям.

Несмотря на то что из графического представления энеаграммы страстей вытекает, что в каждом человеке присутствуют девять основных форм недостаточной мотивации, как система взаимосвязанных составляющих, тем не менее взгляд на характер, изложенный в данной книге, предполагает дополнительный постулат: в каждом индивиде одна из страстей является доминирующей. В отличие от некоторых христианских богословов, говорящих об определенной иерархии смертных (основных) грехов, а также по контрасту с точкой зрения современной психологии, что сами характеры (в которых различные ментальные состояния наиболее четко выделены) проявляются не только из разных стадий развития, но оказываются более или менее вызывающими опасение или патологическими, нежели другие, - этот «Четвертый Путь» убеждает нас, что все страсти равноценны как в этико-теологическом, так и в прогностическом смыслах. Это означает, что, в то время как некоторые характеры более успешно, чем другие, поддаются лечению с помощью современной психотерапии, путь преобразования для разных индивидов с точки зрения применения традиционных подходов к работе над собой и медитации не является, по большому счету, лучшим или худшим.

4. Типы когнитивного искажения

Несмотря на то что слово «фиксация» не предполагает того значения, которое имелось в виду Фрейдом, тем не менее оно приводит

к мысли, что именно когнитивное искажение является причиной нашего торможения: каждая фиксация возникает в результате рационализации соответствующей страсти. Хотя страсти и являются основой психопатологии, откуда возникает сфера фиксаций, тем не менее, в соответствии с нашей сегодняшней точкой зрения, именно фиксации лежат в основании страстей.

Ичазо определил фиксации как особые когнитивные дефекты, как грани ведущей к заблуждениям системы в эго, но названия, которые он им присвоил, отражают в одних случаях те же понятия, что и доминирующие страсти, а в других случаях - связанные с ними характеристики, которые не соответствуют его же собственному определению. На рис. 9 я привел энеаграмму фиксаций, данную в соответствии со взглядами Ичазо, которая взята из сборника Тарта «Трансперсональная психология» (автор статьи Лилли) [\[35\]](#).

Рис. 9

Можно заметить, что «негодование» в точке 1 означает почти то же самое, что «гнев», а в точке 2 «лесть» в основном касается самообольщения, которое неотделимо от «гордости» в процессе ее самовозвеличивания. Что же касается точки 3, то здесь Ичазо действительно наделил свои определения существенно иным смысловым значением в отношении к эмоциональным и когнитивным аспектам характера. Тем не менее мне кажется сомнительным и стремление Ичазо добиться достижений и успехов в области фиксаций, и его уход от эмоциональной области страстей [\[36\]](#). В «Менделеевской» (Mendelejeffian) классификации, предложенной в «Арике» (Arice), где термины начинаются с «эго» и содержат первые несколько букв из

фиксаций, термин «эго- мелан» («ego-melan») имеет значение, отличающееся от «зависти», поскольку он направлен на мазохистский аспект у рассматриваемого характера - поиск любви и внимания через усиление боли и беспомощности. Однако в точке 5 предложенное слово «скарденность» опять-таки не выходит за пределы понятия «жадность». То же самое можно сказать и о точке 6, поскольку «трусость» не дает нам существенно большей информации, чем страсть «страх». Хотя «трусость» и означает «страх перед лицом страха», я предпочитаю рассматривать обвинение окружающих и особенно самообвинение в качестве создающих главную когнитивную проблему для энеатипа VI, о чем мы будем говорить подробнее в соответствующей главе.

Когда мне впервые довелось услышать лекции Ичазо о про-тоанализе, читавшиеся в Институте прикладной психологии (Instituto de Psicologia Aplicada), то он там употреблял по отношению к фиксации в точке 7 слово «sharlataneria», по-испански означающее «шарлатанство». Позже, обращаясь к англоязычной аудитории, он определил данную личность как «эго- план» (ego-plan). Планирование выражает тенденцию типа VII жить в создаваемых им проектах и фантазиях и заменять действительность воображением;

Говоря об «эго-мести» (ego-venge), Ичазо вновь указывает на характерологическую предрасположенность, которую можно рассматривать как основную для соответствующего типа, и предоставляет нам дополнительную информацию о «сладострастии»: энеатип VIII является не только «дионисий-ским» и страстным, но к тому же еще жестоким и доминирующим; носителем предубеждения, что жизнь является борьбой, в которой побеждает только сила.

Что касается точки 9, где Ичазо употребляет слово «эго-ин» (ego-in) по отношению к праздности, то это понятие совпадает с «леностью» - словом, используемым для доминирующей страсти. Если леность понимать как психодуховную инертность, такую, как автоматизация жизни и потеря самосозерцания, тогда жизненную стратегию энеатипа IX, безусловно, можно рассматривать как чрезмерный уклон в сторону адаптации и самоотречения.

Если подобрать для фиксаций другие названия, исходя из тождества, провозглашенного Ичазо, между ними и «главным качеством» каждого типа характера, то акценты несколько смещаются. Названия, приведенные на рис. 10, подходят для обоих определений «фиксации»:

они подходят для определения наиболее яркого качества, соответствующей структуры характера, и в то же время представляются неотделимыми от когнитивной деятельности.

Таким образом, «притворство» (более уместное в данном контексте, чем «хитрость») включает в себя самообман и притворство перед другими и, помимо этого, когнитивную путаницу (беспорядочность) в вопросе о том, что утверждается и что является истинным. В случае с «мстительностью» также имеется ссылка на главное качество энеатипа VIII - «наказуемость», и одновременно на подразумеваемую мысль о том, что это выражается в попытке исправить прошлое через возмездие или боль в настоящем.

Рис. 10. Пересмотренные главные черты

Ложное великодушие и удовлетворенность энеатипа II также можно рассматривать и как главное качество, и как когнитивное заблуждение в человеке, склонном к обману. То же самое можно сказать и относительно свойства энеатипа IV расстраиваться из-за самого себя, которое проявляется в том, что человек видит только свои недостатки и не ощущает того, что в нем действительно есть. В энеатипе V «отчужденность» неотделима от убеждения, что «все лучше делать одному».

Несмотря на то что девять качеств, предложенных выше, возможно, составляют основу характеров и могут быть рассмотрены с когнитивной точки зрения, мне кажется, что необходимо более детально поговорить о предположениях, ценностях и предубеждениях каждого из характеров.

Можно говорить о том, что любой тип характера, который формируется на основе страстей, отчасти содержит в себе идеализацию; некий невыраженный взгляд на то, как надо жить. Иногда в процессе

психотерапии удастся воспроизвести в памяти человека какой-то период жизни, когда им было принято решение мстить, никогда больше не любить, жить в одиночестве, никому не верить и т. п. Даже когда это удастся, все равно мы можем выявить еще множество предубеждений, которые принимаются человеком с тех пор как истинные и которые, возможно, тоже весьма сомнительны, а также предубеждения, появившиеся в детском возрасте из-за боли или паники, которые тоже необходимо принимать во внимание (об этом пишет Эллис (Ellis) в своей работе «Рационально-эмотивная терапия» (Rational - Emotive Therapy)).

Можно говорить о том, что каждый когнитивный стиль формируется под влиянием характеристик, описанных в вышеприведенной энеаграмме главных качеств или фиксаций, однако в рамках этого когнитивного стиля существуют и другие предположения, которые мы не учитываем, так как считаем само собой разумеющимися, но каждое из которых искажает восприятие и создает предпосылки для ложных суждений в обыденной жизни (на что указывает Бэк (Beck) в своей концепции автоматизации мышления). Ниже, в качестве примера, я привожу список типичных предубеждений, которые могут быть связаны с энеатипами.

Индивид типа I считает, что не стоит доверяться естественным порывам, что все должно контролироваться разумом и что долг превышает удовольствие. Действительно, существует тенденция рассматривать удовольствие в качестве отрицательной ценности, поскольку оно мешает в осуществлении того, что мы обязаны сделать. К тому же представления индивида о правильном и хорошем являются полностью авторитарными, в том смысле, что они не исходят из жизненного опыта данного индивида.

В типе II заложена идея вседозволенности во имя любви (подобно тому, как это имело место в известной пьесе Ибсена «Кукольный дом» (Ibsen's «The Doll House»), в которой героиня никак не может понять, что, подписывая чеки именем своего умирающего отца, она наносит ущерб банку, хотя и делает это с благими намерениями). Для этого типа характерно убеждение в том, что эмоции важнее мысли, и следовательно, если случается конфликт между этими сферами, то мышление игнорируется. В своем поведении такой человек также исходит из того, что в жизни надо быть соблазнителем и что в ней

дозволено манипулировать людьми по своему усмотрению. Помимо того, что он или она с гордостью ощущают себя особенными, они вследствие этого считают, что заслуживают особых привилегий и внимания. Эта предрасположенность скорее всего не отражается в сознании индивида, но тем не менее может быть чрезвычайно важной, и ее можно выразить следующей фразой: «Они не справятся без меня». Мое внимание недавно было привлечено к данному вопросу одним моим знакомым, который по возвращении к нормальной жизни после духовного уединения рассказал о том, насколько он был потрясен открытием того, что жизнь продолжалась без изменений в его отсутствие. Другими словами, он не был незаменимым, и не было никакой катастрофы из-за того, что он удалился от мира на некоторое время и не мог просвещать всех своими высказываниями.

Для типа III характерно считать, что мир - это театр и что все в нем притворяются. Конечно, в действительности притворство - это единственный путь к успеху. Естественный вывод, который можно сделать из этого, состоит в том, что не следует проявлять свои истинные чувства. По аналогии с предыдущим типом, такой подход можно выразить фразой: «У меня не должно быть никаких проблем». Такая установка может проистекать, с одной стороны, из представлений о том, что наличие проблем делает общение не столь приятным, а с другой - вследствие преувеличения данным индивидом необходимости быть приятным для окружающих. Как мне кажется, более распространено ошибочное предположение о том, что мерилom ценностей является успех. Поэтому то, что дорого в нашем мире, имеет объективную ценность и, следовательно, не может не цениться. Другая составляющая черта индивида типа III - это беспомощность, которая лежит в основе его оптимизма. В индивиде присутствует ощущение того, что он на гребне успеха, так как, по его мнению, при отсутствии такой позиции дела не будут идти успешно. Более того, данный индивид считает, что без этого он не найдет себя в жизни.

Мне кажется, что самая сумасшедшая идея, присутствующая в типе IV, заключена в вере в то, что, вспоминая и сетуя на прошлое, можно изменить его. Этому типу необходимо понять, что не стоит плакать над разбитым корытом. Данный тип также имеет предубеждение, что, чем больше он страдает, тем скорее приобретет право быть любимым, вследствие чего происходит идеализация страданий (чем больше я

страдаю, тем я благороднее). На самой поверхности здесь лежит предубеждение индивида, состоящее в том, что он хуже остальных, а это неотделимо от присутствия зависти. Он также может считать, что жизнь «у него в долгу» за перенесенные им страдания.

Типичное убеждение энеатипа V можно выразить фразой: «Все лучше делать одному». Он убежден, что, чем меньше обязательств перед окружающими, тем больше возможностей для свободы и счастья, и что эгоизм движет людьми в их мнимой любви. Он также считает, что лучше сберечь свою энергию или ресурсы ради будущей, более привлекательной перспективы и что щедрость приводит к тому, что человек остается ни с чем. Еще одно убеждение энеатипа V заключается в том, что лучше иметь небольшие потребности, чтобы быть независимым от других.

Некоторые из самых очевидных предубеждений энеатипа VI взяты из определенных производных типажей. Например, индивида преследует мысль о том, что ему не справиться самому, своими силами или что только власть (как противоположность фобии) поможет ему в этом. Однако самое главное предубеждение заключается в том, что людям не следует доверять и не стоит прислушиваться к своей интуиции и желаниям. Значение власти преувеличено данным типом, но при этом вовсе не обязательно, что она воспринимается только как добро - обычно как нечто амбивалентное - и хорошее, и плохое одновременно.

Энеатипу VII в чрезмерной степени присуще убеждение, что у него и у окружающих «все в порядке». Этот оптимистический настрой сопоставим с пессимистическим настроением типа IV. Для самопотворствующей личности этого типа, по большому счету, нет ничего запретного, поскольку присутствует убеждение, что власть - это зло и что умный человек может делать все, что ему захочется. Такой индивид также считает, что ему многое дозволено в силу его таланта и, более того, что единственный путь к успеху лежит через собственное обаяние.

Жизнь - это борьба, в которой побеждают и добиваются успеха только сильные, - вот убеждение энеатипа VIII. Залог успеха - бесстрашие и умение рисковать. Индивид данного типа превозносит значение силы и не признает слабости, вследствие чего он переоценивает собственные возможности и отвергает всякую помощь.

Энеатип VIII считает, что можно причинять страдания другим ради достижения собственного счастья, поскольку придет время и настанет его очередь страдать ради других. Он убежден, что если чего-то хочется, то этого надо добиваться, невзирая ни на какие препятствия. Он уверен, что все то, что люди называют добродетелью, на самом деле является лицемерием. Его враг - общественные законы и создаваемые ими препятствия, и он считает, что действовать надо по велению собственных порывов.

Приспособленческий энеатип IX убежден, что, чем меньше конфликтов, тем лучше, и что вообще лучше не размышлять слишком много во избежание страданий. Уклонение от конфликтов выливается в тенденцию к подчинению и одобрению консервативной идеологии. Однако на более глубоком и, соответственно, менее рациональном уровне в данном индивиде присутствует мысль, что лучше сделаться нечувствительным и подавить в себе всякую энергию, нежели рисковать с опасностью для жизни. Запрет на эгоизм присутствует в нем не только на уровне чувств, но и на интеллектуальном уровне. Индивид убежден, что плохо быть эгоистичным и что необходимо уступать потребностям окружающих. Девизом типа IX могло бы быть выражение: «Не раскачивай лодку» (Do not rock the boat).

Несмотря на то что каждый межличностный стиль обладает определенным когнитивным настроением - предубеждением, что именно так нужно жить, - тем не менее я считаю, что на этом анализ когнитивного аспекта в каждом типе личности не исчерпывается. Как я уже упоминал в предисловии к данной книге, помимо фиксаций и защитных механизмов мы будем исследовать то, что я называю «иллюзии», т. е. метафизические заблуждения и неверные концепции существования.

Свою позицию, разъясняемую мной в разделах, озаглавленных «Экзистенциальная психодинамика», я назвал «Насреддиновская теория невроза» по ассоциации с известным анекдотом о том, как Ходжа Насреддин потерял ключи.

В нем рассказывается, как Насреддин ползал на четвереньках в поисках чего-то по одному из проходов на рыночной площади. Своему другу он объяснил, что ищет утерянные ключи от своего дома. Они продолжили поиск вдвоем. По прошествии немалого времени и безуспешных поисков его друг решился спросить у Насреддина: «Ты

уверен, что потерял их здесь?» На что тот ответил: «Нет, я совершенно уверен, что потерял их около дома». - «Тогда почему ты ищешь их в этом месте?» - спросил друг. «Потому что здесь гораздо больше света!» - объяснил Насреддин.

Основная идея данной книги заключается в том, что мы ищем «ключи» не там, где их надо искать. Что является «ключом» к нашей свободе и конечной самореализации? В книге я называю это бытием (Being), хотя справедливости ради необходимо заметить, что и этот термин является слишком ограниченным. Мы можем говорить, что мы есть, но мы еще не имели опыта бытия. И напротив, чем с большим усердием мы исследуем наш жизненный опыт, тем больше в его основе мы обнаруживаем чувство недостаточности, пустоты и несущественности происходящего, недостатка собственного Я или бытия. Я убежден, что именно из-за этой нехватки в осознанном ощущении бытия и вытекает «недостаточная мотивация» - основа всего древа либидо.

Невротическое либидо - это не эрос, как предполагал Фрейд. Эрос - это изобилие, а «недостаточность» - поиск изобилия и нормальной мотивации. Понятие «либидо» включает в себя «страсть», а страсти, охватывающие сферу мотивации невроза, являются лишь отдаленными «производными инстинктов». Если быть более точным, то они являются выражением стремления к восполнению ощущения бытия, утерянного из-за вмешательства в организм [\[37\]](#).

Можно предположить, что существует первоначальная психодинамика во время формирования характера в детстве, а также поддерживающая психодинамика во взрослом возрасте, и я утверждаю, что они не идентичны. В то время как первоначальная психодинамика представляет собой ответную реакцию на важнейший вопрос - быть или не быть любимым, а конкретнее - реакцию на межличностную фрустрацию, можно говорить о том, что не фрустрация в любви является главным элементом недостаточной мотивации во взрослом возрасте, а испытывание недостаточности, основанной на самоувековеченном онтичном (ontic) вакууме и соответствующей экзистенциальной самоинтерференции (existential self-interference).

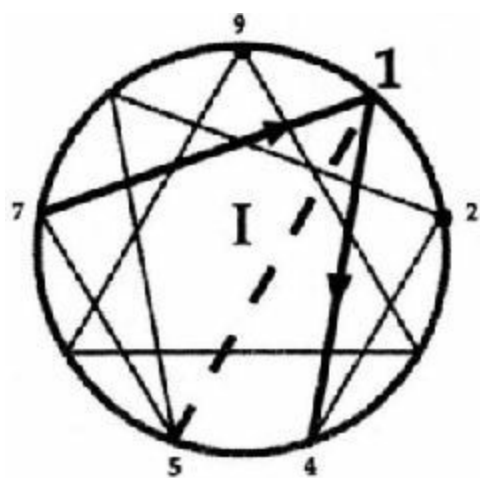
Гантрип, призывая к системному анализу всех характеров и к «поиску существования в неправильном месте», пишет следующее: «Теория психоанализа в течение длительного времени до появления эго-

психологии представляла собой исследования в замкнутом круге, без видимого центра. Исследования поэтому начинались с периферийных феноменов - с поведения, настроения, симптомов, конфликтов, ментальных механизмов, эротической направленности, агрессивности, страхов, комплексов вины, психических и психоневротических состояний, инстинктов и порывов, эrogenных зон, стадий взросления и так далее. Все это является очень важным и должно найти свое отражение в общей теории, но в реальности - это все вторичные вещи по сравнению с некоторым абсолютно фундаментальным фактором, коим является „ядро личности"».

Именно отсутствие такового «ядра», по моему мнению, является причиной всякой психопатологии [\[38\]](#). Такой фундаментальный фактор (недостаточная мотивация), расположенный в основании всех страстей, - это жажда бытия, существующего рука об руку с неясным постижением утраты бытия.

В данном пункте я хочу дополнить эту теорию, добавив, что «бытия» нет там, где нам это кажется, и «бытие» можно найти только совершенно необычным способом - через принятие «небытия» и путешествие сквозь пустоту.

Естественно, для рассмотрения основы здоровой личности я предпочел скорее говорить о «бытии» или «ощущении бытия», чем об «эго» или «подлинности эго», а для рассмотрения основы невроза - об «онтической недостаточности» (ontic deficiency) или «онтичном помрачении» (ontic obscuration), чем пользоваться терминами Лэнга (Laing) - «онтичная ненадежность» (ontic insecurity) или Гантрипа «слабость эго» (ego weakness), которые оба направлены скорее на определенные оттенки (как в случае энеатипа VI) более универсальной концепции.

Глава 1

Воинствующая добродетель (гнев и перфекционизм)

Энеатип I

1. Сущность типа, номенклатура и место в энеаграмме

«Мы можем различить три вида гнева, - говорит Фома Аквинский в своих *Questiones Disputatae*, - во-первых, гнев, таящийся в сердце (*Ira Cordis*), во-вторых, гнев, изливающийся в словах (*Ira Locutionis*), и, в-третьих, гнев, проявляющийся в действиях (*Ira Actiones*)». Эта классификация навряд ли будет соответствовать той характеристике перфекционистского типа, которую мы дадим здесь. Да, гнев, скрываемый в сердце, прежде всего в виде негодования, характерен для этого типа, однако не в такой степени, как для похотливого, завистливого или трусоватого типа. Что до словесного проявления, то для гневного типа в большой степени характерен самоконтроль в выражении гнева в любой из его форм: мы имеем в данном случае дело с хорошо воспитанным, цивилизованным типом человека, для которого не характерны спонтанные поступки. Что же касается выражения гнева в действиях, этот вид гнева, действительно, характерен для энеатипа I, однако представители этого типа выражают его бессознательно и не столько для себя, сколько для других, так как делают они это вполне рационально, - фактически, многое в характере этого типа можно объяснить как реакцию против гнева: отрицание деструктивности взвешенным доброжелательным отношением.

Определение гнева Оскара Ичазо как «вызов реальности» обладает

тем достоинством, что в нем гнев рассматривается как нечто более основательное, нежели просто чувство или проявление эмоции. Однако, возможно, имеет смысл с самого начала указать, что наименование «гневный тип» навряд ли отвечает типичным психологическим характеристикам рассматриваемого типа личности, характерными чертами которого являются скорее критическое отношение и требовательность, нежели осознанные ненависть и грубость. Ичазо называет этот тип «эго-негодующим» (ego-resent), что представляется более точным определением эмоционального характера данного типа, характера, склонного скорее к протесту и настойчивой требовательности, чем просто к раздражительности. В начале своей педагогической деятельности я называл фиксацию этого характера «намеренным стремлением к добродетельности», а позднее стал называть ее «перфекционизмом». Этот термин, как мне кажется, дает возможность передать типичное для данного характера отвержение того, что существует на самом деле, с заменой на ощущаемое и на то, что, по мнению его носителей, должно быть.

Христианские авторы, разделявшие убеждение, что гнев является смертным грехом, т. е. одним из основных психологических препятствий к истинной добродетели, не смогли, как мне кажется, в основной массе понять, что бессознательный гнев находит свое наиболее характерное выражение именно в обличье добродетели. Исключением представляется лишь Святой Иоанн, который в своей книге «Темная ночь души» с характерной точностью описывает грех ярости у новообращенных: «А есть и такие среди верующих, которые впадают в другую крайность духовного гнева: их возмущают грехи окружающих, и они наблюдают за ними с чувством трудно сдерживаемого возмущения. Временами их охватывает желание высказать свои гневные упреки, и иногда они заходят так далеко, что дают волю этому желанию и выставляют себя при этом хранителями добродетели. Все это противоречит религиозному смирению». Далее он добавляет: «Есть и другие, кто, видя собственное несовершенство, досадует на себя и проявляет нетерпение, противоречащее смирению. Такие люди настолько нетерпеливы, что готовы стать святыми за один день. Они намереваются многое совершить и принимают грандиозные решения, однако, поскольку в них нет смирения и осознания собственной ничтожности, то чем более великие планы они строят, тем

ниже их падение и больше их разочарование, ибо у них нет терпения дожидаться того, что Господь пожелает им даровать, если на то будет Его воля».

В целом это благодетельный и, возможно, даже сверхдобродетельный характер, возникший как защита против гнева и деструктивности. Однако было бы ошибкой представлять его как характер, склонный к ярости, ибо, напротив, для него свойствен сверхконтролируемый и сверхцивилизованный стиль общения. Поразительной чертой этого характера является его оппозиционность как по отношению к другим людям, так и по отношению к переживаемому ими опыту в целом. В то время как любую форму характера можно рассматривать как преодоление инстинкта, наиболее удивительной чертой этого характера является его антиинстинктивная ориентация. Хорошим названием для этого характера (названием, применение которого не ограничивается узким спектром умственного здоровья) является перфекционизм, ибо, хотя и представители других типов могут не без оснований называть себя «перфекционистами», в рассматриваемом типе одержимость совершенством является наиболее выделяющейся (характерной) чертой. Проявлением этого перфекционизма является навязчивая идея исправления того, что ухудшает их жизнь и жизнь других людей, а также их ограниченное понимание совершенства как результата сопоставления того, что происходит вокруг, с заранее установленным кодексом ценностей, стандартов, идей, вкусов, правил и т.д.

Перфекционизм является иллюстрацией не только того, что хорошее - враг лучшего (и что поиски лучшего являются врагом хорошего), но, можно сказать, создает некий когнитивный уклон, дисбаланс между преданностью Долгу и желанием наслаждаться жизнью, между серьезностью и легкомыслием, между работой и игрой, между устремленностью зрелого человека и детской непосредственностью.

Вслед за использованием термина «перфекционист» я начал применять менее мудреное название - «гневная добродетель», название, имеющее то преимущество, что в нем отражены как эмоциональный (гневный) аспект этого типа, так и его когнитивный (перфекционистский) аспект.

Хотя я отдаю должное повторенному Эриксоном утверждению о том, что анальность является признаком автономности, возникающей в период, когда ребенок учится контролировать работу кишечника с

помощью сфинктера и ходить, я думаю, что Абрахам и Фрейд заслуживают уважения за то, что они впервые привлекли внимание к связи между запретом загрязнять свое тело и навязчивой чистоплотностью [\[39\]](#).

Гневный тип занимает на энеаграмме место не в шизоидном и не в истероидном углу, но в состоящей из трех характеров верхней группе, характерной чертой которых является «психологическая лень». Насколько мне позволяет судить мой опыт, хотя многие представители этого типа заявляют, что они относят себя к экстравертам, само это заявление говорит об отсутствии у них психологической проницательности или склонности к психологическому инсайту. Тот факт, что энеатип I находится на энеаграмме между IX и II типами, наводит на мысль о том, что перфекционистский характер не только «антиинтрасептивен» [\[40\]](#).

Обзор многих тысяч работ, опубликованных после 1960 года, показывает, что объектом наиболее пристального внимания специалистов является обсессивно-компульсивный тип личности. Это, возможно, связано с тем, что данный тип является наиболее четко очерченным и распознаваемым, однако я думаю, что с употреблением термина «ананкастический», который часто используется для обозначения обсессивно-компульсивного типа в Европе, связана некоторая путаница. Я считаю также, что термин синдром «анальной личности» употребляется в психоанализе в одних случаях по отношению к собственно обсессивно-компульсивному характеру, а в других - по отношению к более контролируемым обсессивно-подобным шизоидным индивидам [\[41\]](#).

Насколько я могу судить по собственному опыту, именно шизоидная личность чаще оказывается фоном для эго-дистонических obsessions и компульсий (навязчивостей и принуждений), а не обсессивный тип, в котором стремление к чистоте *per se* порядку является эго-синтонным [\[42\]](#).

2. Предшествующая научная литература о характере

Как я узнал из книги Курта Шнайдера «Психопатические личности» [\[43\]](#), именно Дж. Донат ввел в 1897 году понятие ананкастической личности. В начале 20-х годов Шнайдер пишет, что количество работ,

посвященных «обсессивному состоянию, почти необъятно», однако он не проводит четкого различия между тем, что до недавних пор называлось обсессивным неврозом [44], с одной стороны, и обсессивной личностью, с другой. Хотя не вызывает сомнения то, что он был знаком с тем, что мы имеем в виду под термином «перфекционист», и что, когда он писал часть своей главы, посвященной «неустойчивому» (insecure [45]) типу, он подразумевал такой характер, - сам факт, что он рассматривал ананкастический тип наряду с «сенситивным», наводит на мысль, что он совершил ставшую впоследствии очевидной ошибку, связанную с понятием анальной личности, путая между нашим перфекционистом и шизоидом, у которых есть некоторые общие характеристики, но которые в других отношениях резко отличаются друг от друга.

При чтении того, что пишет фон Гебзаттель по поводу ананкастической личности [46], у меня сложилось впечатление, что он имеет в виду именно шизоидную форму, и это склоняет меня к выводу, что описанная выше путаница до сих пор продолжается. Поскольку ICD-IX [47], которая в некоторых странах до сих пор не вытеснена DSM-III, содержит классификацию личности Курта Шнайдера, уместно указать, что в этой классификации нет места для нашего понятия «перфекционистский», кроме, возможно, разновидности «неустойчивого типа». Хотя теоретически представляется допустимым, что излишняя формальность, может быть, является реакцией на более глубокую неустойчивость, эта терминология ведет к дальнейшей путанице, поскольку затемняется четкий контраст между способностью к самоутверждению того характера, который мы описали как энеатип I, и замкнутой нерешительностью энеатипа V как его антипода.

«Говоря об экспрессивной психологии ананкастического типа, следует сказать, что внешне его представители часто поражают нас своей чрезвычайной дотошностью, педантизмом, точностью и скрупулезностью».

Можно сказать, что рассматриваемый нами тип характера был первым типом личности, описанным в психологической литературе, когда Фрейд написал свой знаменитый очерк об анальном характере. Карл Абрахам воспринял идею Фрейда и развил ее дальше в своей работе, посвященной анальному характеру [48], которую он начинает с

краткого обобщения наблюдений Фрейда:

«Фрейд пишет, что у некоторых невротиков отмечаются три ярко выраженные черты характера, а именно: любовь к упорядоченности, которая часто превращается в педантизм; бережливость, которая легко переходит в скупость; и упрямство, которое может развиться в вызывающую злобность». К его оригинальным наблюдениям относится утверждение о том, что люди ярко выраженного анального характера обычно убеждены, что они все умеют делать лучше, чем другие: «они все должны делать сами».

Следующим важным вкладом в понимание синдрома энеатипа I были наблюдения Райха, который пишет [\[49\]](#): «Даже в тех случаях, где компульсивное невротическое чувство порядка не выражено у компульсивного характера, педантичное стремление к упорядоченности является для этого характера типичным».

«Как в малых, так и в больших вещах он руководствуется в своей жизни предвзятыми, неизменными принципами...» Кроме того, Райх указывает на наличие у них медленной, обстоятельной манеры мыслить, нерешительности, сомнений и недоверия, скрываемых под видом волевой сдержанности и самообладания. Он согласен с наблюдением Фрейда о том, что для этого типа характерна умеренность, особенно в форме бережливости, и разделяет его интерпретацию этого характера как имеющего в своей основе анальный эротизм. Однако более важным является его подчеркивание эмоциональной блокировки, которую можно рассматривать как оборотную сторону самообладания. «Он в той же мере не одобряет аффекты, в какой сам решительно неспособен к ним. Обычно это человек ровного характера, сдержанный в проявлениях как любви, так и ненависти. В некоторых случаях это может развиться в полную блокаду всякого проявления чувств».

Неудивительно, что Фрейд и другие авторы, говоря об анальном характере, чаще подчеркивают его скупость, нежели гнев, ибо сдержанность и бережливость проявляются как черты поведения, в то время как гнев в большинстве случаев выступает у рассматриваемого характера в виде бессознательного мотива. Однако, каким бы справедливым ни было утверждение, что склонность к экономии и накоплению может присутствовать у энеатипа I, я полагаю, что при обсуждении анального характера Фрейд, Абрахам и Райх неправомерно рассматривали вместе два различных синдрома (в нашей классификации

- энеатипы гнев и жадность), расположенные в противоположных частях энеаграммы, которые, однако, разделяют такие общие качества, как то, что они ведомы супер-эго, сдержаны и контролируемы ^[50].

Если термин «анальный характер» не лишен некоторой двусмысленности, то у Вильгельма Райха мы также находим описание личности, которое более точно соответствует нашему понятию «перфекционистский»: это его модель «аристократического характера», обсуждаемая в его «Анализе характера» в связи с некоторыми общими идеями относительно функции характера. Он описывает своего пациента как человека «с замкнутым выражением лица», серьезного и несколько высокомерного. «Обращала на себя внимание его широкая, размеренная походка», - пишет Райх. «Было очевидно, что он избегает - или скрывает - всякую ненависть или возбуждение... Его речь звучала грамотно и выразительно...» «Его обычные самообладание и утонченность не покидали его и во время сеансов, когда он лежал на кушетке...» «Возможно, не стоит придавать этому особого значения, но однажды я подумал, что для характеристики его облика хорошо подходит слово „аристократичный“», - комментирует Райх. «Я сказал ему, что своими манерами он напоминает мне английского лорда», - продолжает он, сообщая далее, что его пациент никогда не занимался онанизмом в период полового созревания и что защитой от сексуального возбуждения для него служил его аристократизм: «Человек благородный подобными вещами не занимается».

Синдром, который мы обсуждали выше, в американском справочнике ^[51] получил название компульсивного расстройства личности. Для диагностики этого типа справочник предлагает следующие признаки:

1. Сдержанность в проявлении эмоций (например, пациент выглядит напряженным, хмурым, неспособным расслабиться, выражение эмоций у него находится под строгим контролем).

2. Образ себя (self-image) как высокосознательной личности (например, такой человек считает себя трудолюбивым, надежным, знающим свое дело, ценит самодисциплину, осторожность и преданность).

3. Почтительность в общении с окружающими людьми (например, проявление особого пристрастия ко всякого рода собраниям, предпочтение формально-вежливых и корректных отношений с

людьми).

4. Сниженный когнитивный уровень (например, представление о мире такого индивида основывается на нерушимых правилах, предписаниях, иерархических отношениях, он не обладает богатым воображением, нерешителен, новые незнакомые идеи вызывают у него чувство тревоги).

5. Отсутствие гибкости в поведении (например, индивид придерживается твердо установленного, строго регламентированного, неизменного образа жизни, отдает предпочтение хорошо организованным, методичным и требующим тщательной скрупулезности видам работы).

Ниже приводится описание поведенческих характеристик компульсивной личности, сделанное Теодором Миллоном ^[52]:

«Поражает мрачный, безрадостный вид людей, страдающих компульсивным расстройством. Это не означает, что они неизменно пребывают в мрачном, удрученном настроении, имеется в виду, что для них вообще характерен строгий и серьезный вид. Их позы и движения отражают лежащую в основе характера скованность, строгий контроль над чувствами, которые держатся в суровой узде... Однако их социальное поведение может характеризоваться как вежливое и формальное. Они общаются с окружающими в строгом соответствии с рангом или статусом последних, то есть, в общем, для них характерна скорее авторитарная, нежели иквалитарная (equalitarian) манера поведения.

Последнее находит отражение в различии манеры их поведения по отношению к „вышестоящим" и „нижестоящим". Компульсивные личности с почтением относятся к вышестоящим, с ними они обаятельны и заискивающе любезны и делают все возможное, чтобы доказать им свою добросовестность и эффективность своей работы. Многие из них стремятся получить поощрение и одобрение своей деятельности. Эта манера поведения резко контрастирует с их отношением к подчиненным. Здесь они достаточно авторитарны и требовательны, часто высокомерны и выступают в роли ханжеских моралистов. Эта надменная, унижительная для собеседника манера используется ими как бы во имя выполнения определенного социального регламента, подчинения определенной табели о рангах. Они часто оправдывают свою агрессивность по отношению к

собеседнику, ссылаясь на определенные правила и вышестоящие авторитеты».

В своей книге «Невроз и личностный рост», являющейся обобщением ее клинического опыта, Карен Хорни объединяет в одну группу три типа характеров под общим названием «Характеры экспансивных решений». Она относит к этой группе тех, кто в начале своей жизни воспринял в качестве способа разрешения конфликтов стратегию «движение против» других (в отличие от ориентации тех, кто, надев на себя скрывающую лицо маску, приближается «к» другим; а также от тех кто в страхе удаляется «от» других). Одну из этих трех форм «решения через завоевание господства» (или «движения против») она называет «перфекционистской», и хотя Хорни описывает его, не ссылаясь на ранее описанные в литературе «анальный» и «компульсивный» типы, она вносит существенный вклад в психодинамическое понимание рассматриваемого синдрома. Хорни пишет [\[53\]](#):

«Этот тип ощущает собственное превосходство благодаря своим высоким стандартам, как моральным, так и интеллектуальным, и смотрит на других сверху вниз с высоты этих стандартов. Его высокомерное презрение к другим, хотя и неосознаваемое им самим, прячется за изысканно-вежливой дружелюбностью, поскольку его высокие принципы не позволяют ему испытывать такие „безнравственные" чувства, как высокомерие. Его способы решения проблемы невыполненных обязательств являются двойными. В отличие от нарцисстического типа, он действительно делает значительные усилия, чтобы соответствовать своим требованиям, выполняя наложенные на него обязанности, неизменно демонстрируя безукоризненные манеры, не говоря заведомой лжи и т.д. Говоря о перфекционисте, мы часто представляем себе человека, который во всем поддерживает безукоризненный порядок, в высшей степени педантичен и пунктуален, всегда умеет найти нужное слово или выбрать подходящий для костюма галстук или шляпу. Это лишь поверхностные аспекты его потребности достичь как можно более высокой ступени совершенства. Но значение имеют не эти мелкие детали, а безукоризненное совершенство всего его поведения в жизни. Однако, поскольку все, чего он может достичь, - это бихевиористское совершенство, возникает необходимость в еще одном психологическом

маневре. Это уравнивание в его сознании принципов и реальной жизни - уравнивание понятий: знать моральные ценности и быть высокоморальным человеком... Самообман, связанный с этим, скрыт от него еще и в силу того, что в отношениях с другими он часто настаивает на том, чтобы они фактически руководствовались в жизни его стандартами совершенства, и презирает их за то, что они этого не делают. Таким образом экстернализуется его собственное самоосуждение.

Стремясь получить подтверждение правильности его мнения о себе, он нуждается скорее в уважении со стороны окружающих, нежели в их рабском обожании (каковое он склонен презирать). Соответственно, его претензии основываются не на наивной вере в собственное величие, но, скорее, на своего рода „делке", которую он заключил с жизнью. Поскольку он правдив, честен, порядочен, он претендует на справедливое отношение к себе со стороны окружающих и со стороны самой жизни вообще. Это убеждение в том, что в жизни все совершается по неоспоримым законам справедливости, дает ему чувство превосходства. Его собственное совершенство, следовательно, является для него не только средством достичь превосходства над окружающими, но и средством контролировать жизнь. Мысль о незаслуженной судьбе, хорошей, равно как и плохой, чужда ему. Его собственный успех, процветание, хорошее здоровье, следовательно, являются для него в большей степени доказательством его добродетели, нежели тем, что придает радость жизни».

Рассматриваемый характер мы можем различить и в описанном Юнгом типе личности с экстравертным мышлением [\[54\]](#):

«Этот тип, по определению, представляет собой человека, постоянное стремление которого - разумеется, в той мере, в какой он является чистым представителем данного типа, - состоит в том, чтобы поставить все виды своей деятельности в зависимость от интеллектуальных заключений, всегда определяющихся, в конечном счете, объективными данными, будь это реальные факты или общепринятые идеи. Для людей этого типа характерно возвышение объективной реальности или объективно-ориентированной интеллектуальной формулы до уровня основополагающего принципа не только в отношении себя, но и в отношении всего его окружения. Исходя из этой формулы измеряются добро и зло, определяется, что

красиво, а что безобразно. Все, что соответствует этой формуле, - правильно, все, что ей противоречит, - неверно, а все, что никак с ней не соприкасается, является просто случайным. Поскольку кажется, что эта формула включает в себя и смысл жизни, она возводится в ранг универсального закона, который должен выполняться везде, в любой момент времени, как отдельными индивидами, так и коллективно. Точно так же, как человек с экстравертным типом мышления подчиняет себя этой формуле, ей должны повиноваться, ради их собственного блага, и все окружающие, ибо тот, кто ей не повинуется, поступает неправильно - он сопротивляется всеобщему закону, а следовательно, ведет себя неразумно, аморально и проявляет отсутствие сознательности. Моральный кодекс такого человека запрещает ему терпеть какие-либо исключения, его идеал должен реализовываться при любых обстоятельствах, ибо в его глазах это есть самое верное, какое только можно представить, отражение объективной реальности, в силу чего оно должно считаться универсально справедливой истиной, совершенно необходимой для спасения человечества. И все это не от великой любви к соседу, но исходя из возвышенных понятий истины и справедливости. Все, что не соответствует этой формуле в нем самом, есть лишь проявление несовершенства, случайная неудача, нечто, что подлежит устранению в дальнейшем, а если неудача произойдет еще раз, то это уже чисто патологическое явление. Если сострадание больным, несчастным или уродам вдруг станет одним из компонентов этой формулы, для всех организаций, больниц, тюрем, миссий и т.д. будут сделаны соответствующие указания или, по крайней мере, будут составлены обширные планы по выполнению данного требования.

Обычно мотивы истины и справедливости не являются достаточными для реального выполнения таких проектов, ибо для этого необходима и христианская благотворительность, а это уже затрагивает скорее сферу чувств, нежели область каких-либо интеллектуальных формул. Большую роль в этой программе играют глаголы „должен" и „следует". Если формула достаточно широка, этот тип может выполнять весьма полезную роль в жизни общества, выступая в качестве реформатора, прокурора, очистителя общественного сознания от вредных идей или пропагандиста важных нововведений. Но чем жестче формула, тем больше вероятность того, что он превратится в бюрократа, софиста или педанта, который будет пытаться насильно заставить

окружающих пойти за собой. Два описанных варианта являются противоположными полюсами, между которыми располагается основное большинство представителей данного типа».

В области тестовых применений юнгианской типологии наибольшее приближение к рассматриваемому характеру можно найти в типе «ESTJ» (экстраверты с преобладанием ощущения над интуицией, мышления над чувством, рассудительности над восприятием). Дэвид Кэрси (David Keirsey) и Мэрилен Бейтс (Marilyn Bates) считают, что наилучшим определением для этого типа является прилагательное «ответственный» (responsible) [\[55\]](#).

В области гомеопатической медицины картина личности, подобной энеатипу I, дается в связи с описанием индивидов, которым помогает лечение препаратом *Arsenicum* (мышьяк, его соединения). Так, в своей книге «Портреты гомеопатической медицины» Кэтрин Культер описывает личность пациента, подлежащего лечению *Arsenicum*, как «прежде всего перфекциониста» [\[56\]](#).

Она подробно описывает добросовестную и сознательную натуру детей, относящихся в этому типу.

Следствием перфекционизма является и принудительная привычка у некоторых взрослых переделывать заново то, что уже было сделано, никогда не удовлетворяясь достигнутым результатом, как в случае бесконечно переписывающего свои лекции профессора, испытывающего при этом ощущение, что он не готов прочесть лекцию. Все вышесказанное делает характер *Arsenicum* антитезой релаксации. Еще одним следствием перфекционизма является стремление к упорядоченности, а также самокритичность. Она также описывает сильную амбициозность этого типа, идущую нога в ногу с желанием везде оказаться лучше других.

Еще одно слово, которое Культер использует в описании типа *Arsenicum*, это его разборчивость - в применении к принудительной упорядоченности. Так, она пишет: «Этот тип проявляет необычайную привередливость, проявляющуюся в его нетерпимости ко всему неряшливому, в его раздражительности по поводу любого проявления неуклюжести, будь то упавшая на пол тарелка, опрокинутый стакан, кусок пищи, упавший на скатерть, независимо от того, виновен ли в этом кто-то из окружающих или он сам». Еще один аспект перфекционизма, упоминаемый при описании типа *Arsenicum*, это его

тщательность - «педантизм по отношению к пустякам», - пишет Кент. «Его работа всегда отличается особой тщательностью, завершенностью, в ней обнаруживается скрупулезное внимание к деталям».

Еще одной характерной особенностью энеатипа I, описанной в связи с типом *Arsenicum*, является его беспокойство, которое проявляется в его предчувствии неприятностей и суетливой пунктуальности, способствующим тому, что пациент является ведомой или ведущей личностью. Согласно Культер, предметом, часто вызывающим беспокойство у этого типа людей, являются деньги. «Независимо от того, является ли он человеком состоятельным или нет, он много думает о деньгах и много говорит о них, часто жалуясь на свою бедность или высокую стоимость жизни. Его любовь к деньгам сильнее, чем у большинства конституционных типов, и даже может переходить в «жадность».

Соответствует представлению об энеатипе I и описание *Arsenicum* как характера, стремящегося доминировать: «Он стремится занять ведущее положение в личных отношениях, определяя их близость и характер и не оставляя другим иного выбора, кроме как подчиниться ему. Доминирующий *Arsenicum* не может терпеть, когда руководить назначают кого-то другого, и всегда стремится принимать все решения сам...»

В своем описании типа *Arsenicum* Культер также отмечает его тенденцию к сверхинтеллектуализации, беспокойство по поводу того, «что стоит за каждым симптомом», и в плане здоровья доверие только своему собственному мнению, что «заставляет его недоверчиво относиться даже к тем, к чьей помощи он прибегает». Она сообщает, что, «в то время как многие конституционные типы не признают ограничений в диете... *Arsenicum* любит, когда ему предписывается диета, и будет фанатично следовать даже самому спартанскому режиму. Он не только испытывает удовольствие, выполняя самые причудливые указания, связанные с диетой, но и ощущает удовлетворение по поводу того, что необходимость специальной диеты подтверждает серьезность его недугов...»

Соответствие личности типа *Arsenicum* нашему энеатипу I становится еще более очевидным, благодаря приводимому Культер примеру, взятому из литературы - представительницей рассматриваемого типа она считает мисс Бэтси в романе Диккенса

«Давид Копперфильд», - «за резким, привередливым и временами устрашающим характером которой скрываются высокоразвитая деликатность и моральная целостность». Я вижу отражения энеатипа I не только в Arsenicum'e, но также и в типе

Carcinosin (средство, «применяемое при раке груди циррозного типа») в той мере, в какой, как указывает Культер, этот тип связывается с «пациентом, имеющим в анамнезе яркую историю чрезмерного родительского контроля и давления... или же с избыточным ощущением долга (Foubister)» [\[57\]](#). Поскольку Carcinosin также применяется для лечения пациентов, страдающих повышенным чувством ответственности, «озабоченных» (Tet- pleton) индивидов, то представляется вероятным, что здесь идет речь о подтипе энеатипа I, характеризующемся чрезмерным перфекционистским беспокойством (anxiety).

3. Структура черт характера

Ниже я предпринял попытку обрисовать структуру перфекционистского характера в терминах лежащих в его основе черт, которые оказалось возможным выделить через концептуальный анализ около ста семидесяти дескрипторов.

Гнев

Гнев более чем какая-либо другая черта может рассматриваться как общий эмоциональный фон и первоначальный корень структуры этого характера. Наиболее специфическим проявлением эмоционального переживания гнева является негодование, обычно испытываемое в связи с ощущением несправедливости, которое возникает как результат большей ответственности и более значительных усилий, предпринимаемых индивидом по сравнению с другими. Это чувство неотделимо от критического отношения к окружающим (или, по крайней мере, к тем из окружающих, которые занимают важное общественное положение) за то, что они проявляют меньшее рвение в работе, иногда такая позиция влечет за собой принятие им на себя роли мученика. Наиболее сильные вспышки гнева происходят тогда, когда

этот гнев рассматривается индивидом как имеющий для себя моральное оправдание, в таких случаях он может принимать форму яростного «праведного негодования».

Кроме того, гнев может присутствовать и в форме раздражения, морального осуждения или ненависти, в большей своей части не находящими выражения, поскольку осознанная деструктивность противоречит добродетельному самоимиджу этого типа. Мы можем сказать, однако, что помимо выражения гнева на эмоциональном уровне страсть к гневу пронизывает весь характер энеатипа I и является динамическим корнем его устремлений и отношений, которые мы обсуждаем в связи с остающимися пучками - критическое отношение к окружающим, требовательность, стремление доминировать, настойчивость, перфекционизм, повышенная способность контролировать себя, самокритичность, дисциплинированность.

Критическое отношение к окружающим

Если осознанный и открыто проявляемый гнев не всегда представляет собой одну из наиболее характерных черт этой личности, более распространенные черты этого типа могут рассматриваться как производные гнева или его эквиваленты. Одной из таких черт является критичность, которая проявляется не только в явной придирчивости к окружающим, но иногда создает вокруг него необъяснимую на первый взгляд атмосферу, заставляющую других ощущать в его присутствии неловкость или чувство вины. Критичность можно описать как интеллектуальный гнев, в большей или меньшей степени не осознающий свои мотивы. Я говорю так, потому что, даже если критическое отношение проявляется в контексте осознанного гнева, наиболее яркой чертой этой критичности является ощущение конструктивного намерения, желания сделать окружающих или себя лучше. Таким образом, гнев не только выражается интеллектуальной критичностью, но и оправдывается и рационализируется ею, и ею же отрицается.

Моральные упреки - это еще одна форма перфекционистского неодобрения, которая является не только выражением гнева, но и формой манипулирования, состоящей на службе бессознательной

требовательности к окружающим, в результате которой «Я хочу» трансформируется в «Ты должен». Под обвинением, таким образом, скрывается надежда повлиять на чье-то поведение таким образом, чтобы это способствовало исполнению желаний самого индивида.

Специфической формой критичности у энеатипа I является критичность, граничащая с этноцентризмом и другими формами предрассудков. Здесь имеют место «инквизиторское» очернение, приписывание неполноценности и желание «улучшить» тех, кто составляет чуждую им расу, национальность, класс, религию, общественную кампанию и т.д. (Проявляя механизм «авторитарной агрессии», описанный Адорно, Сэнфор- дом и др., по отношению к людям, обладающим властью в той же группе, они подавляют гнев, ингибируя или перемещая его в сторону тех, кто стоит ниже на иерархической лестнице, и особенно тех, кто не входит в группу индивида - последний и становится козлом Отпущения.)

Требовательность

Требовательность также может рассматриваться как проявление гнева: мстительная настойчивость в исполнении желаний как реакция на ранние разочарования. Наряду с собственно требовательностью в эту группу черт могут быть включены и другие характеристики, которые позволяют добиваться наибольших результатов как в плане подавления непосредственности и стремления к удовольствиям у других, так и в плане требования от них добросовестного и безукоризненного выполнения работы. Они склонны поучать и проповедовать, независимо от того, подходит ли им такая роль, хотя, впрочем, связанные с умением воздействовать на других качества могут найти себе применение в таких видах деятельности, как работа школьного учителя или проповедника.

Наряду с этой коррективной ориентацией, этим людям свойственно и стремление к контролю, и не только над людьми, но и над всем, что их окружает, и над собственной наружностью: представитель этого типа скорее всего предпочтет «формальный» сад, где растения высажены в строгом порядке, а деревья подстрижены так, чтобы придать им искусственную форму, а не тот, который передает даосистскую идею сложной органической взаимосвязи всего живого в природе.

Стремление доминировать

Хотя стремление доминировать неотъемлемо от интеллектуальной критичности, которая была бы так же бессмысленна вне контекста морального и интеллектуального авторитета, как неотъемлемо стремление доминировать от контрольно-требовательно-дисциплинарной характеристики (ибо как может последняя реализовываться без авторитарности), все-таки представляется уместным рассматривать доминирование как относительно независимую черту, охватывающую такие дескрипторы, как автократический (авторитарный) стиль поведения, самоуверенная настойчивость, основанная на чувстве собственного достоинства, осознание себя аристократической личностью и надменное, презрительное и, возможно, снисходительное и покровительственное отношение к окружающим.

Стремление доминировать также может рассматриваться как выражение или трансформация гнева, однако эта ориентация на достижение авторитетного положения предполагает как использование дополнительных стратегий, перечисленных выше, так и ощущение своего права на высокое положение в обществе, ощущение, основывающееся на собственных высоких стандартах, упорстве, соответствующем культурном и семейном фоне, интеллекте и т.д.

Перфекционизм

Весьма характерным, однако, является то, что стремление к власти у гневного типа предполагает одобрение моральной системы или человеческой иерархии, на которой покоится власть. Можно сказать, что перфекционист более склонен к признанию абстрактной власти норм и должностей, нежели к признанию конкретной власти определенных людей. «Люди обсессивного типа, - отмечает Миллон, - не только придерживаются общепринятых правил и обычаев, но и с энтузиазмом поддерживают и защищают их». Столь сильный интерес к принципам, моральным нормам и идеалам является не только выражением подчинения требованиям сильного суперэго, но, в личностном плане, инструментом манипулирования и доминирования,

ибо эти, с энтузиазмом защищаемые, нормы распространяются на других и, как отмечалось выше, служат прикрытием личных желаний и требований. Однако индивиды энеатипа I не только ориентированы на «закон и порядок» и сами послушно следуют установленным нормам, но и готовы подчиниться людям, занимающим общественное положение, которое дает право на безоговорочную власть.

Ярко выраженная ориентация на соблюдение норм и подчинение санкционированной власти обычно предполагает склонность к консерватизму или, выражаясь языком Дэвида Ризмена, тенденцию к «следованию традициям» (черта, присущая и энеатипу IX). Трудно разграничить (кроме, возможно, концептуального плана) два аспекта перфекционизма: ка- тексис идеальных стандартов, т.е. яростную защиту существующих норм, и «перфекционизм намерений», т.е. стремление к самосовершенствованию. Оба эти аспекта связаны с «добрыми намерениями» и поддерживают у индивида ощущение собственной благонравности, доброты и бескорыстия, не позволяя ему воспринимать себя на предсознательном уровне как сердитого, злобного и эгоистичного человека. (Среди дескрипторов, сгруппированных в данный кластер, находим такие, как «хороший мальчик/девочка», «паинька», «честный», «справедливый», «порядочный», «высокоморальный» и т.д.)

Компульсивная добродетель не только является следствием гнева как операции образования реакции, но и выражением гнева, направленного внутрь, ибо относиться к такому типу людей означает быть самому себе строгим критиком, полицейским и суровым судьей. Группу черт характера, имеющих отношение к чистоте и порядку и простирающихся от упорядоченности и чистоплотности до пуританства, можно также рассматривать как средство завоевать привязанность, используя собственные достоинства, и как результат эмоциональных переживаний, испытанных в детстве.

При лечении пациентов, относящихся к данному типу, весьма важно понять, какую услугу оказывает гневу перфекционизм, не давая распознать его. Говоря более подробно, перфекционизм поддерживает ощущаемое пациентом чувство своего предназначения и таким образом служит неосознанному выражению гнева в виде стремления доминировать, критичности и требовательности. В качестве парадигмы такой ситуации может служить образ крестоносца, который обязан

крушить черепа неверных в силу праведности своего дела и благородства намерений. Когда такой стратегический маневр достаточно ясен, можно говорить не только о «компульсивной» добродетели, но и о «гипокритической», ибо, хотя (как указывает Хорни) для перфекциониста и характерен определенный уровень честности, его обсессивная сконцентрированность на проблеме того, что правильно и что неверно, что хорошо и что плохо, влечет за собой бессознательную неискренность намерений.

Как следует из предшествующего анализа, психодинамическая связь между гневом и перфекционизмом оказывается обоюдоострой: точно так же, как мы можем утверждать, что стратегии самосовершенствования на ранних стадиях развития предшествует гнев и что в последующие периоды она подогревается неосознанным гневом, легко представить и как сам гнев постоянно возникает в результате самопротрации и связанных с межличностным общением раздражением и жесткостью, характерными для перфекциониста.

В то время как я сгруппировал под названием «перфекционизм» в одну группу черты, позволяющие людям принимать на себя роль матери или отца по отношению к другим, начиная от «любви к порядку», «законопослушания» и «ориентации на правила» и кончая такими чертами, как «стремление совершать хорошие поступки» и «воспитание чувства долга», я выделил в отдельную группу три другие черты - «умение контролировать свое поведение», «самокритичность» и «дисциплинированность». Эти черты стоят в том же отношении к перфекционизму, в каком «критичность», «требовательность» и «стремление доминировать» стоят по отношению к перфекционистскому гневу, направленному на других. Точно так же, как трудно отделить друг от друга критичность, требовательность и дисциплинированность - три характеристики, направленные на самого индивида, которые, можно сказать, образуют оборотную сторону перфекционизма, так же тесно связаны, являясь тремя гранями одного характера. Перфекционизм, наряду с гневом, может быть выделен как всепроникающий динамический фактор этого характера и как его основополагающая стратегия.

Умение контролировать себя

То, чем стремление доминировать - трансформация гнева - является по отношению к другим чертам, тем самоконтроль является по отношению к перфекционизму. Чрезмерный контроль над своим поведением идет рука об руку с характерной для этого типа жесткостью, чувством неловкости, недостатком непосредственности, с вытекающей отсюда неспособностью адекватно действовать в неожиданных ситуациях, в которых требуется импровизация. Кроме того, воздействие излишнего самоконтроля выходит за рамки внешнего поведения - он воздействует и на всю психологическую деятельность в целом, так что мышление становится излишне привязанным к правилам, т. е. излишне логичным и методическим, утрачивая творческие способности и интуицию. Контроль над чувствами, с другой стороны, ведет не только к блокировке эмоционального выражения, но даже и к отчуждению эмоциональных переживаний.

Самокритичность

То, чем критичность других является по отношению к гневу, тем самокритичность является по отношению к перфекционизму. Хотя самоуничижение может оказаться незаметным для стороннего наблюдателя и обычно прячется за фасадом добродетельного и полного достоинства облика, неспособность принять себя и процесс самоосуждения являются не только источником хронической эмоциональной протрации (как и неосознанного гнева), но и постоянно присутствующего психодинамического фона для свойственной перфекционистам потребности проявлять все большие усилия в погоне за уважением окружающих.

Дисциплинированность

То, чем недовольная требовательность является по отношению к гневу, тем же полная бессознательной ненависти эксплуататорская требовательность к себе является по отношению к перфекционизму. Кроме стремления творить добро, т. е. ориентации на коррекцию и моральные идеи, требовательность к себе подразумевает готовность трудиться за счет удовольствий, что делает индивидов типа I

трудолюбивыми и дисциплинированными, а также излишне серьезными людьми. И точно так же, как требовательность в межличностных отношениях содержит элемент мстительности, в отказе от удовольствий и от следования естественным импульсам можно различить элемент мазохизма, ибо помимо отказа от удовольствий в пользу выполнения долга индивид в большей или меньшей степени развивает пуританизм, противопоставляя себя удовольствиям и игре инстинктов.

4. Механизмы защиты

Существует достаточно единодушное мнение о наличии тесной связи между механизмами образования реакции, компенсации и снятия обсессивности. Все трое составляют варианты одной модели, состоящей в том, чтобы сделать что-то хорошее в качестве компенсации за то, что ощущается как плохое, и я намерен сконцентрироваться на образовании реакции, ибо компенсация и снятие обсессивности более специфически связаны с симптомами обсессивно-компульсивного невроза, в то время как образование реакции может рассматриваться как более универсальный процесс и из трех наиболее тесно связанный с обсессивной личностью или перфекционистским характером.

Понятие образования реакций было предложено Фрейдом еще в 1905 году в трех его очерках по сексуальной теории, где он замечает, что «противостоящие психические силы» возникают на службе подавления неприятных ощущений через мобилизацию «отвращения, скромности и морали». Как хорошо известно, его интерпретация предполагает, что стремлению загрязнять себя, наблюдаемому в анально-садистский период развития ребенка, противостоит отвращение, приводящее к чрезмерной озабоченности по поводу чистоплотности. Я думаю, что рассмотрение обсессивной личности позволяет предположить, что образование реакции состоит не только в том, чтобы компенсировать нечто через противоположное, но и в том, чтобы заставить себя забыть об определенных импульсах через действия противоположного рода. Даже если нельзя сказать, что оправданное моралью действие имеет целью отвлечь от мыслей о сексуальности и гневного бунта, мы можем сказать, что именно намерение, т. е. расположенность к действию, служит тому, чтобы

эмоции оставались неосознанными.

Мы можем сказать, что образование реакции лежит в основе ментальной операции, посредством которой психическая энергия гнева трансформируется в энергию обсессивной «устремленности». Более того, образование реакции может рассматриваться как процесс, указывающий на трансформацию ненасытности в гнев. Ибо потакание своим желаниям, характерное для ненасытности (алчности), является в высшей степени нехарактерным для перфекциониста, характеру которого менее всего свойственно потакание своим желаниям и который более всех других обладает «добродетельным аскетизмом».

Это не только пример подавления оральных пассивных потребностей в силу активного, полагающегося только на себя гнева, но и трансформация, ибо мы можем рассматривать гнев как альтернативный способ достижения удовлетворения все той же основополагающей потребности в любви - не через гедонистическую регрессию, но через агедонистическую прогрессию к раннему самоконтролю и повышенной толерантности к прострации. Гнев - это чувство, при котором ожидания настойчиво утверждаются, однако в то же время рационализируются в качестве законных требований, не являясь лишь отказом от оральных ожиданий, как это может показаться при поверхностном рассмотрении. Согласно этому анализу, образование реакции одновременно и порождает гнев, является защитным средством против его распознавания, помимо того, что оно представляет собой основополагающий механизм, лежащий в основе перфекционизма, морализма, сознательной благожелательности, «осуществляемой из лучших побуждений» критичности, агедонистической этики тяжелой работы и т.д.

5. Этиологические и другие психодинамические замечания ***[58]***

Я считаю, что, говоря в общем, индивиды энеатипа I обладают плотным телосложением и в основной массе являются эктопенически мезоэндоморфными [\[59\]](#).

Однако имеются исключения, в основном среди представителей социального подтипа, стремящегося к тому, чтобы выглядеть атлетично, но в то же время обладать стройностью) и гибкостью. Можно предположить, что агрессивность энеатипа I поддерживается соматотонией (somatotonia) в их врожденном темпераменте.

Фрейд, который впервые описал характер, обозначаемый нами как энеатип I, был также первым, кто сформулировал теорию, касающуюся его этиологии: теорию выработки чистоплотности, согласно которой повышенное стремление к аккуратности и упорядоченности, равно как и способность сдерживаться, у людей с «анальным типом личности» объясняются как результат ранних или чрезмерных требований к аккуратности в период приучения к чистоплотности и могут быть

поняты как попытка отрицать через сверхкомпенсацию злобное желание испачкать себя и отбросить самоконтроль. Дальнейшие наблюдения в психоанализе показали, что «сдерживающийся» индивид скрывает («орально-агрессивное») желание испачкать и отбросить контроль и защищается от запретного желания с помощью сверхкомпенсирующей, сверхформальной добродетельности.

В последующее время эта теория была пересмотрена Эрик-соном, который считает, что в качестве фокуса родительского сверхконтроля и неповиновения следует рассматривать не только фактор контроля сфинктера, но и фактор способности передвижения, приобретаемой в тот же самый период развития. Эриксон утверждает, что в основе обоих лежит проблема самостоятельности, которая утверждается или сверхутверждается. Я думаю, что мы можем пойти и дальше и утверждать с Фроммом, что эта, как и всякая другая ориентация личности, есть способ справиться с жизнью в целом, что она возникла в ответ на более широкую ситуацию, чем контроль сфинктера, - на обобщенную ситуацию чрезмерных требований и фрустрации в сфере самоутверждения. Я хочу привести цитату из сообщения, сделанного представителями энеатипа I, в котором они высказывают свой взгляд на происхождение данного типа личности: «Почти все мы согласны с тем, что очень рано приобрели чувство ответственности. Оно не было внушено нам, мы просто получили его. Мы получили его в возрасте около трех лет (вы знаете, что люди рано начинают запоминать то, что происходит с ними в детстве) и пронесли это чувство ответственности до девятилетнего возраста и затем, конечно, продолжали ощущать его и в юности, и во взрослой жизни. Я имею в виду, что мы всегда были теми, кто присматривал за детьми, кто заботился о том, чтобы они были накормлены и одеты и отправлены туда, где им полагается быть. Можно сказать, что в некотором смысле это означало в большей или меньшей степени брать на себя роль матери, при этом почти все мы старались получить какое-то признание, и как бы мы ни старались, как бы мы ни пытались быть хорошими, делая все эти вещи, желая заслужить похвалу и признание родителей, мы никогда не ощущали его».

Но даже принимая во внимание вышесказанное, мы можем продолжать говорить о ситуации с выработкой чистоплотности как о парадигматической и символической для данного типа характера, ибо перфекционист не только сформировался под влиянием жестких

требований стараться достичь желаемой модели поведения и как можно более полного контроля над своим организмом, но и представляет собой личность, которая внутренне протестует как против внешнего, так и против внутреннего контроля и которая научилась абстрагироваться от своего понимания этого контроля и ингибирует проявления своего гнева через механизм образования реакции.

Мотивацию, лежащую в основе стараний перфекциониста, легко проследить в отсутствии любви со стороны родителей, так что стремление вести себя лучше связывается у ребенка с надеждой заслужить одобрение одного из родителей и таким образом приблизиться к нему. В более поздней жизни, однако, такое устремление приобретает соревновательный характер, ребенок как бы мысленно обращается к отцу или матери: «Я буду лучше, чем ты, и поднимусь на такую высоту, что ты просто уже не сможешь оценить меня. Я покажу тебе!» Здесь появляется мстительный оттенок, который не только отражает надежду на успех, но и содержит в себе требование и мстительное очернение.

Я нахожу, что энеатип I чаще встречается среди женщин и что при этом родителем, чьей любви добивается маленькая девочка и со стороны которого она ощущает холодность, чаще является отец. Помимо того, однако, что характер перфекциониста формируется в обстановке недостатка любви со стороны родителей, в перфекционистских устремлениях присутствует элемент подражания, элемент увлечения упорными устремлениями, перфекционистская идеализация того или другого родителя. Обычно в семье перфекциониста является перфекционистом отец или мать, когда же это не так, чаще всего отец относится к энеатипу VI с чрезмерно развитым чувством долга (который имеет общее с требовательным перфекционизмом).

В наиболее обобщенном варианте ситуация, в которой складывается перфекционистский характер, выглядит как ситуация, в которой к ребенку предъявляются чрезмерные требования в сочетании с недостатком признания со стороны родителей, в результате чего у ребенка появляется стремление делать какие-то усилия в атмосфере постоянной фрустрации.

У меня сложилось впечатление, что сверхзаботливая мать (энеатип IX или VI) может способствовать приобретению неограниченной власти

в семье сверхтребовательным и далеким от ребенка отцом. По-видимому, в этих случаях чрезмерно покорная или чрезмерно робкая мать предаст ребенка из-за сравнительно более важной для нее потребности угодить своему чрезмерно требовательному супругу. Ситуация, описанная выше, не только включает в себя отношение со стороны ребенка, которое можно передать словами: «Посмотри, какой я хороший, неужели ты теперь не полюбишь меня?», но также и требование признания или любви через призыв к моральной справедливости, через чувство протеста: «Посмотри, какой я хороший - ты просто обязана уважать меня и признать меня как личность». Пытаясь заполучить это признание и уважение (отсутствие которых он чувствует сначала со стороны родителей, затем - со стороны окружающих вообще), ребенок учится становиться маленьким адвокатом для себя, а также моралистом, который хочет заставить других играть по правилам.

В результате этого протеста поиски любви, которые способствуют развитию характера по перфекционистскому типу, превращаются в поиски прав и уважения, характеризующие этот сложный и отстраненный тип личности и мешающие удовлетворению пока еще латентной - хотя уже подавляемой - потребности в нежности.

6. Экзистенциальная психодинамика

Прежде чем рассматривать экзистенциальную динамику энеатипа I, возможно, уместно было бы повторить постулат, существование которого найдет свое подтверждение при рассмотрении всех девяти типов характера, обрисованных в этой книге: возникновение страстей происходит на фоне окружающей (ontic) обскурации, что утрата ощущения себя как личности поддерживает устремления, проявляющиеся в девяти различных формах, соответствующих девяти основным эмоциям эго.

В случае энеатипа I близость этого характера к характеру психоспиритуальной лености (который в действительности является гибридом данного характера и гордости) делает проблему окружающей обскурации лежащей на переднем плане их психологического стиля. Иными словами, в жизненной позиции энеатипа I имеет место утрата

чувства бытия, которое, как и в случае всех трех типов, находящихся в верхней части энеаграммы, проявляется как «бессознательность бессознательности», придающая им специфическое чувство самоудовлетворения, в противоположность ощущению ущербности или «духовной нищеты», переживаемому типами характеров, лежащих в нижней части энеаграммы. Неосознанное чувство неудовлетворенности тем не менее превращается в самую сильную из страстей, которая, хотя и игнорируется активной неосознанностью, лежит в основе качества межличностных отношений.

В то время как онтическая (окружающая) обскурация у энеа- типов VIII и IX приводит к некоторой психологической огрубелости, как мы увидим, у типа I она скрыта чрезвычайной утонченностью, можно сказать, что реактивное образование также имеет место на онтическом (бытийном) уровне: осознаваемая недостаточность бытия становится стимулом для компенсации через действия, поддерживающие ложное ощущение изобилия. Основной вид деятельности, обещающий изобилие сознанию энеатипа I, это постоянное разыгрывание состояния совершенства. Мы можем сказать, что именно в силу этой обскурации поиски бытия могут превратиться в поиски замены хорошей жизни, в которой поведение соответствует внутренне присущим индивиду критериям жизненных ценностей. Гневным особенно необходимо понять высказывание Лао-цзы:

«Добродетель (Те) не стремится стать добродетельной, именно в силу этого она и есть добродетель».

Другими словами, добродетель добродетельна тем, что она не является «добродетельной».

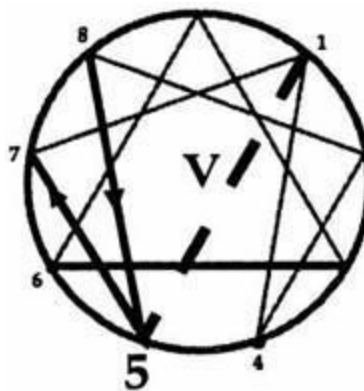
Однако не совсем правильным было бы утверждать, что понятия добродетели и бытия тождественны для энеатипа I, ибо иногда определяющим в жизни перфекциониста может оказаться не мораль, а «коррекция», стремление привести свою жизнь в соответствие некоему определенному или воображаемому моральному кодексу.

В целом можно сказать, что предсознательное понятие скудости бытия и воображение деструктивности и зла у энеатипа I компенсируется стремлением проявлять «силу характера»: это люди,

способные проявлять сверхстабильность, определенную силу противостоять искушениям и отстаивать то, что они считают правильным. Кроме того, утрата бытия и жизненных ценностей поддерживает у них деятельность, имеющую целью постоянно производить впечатление людей добродетельных, что, как мы уже видели, достигается посредством возвеличивания добродетельности и добропорядочности.

В сборнике анекдотов о Насреддине представителя энеатипа I можно легко узнать в ученом-грамматике, которого На-среддин в качестве лодочника перевозит на другой берег реки. Задав Насреддину несколько вопросов и найдя его речь недостаточно грамотной, он спрашивает: «Изучал ли ты грамматику?» - и, получив отрицательный ответ, выражает свое возмущение и самодовольство фразой: «В таком случае ты потерял полжизни!» Через некоторое время Насреддин спрашивает ученого: «Умеешь ли ты плавать?» - и после того, как наш достойный грамматик отвечает, что не умеет, Насреддин замечает: «Тогда ты потерял всю свою жизнь, потому что мы тонем».

Эта шутка тонко подмечает несоответствие между «ментальностью» грамматика и жизнью. Чрезмерное внимание, уделяемое форме и деталям, способствует появлению консерватизма и утрате смысла. Даже при истинном стремлении к добродетели, а не к формальной коррекции, как, например, в случае школьного воспитания, за сознательно культивируемой добротой всегда скрывается холодность, которая влечет за собой отсутствие любви и надежности или утрату бытия.

Глава 2

Алчность и патологическая отчужденность

Энеатип V

1. Сущность типа, номенклатура и место на энеаграмме

Жадность понимается отцами Церкви не в буквальном, а в более широком смысле - как «утрата духовного ориентира», духовная обскурация (помрачение - *лат.*), подтверждение чего мы видим в «Кентерберийских рассказах» Чосера, произведении, в котором прекрасно отразился дух того времени. В «Рассказе священника» Чосер пишет: «Алчность - это не только стремление владеть землями и замками, иногда она проявляется в жажде знаний и славы!»^[60].

Если побуждением гнева является невоздержанность, то для алчности характерны сдержанность и осторожность. В то время как гневный тип проявляет жадность настойчиво (хотя он может и не осознавать этого), жадность у алчного типа проявляется исключительно в стремлении удержать. Это хватка, порожденная болезненным страхом того, что упустить - означает понести катастрофические убытки. Можно сказать, что за этим скрытым импульсом стоит опасение надвигающейся бедности.

Однако стремление удержать составляет лишь одну половину психологии энеатипа V, другую ее половину представляет собой привычка слишком легко сдаваться под давлением обстоятельств. Чрезмерное смирение в отношении любви и, как * правило, по отношению к людям порождает компенсирующий зажим в тиски самого

себя, который может проявиться в стремлении к обладанию, а может и не проявиться в этом, но тогда повлечет за собой гораздо более обобщенную сдержанность во внутренней жизни, а также стремление к экономии жизненных усилий и ресурсов. Сдержанность и самоконтроль алчного типа в какой-то степени сродни тем же качествам гневного типа, однако у первого они сопровождаются ограниченной заикленностью на настоящем, которая лишает возможности заглянуть в наступающее будущее ^[61].

Точно так же, как о людях гневного типа можно сказать, что в большинстве случаев их гнев является неосознанным и представляет для них главное табу, о представителях алчного типа можно сказать, что их алчность тоже часто ими не осознается и что они сознательно могут ощущать каждый поступок, связанный с обладанием и очерчиванием границ, как нечто запрещенное. Можно сказать, что внутренний настрой алчных по отношению к окружающему миру является скорее перфекционистским, нежели критическим, но наиболее значительная граница между этими двумя типами лежит в активной экстравертности первого и прямо противоположной ей интровертности второго (интровертности мыслительного типа, который избегает действия).

Другим различием между ними является то, что энеатипу I свойственна требовательность, в то время как представители энеатипа V стремятся минимизировать свои потребности и склонны к проявлению покорности, если на них оказывается давление. Хотя оба типа характеризуются наличием сильного суперэго, они как бы находятся по отношению друг к другу в положении полицейских и воров, ибо первый скорее идентифицируется с идеализированной суперконгруэнтной (*congruentia* (лат.) - согласие, соответствие) самостью, в то время как второй ассоциируется с подавленной, переживающей чувство вины субличностью, являющейся объектом притязаний суперэго.

Как я уже указывал при обсуждении энеатипа I, я полагаю, что сходство в проявлении этих двух типов приводит к тому, что их иногда смешивают - например, в описании анального и компульсивного (*compulso* (лат.) - бить, ударять, сталкиваться) характеров у Фрейда, Абрахама и Райха.

В то время как энеатипу I свойственна бережливость, сознательная направленность на щедрость делает его поведение в экономических вопросах совершенно отличным от поведения энеатипа V, у которого

главным мотивом скупости является страх остаться без средств к существованию, а стремление избежать каких-либо усилий и объясняется боязнью потери свободы или автономности, связанных с добросовестной отдачей работе.

Существующая у энеатипа V полярность между патологической отчужденностью и стремлением удержать напоминает полярность между гневом и сверхцивилизованной принудительной добродетельностью у энеатипа I. Потребность в признании окружающих у энеатипа V спрятана глубоко в душе за маской безразличия, смирения и стоического самоотречения. И точно так же, как перфекционизм питает гнев, который поддерживает его, можно сказать, что отказ от потребностей (не только от их удовлетворения, но даже и от их признания в душе) неминуемо влечет за собой обеднение жизни, которое лежит в основе стремления удержать.

Ичазо использует для определения характера, соответствующего энеатипу V, слово «скупость», которое, как мне кажется, близко по своему значению слову «алчность» - ведущей из всех страстей и эмоций. «Скаредность» с ее дополнительным оттенком неосознанной неспособности отдать ближе всего подходит для описания доминирующего аспекта стратегии энеатипа V перед лицом действительности: самоотречение и отказ от связей. Еще точнее было бы говорить здесь об отчужденности, замкнутости, аутентичности (аутизме) и шизоидности энеатипа VI.

2. История исследования характера в научной литературе

Точно так же, как образ ананкастика (ананке (греч., у Платона) - неизбежность, судьба, рок), который мы находим у Шнайдера, отдает некоторым сходством с шизоидом (Шнайдер подчеркивает у него формальность как выражение неустойчивости), в понятии «сенситивного» характера^ Шнайдера - типа личности, который больше всего напоминает нашего шизоида, - мы видим некоторое подчеркивание обсессивно- го элемента, ибо он говорит, что наиболее астеничные (т. е. наиболее ярко выраженные) среди них обладают чрезмерной «моральной скрупулезностью». Нет сомнения, однако, что Курт Шнайдер имеет в виду нашего шизоида, когда он описывает

представителей сенситивного типа как «субъектов, обладающих повышенной впечатлительностью относительно всех видов переживаний, без самой способности выражать эти впечатления». Он говорит об их «склонности удерживать в памяти и подвергать мучительному осмыслению все происходящее с ними, что, в конечном счете, обращается против них самих». Он добавляет, что «сенситивный индивид стремится найти вину за все, что происходит, и за любую неудачу прежде всего в самом себе»^[62].

Этот синдром, состоящий в способности удерживать и отстраненно переживать происходящее, не только упоминается в современной психологической литературе, но и привлек к себе достаточное внимание.

Помимо того, что такая способность удерживания, возможно, внесла свой вклад в выделение Фрейдом анального характера, она перекликается с синдромом, описанным Эрнстом Кречмером, основателем систематизированной характерологии. В своем исследовании пациентов-шизофреников, находящихся на лечении в его клинике, он описывает синдром, который предлагает называть шизоидным, при этом наиболее характерными чертами таких пациентов он считает:

1. Необщительность, сдержанность, серьезность (отсутствие юмора).
2. Робость, застенчивость, чувствительность, нервозность, возбудимость, любовь к природе и книгам.
3. Способность легко поддаваться влияниям, доброта, честность, безразличие, молчаливость.

Вторая и третья группы стоят в некотором противоречии друг к другу, образуя контраст, напоминающий контраст между депрессией и ликованием или своего рода эйфорией, описанный им у циклотимического типа^[63]. «Если мы хотим кратко описать основу шизоидного темперамента, - пишет он, - мы должны сказать: шизоидный темперамент лежит между полярными точками возбудимости и тупого равнодушия, точно так же, как циклоидный темперамент лежит между полярными точками жизнерадостности и печали».

Как среди своих пациентов, так и среди носителей того, что он предлагает назвать «шизотимическим» темпераментом (среди его «нормальных» знакомых), Кречмер указывает на полярность между

гиперчувствительностью и отсутствием чувствительности у таких личностей: у некоторых из них превалирует одна крайность, у других - вторая, в то время как у третьих наблюдается их чередование или переход от ранней «гиперестезии» к последующей апатии. Выражаясь более общими словами, я думаю, можно сказать, что данный индивид характеризуется повышенной ранимостью и самозащищающим отстранением от своих тонких чувств и уязвимости. Я снова процитирую Кречмера: «Он один, однако, обладает ключом к шизоидному темпераменту, который, очевидно, признает, что большинство шизоидов не являются ни сверхсенситивными, ни хладнокровными, но что они в действительности сверхсенситивны и хладнокровны одновременно в совершенно различных по соотношению соединениях. Из нашего шизоидного материала мы можем выстроить длинный ряд, начиная с того, что я называю „типом Гельдерлина“, этих чрезвычайно чувствительных, необыкновенно нежных, легко ранимых, напоминающих мимозу индивидов, о которых говорят, что они „сплошные нервы“, и кончая теми холодными, застывшими, почти безжизненными руинами, оставшимися после разрушительной атаки, тупо взирающими на мир из уголка психиатрической лечебницы, столь же лишенными разума, как бессловесные животные».

Эта полярность, подчеркивает Кречмер, не характерна для представителей промежуточного звена нашего ряда. Он приводит в пример такого индивида, как Стриндберг, который сказал о себе: «Я холоден, как ледяная глыба, и в то же время столь полон чувств, что могу считаться почти сентиментальным». «Но даже в первой ипостаси моей сути, которая является холодной и мало способной на эмоциональную реакцию, при тесном личном контакте с такими шизоидами мы очень часто обнаруживаем за безжизненным, лишенным чувств фасадом глубоко запрятанное внутри нежное ядро личности, обладающее в высшей степени уязвимой нервной чувствительностью, которое удалилось в глубину и лежит там, искалеченное».

Необщительный или аутичный характер его шизоида есть нечто, что можно понять либо в связи с гиперчувствительностью, либо с бесчувственностью по отношению к другим, как в случае тех чувствительных натур, которые «стремятся, насколько это возможно, избегать или притуплять всякую стимуляцию со стороны внешней среды, они закрывают ставни своих домов для того, чтобы вести жизнь,

напоминающую сон, богатую фантазиями и размышлениями, но лишенную поступков» (Гельдерлин), в мягком сумраке своей гостиной. Они стремятся к одиночеству, выражаемому прекрасными словами Стриндберга, которые он сказал о самом себе, для того, чтобы «погрузиться в волшебный мир своей собственной души». Взгляд Кречмера на шизотимию был развит Шелдоном, который, приняв тройственное представление о человеческой конституции, интерпретировал «астеническое» строение тела как «экторморфию» (имеющую свое начало в преобладании эмбрионного эктодерма) и рассматривал склонность к шизоидности как переменную величину в темпераменте, которую он называет «церебротонией».

Связанная с эктоморфией «церебротония», по-видимому, выражает функцию экстероцепции, которая делает необходимой или вызывает церебрально-управляемую задержку или подавление (inhibition) двух других первичных функций - соматотонии и висцеротонии. Она также вызывает или приводит к сознательной направленности внимания и последующей подмене символической способности формирования и восприятия идей на немедленную открытую реакцию на стимуляцию. Это последнее явление сопровождается «церебральными трагедиями» нерешительности, дезориентации и замешательства. Все они, по-видимому, являются побочными продуктами сверхстимуляции, что, несомненно, есть одно из последствий сверхсбалансированной вовлеченности в «экстероцепцию». Хотя Шелдона прежде всего интересуют переменные величины, нежели типы характеров, очевидно, что в энеатипе V мы видим наивысшее выражение как эктоморфической конституции, так и церебротонических черт, среди которых Шелдон перечисляет следующие двадцать как наиболее отчетливые:

1. Сдержанность в позах и движении, напряженность.
2. Психологическая сверхреактивность.
3. Сверхбыстрая реакция.
4. Любовь к уединенности.
5. Сверхинтенсивность умственной деятельности, сверхвнимательность, способность испытывать предчувствия.
6. Стремление скрывать свои чувства, эмоциональная сдержанность.
7. Осознанная подвижность лица и взгляда.
8. Социофобия.
9. Подавление способности к общению.

10. Сопротивление привычкам и неспособность разумно организовать жизненный распорядок.

11. Агорафобия (патологическая боязнь открытых пространств).

12. Непредсказуемость в отношении с людьми.

13. Отвращение к манере говорить громким голосом и к шуму.

14. Сверхчувствительность к боли.

15. Неспособность к здоровому сну. Хроническая усталость.

16. Свойственное юности внимание к манерам и внешнему виду.

17. Вертикальное ментальное расщепление. Интроверсия.

18. Отвращение к алкоголю и другим депрессивным препаратам.

19. Потребность в одиночестве в период испытаний.

20. Ориентация на более поздние периоды жизни.

Многие из этих черт отражают сверхчувствительный характер данного темперамента (физиологическую сверхреактивность, сверхвнимательность, тревожность, сопротивление привычкам и непредсказуемость установки), в то время как другие связаны с торможением и стремлением отгородиться от людей такими способами, как сдержанность в движениях, скрытность, социофобия, подавление способности к общению.

Интроверсия, составляющая суть данной переменной, по-видимому, способствует конвергенции обоих: стремлению уйти от внешнего к внутреннему и способности к внутренним переживаниям.

Продвигаясь от склонностей данного характера к самому характеру, мы можем сделать вывод, что в европейском использовании этих терминов «компульсивный» или «ананкастический» характер соответствует энеатипу V, а не энеатипу I в качестве синдрома, называемого в DSM-III (ДСМ-3) «компульсивным расстройством личности». Это сразу становится очевидным из начальных строчек новаторской работы В.Е.Гебзаттеля по экзистенциальному анализу ананкастического характера ^[64]. «То, что всегда очаровывает при столкновении с компульсивным характером, - это ничем не изменяемое ощущение того, что такие люди являются чем-то особенным, отличным от нас. Семьдесят лет клинической работы и научных исследований не изменили этого ощущения. Это ощущение никогда не исчезает, поддерживаемое противоречием между интимной близостью, возникающей от присутствия ближнего, и странным контрастом между поведением последнего и нашим собственным».

Обратившись к обследованию ананкастических психопатов Шнайдера и других, фон Гебзаттель описывает способ поведения, который я имел в виду, описывая алчный характер в начале этой главы: заикливание, блокирование жизненного процесса ^[65].

В то время как Шелдон даже более решительно, чем Кречмер, занимается изучением склонностей характера - которые могут быть основой характера, но не самим характером - Карен Хорни, говоря о своем психотерапевтическом опыте, описывает кристаллизацию межличностной стратегии: невротическое стремление отдалиться от людей и конфликтов, «разрешение конфликтов с помощью ухода от них». Как и Шелдон, который, несмотря на приблизительность его перечисления компонентов темпераментов от одного до семи, возможно, прав, говоря, что их можно найти в различных степенях и комбинациях, - Хорни, возможно, положила начало разграничению степеней и форм выражения тенденции ухода от общества людей. Однако в то же время понятно, что, как и церебротония, социофобия (в смысле компульсивного избегания общества и каких-либо связей), очевидно, находит свою кульминацию в шизоидности и что ее описание «решения проблемы через уход» есть не что иное, как характеристика энеатипа V.

В своей работе «Невроз и личностный рост» ^[66] она пишет: «Третий из основных способов разрешения интрапсихического конфликта состоит в большой степени в невротическом уходе с внутреннего поля битвы и в заявлении о том, что данная проблема его не интересует. Если ему удастся принять позу человека, которому все безразлично, и поддерживать ее, его меньше беспокоят внутренние конфликты и он может обрести какое-то подобие внутреннего мира. Поскольку он может это осуществить, только отойдя от активной жизни, такое решение правильно было бы назвать отстранением». «Отстранение, - поясняет она, - может обладать конструктивным значением. Достаточно вспомнить многих пожилых людей, которые пришли к мысли о тщетности амбиций и успеха и которые, заставив себя меньше требовать и меньше ожидать от жизни, обрели несвойственную им раньше человечность и стали во многих отношениях мудрее, отбросив поверхностное и несущественное. Во многих религиозных и философских учениях отречение от несущественного рассматривается как одно из условий духовного роста и достижения цели: оставь личные

желания, сексуальные порывы и жажду обладания земным ради того, чтобы быть ближе к Богу. Оставь личные стремления и радости ради достижения духовной силы, которая заложена в человеке. Что же касается невротического поведения, которое мы здесь обсуждаем, то устранение предполагает достижение состояния, которое характеризуется лишь отсутствием конфликтов. Такое устранение, следовательно, есть лишь процесс ограничения и урезания жизни и роста».

Различие, которое она здесь проводит, подобно тому, которое мы проводим между истинной добродетелью и «фарисейской добродетельностью». Это случай скорее интровертной, чем экстравертной формы религиозности, где невротическое отчуждение занимает место здоровой способности переживать наслаждение. Хорни пишет, что особенностью невротического ухода от реальности является аура ограничения, необходимость чего-то избегать, не хотеть и не делать. «Уход от реальной действительности характерен для каждого невротика. То же, что предстоит описать здесь мне, есть пересечение тех характеров, для которых такой уход стал главным способом решения проблем».

Она начинает свое описание сообщением, что «свидетельством ухода невротика с внутреннего поля битвы является его отстраненное восприятие себя и своей жизни... И поскольку отстраненное отношение является для него обязательным и ведущим, оно переходит и на его отношение к другим людям. Он проводит свою жизнь, как бы сидя в оркестре и наблюдая драму, разыгрываемую на сцене, драму, которая по большей части к тому же еще и не очень увлекательна. Хотя такому человеку необязательно свойственна наблюдательность, он может оказаться весьма проницательным. Уже на самой первой консультации, используя несколько заданных к месту вопросов, он может создать о себе впечатление как о человеке, одаренном тонкой наблюдательностью. Но обычно он добавляет, что это ничего в его жизни не изменило. И это действительно так, - ведь ничто из того, что он видел, не послужило ему уроком. Его отстраненность означает, что он не принимает активного участия в жизни и сознательно уходит от такого участия.

При проведении психоаналитического лечения он пытается придерживаться аналогичной установки. Он может проявлять большой

интерес к происходящему, однако этот интерес остается лишь на уровне любопытства - и дальше этого не идет». Следующее наблюдение, о котором сообщает Хорни, это то, что «с уходом человека от реальной жизни тесно связано отсутствие сколько-нибудь серьезных стремлений и отвращение к тому, чтобы делать какие-то усилия... такой человек может сочинять прекрасную музыку, рисовать картины, писать книги - все это только в его воображении. С помощью такой стратегии он решает как проблему своих устремлений, так и проблему необходимости совершать усилия. У него действительно могут быть разумные и оригинальные идеи в какой-то области, но оформление этих идей в статью потребовало бы слишком много усилий, поэтому статья так и остается ненаписанной. У него могут быть какие-то туманные идеи, связанные с написанием романа или пьесы, но он ждет, когда же к нему придет вдохновение. Вот тогда сюжет примет более четкие очертания, а слова так и потекут с пера на бумагу. Он может проявлять большую изобретательность в нахождении причин для того, чтобы ничего не делать. Что хорошего заниматься написанием книги, если для этого придется столько времени сидеть и усиленно трудиться? Да и потом, разве не достаточно книг уже написано? И разве такая сосредоточенная работа не ограничит его другие интересы и таким образом не сузит его интеллектуальный горизонт? А разве занятия политикой или другими видами деятельности, где людям приходится конкурировать между собой, не портят характер человека?» «Это отвращение к тому, чтобы делать какие-то усилия, может распространяться на все виды человеческой деятельности. В этом случае оно приводит к полнейшей инерции, о которой мы будем говорить ниже. Он может оттягивать даже такие простые вещи, как написание письма, прочтение книги, визит в магазин. Или он может их делать, преодолевая внутреннее сопротивление, медленно, невнимательно, неэффективно. Уже одна мысль о том, что ему придется заниматься какими-то более сложными, чем обычно, делами, как, например, переезд или обобщение накопленной информации на работе, может заставить его почувствовать себя усталым еще до того, как он начал работать...» «При проведении анализа его цели оказываются ограниченными и зачастую негативными».

«Анализ, по его мнению, должен избавить его от неприятных симптомов, таких, как неумение общаться с незнакомыми людьми,

боязнь покраснеть или упасть в обморок на улице. Возможно также, что в анализе смогут быть устранены те или иные аспекты его инерции, такой, например, как трудности, испытываемые при чтении. У него может быть и более широкое представление о цели психоанализа, которую он, выражаясь в типичной для себя туманной манере, называет „безмятежным спокойствием". Однако это означает для него лишь отсутствие всяческого беспокойства, раздражения и поводов для расстройства. Или, конечно, то, к чему он стремится, должно прийти к нему легко, без боли и напряжения. Всю работу должен проделать психоаналитик. Ведь, в конце концов, разве он не специалист? Анализ представляется ему чем-то вроде визита к дантисту, который должен удалить ему зуб, или к врачу, который сделает ему укол: он с нетерпением ожидает, когда психоаналитик вынет ключ, с помощью которого можно будет решить все его проблемы. Было бы лучше при этом, чтобы пациенту не приходилось столько говорить во время сеансов и чтобы у аналитика было устройство, вроде рентгеновского луча, с помощью которого он мог бы читать мысли пациента». Далее она продолжает: «Еще один шаг, и мы подходим к самой сущности устранения: к устранению желаний». Хотя мы можем также говорить об устранении и в циклотимическом энеатипе IX - где мы сталкиваемся с экстравертированным устранением, устранением в отношениях, проявляющимся в виде отрицания, - у шизоидной личности мы видим устранение без участия, устранение, которое простирается до той точки, где происходит отказ от отношений.

Хорни пишет: «Он проявляет особые старания не привязаться к чему-то до такой степени, чтобы это поставило его в ненужную зависимость. Ничто не должно быть для него столь важным, чтобы он не мог обойтись без этого. Приятно, когда тебе нравится женщина, какое-то место за городом или определенный сорт вина, но никогда нельзя допускать, чтобы ты зависел от этой привязанности. Как только ему становится ясно, что какое-то место, человек или группа людей означают для него так много, что их потеря могла бы стать для него болезненной, он проявляет тенденцию отказаться от такого чувства. Ни один человек не должен ощущать, что он слишком нужен ему, или принимать их отношения за нечто само собой разумеющееся. Если он начинает подозревать кого-то из окружающих в этом, он старается прекратить отношения».

Наиболее крайним выражением, этой патологии можно считать кататонический синдром при шизофрении, ибо он представляет собой крайнее выражение существования шизоида в этом мире, именно по этой причине он позволяет нам наблюдать как бы карикатуру на некоторые из его черт: отсутствие связей, лаконизм, бегство от мира, в котором нет места его личному миру, и пассивность, при которой индивид как бы отдает свою жизнь и свое тело другим, и характерный симптом *flexibilitas cerea*, когда тело человека в любом положении, к которому его вынуждают окружающие, оказывается карикатурой на автоматическую покорность.

Следующую ступень в ряду, иллюстрирующем переход от психоза к психическому здоровью, занимает «организация нарцисстической личности» Кернберга, в которой негативный самообраз сосуществует не только с идеализированным образом себя, но и с ориентацией на достижение признания через интеллектуальные или творческие достижения.

В настоящее время большей известностью по сравнению с описанием «решения проблем через устранение» Хорни пользуются наблюдения и размышления Фэрберна по поводу шизоидного характера, из которых все имеют отношение к нашему энеатипу V. Помимо того что Фэрберн является наиболее заметной фигурой среди тех, кто занимался шизоидным синдромом, он известен своим утверждением о том, что явление шизоидности лежит в основе всей психопатологии. Это высказывание, как я думаю, отражает его понимание экзистенциальной проблемы, которую я называю «недостачей бытия» - или, используя выражение Фэрберна, «слабостью эго» как источника всякой психопатологии, и я считаю, что было бы более точно оставить это в таком виде, ибо шизоидная личность есть только та личность, в которой эта проблема, пронизывающая условия жизни человека, проявляется в наиболее очевидном виде. Точно так же, как отстраненный энеатип IX слеп к своей слепоте, энеатип V не осознает недостаточность бытия, то, что можно было бы назвать гиперчувствительностью: будучи структурально интровертом и обычно интуитивным, он находится в тесной зависимости от своих внутренних ощущений, и его алчность пребывает во взаимозависимости с чувством обеднения на духовном уровне, равно как и на психологическом, и на материальном.

Одним из открытий Фэрберна в психоанализе шизоидной личности было то, что вне анализа патологии суперэго шизоидные пациенты нуждаются в понимании того, что их процесс отчуждения (в переносе и в жизни) представляет собой защиту «против вызывающей у них ужас активации основного отношения в переносе, характеризуемого либидинальным вкладом аналитика, переживаемым как доэдипова, в особенности оральная, мать»^[67]. Я привел это высказывание из резюме Отто Кернберга, где также находим и следующее: «Этот либидинальный вклад представляется таким пациентам страшной угрозой, угрозой, исходящей из страха, что их любовь к какому-то объекту окажется смертельно разрушительной для этого объекта». Однако страх шизоида - это не только боязнь разрушить объект, это также и боязнь потерять себя из-за избыточной жажды любви, страха оказаться поглощенным самой потребностью в сильной зависимости, как указывал Р.Д.Лэнг в «Разделенной самости».

В целом точка зрения Фэрберна относительно ощущения негативного ожидания, связанного с материнской любовью, послужила краеугольным камнем для нашего понимания этой личности, в которое он внес и другие наблюдения, например, он отмечает «хронический субъективный опыт искусственности и эмоционального отчуждения шизоидных пациентов... их ощущение всемогущества, объективной изоляции и ярко выраженная озабоченность своей внутренней реальностью»^[68].

Позвольте мне закончить указанием на то, что, хотя Фэр- берн не упоминает слова «алчность», его понимание шизоида, очевидно, включает в себя признание нежелания последнего вступать в контакты и избегание им ситуаций, в которых требуется что-то отдавать.

В DSM-III мы находим наш тип в разделе «шизоидные расстройства личности».

Цитирую приводимое там описание:

А. Эмоциональная холодность и отстраненность, отсутствие тепла и нежности в отношении к другим.

Б. Безразличие к похвалам и критике, так же как и к мнению окружающих.

В. Близкие отношения не более чем с одним или двумя людьми, включая членов семьи.

Г. Отсутствие какой-либо эксцентричности в речи, поведении или

способе мышления, характерной для типичных шизоидных расстройств личности.

Д. Не подвержен психотическим расстройствам, таким как шизофрения или паранойя.

Е. В возрасте младше 18 лет не проявляет симптомов шизоидных расстройств детского и юношеского возраста.

В DSM-III описывается тип, который определяется на основании одной-единственной черты и который из-за этого может быть отнесен более чем к одному типу характера, описываемому в данной книге, - это пассивно-агрессивная личность. Ее сопротивление внешним требованиям наиболее типично для энеатипа V, но сходную черту можно найти и у энеатипов IV, VI и IX. Теодор Миллон, один из создателей DSM-III, предложил, во-первых, поменять название этого типа, а во-вторых, изменить его описание таким образом, чтобы оно включало и другие характеристики, такие как «частая раздражительность и быстрая смена настроений, тенденция быстро впадать в состояния расстройства и гнева, недовольство собственным имиджем... разочарование жизнью, межличностная амбивалентность» как свидетельство борьбы между позицией молчаливого соглашательства и активного отстаивания своей независимости и способность своим непредсказуемым и хмурым поведением вызывать психологический дискомфорт у окружающих людей.

В целом у меня сложилось впечатление, что пассивно-агрессивный тип является еще одним вариантом энеатипа V, подтверждением чего можно считать сделанное Миллоном [\[69\]](#) указание на сходство между пассивно-агрессивной и компульсивной личностью, - помимо их очевидного контраста (сходство внутри контраста, о котором я уже говорил), «для обоих типов характерна ярко выраженная и имеющая глубокие корни амбивалентность как по отношению к самому себе, так и по отношению к окружающим».

Компульсивная личность справляется со своей амбивалентностью, мощно подавляя конфликты, которые эта амбивалентность порождает, вследствие чего она кажется хорошо контролируемой и целеустремленной, ее поведение является перфекционистским, порядочным, дисциплинированным и вполне предсказуемым. В противоположность этому пассивно-агрессивный тип, называемый в теории Миллона «активно-амбивалентным», не может ни подавить, ни

разрешить те же самые конфликты, вследствие чего амбивалентность представителей пассивно-агрессивного типа постоянно вторгается в их жизнь, приводя к нерешительности, изменчивости мнений, противоречивому поведению и эмоциям, а также к общей непредсказуемости и немотивированности поведения. Они не могут решить, придерживаться ли желаний окружающих, чтобы достичь комфорта и безопасности, или искать собственные способы их достижения, проявлять ли покорную зависимость по отношению к другим или смело сопротивляться всякой зависимости, брать ли на себя инициативу в улучшении своего мира или занимать пассивную позицию, отдавая роль лидера другим.

В отличие от большинства других характеров, описанных в этой книге, я нахожу, что тень энеатипа V появляется не в одном из описаний интровертных типов у Юнга ^[70]. Рассматривая интровертно-мыслительный тип, который, как мы увидим, во многом соответствует нашему энеатипу VI ^[71], можно обнаружить некоторые шизоидные характеристики, такие как «его поразительная непрактичность и ужас перед публичными выступлениями» или наблюдение, что «он позволяет грубо обращаться с собой и самым бесовестным образом эксплуатировать себя, если только при этом ему не мешают исповедовать свои идеи». Для энеатипа V весьма типичной является его неспособность выступать в роли учителя, поскольку всякий раз, когда он пытается кого-то учить, его мысли заняты самим предметом обучения, а не тем, как его преподнести». Можно также отметить, что при описании интровертно-чувствующего типа, который будет приводиться как напоминающий наш энеатип IX, можно обнаружить и черты энеатипа V, например, то, что «выражение чувств у него всегда остается столь скупым, что у людей, общающихся с ним, остается чувство, что их усилия недооценивают...»

Несмотря на эти следы энеатипа V в вышеуказанных психологических типах Юнга, совершенно очевидно, что лучшее соответствие нашему характеру мы находим именно в интро-вертно-ощущающем типе. Например, мы читаем у Юнга, что «он может поражать своим спокойствием и пассивностью или рациональностью самоконтроля. Эта особенность, однако, часто приводит к ошибочному суждению, на самом деле она связана с его нежеланием образовывать какие-либо связи с объектом».

Или в другом месте: «Такой тип легко может задаться вопросом: почему тот или иной человек существует вообще или почему какие-то объекты имеют оправдание для своего существования, если все важные процессы происходят без их участия».

Изучая сделанные Кэрсси и Бейтс ^[72] описания шестнадцати типов, полученные с помощью теста Майерса-Бриггса, я вижу отражение психологии энеатипа V в описании типа INTP, т. е. интроверта, у которого интуиция преобладает над чувствами, мышление над ощущениями, а восприятие над здравомыслием. Я цитирую некоторые из высказываний этих авторов:

«Мир существует прежде всего для того, чтобы его познавать. Реальность тривиальна, она лишь арена для доказательства идей...»

«От людей этого типа не следует ожидать того, чтобы они задумывались над практическим применением своих моделей в реальном мире. Они предпочитают выступать в роли архитекторов системы, оставляя для других роль строителей и практических воплощений...»

«Они не проявляют склонности к клинической работе и не обладают терпением, необходимым для повседневной кропотливой работы. Они предпочитают работать в тишине, в одиночестве и так, чтобы их не прерывали...»

«Они не склонны постоянно переносить какие-то свои деловые обязанности домой, что нарушило бы их жизненный уклад. Тем не менее они доброжелательны, уступчивы и с ними легко ужиться, хотя они часто могут забывать о договоренностях, чьих-то годовщинах и других событиях повседневной жизни, если им об этом не напоминают. Они могут испытывать трудности в словесном выражении чувств, вследствие чего спутник или спутница представителя такого типа может отчасти считать, что его/ее чувства принимаются за само собой разумеющиеся».

В гомеопатической традиции черты, характерные для энеатипа V, можно найти у людей, ассоциируемых с препаратом «сульфур» (сера, лат...), который, как полагают, является средством, помогающим им ^[73]. К чертам, характерным для этого типа, по мнению Кэтрин Культер, можно отнести черствость, «эгоизм» (Геринг) и отсутствие чувствительности. Она приводит цитату из Кента: «Все, что он замышляет, всегда направлено исключительно на его собственную

пользу... Ему не свойственно испытывать чувство благодарности...» Культер далее отмечает, что детям типа сульфур свойственна чрезвычайная независимость и недовольство по поводу попыток со стороны окружающих вмешиваться в их дела...» Представитель этого типа может легко оказаться материалистом, коллекционером, он хорошо знает, как защитить свою собственность от посягательств.

«То же качество находим и у взрослых. Их рабочий стол всегда можно узнать по беспорядочно разбросанным на нем или лежащим в кучах бумагам, так что кажется, в них ничего невозможно отыскать. Однако такой человек в минуту найдет среди них даже самую маленькую бумажку и придет в негодование, если его жена или секретарь предложит привести его вещи в порядок, в действительности именно беспорядочно разбросанные вещи и создают для него комфорт...»

Культер описывает также и противоположную крайность: это сульфур, слишком погруженный в мысли, в интеллектуальные или духовные дела, чтобы участвовать в мирской жизни, «для него характерно нежелание отягощать себя земными вещами, и он довольствуется самым скромным минимумом, необходимым для проживания. Он готов жить в нищенских условиях, не желая владеть тем, что представляет собой какую-то цену... Он кормит и поит друзей и родственников на протяжении многих дней, не проявляя при этом скупости, но не может сопротивляться искушению сэкономить несколько центов, покупая полусгнившие фрукты».

Еще одной из выделяющихся черт сульфура является его интеллектуальность. Является ли представитель этого типа квалифицированным рабочим или высокого ранга служащим, художником или врачом, он всегда обнаруживает научный или философский склад ума. Он любит теоретизировать, заниматься рационализацией, создавая абстрактные или гипотетические системы и картотеки практических и статистических данных... Классическим примером типа сульфур является «одетый в лохмотья философ» (Геринг).

Напоминает энеатип V и тип личности, ассоциируемый в гомеопатической медицине с препаратом «силика» (силициум, лат. - кремний, жестокосердный человек). Привожу цитату из книги Культер

«Отсутствие гибкости кремния проецируется на умственной плоскости в упрямстве типа „силика" (Беннингхаузен)... Он не агрессивен и не склонен к дискуссиям, он часто улыбается, неизменно приятен в общении и производит впечатление человека мягкого, хотя на самом деле всегда поступает так, как ему представляется нужным...»

Она описывает ребенка, который не хочет учиться в школе-интернате, однако для того, чтобы убедить родителей не посылать его туда, использует исключительно пассивные методы. Другим примером этого типа является юная девушка или молодая женщина, которая отказывается выслушивать чьи-то советы или принимать подарки... не вследствие того, что она отрицательно относится к таким вещам, но из-за непреклонности своих взглядов. Эта же девушка (равно как и мальчик) может проявлять подобную жесткость и в суждениях о людях, что оборачивается для них сложностью в приобретении друзей, а позднее и в поисках подходящего спутника жизни. Люди, остающиеся одинокими не вследствие отворачивания к браку, а из-за излишней требовательности, слишком разборчивые в выборе партнера, часто проявляют черты, свойственные типу «силика».

Культер сравнивает индивида силика со «стеблем пшеницы», который тонок и хрупок, но защищен твердой оболочкой. В людях эта относительная твердость проявляется в виде интеллектуальной стабильности и способности концентрироваться, хотя им не хватает жизнеспособности и «они могут тратить так много энергии на то, чтобы справиться с проблемами, связанными с физическим окружением, что у них почти не остается энергии для того, чтобы наслаждаться жизнью».

Напоминают энеатип V также и приписываемые типу силика забывчивость и рассеянность, их малодушие и стремление избегать ответственности. Культер цитирует высказывание Витмонта, который сравнивает представителя этого типа «с робкой хрупкой белой мышью, которая, несмотря на свою слабость, яростно защищает собственные права на свою маленькую территорию».

3. Структура черт характера

Стремление удержаться

Как и в случае других характеров, для этого типа можно обнаружить целый кластер дескрипторов, соответствующих его доминирующей страсти. К нему, наряду с алчностью, принадлежат такие характеристики, как недостаток щедрости в делах, связанных с деньгами, энергией и временем, а также скарденность, с сопутствующим ей равнодушием к нуждам окружающих. Среди характеристик данного кластера важно также отметить свойство удерживания принятого направления мыслей, как бы стремления выжать мысль до последней капли - качество, которое приводит к типичной для этого характера неровности мышления, некоторой форме косности, которая восстает против открытости индивида по отношению к воздействию внешнего мира и к тому новому, что в нем возникает, сопротивляется против перехода настоящего состояния сознания к последующему. Это характеристика, которую Гебзаттель выделил у ананкастика как «застревание»^[75].

Можно сказать, что четко выраженная межличностная стратегия удерживания ведет к преобладанию самодостаточности в отношении собственных ресурсов, к нежеланию обращаться к другим. Это, в свою очередь, порождает пессимистический взгляд на перспективу обрести чью-то помощь и защиту, а также на собственные возможности потребовать и получить то, что ему необходимо для жизни.

Нежелание отдать

Стремление избежать каких-либо обязательств можно также рассматривать и как выражение нежелания отдать, поскольку не отдать сейчас означает избавить себя от необходимости отдавать и в будущем. В этом стремлении избегать обязательств, однако, есть еще и другой аспект: потребность индивида энеатипа V в том, чтобы ощущать себя совершенно свободным, не связанным никакими обязательствами и ничем не ограниченным в обладании самим собой - черта, представляющая собой смесь алчности и сверхчувствительности до полного растворения (об этом мы будем говорить ниже). Следует указать, что склонность к накопительству подразумевает не только алчность в настоящем, но и ее проекцию на будущее - как некую защиту против того, чтобы не остаться ни с чем. Здесь мы снова видим

подтверждение того, что данная черта может рассматриваться не только как следствие алчности, но и как проявление свойственной этому характеру острой потребности в автономии (см.ниже).

Патологическая отчужденность

Принимая во внимание взаимозависимость в человеческих отношениях способности давать и брать, можно прийти к естественному выводу, что компульсивное нежелание отдать (которое, конечно, является отголоском приобретенного в детстве понимания того, что отдать больше, чем получаешь, значит поставить под угрозу собственное выживание) едва ли может поддерживаться иначе, как за счет самих отношений, - индивид как бы рассуждает: «Если единственный способ удержать то немного, чем я обладаю, - это отдалиться от людей, от их нужд и желаний, я пойду на то, чтобы сделать это».

Характерная отстраненность энеатипа V - это один из аспектов его патологической отчужденности, другой ее аспект - способность быть «одиночкой», т. е. способность быть одиноким и в силу своего отказа от связей, особенно не страдать от этого одиночества. Стремление быть в одиночестве является, конечно, проявлением более общей черты характера - отчужденности, поскольку оно требует эмоциональной отстраненности и подавления потребности в человеческом общении. С этим, по-видимому, связаны и те сложности, которые возникают у энеатипа V в установлении дружеских связей, поскольку важным аспектом таких сложностей является отсутствие мотивации для общения.

Хотя нетрудно проследить, как стремление удержать 'может перерасти в отчужденность, разрыв отношений взаимосвязан с подавлением потребностей, ибо навряд ли можно говорить о том, что человек, который отказывается от связей, нуждается в них, и таким образом, отказ от отношений уже сам по себе подразумевает отказ от потребностей или минимизацию их. В то время как отказ в отношении своих собственных потребностей практически является следствием отчужденности, подавление выражения гнева в этом характере опирается не только на отрицание потребности любви, но также и на

страх, присутствующий в шизоидных личностях как следствие расположения этого типа в непосредственной близости к левому углу энеаграммы.

Страх поглощения

Страх быть «поглощенным» другими и желание избежать это То возможно объяснить стремлением избегать отношений, но не только им, ибо этот страх есть также выражение полуосознанного ощущения подавления своей потребности в общении и (как это подчеркивает Фэрберн) боязни потенциальной зависимости. Высокая чувствительность к постороннему вмешательству и попыткам помешать со стороны окружающих у индивидов энеатипа V является не только выражением стремления к отчуждению, но также и проявляемой склонности сдерживаться перед лицом внешних требований и осознаваемых потребностей других. Другими словами, повышенная чувствительность к постороннему вмешательству у этого типа идет рука об руку с их сверхпокорностью, вследствие которой индивид часто наносит ущерб собственной непосредственности, собственным предпочтениям и возможности действовать в присутствии других так, как это диктуют его потребности. В свете этой сверхпокорности (понимаемой как производный продукт сильно подавляемой потребности в любви) мы можем понять и столь ярко выраженное у энеатипа V стремление к одиночеству. В той мере, в какой отношения влекут за собой необходимость отказа от своих собственных предпочтений и аутентичного выражения, возникает скрытое напряжение и желание освободиться от него, а отсюда снова потребность оказаться в одиночестве.

Автономия

Острая потребность в автономии является естественным следствием отказа от отношений. Процесс развития «механизма отчуждения» (используя выражение Х.С.Салливана) сопровождается развитием у индивида способности обходиться без внешней поддержки. Тот, кто не может обратиться к другим с целью удовлетворения своих желаний,

должен создавать свои собственные ресурсы, сохраняя их, как в башне из слоновой кости. Чертой, связанной с автономией и однако остающейся самостоятельной характеристикой, является идеализация автономии, которая усиливает подавление желаний и лежит в основе жизненной философии, которую Гессе вложил в уста Сиддхарты: «Я могу думать, я могу ждать, я могу голодать»^[76] .

Бесчувственность

Хотя я уже упоминал о подавлении потребностей у энеатипа V, а также и о подавлении у них гнева, представляется разумным сгруппировать эти дескрипторы с другими в более обобщенную черту - бесчувственность. Эта черта связана с утратой осознания чувств и даже со стремлением помешать их появлению, что является результатом избегания их проявления и действия. Наличие этой черты делает представителей данного типа безразличными, холодными, невыразительными и апатичными. Сюда можно было бы поместить и отсутствие жизнелюбия, хотя неспособность получать удовольствие от жизни является достаточно сложным явлением: в то время как энеатип I не расположен к наслаждениям, энеатип V, по-видимому, обладает пониженной способностью их получения. Отсюда явствует то, что удовольствия для этого типа характера не котируются высоко на шкале жизненных ценностей, так как стремление их получить уступает более «наущным» потребностям, таким как поддерживать безопасную дистанцию в отношениях с другими людьми и стремление к автономии.

Откладывание действий

Можно сказать, что действовать - это значит вкладывать себя во что-то, расходовать свою энергию, что идет вразрез с ориентацией энеатипа V на удержание. Однако в более общем плане действие нельзя рассматривать в отрыве от взаимодействия, так что в тех случаях, где понижено стремление к общению, стремление к действию тоже соответственно оказывается пониженным. С другой стороны, действие требует энтузиазма по отношению к чему-то, наличия чувств, которые в случае апатичной личности отсутствуют. Действовать - значит раскрываться перед окружающими, ибо в действиях личности проявляются ее намерения. А тот, кто хочет держать свои эмоции в тайне от окружающих (что является типичным для алчного типа), неминуемо будет подавлять из-за этого свою деятельность и вместо спонтанных поступков и инициативы будет вырабатывать у себя чрезмерную сдержанность. Характерную для этого типа медлительность можно рассматривать как гибрид негативизма и стремления избежать действия.

Когнитивная ориентация

Для энеатипа V характерна не только интровертность (являющаяся следствием отказа от отношений), но и типично сопутствующая интровертности интеллектуальность. Через доминирующую ориентацию на познание этот тип, возможно, стремится получить замену удовлетворению - как в случаях, когда человек заменяет реальную жизнь чтением. Однако символическая подмена жизни не является единственной формой выражения интенсивной мыслительной деятельности: еще одним ее аспектом является стремление подготовить себя к жизни, и это стремление может оказаться столь интенсивным, что человек никогда так и не почувствует себя к ней подготовленным. При выработке ощущений, рассматривающихся как подготовка к (подавляемому) действию, энеатип V проявляет удивительную способность к абстрагированию, он склонен к классификации и организованности и не только проявляет ярко выраженное стремление к процессу упорядочения, но и склонен увлекаться абстрагированием, избегая конкретности. Это желание избежать конкретности, в свою очередь, связано с характерной для этого типа скрытностью: будучи склонным к абстрагированию, он предлагает окружающим свои перцепции, но не непосредственные ощущения.

Со склонностью к абстрагированию и упорядочению приобретенных знаний связан у этого типа и интерес к науке, и любознательность в отношении научных знаний, он занимает позицию беспристрастного, хотя и проницательного наблюдателя, который наблюдением и осмыслением жизни пытается заменить реальную жизнь.

Чувство опустошения

Подавление чувств и стремление избежать реальной жизни (с целью избежания чувств) естественно приводят к отказу от действий и объективному обеднению опыта. Ощущение опустошенности, духовной стерильности и бессмысленности существования появляются у этого типа как результат жизни, в которой отсутствуют нормальные человеческие отношения, чувства и поступки. Широкое распространение такого ощущения внутреннего вакуума в наши дни

(когда другие симптоматические невроты в какой-то степени заслонены «экзистенциальными») объясняет огромное количество представителей энеатипа V среди посетителей консультационных кабинетов психотерапевтов. Одним из психодинамических последствий этой экзистенциальной боли от ощущения тусклости существования является попытка компенсировать бедность чувств и отсутствие активной жизни интенсивной интеллектуальной жизнью (для которой представители этого типа обычно обладают необходимыми способностями), а также выбором позиции любопытствующего или критически настроенного «аутсайдера». Еще одним, более фундаментальным следствием является «недостача бытия» для стимуляции основополагающей страсти, - что характерно для каждой из рассматриваемых в этой книге структур характеров.

Чувство вины

Энеатип V (так же как и энеатип IV, тоже находящийся в нижней части энеаграммы) характеризуется склонностью к переживанию вины, хотя у энеатипа V она ощущается менее остро, поскольку ее «смягчает» общая направленность на отстраненность от чувств. Чувство вины проявляется в смутном ощущении своей неполноценности, в уязвимости, в чувстве неловкости и застенчивости и, что является наиболее типичным, в характерной скрытности, свойственной людям этого типа. Хотя чувство вины можно объяснить наличием сильного суперэго у энеатипа V, я полагаю, что оно является также следствием принятого в детстве скрытого решедья исключить для себя чувство любви (как реакция на отсутствие чувства любви в окружающем мире). Таким образом, холодная отстраненность энеатипа V может рассматриваться как эквивалент гнева мстительного типа VIII, который выбирает для себя одиночество и борется за свое существование во враждебном мире. Его уход от людей эквивалентен противоборству им, как если бы, не имея возможности выразить свой гнев, он уничтожал противника в своем внутреннем мире. Вступая на путь пренебрежения и отсутствия любви, он ощущает чувство вины, которое не только сравнимо с чувством вины закоренелого бандита, но и является более «явным», поскольку у бандита оно отрицается из чувства

самосохранения, тогда как здесь оно приобретает всепроникающий характер, как у героев произведений Кафки.

Высокое суперэго

Наличие высокого суперэго может рассматриваться как черта, взаимозависимая с ощущением вины: требовательность суперэго приводит к ощущению вины и может рассматриваться как компенсаторная реакция на нее (это в какой-то мере напоминает образование реакции, связанной с высоким суперэго у энеатипа I). Подобно индивиду энеатипа I, представитель энеатипа V ощущает себя вынужденным поступать тем или иным образом в силу своей принадлежности к данному типу и проявляет большую требовательность КйК к себе, так и к окружающим. Можно сказать, что энеатип I является перфекционистским скорее внешне, в то время как энеатип V является перфекционистским внутренне. Кроме того, первый придерживается относительной идентификации со своим суперэго, в то время как второй идентифицирует себя со своим внутренним образом «неудачника».

Негативизм

В основе восприятия потребностей других людей как накладывающих неприятные обязанности, а также в противостоянии собственным (сложившимся под влиянием суперэго) требованиям лежит, помимо желания избежать вмешательства и влияния окружающих, желание отвергнуть осознаваемые требования как других людей, так и свои собственные. Здесь мы еще раз наблюдаем фактор, лежащий в основе характерного для этого типа оттягивания действия, так как иногда оно связано с нежеланием делать то, что воспринимается как обязательное, с нежеланием «отдать» нечто, что от него требуют или ожидают, даже когда источник такой просьбы является скорее внутренним, нежели общественным. Проявлением такого негативизма является то, что любое действие, которое решает предпринять такой индивид на основе своего истинного желания, приобретая очертания четкого проекта, имеет шанс превратиться в необходимое, что влечет за

собой потерю мотивации на базе внутреннего сопротивления.

Гиперчувствительность

Хотя мы затрагивали аспект нечувствительности энеатипа V, необходимо включить в его описание и характерную для него гиперчувствительность, которая проявляется начиная от его неспособности переносить боль и кончая страхом быть отвергнутым.

У меня сложилось впечатление, что эта черта является для данного типа более характерной (основополагающей психодинамически), нежели его бесчувственность, и что, как предположил Кречмер ^[77], эмоциональная подавленность возникает у них именно как защита от сверхчувствительности. Сверхчувствительность энеатипа V проявляется в ощущении собственной слабости, уязвимости и ранимости при столкновении с материальным миром и даже с другими людьми. До тех пор пока индивид не отгорожен от восприятия других, он проявляет в общении мягкость и безобидность. Это справедливо и для тех случаев, когда он сталкивается с миром неодушевленных предметов: ему не хочется нарушать установленный в этом мире порядок; выражаясь образно, ему хотелось бы не причинять вреда траве, по которой он ступает. Хотя сверхчувствительность, наряду с его когнитивной ориентацией и интровертным отходом от людей, можно приписать церебротонической направленности данного типа, эта сверхчувствительность может пониматься как частично связанная с ощущением полусознанной психологической боли: боли, возникающей от ощущения вины, боли от одиночества, боли от пустоты своей жизни. Мне представляется, что индивид, ощущающий полноту жизни и собственную значимость, способен вынести большую боль, чем тот, чья жизнь пуста и бессмысленна.

Таким образом, отсутствие удовольствий и чувство собственной незначительности, по-видимому, влияют на диапазон переносимости боли, и сверхчувствительность, несомненно, является одним из факторов, стоящих за решением личности избегать приносящих боль разочарований и отношений, выбрав для себя изоляцию и автономию.

4. Механизмы защиты

Хотя и можно говорить об образовании реакции в связи с суперэгоическим аспектом энеатипа V (т.е. хорошие парень или девушка, у которых ничто не указывает на жадность или злобность), но здесь преобладает не образование реакции, а изоляция.

Конечно, под изоляцией в техническом смысле этого слова здесь понимается не бихевиоральная изоляция шизоида в социальном мире - и однако, по-видимому, существует какая-то связь между межличностной изоляцией и механизмом защиты, называемым изоляцией в психоанализе, т.е. между разрывом отношений с окружающими и прерыванием отношений с самим собой или с представлением других в собственном внутреннем мире.

Анна Фрейд описывает изоляцию как состояние, при котором инстинктивные стремления отделены от их контекста, хотя в то же время они сохраняются в сознании. Матте-Бланко ^[78], говоря о болезненных, травматических переживаниях, сообщает, что в случаях, когда интеллектуальное содержание того, что происходит, изолировано от ощущаемых индивидом сильных эмоций, «происшедшее вспоминается пациентом совершенно спокойно, как будто все это случилось с кем-то другим и не имеет для него никакого значения». В этих случаях, добавляет он, «изоляции подвергается не только само интеллектуальное содержание, но и связь внутри самого интеллектуального содержания, что приводит к утрате истинного и глубокого значения травматического переживания и инстинктивных импульсов, которые появились в связи с этим. Результат этого, следовательно, тот же, что и при подавлении через амнезию».

Понятие изоляции применяется к процессу отделения переживаемого от контекстуального горизонта опыта через интерполяцию ментального вакуума немедленно после переживания. Можно считать, что симптом блокирования при шизофрении соответствует экстремальной форме самоизоляции через остановку умственной активности. Этот процесс был назван Фрейдом моторной изоляцией и интерпретируется как производный от нормальной концентрации (в которой также предотвращается прерывание мыслей или ментальных состояний). Далее Матте-Бланко комментирует: «В нормальном процессе направления потока мыслей можно сказать, что это во многом производит работу, связанную с изоляцией».

Механизм расщепления эго тесно связан с механизмом изоляции и является не менее характерным для энеатипа V. В то время как расщепление психики является повсеместной характеристикой при неврозах (и явно имеет место при разделении суперэго, эго и ид), расщепление суперэго как таковое - при котором противоречивые мысли, роли, отношения сосуществуют в сознательной части психики, не будучи осознанными пациентом как противоречие, такое расщепление более характерно для энеатипа V, чем для какого-либо другого характера и объясняет не только одновременное существование в психике этого типа мании величия и комплекса неполноценности, но также и одновременное существование в ней положительного и отрицательного восприятия окружающих. Можно сказать, что изоляция является ключевым явлением для рассматриваемого типа, в том смысле, что характерное для него отчуждение как от людей, так и в более широком смысле от внешнего мира в целом (включая и его собственное тело), не только зависит от инактивации (бездеятельности) чувств, но также соответствует избеганию ситуации, при которой нормально проявляются чувства: прерывание жизненного процесса здесь стоит на службе избегания чувств.

Несоответствие отстраненности нормальной человеческой потребности в контактах поддерживается через притупление эмоциональной жизни, в других случаях, у более сверхчувствительной разновидности индивидов, она сосуществует бок о бок с инстинктивными чувствами, которые, появляясь, кажутся более тесно связанными с эстетическим и абстрактным, нежели с миром межличностного общения. Стремление избегать действия у энеатипа V может рассматриваться в свете избегания чувств и механизма изоляции и заслуживало бы названия моторной изоляции вместо прерывания мыслей и нарушения гештальтной перцепции через ментальное блокирование.

Там, где существует отстраненность не только от других людей, но и от окружающего мира, действие не является необходимым, и наоборот, избегание действия поддерживает избегание связей.

Здесь, как и при исследовании других типов характеров, мы можем задать себе вопрос, возникает ли механизм изоляции в связи с особенно тщательно избегаемой областью пережитого, так что его типичное действие соответствует типичному подавляемому содержанию. Ответ,

по-видимому, содержится в самой структуре энеаграммы, ибо здесь мы можем снова понять, что отношение энеатипа V наиболее противоположно отношению энеатипа VIII и что сверхконтроль, пониженная жизнеспособность и склонность не вкладывать усилий ни в какие действия и отношения влекут за собой соответствующие табу на интенсивность и страх перед потенциальной деструктивностью. Энеатип V есть само отрицание здорового изобилия, и таким образом, мы снова должны считать механизм расщепления связанным с желанием индивида защитить себя от примитивной и импульсивной реакции на окружающую действительность. Его умение отделить себя, концептуально и аналитически учитывая аспекты ситуации, позволяет ему рассматривать такие ситуации как нечто не имеющее отношения к его личным потребностям, - и, таким образом, ведет к ограничению этих потребностей, идущему нога в ногу с корыстолюбием в самоотдаче.

5. Этиологические и дальнейшие психодинамические замечания [\[79\]](#)

Как группа, индивиды энеатипа V наиболее эктоморфны в энеаграмме, и разумно было бы предположить, что цереб-ротоническая расположенность этого типа способствовала их «выбору» отстранения как способа решения жизненных проблем. Временами индивид этой группы имеет воспоминания, связанные с ощущением собственной физической уязвимости.

Что является в высшей степени удивительным в истории отстранения от любви энеатипа V - это то, что оно происходит в раннем возрасте, так что ребенок не имеет возможности сформировать глубокую связь с матерью. В отличие от энеатипа IV, эмоциональная реакция которого состоит в скорби по поводу потери, энеатип V лишь ощущает пустоту и не знает, чего ему недостает. Синдром госпитализации, описанный Шпицем, при котором дети обеспечиваются питанием, но не получают материнской заботы, может привести к смерти ребенка, все это можно рассматривать как символическое подобие того, что в более тонкой форме происходит с отстраненным взрослым, который страдает от апатии и депрессии, но при этом не испытывает чувства грусти.

Ситуация с лишением ребенка материнской заботы (в буквальном или переносном смысле), может оказаться более сложной и запутанной в том случае, когда ребенок является в семье единственным и отец отстраняется от его воспитания или мать ревниво вмешивается и мешает складыванию отношений между отцом и ребенком. Отсутствие связей с окружающими в таких случаях обусловливается недостатком опыта в создании прочных связей в семье.

Еще один элемент, часто встречающийся в истории энеатипа V, - это «пожирающая», властная или излишне вмешивающаяся во внутреннюю жизнь ребенка мать ^[80].

Вышеописанные и другие ситуации в ранней жизни энеатипа V приводят к появлению у него чувства, что в жизни лучше быть одному, что люди по своей натуре не способны любить и что в отношениях с другими людьми нет «ничего хорошего», так как любовь, которую они предлагают, есть лишь средство манипулировать, и что взамен они слишком много потребуют. Таким образом, появляется жизненная установка отсутствия потребности в других и сохранения собственных ресурсов для себя самого.

Как хорошо известно из исследований, посвященных шизофрении, шизоидные пациенты часто имеют шизоидного родителя. Я знаком с пациенткой, у которой оба родителя были шизоидами: «Они образовали пару, которая была подобна капсуле, маленький замкнутый мирок». «Я не испытывала ни в чем недостатка, - продолжает она, - но я никогда не знала, что происходит дома. Когда я была маленькой и звала свою мать, та после некоторой паузы шутливо отвечала: „Ты меня зовешь? Но я вовсе не твоя мать!“»

Не менее часто, однако, у энеатипа V встречается родитель энеатипа VI. Вот что говорит молодой человек с отцом энеатипа VI и матерью энеатипа IV: «Я чувствовал себя как бы заключенным в клетку, все прекрасное находилось снаружи, и самым большим моим желанием было убежать из нее и находиться как можно дальше от родителей. Мне было трудно с родителями, потому что они излишне ограничивали меня, в результате чего решением проблемы для меня был уход в свой внутренний мир. Даже когда я смог уехать от них, я продолжал вести себя подобным образом».

«Я часто задаюсь вопросом, не началась ли история с оставлением меня с самого моего рождения, когда при моем появлении не оказалось

врача. Сестры говорили, что он только лишь вышел позавтракать, и они связали ноги моей матери вместе». Другой случай оставления, о котором он узнал, произошел, когда он лежал в колыбели. Уходя на работу, родители снимали трубку телефона и клали ее около ребенка. «Время от времени мы подходили к телефону и слушали, не плачешь ли ты, и, если ты плакал, приходили домой».

Как и в случае с энеатипом VIII, энеатип V, по-видимому, совершенно отказывается от поисков любви. Он делает это до такой степени, что его потребности в зависимости находятся под контролем, однако он желает любви, которая выражалась бы в готовности оставить его в одиночестве, не предъявлять к нему никаких требований, не обманывать его и не пытаться им манипулировать. Как и в других случаях, яркость этого идеала бросает вызов его реальному воплощению.

6. Экзистенциальная психодинамика

Хотя имеет смысл рассматривать предрасположение к шизоидности как отстраненность перед лицом предполагаемого отсутствия любви и полезно учитывать то, что это ощущение отсутствия любви продолжает существовать не только как «фантом боли», но также как результат того, что постоянное недоверие ведет к обесцениванию положительных чувств других по отношению к нему как попытки манипулировать, - я думаю, что откроется совершенно новая терапевтическая перспектива, если мы примем во внимание последствия пустоты, которые индивид невольно создает именно в попытке заполнить ее. Таким образом, мы можем сказать, что взрослому представителю энеатипа V нужна не просто материнская любовь, но настоящая жизнь, ощущение бытия, полноты жизни, которые он саботировал каждую минуту своей жизни, отказываясь от жизни и отношений.

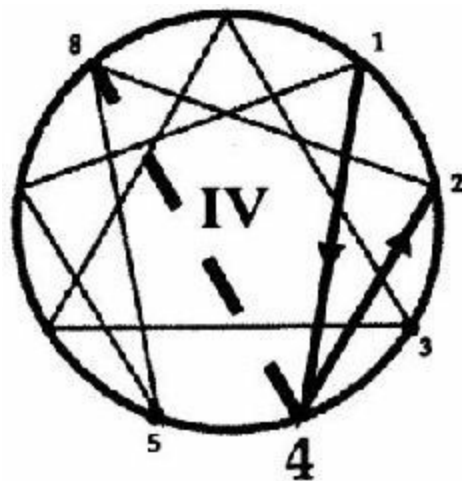
Таким образом, он надеется не на то, чтобы получить любовь (поскольку он не может доверять чувствам людей), но приобрести способность любить и устанавливать отношения с людьми.

Как погруженность в себя поддерживается жадной обогатившейся и ведет к оскудению, точно так же неверно направленный поиск бытия

ведет к жизненной обскурации (умопомрачению). Погруженный в себя шизоид готов устраниться из пытающегося вмешаться в его жизнь мира, но, делая это, он устраняет себя от самого себя.

Энеатип V обладает скрытым убеждением, что бытие можно найти только вне области становления личности: вне тела, вне чувства, вне самого мышления. (И на самом деле, так оно и есть, однако с некоторым «но», ибо его можно достичь только тем, кто не избегает ни своего тела, ни чувств, ни ума.)

Хотя стремление удержать легко понять как осложнение онтической жажды бытия, неплохо было бы задуматься над тем, что стремление удержать неотделимо от стремления избежать (avoidance), составляя единый источник психической динамики. Этот процесс хорошо изображен в истории о Мидасе, который, стремясь разбогатеть, пожелал, чтобы все, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в золото. Непредвиденное трагическое последствие его пожелания - превращение в золото его собственной дочери. Эта история - гораздо более наглядный символ, чем концептуальные объяснения, - процесс, с помощью которого достижение самой желанной цели может повлечь за собой дегуманизацию, а стремление к экстраординарному - утрату способности оценивать обычные вещи.

Глава 3

Зависть и депрессивно-мазохистский характер

Энеатип IV

1. Сущность типа. Номенклатура и место на энеаграмме

Эмоциональное состояние зависти подразумевает болезненное ощущение лишенности чего-то, что страстно хотелось бы иметь, при этом добродетель воспринимается как качество, которое не присуще личности, но которое необходимо приобрести.

Хотя зависть и является естественной реакцией на ранние фрустрации и осознание лишенности чего-либо, она представляет собой фактор саморазрушения в психике, ибо чрезмерная потребность в любви, которую она порождает, не соответствует хроническому ощущению ущербности и собственного несовершенства, но, напротив, порождает последующие разочарование и боль.

Чувство фрустрации является неизбежным следствием зависти. Кроме того, чрезмерные желания могут привести к болезненным ситуациям, подобным той, которую изобразил Кеведо-и-Вильегас в своем видении ада. Он рассказывает о том, как завистливые прибывают в ад и наблюдают, какие мучения испытывают души других людей, при этом они страдают от того, что для них не уготовано никакого места в аду^[81].

Зависть на энеаграмме является спутником тщеславия и занимает место по соседству с точкой 5, обозначающей алчность, которая порождает сравнимое с завистью чувство лишенности чего-либо, хотя

при наличии чувства ущербности отношение к этой лишенности является иным. В то время как точка 6 означает мощную устремленность, настоятельную потребность в том, в чем ощущается недостаток, точка 5 характеризуется позицией отказа от каких-либо ожиданий получить что-то из окружающего мира и в значительной степени - стремлением сохранить собственную энергию, склонности и привязанности.

Связь зависти с тщеславием еще более важна, чем ее связь с алчностью, поскольку точка 4 входит в состав триады в правом углу энеаграммы, которая в целом тяготеет к чрезмерной заботе об образе самости. В то время как личность энеатипа III идентифицирует себя с той частью личности, которая совпадает с идеализированным образом, представитель энеатипа IV идентифицирует себя с той частью личности, которая не совпадает с идеализированным образом и всегда стремится достичь невозможного. Здесь мы имеем дело с личностью, движимой тщеславием, которая неспособна достичь своей цели вследствие ощущения собственной ущербности и бесполезности (точка 5).

Несмотря на то что энеатипы, обозначаемые на энеаграмме точками 4 и 5 (зависть и алчность), имеют общей чертой ощущение собственной бесполезности, вины и ущербности и оба могут быть охарактеризованы как подверженные депрессии, они во многих отношениях отличаются друг от друга. В то время как чувство вины в типе зависть является осознанной пыткой, у представителей типа алчность оно часто завуалировано кажущимся моральным безразличием (которое характерно и для энеатипа VIII и представляет собой болезненную реакцию (бунт) на чрезмерность своих собственных требований и обвинений). Если депрессия у представителей типа зависть проявляется как несдерживаемое горе, то алчные люди часто лишены способности плакать или выражать свою боль другими способами, так что у них депрессия часто проявляется в виде апатии и чувства опустошенности. Можно сказать, что у энеатипа V «сухая» депрессия, в противоположность «мокрой» депрессии энеатипа IV; иначе говоря, алчность характеризуется сдержанностью, а зависть - страстностью. В этом проявляется их четкая дифференциация: «сухая» алчность апатична, «мокрая» зависть страстна; если первую можно сравнить с пустыней, то вторая напоминает трясину. (Использование во французском языке слова *envie* для обозначения страстного желания

подчеркивает очевидный вывод о том, что зависть является наиболее страстной из всех страстей.) В то время как энеатип V характеризуется атмосферой внутренней сдержанности, для энеатипа IV характерна атмосфера смятения и беспокойства. Наиболее характерной чертой энеатипа IV, помимо определяющей его поведение зависти, может считаться склонность к самопреследованию и фрустрация.

Кернберг с соавторами справедливо подвергли критике «Диагностико-статистический справочник по психическим заболеваниям» (DSM-III) за то, что в нем не уделялось внимания депрессивному, саморазрушающему мазохистскому типу личности. Я с радостью обнаружил, что в новом издании DSM сделаны, хотя и робко, попытки осветить этот тип личности, ибо он, несомненно, является одним из наиболее распространенных источников межличностных конфликтов. Со времен античности известны такие проявления психического поведения, как жалобы и стенания, так же как и тенденция к недовольству, в то время как мазохистский характер, который был описан уже Куртом Шнайдером, был заново открыт Абрахамом при наблюдении за словесно-агрессивным характером и затем подробно описан Хорни.

2. История исследования типа в научной литературе

Хотя синдром мазохистской и самопораженческой личности не нашел отражения в DSM-III, это было следствием того, что тенденцию к депрессивности, столь характерную для такого типа характера, относили раньше к расстройствам настроения. Однако точка зрения относительно того, что с депрессивностью связан определенный тип личности, существует очень давно, и Шнайдер цитирует Крепелина ^[82], который пишет о типе, характеризующемся «постоянным эмоциональным тяготением к мрачным чувствам, связанным со всеми проявлениями жизни». Шнайдер описывает тип людей, которые «пессимистичны и скептичны и в глубине души отрицают жизнь», но «все же окружают ее чем-то вроде невостребованной любви». «Это тип людей сверхсерьезных, которые чем-то озлоблены и в глазах которых все выглядит низким и отвратительным... Все это, однако, не обязательно лежит на поверхности, ибо эта меланхоличность характера

может быть скрыта... такие люди могут проявлять внешнюю радость и развивать необычайную активность как средство спастись от своей меланхолии». В связи с этим Шнайдер приводит цитату из поэмы Гёльдерлина о шутах: «Вы всегда играете и шутите, вы ведь не можете иначе, и я глубоко тронут, друзья, поскольку лишь отчаявшиеся вынуждены так поступать».

Шнайдер отмечает также у меланхоликов тенденцию к тщеславию.

«Сравнивая себя с людьми, которые живут счастливо, и зная простоту, характерную для таких людей, они начинают считать свои страдания чем-то благородным, а себя - обладающими аристократизмом. Другие полагают свои страдания достоинством, что, наряду со склонностью размышлять о горестях жизни и острой потребностью в помощи, заставляет их искать утешения в философии или в религии». Он отмечает также среди меланхоликов склонность к эстетству, которая может проявляться в их манере одеваться и в образе жизни, а также в высокомерном отношении к окружающим.

И наконец, он отмечает различие между теми депрессивными индивидами, которые являются собственно меланхоликами (такими, которых Кречмер ставит в один ряд с циклотимическими и называет их индивидами с «тяжелой кровью»), и теми, которых можно определить как людей, постоянно находящихся в дурном настроении: «они холодны и эгоистичны, вечно ворчат и всех ненавидят, раздражительны и ко всему критичны, подлы и коварны. В их пессимистичности по отношению ко всему, а также и по отношению к своей собственной судьбе есть нечто фанатичное. Они испытывают чувство, близкое к радости, по поводу своих новых неудач и не способны желать добра никому».

Синдром энеатипа IV был описан еще в первые годы развития психиатрии, в чем можно убедиться, читая исследование психопатических личностей Курта Шнайдера^[83]. Анализируя результаты исследований немецких ученых, опубликованные до него, он, например, приводит следующее наблюдение по поводу «депрессивного психопата»:

«В глубине души он отрицает жизнь и в то же самое время испытывает к ней нечто вроде оставшейся без взаимности любви. В нем часто развита склонность к тщеславию, привычка сравнивать себя с другими, с теми, кто доволен жизнью и счастлив, и осознание простоты

последних, возможно, даже излишней простоты, которая характерна для этих людей, заставляет таких страдальцев рассматривать собственные страдания как признак благородства, а себя считать чем-то вроде аристократов... Другие видят в своих страданиях достоинство, подобное их склонности к размышлениям и печальным раздумьям... Нередко в обстановке, которой они себя окружают, и в их образе жизни заметна склонность к эстетству, которая может порождать высокомерие и скрывает под собой внутреннее уныние. Другую категорию депрессивных составляют люди, постоянно находящиеся в дурном настроении, холодные и эгоистичные, ворчащие и озлобленные, раздражительные и воспринимающие все критически, жестокие и недоброжелательные. Они сохраняют свой пессимизм в любых обстоятельствах и способны ощущать почти радость по поводу своих собственных неудач. Они также неспособны желать добра другим людям». Такой характер Крепелин называет «расположенным к раздражительности», а Блейлер - «раздражительной дистемией» (dysthymia); оба эти определения находятся в соответствии с данным Ашеффенбургом описанием такой личности как вечно недовольной и негодующей ^[84].

Первым в истории психоанализа, кто привлек внимание к синдрому энеатипа IV, был Карл Абрахам: он сделал это в описании «словесно-агрессивного характера» при попытке установить связь структуры характера с изменениями, связанными с раскрытием либидо в соответствии с теорией Фрейда. Вот как описывает словесно-агрессивный или словесно-пессимистический характер Гольдман-Эйслер в своем классическом исследовании «Кормление грудью и формирование характера» ^[85]:

«Этот тип характеризуется глубоко пессимистичным взглядом на жизнь, иногда сопровождаемым приступами депрессии и замкнутостью, пассивным отношением, чувством неуверенности, стремлением обеспечить себе гарантии определенного уровня жизни, амбициозностью, в которой соединяются сильное желание подняться вверх по социальной лестнице с ощущением недостижимости этого, с ощущением несправедливости, острым ощущением соперничества, нежеланием разделить свой успех с кем бы то ни было и нетерпеливой раздражительностью». Подобный синдром описывает и

Эдмунд Берглер, который называет его «словесным пессимизмом».

Он подчеркивает нарцисстический аспект этого синдрома и интерпретирует его как навязчивое стремление повторять пережитую когда-то фрустрацию, связанную, как полагают, с отнятием от материнской груди. Стремясь интерпретировать эту ориентацию личности в духе представления Фрейда о фиксации, он высказывает предположение о том, что посредством своей фиксации на фрустрации словесный пессимист способен извлекать удовольствие из предвкушения катастрофы и разочарования, а это приводит к тому, что он ощущает удовлетворение от того, что является жертвой.

Интересно отметить, что понятие «мазохистский характер», введенное Райхом в статье, напечатанной в Международном журнале психоанализа (1932-1933), не включает никаких ссылок на словесно-агрессивный или словесно-пессимистический синдром (характер), и это наводит на мысль о том, что Райх имел в виду описание самостоятельной структуры характера. Отличительная черта мазохистского характера, согласно Райху, состоит в присущем ему «хроническом субъективном ощущении страдания, которое объективно проявляется и специфически выделяется в качестве тенденции к жалобам. Другой важной чертой мазохистского характера является „хроническая тенденция“ причинять самому себе боль и принижать собственные достоинства».

Наиболее интересным в статье Райха была его полемика с Фрейдом относительно существования инстинкта смерти, полемика, которая и явилась причиной публикации этой статьи, а также ответа на нее, озаглавленного: «Корпоративная дискуссия о психоанализе». Хотя мысли, изложенные в статье, дескриптивно верны, я думаю, большинство из нас сегодня не согласилось бы ни с теорией мазохистского поведения Фрейда, ни с альтернативой этой теории, выдвинутой Райхом: «специфическое мазохистское торможение функций оргазма, проявлением которого становится страх смерти или боязнь лопнуть или взорваться (bursting)».

Среди теоретиков психологии никто не уделяет зависти такого внимания, как Мелани Клейн. Она пишет в своей работе «Зависть и благодарность»^[86] :

«Я пришла к заключению, что зависть является самым мощным

фактором в подрыве чувства любви и благодарности в самой их основе, поскольку она оказывает влияние на самое раннее из всех отношений, а именно на отношение к матери. Основопологающее значение этого отношения для всей эмоциональной жизни человека подчеркивается в ряде психоаналитических исследований, и я думаю, что, продолжив исследование конкретного фактора, который может оказаться самым беспокоящим на этой ранней стадии, я добавила нечто важное в свои исследования раннего развития ребенка и формирования личности».

По существу, она показывает, как зависть способствует появлению затруднений при формировании у ребенка объекта блага, так как его фрустрация приводит к тому, что он воспринимает свою мать как зло. Мелани Клейн проводит различие между завистью и жадностью, которое можно уподобить разграничению «вожделения» и «зависти»:

«Жадность - это мощное и ненасытное желание, выходящее за рамки того, в чем нуждается субъект, и того, что в состоянии и что желает дать ему объект. На бессознательном уровне жадность прежде всего стремится к полному опустошению, высасыванию досуха и пожиранию груди, то есть целью жадности является деструктивная интроекция; тогда как зависть стремится не только к тому, чтобы взять все, что можно, но также и к тому, чтобы запятнать мать сначала дурными экскрементами и негативной частью своей самости и прежде всего нанести эту грязь на ее грудь для того, чтобы навредить матери и уничтожить ее. В самом глубоком смысле это означает разрушение ее созидательной способности».

Независимо от того, пожелаем ли мы поверить вслед за последователями Клейн в то, что ребенок действительно фантазирует подобным образом, оставляя на теле матери свои экскременты, или же мы будем считать, что это фантазия взрослого, проецируемая на экран детства, мы можем отнестись к ее высказываниям так же, как относимся к сюрреалистической карикатуре, т. е. воспринимать их символически и феноменологически.

Нечто подобное можно было бы сказать и о стандартных психоаналитических высказываниях, касающихся ситуации с эдиповым комплексом: независимо от того, воспринимаем ли мы сексуальные символы буквально или нет, они содержат соответствующее описание

взаимоотношений ребенка с родителями:

«На протяжении всего этого раздела я говорю о первичной зависти к материнской груди, и этот вид зависти следует отличать от его более поздних форм (присущее девочке желание занять место матери и присущее мальчику желание занять положение женщины), при которых зависть больше не фокусируется на материнской груди, но распространяется на принятие матерью пениса отца, на ее способности вынашивать детей и рождать их и на ее способности кормить их грудью»^[87].

Зависть к пенису является несомненной реальностью, которая проявляется, например, в том, что многие девочки вырастают в обстановке бессознательного сексуального притяжения к отцу и ощущения ненависти к матери из чистого соперничества, в то время как в других случаях, в чем я не сомневаюсь, проблема скорее связана с любовью родителей, нежели с их сексуальной жизнью. Более оригинальным вкладом Клейн в выявление примитивной природы зависти является ее подчеркивание стремления зависти к «порче объекта».

Хотя мазохистская модель сейчас получила широкое признание среди любителей, разбирающихся в психологии, это следует приписать не столько влиянию Мелани Клейн (которая не сумела выявить тип личности, в основе которой лежит зависть) или Райха (ибо термин «мазохистский» в биоэнергетике вновь приобрел свое первоначальное значение и начал обозначать наш циклотимический энеатип IX), сколько работе Эрика Берна «Люди, которые играют в игры», в которой мазохистскую модель можно распознать в таких играх, как «Подумайте, какой ужас!», «Изъян», «Не тронь меня» и «Искалеченная мать». Игра под названием «Подумайте, какой ужас!» находит свое наиболее драматичное выражение у больных, стремящихся снова и снова подвергаться операции^[88]:

«Это люди, которые постоянно бегают по врачам и энергично доказывают необходимость для себя очередной операции, даже если медики при этом не видят в операции никакой необходимости». Берна делает то же самое наблюдение относительно этого типа, что и Шнайдер в отношении «депрессивных» психопатов: «Внешне выражают страдания, а в глубине души радуются возможности

получить удовлетворение, которое им приносят несчастья».

Относительно же приверженцев игры «Лягните меня» он говорит, что это люди, социальное поведение которых можно уподобить ношению на груди надписи «Не тронь меня!», а на спине - «Мои несчастья лучше, чем ваши!».

В «Сценариях, которые разыгрываются людьми» Штейнера есть модель жизни, называемая «Я бедная маленькая женщина», в которой женщина разыгрывает роль жертвы, ожидающей спасителя ^[89]. Прочитав некоторые из его наиболее интересных наблюдений: «Она испытывает чувство интимности из своего состояния детского эго по отношению к состоянию родительского эго других, но редко в качестве равной». Имея возможность вести себя по-детски, она может быть непосредственна как ребенок, беспомощна и очень изобретательна в изображении себя «безумной». Она узнает, что может с большей легкостью добиться своего, рассказывая людям о своих неприятностях, и так вживается в этот образ, что не может от него отказаться. Она постоянно жалуется по поводу того, в какой ужасной ситуации находится, и пытается заставить других что-то делать, чтобы исправить ее. Она стремится доказать, что является жертвой, создавая ситуации, в которых она сначала манипулирует людьми, заставляя их делать то, что они в действительности не хотят делать, а затем, когда они начинают испытывать негодование, добивается от них неприязненного отношения к себе.

Я уже указывал, что Отто Кернберг ^[90] привлекал внимание к тому, что авторы «Диагностико-статистического справочника» игнорируют депрессивно-мазохистскую личность ^[91]. Вот что он пишет:

«Личность депрессивно-мазохистского типа ставит себя в ситуации, которые являются саморазрушительными и влекут за собой болезненные последствия даже в тех случаях, когда очевидно, что имеются возможности избежать такой ситуации... При этом разумные предложения помощи от других отвергаются... На положительные события в личной жизни такая личность может реагировать депрессией или ощущением вины... Для людей подобного типа характерны действия, которые вызывают гнев окружающих и заставляют последних уклоняться от общения с ними... Такие люди постоянно могут избегать возможность

получения удовольствий... Они часто пытаются оказывать другим услуги, требующие от них исключительного самопожертвования, что вызывает у них чувство гордости за себя и повышает их самооценку».

Поскольку люди с мазохистским характером обычно ощущают себя имеющими множество проблем и ищут помощи у окружающих, интересно выяснить, как их диагностируют специалисты, пользующиеся DSM-III. Я полагаю, что многих из них относят к категории пограничных расстройств личности, ибо, несмотря на более общий смысл, предложенный Нюрнбергом, при котором термин «пограничный случай» понимается скорее как указание на уровень психологии, нежели как специфический межличностный стиль, диагноз «пограничный» на практике ставится в терминах характеристик энеатипа IV, таких, как изменчивость настроения, склонность к самоосуждению, импульсивность, вспыльчивость, излишняя зависимость и бурно протекающее перенесение-трансфер ^[92].

Проделанный Гринкером анализ случаев, классифицируемых как пограничные, также подтверждает связь этой диагностической категории с энеатипом IV, так как в трех выведенных Гринкером группах распознаются три подтипа энеатипа IV, выделенные в протоанализе: склонные к гневу и ненависти, испытывающие чувство стыда по поводу своей вины и подверженные депрессии ^[93].

Описывая пограничные случаи, Миллон ^[94] пишет: «Такие люди не только нуждаются в защите и поощрении для того, чтобы поддерживать нормальное психологическое состояние, но и становятся чрезвычайно уязвимыми, если их изолировать от этих внешних источников поддержки. Изоляция и одиночество могут оказывать на них губительное воздействие не только потому, что им не хватает внутренне присущего людям чувства самости, но и потому, что они обычно не обладают необходимыми материальными средствами, практическими навыками и умом, необходимыми для того, чтобы предпринимать обдуманые, осмысленные и независимые действия. Будучи неспособными должным образом позаботиться о себе, они не только опасаются возможных потерь, но часто заранее воображают эти потери и представляют, как они происходят, хотя в действительности никаких потерь нет. Более того, поскольку большинство больных, относимых к пограничным случаям, обладает заниженной самооценкой, им трудно

представить, что те, от кого они зависят, могут быть достаточно высокого о них мнения.

Поэтому они подвержены опасениям, что окружающие недооценят их и не пожелают с ними общаться. Имея столь неустойчивую основу для самооценки и испытывая дефицит средств для самостоятельного существования, они постоянно находятся на грани срыва, склонны к боязни одиночества и всегда готовы дать волю воображению по поводу неизбежного предательства окружающих. События, которые подогревают такие страхи, могут спровоцировать значительные усилия, направленные на восстановление утраченного имиджа и состоящие в идеализации, самоотречении, в попытках самоуничтожения или, наоборот, в самоутверждении и импульсивном гневe».

Мазохистский аспект энеатипа IV ясно отражается в наблюдении Миллона, что люди этого типа, «принося себя в жертву, не только поддерживают постоянный контакт с другими, но своим примером как бы обязывают окружающих проявлять по отношению к ним мягкость и заботу в ответ. Скорее добродетельное мученичество, чем самопожертвование, используется ими как уловка, с помощью которой они пытаются добиться привязанности окружающих, в которой так нуждаются».

Что касается самой депрессии, он замечает, что «страдания, отчаяние и смирение, столь драматично выражаемые такими людьми, служат им для того, чтобы снять напряженность и вывести наружу муку, которую они ощущают внутри себя. Для некоторых, однако, депрессивная летаргия и мрачное поведение являются прежде всего средством выражения гнева. Депрессия служит им в качестве инструмента, с помощью которого они наносят удары и мстят тем, кто «предал» их или требовал от них слишком много. Возмущенные «эгоизмом» окружающих, они используют свою мрачную и меланхолическую грусть как средство «рассчитаться» с такими людьми или «проучить их». Более того, преувеличивая свои несчастья и беспомощно предаваясь хандре, они эффективно избегают ответственности, перекладывая ее на других, вынуждают своих домашних не только заботиться о них, но страдать и ощущать при этом чувство вины».

Я считаю, что наиболее глубоким и четким описанием мазохистского характера, когда-либо появлявшимся в

психоаналитической литературе, является описание, сделанное Карен Хорни, которая, однако, обсуждает данный синдром, используя предельно обобщенный термин «самоуничтожения». Вот что пишет о мазохизме последователь Хорни Гарольд Келман (цитируется в Международной энциклопедии психологии Вольмана^[95]): «Хорни не считает мазохизм ни любовью к страданиям ради страданий, ни процессом самоотрицания, биологически предопределенным. Мазохизм есть форма установления связи, и его суть состоит в ослаблении или угасании индивидуальности больного и его слиянии с личностью или силой, которые он считает превосходящими его собственную личность». Это наблюдение согласуется с аспектом самосохранения зависти и интенсивным стремлением поглотить достоинства, наблюдаемые у других, но также и с готовностью пострадать за эту «любовь» или, если выражаться точнее, «потребность в любви». И далее: «Мазохизм является способом преодоления жизненных трудностей посредством самоуничтожения и зависимости. Хотя наиболее яркое выражение это находит в сексуальной сфере, но вместе с тем охватывает и всю область человеческих отношений. Составляя часть развития невротического характера, мазохизм обладает своими собственными особыми целями и системой ценностей. Страдания невротика, возможно, служат защитным целям, помогая избежать обвинений, соперничества и ответственности. В искаженной системе ценностей мазохизма страдание возводится в добродетель и служит основанием для требований любви, одобрения и воздаяния должного. Поскольку мазохист подавляет себя, испытывает гордость и отождествляет себя с личностью, страдающей от самоуничтожения, для его образа себя было бы губительным осознание конфликтующих стремлений к экспансивности и самовосхвалению, равно как и здоровое стремление к росту. Предаваясь беспощадной ненависти к той стороне своей личности, которую он не хочет принять, и мазохистским попыткам устранить конфликт противоречивых импульсов, мазохист погружается в пучину страданий и ненависти к самому себе».

В своей работе «Невроз и личностный рост» Карен Хорни называет одну из глав «Патологическая зависимость», и начинает ее с комментария по поводу того, что среди трех возможных решений Конфликта, возникающего между сближением с окружающим, самоутверждением в действиях против них и отдалением от них,

«самоуничтожение влечет за собой более глубокое ощущение несчастья». Истинные страдания самоуничтожительного типа, возможно, не превышают страданий при других типах невроза, но субъективно он чувствует себя несчастным чаще и в большей степени, чем другие, в связи с тем, что страдание для него становится многофункциональным. Кроме того, его потребность в окружающих людях и надежда использовать их в своих целях создают слишком сильную зависимость от них. И в то время как любая вынужденная зависимость причиняет боль, эта зависимость особенно мучительна, поскольку его отношение к людям не может не быть двойственным. Тем не менее любовь (в самом широком смысле) - это единственное, что придает позитивное содержание его жизни.

«Эротическая любовь представляется этому типу предельным осуществлением желания. Любовь кажется ему билетом в рай, где кончаются все страдания, где нет одиночества, где человек не ощущает себя потерянным, виновным в чем-то или недостойным, где не надо больше отвечать за себя, не надо сражаться с жестоким миром, к существованию в котором он чувствует себя неприспособленным. Ему кажется, что любовь принесет ему защиту, поддержку, привязанность, сочувствие, симпатию, понимание. Она даст ему ощущение собственной значимости, придаст его жизни смысл, явится для него спасением и искуплением. Не удивительно поэтому, что люди для него часто делятся на тех, кто имеет, и тех, кто не имеет, однако не в смысле денег или социального положения, а с позиции - женат (или не женат) или состоит в подобных браку отношениях».

Указав на эту «зависть к любви», Карен Хорни объясняет значение, придаваемое любви, с точки зрения того, что ожидается от объекта любви, и замечает, что авторы работ по психопатологии, описывая любовь зависимых лиц, односторонне подчеркивают аспект, который они называют паразитическим или орально-эротическим. «На самом деле этот аспект может действительно быть преобладающим. Но для обычного представителя типа с самоподавляемой личностью (лица с преобладающей тенденцией к подавлению своей личности) одинаково привлекательным может быть не только чувствовать любовь, но и быть объектом любви. Для него любить означает раствориться, погрузиться в более или менее экстатические чувства, слиться с другим существом, стать с ним одной плотью и кровью и обрести в этом слиянии единство,

которого он не находит в себе».

Не менее удивительным, нежели отсутствие описания энеатипа IV в DSM-III (до его новой редакции), было отсутствие его четкого описания среди психологических типов Юнга. Я склонен считать, что его характеристику можно обнаружить под названием «интровертный чувствующий тип», ибо чувствительный тип, конечно, имеется в наличии, и он, действительно, является из них самым интровертным, как показывает его близость на энеаграмме к энеатипу V. Однако то, что Юнг говорит об интровертно чувствующем типе, лишь частично совпадает с характеристиками энеатипа IV. В частности, сходство существует в его констатации того, что «тип с интровертными чувствами чаще обнаруживается среди женщин», ибо мазохистско-депрессивный тип, действительно, преобладает среди женщин. Другое сходство обнаруживается в важном утверждении Юнга, что «по темпераменту они склонны к меланхолии». Однако большая часть замечаний, сделанных Юнгом, скорее относится к V и IX типам, нежели к типу IV^[96].

Обратившись к портретам индивидов Кэрси и Бейтс^[97], выведенным ими на основании тестирования, я обнаружил характеристики энеатипа IV в двух интуитивных подтипах интровертного чувства - (INFD) ИНФД и (INFP) ИНФП. Первый из них описывается как обладающий значительными эмпатическими способностями, особенно в отношении неприятностей и болезней других людей, а также как уязвимый и склонный к интроекции, обладающий богатым воображением и способный к творческой деятельности в искусстве, поскольку он «является наиболее поэтическим из всех типов». Индивиды, относящиеся ко второму подтипу, характеризуются как «обладающие способностью к сопереживанию», которая не всегда обнаруживается у представителей других типов, как склонные к идеализму и живущие в соответствии с парадоксальным правилом: «тянуться к чистоте и гармонии, но с оглядкой на аморальных и недостойных».

В гомеопатической традиции нашему энеатипу IV соответствует личность, которая, как считают представители этой школы, обладает сходством с *Natrum Muriaticum*, поваренной солью. Вот что пишет об этом Кэтрин Культер^[98]:

«Даже будучи взрослыми, принадлежащие к этому типу люди

склонны к постоянному осуждению своих родителей за их недостатки и обиды, которые они им нанесли... Однако чрезмерные страдания по поводу отсутствия родительской любви, даже если они сами эту любовь отвергли, являются неотъемлемой частью сложной и извращенной натуры этих людей. Они создают таким образом ситуацию „без выигрыша" и для себя, и для своих родителей... В некоторых случаях эта патология „поваренной соли" появляется в результате имевшего место в раннем детстве соперничества между детьми одних родителей...

Впоследствии, проецируя пережитый в детстве опыт на мир в целом, они быстро реагируют на ситуации, когда кто-то пытается их подавить или их не принимает, когда их стремления пересекаются со стремлениями других или когда их делают объектом издевательств... Средство, применяемое по отношению к таким „навечно запомнившим" пациентам, заключается в том, чтобы порекомендовать им предать забвению все прошлые обиды и оскорбления, „оставить все печали позади..."

Врач может заподозрить пациента, названного „поваренной солью", в том, что он „стремится нанести себе вред" (хотя, возможно, он делает это неосознанно) или, по крайней мере, пытается оказаться в ситуации, в которой вред может быть причинен. <...>

С другой стороны, такой пациент может оказаться злейшим врагом самому себе тем, что он позволяет какому-то конкретному эмоциональному потрясению или облаку депрессии постоянно висеть у себя над головой или служить очками, сквозь которые он смотрит на окружающий его реальный мир. Такие искажающие реальность очки уместно было бы назвать „очками уныния", имея в виду не только создаваемое ими ощущение изоляции, пустоты и заброшенности, но также угрюмость, безысходность („печальный и покинутый", по Ханеманну).

Человек этого типа может оценивать красоту художественных произведений с точки зрения того, присутствуют ли в них ассоциации, которые вызывают меланхолию: время от времени он переживает периоды увлечения музыкой, чтобы с ее помощью предаваться своим печальным, но одновременно и сладостным чувствам или с новой силой пережить какую-нибудь старую (или недавно пережитую) неприятность.

„Он избегает общества, так как предвидит, что может легко вызвать раздражение окружающих" (Ханеманн). Отчасти это связано с неуверенностью в себе, частично - с эгоцентризмом, который делает для него неприятной мысль о том, что он останется всего лишь незаметным членом компании. Таким образом, обратной стороной его искреннего желания оставаться незаметным и присутствовать на заднем плане являются его подсознательные претензии на особое внимание и чувство обиды, когда окружающие не реагируют на него соответствующим образом... Говоря более отвлеченно, счастье для названного „поваренной солью" - это лишь „преходящее", эфемерное чувство. Да и как может счастье быть прочным, если за углом поджидают утраты...

А над всем царит романтическая любовь. Она обладает мощным потенциалом, способным вызвать боль, разочарования, печали, и не может не сделать человека этого типа своей добычей... Даже если любовь оказывается взаимной, он сумеет втянуть себя в неразрешимые конфликты, создавая ситуации, которые неизбежно приведут к печальному концу».

3. Структура черт характера

Зависть

Если понимать сущность зависти как необычайно интенсивное желание воплощения «хорошей матери», данный концепт обнаружит совпадение с психоаналитическим понятием «каннибалического импульса», который может проявляться не только в стремлении к любви, но и в более обобщенном виде как ненасытность или жадность.

Хотя сопровождающаяся чувством вины и поддающаяся контролю жадность и является частью психологии типа IV, она не более значительна, чем хищная и необузданная жадность типа VIII, и не столь типична для завистливых характеров, как зависть в определении (см. выше, стр. 130) Мелани Клейн.

Согласны мы или нет относительно связанных с завистью фантазий, которые она приписывает сосущим грудь младенцам, но я думаю, было бы разумно принять их как символическое выражение психических процессов, переживаемых взрослыми, говоря более конкретно,

выражением того характерного процесса саморазрушения, который, по-видимому, неотделим от зависти как постоянной основы для ее связанных с чрезмерными желаниями характеристик. Независимо от того, что истоки зависти следует искать в периоде вскармливания младенца грудью, во многих случаях зависть подсознательно испытывается не по отношению к матери, а по отношению к пользующемуся большей любовью со стороны родителей брату или сестре, на месте которых ребенок хотел бы оказаться для того, чтобы снискать родительскую любовь. Часто имеет место элемент сексуальной зависти, который Фрейд наблюдал у женщин и который он, используя свою сексуально-биологическую интерпретацию, назвал «завистью к пенису». Поскольку некоторые мужчины также испытывают зависть в отчетливо эротических формах, можно было бы говорить и о «зависти к вагине», хотя я придерживаюсь мнения, что сексуальные фантазии являются следствием более общего явления - зависти одного пола, провоцируемой ощущением превосходства противоположного пола. Учитывая предпочтение, оказываемое в нашей цивилизации мужчинам, неудивительно, что зависть к мужчинам является более распространенной (и действительно, представительницы энеатипа IV играют видную роль в движении за женскую эмансипацию), но обе формы сексуальной зависти, несомненно, имеют место в случае идентификации себя с противоположным полом и лежат в основе гомосексуализма и лесбиянства (и то и другое встречается в типе IV чаще, чем в каком-либо другом характере).

Еще одна область проявления зависти - социальная. Здесь зависть может проявляться либо как идеализация высших классов и сильное желание продвинуться вверх по социальной лестнице, как это изобразил Пруст в «Поисках утраченного времени», либо как ненависть и враждебность к привилегированным, как это описано Стендалем в «Красном и черном». В еще более утонченной форме зависть может проявляться как постоянная погоня за необычным и опасным, как проявление неудовлетворенности лишенной драматизма обыденной жизнью.

Примитивным патологическим проявлением этой черты является симптом булимии, который я наблюдал в контексте характера энеатипа IV; многие испытывают слабое эхо этого состояния в виде наступающего время от времени болезненного ощущения пустоты

внизу живота.

Хотя алчность или, что более характерно, гнев являются скрытыми чертами в синдромах личности, часть которой они составляют (поскольку они компенсируются психологической отчужденностью и такими реактивными чертами характера, как благожелательность и достоинство соответственно), страсть в случае зависти очевидна, вследствие чего человек страдает от противоречия между предельной необходимостью и наложенным на нее запретом. В свете этого столкновения между ощущением интенсивной зависти и сопровождающим ее чувством стыда и омерзения к самому себе можно понять тенденцию к низкой самооценке личности, которая будет обсуждаться ниже.

Низкая самооценка

С точки зрения количества всевозможных терминов, использованных для ее описания, склонность к низкой самооценке является наиболее удивительной из всех других черт характера. Среди таких ее специфических характеристик не только «плохой самоимидж», но и «ощущение собственной неадекватности», «склонность к стыдливости», «ощущение того, что ты смешон», «неумен», «безобразен», «отвратителен», «испорчен», «отталкивающ» и т.д. Хотя я предпочитаю говорить о низкой самооценке отдельно от других черт (отражая таким образом появление независимой концептуальной группы дескрипторов), явление зависти невозможно отделить от низкой самооценки, которую теоретики отношений объектов интерпретируют как следствие интроекции «плохого объекта». Именно этот вид самоочернения создает «дыру», из которой возникает ненасытность зависти в таких ее проявлениях, как навязчивость, привычка требовать от других, язвительность, зависимость от окружающих, излишняя привязчивость.

Сосредоточенность на страдании

Я еще не характеризовал группу черт характера, обычно объединяемых под названием «мазохистские». В то, что понимается под

этим термином, следует включать не только страдания, которые возникают как результат низкой самооценки, но и разочарование, являющееся результатом завышенных потребностей, использование боли в мстительных целях и неосознанную надежду обрести любовь в награду за страдания. В результате действия этих динамических факторов, а также учитывая их общий эмоциональный характер, индивиды энеатипа IV обладают не только чувствительностью, эксцентричностью, страстностью и романтичностью, но имеют склонность к страданиям от одиночества и могут трагически воспринимать свою жизнь или жизнь вообще.

Влекомые сильными страстями, подверженные ностальгии, внутренне одинокие, часто на вид томные, с глазами, подернутыми влагой, они обычно склонны к пессимизму, часто язвительны, иногда циничны. Среди сопутствующих черт этого типа можно обнаружить склонность к разного рода сетованиям и жалобам, уныние и жалость к себе. Особенно выделяется на унылом ландшафте психологии типа IV ощущение утраты, обычно как отголосок реально пережитой потери, иногда в виде страха будущих утрат и особенно склонность к страданиям из-за разлук и разочарований реальной жизни. Обращает на себя внимание склонность типа IV реагировать скорбью не только на утрату людей, но и на смерть любимых животных. Я полагаю, что именно в этой группе черт мы подходим ближе всего к сущности характера данного типа, для которого чрезвычайно характерным является сосредоточение на страданиях и внешние проявления страдания с целью получения любви.

Точно так же, как функциональным аспектом плача ребенка является стремление привлечь заботливое внимание матери, я думаю, что плач взрослого также имеет целью снискать внимание окружающих. Подобно тому, как дети типа III стараются учиться блестяще для того, чтобы завоевать внимание (а те, кто представляет собой тип V или VIII и кто не надеется завоевать такое внимание, предпочитают уйти в себя или получить свое силой), здесь индивид учится привлекать к себе «негативное» внимание посредством интенсификации своих потребностей - что достигается не только с помощью артистических способностей (через воображаемое усиление страданий, равно как и через усиление выражения страданий), но также и стремлением попасть в болезненные ситуации - то есть выбором опасного образа жизни. Для

индивида энеатипа IV плач может быть не только выражением боли, но и способом выразить удовлетворение. Остается лишь сказать (и на эту мысль наводит слово «мазохистский»), что в страдании может быть заключено очарование печали. Оно дает ощущение реальности, хотя в то же время оно есть противоположность реальности, ибо главным самообманом энеатипа IV является преувеличение своего положения жертвы, идущее рука об руку с «притязаниями», с привычкой требовать ^[99] внимания и услуг со стороны окружающих .

Привязчивость

Индивида энеатипа IV можно скорее, чем представителя любого другого типа, назвать «эротоманом», и его страстное желание любви, в свою очередь, подкрепляется необходимостью признать, что сам он неспособен к самоотдаче. Вследствие этого зависимость может проявляться не только как стремление поддерживать отношения, приносящие страдания, но и как привязчивость - вкрадчивое навязывание контакта, которое является результатом не только потребности в общении, но и средством защиты или проявлением желания оттянуть расставание. Со страстным желанием любви связана также и часто наблюдаемая «беспомощность» индивидов IV типа, которая, как и у представителей типа V, проявляется в виде мотивированной неспособности позаботиться о себе должным образом и может расшифровываться как неосознанный маневр, имеющий целью обрести защиту. В частности, и потребность в финансовой помощи может поддерживаться желанием почувствовать чью-то заботу.

Благовоспитанность

Люди энеатипа IV обычно воспринимаются как заботливые, отзывчивые, деликатные, мягкие, нежные, сердечные, способные к самопожертвованию, скромные, иногда подобострастные. Их благовоспитанность, по-видимому, не только является приемом, имеющим целью «дать, чтобы взять», т. е. связана с их потребностью заслужить любовь, но и эмпатической идентификацией с потребностями других людей, что делает их заботливыми родителями, внимательными

работниками сферы социального обеспечения и психотерапевтами, а также защитниками угнетенных и обиженных. Связанные с благовоспитанностью черты характера энеатипа IV могут динамически восприниматься как форма обольщения, диктуемого острой потребностью в других и вытекающей отсюда болезненной фрустрацией. Привязанность к окружающим может быть мазохистски доведена до самопорабощения и таким образом вносить свой вклад в саморазочарование и болезненные ощущения, что, в свою очередь, способствует активизации привычки требовать от других внимания и неуживчивости обладателей данного характера.

Эмоциональность

Хотя само по себе слово «эмоциональный» и подразумевает высокую степень страданий, тем не менее эмоциональность заслуживает того, чтобы ее рассматривали отдельно, в связи с определяющим вкладом чувственной доминантности, который она вносит в структуру характера энеатипа IV. Здесь, как и в случае энеатипа II, мы наблюдаем «эмоциональный тип», но в энеатипе IV в большой степени примешиваются интеллектуальные интересы и интровертность. (И действительно, эти два типа характера абсолютно правильно рассматриваются как эмоциональные, поскольку это слово подходит им гораздо больше, чем жизнерадостной обольстительности жадных или защитной теплоте более откровенно боязливых и зависимых трусов.) Это свойство повышенной эмоциональности относится не только к романтическим чувствам, драматизации страданий, к зависимости от любви и благовоспитанности, но и к выражению гнева. Зависимые люди способны очень остро чувствовать ненависть, и оскорбления, наносимые им, производят наибольший эффект. У энеатипа IV есть еще одно качество, которое можно также наблюдать у энеатипов II и III в правом углу энеаграммы; это качество, которое в психиатрии получило название «пластичности» и которое отражает способность выступать в различных ролях (т. е. способность варьировать выражение своих чувств).

Заносчивое высокомерие

Наряду с низкой самооценкой и в качестве ее компенсации у представителей энеатипа IV часто присутствует чувство превосходства, связанное с их эмоциональной способностью к ненависти. Хотя они могут захлебываться от самоунижения и ненависти к себе, тем не менее их отношение к внешнему миру - это отношение «примадонны» или, по меньшей мере, очень выдающейся личности. В тех случаях, когда эти претензии на исключительность терпят крушение, к этому добавляется роль принесенного в жертву «непонятого гения». Однако наряду с этим представители данного типа могут обладать большим остроумием и умением поддерживать интересную беседу, равно как и другими качествами, в которых находит проявление их природная склонность к воображению, анализу и эмоциональной глубине и которые здесь подчинены потребности добиться определенных контактов и желанию завоевать восхищение окружающих.

Изысканность

Склонность к изысканности (и, соответственно, отвращение ко всему вульгарному) находит отражение в таких определениях данного типа, как «обладающий чувством стиля», «изысканный», «элегантный», «имеющий тонкий вкус», «артистичный», «чувствительный», иногда «претенциозный», «жеманный», «манерный» и «склонный к позерству». Наличие всех этих качеств может объясняться как попытка со стороны индивида компенсировать низкую оценку своей личности (так что низко оцениваемый самоимидж и утонченный идеал взаимно дополняют друг друга); кроме того, в этих качествах, возможно, проявляется попытка со стороны индивида стать чем-то отличным от того, каким он на самом деле является, что, возможно, связано с классовой зависимостью. Недостаток оригинальности, являющийся следствием такой подражательности, в свою очередь, порождает зависть к оригинальности, а попытки подражать оригинальности и соперничать с незаурядностью обречены на неудачу.

Артистичность

Характерная склонность энеатипа IV к искусству более чем очевидна: по крайней мере, один из ее корней лежит в утонченности завистливого характера. Эта склонность поддерживается также и привычкой данной категории людей сосредоточивать свое внимание на чувствах. Другим компонентом, вносящим свой вклад в артистичность этого типа, является его способность идеализировать боль с помощью искусства и даже трансмутировать ее до таких пределов, что она становится одним из элементов, входящих в состав красоты.

Сильное суперэго

Изысканность, возможно, является наиболее характерным способом, используя который личность энеатипа IV стремиться стать лучше, чем он или она на самом деле являются, проявляя в этом процессе определенную дисциплинированность. Говоря в более общем плане, здесь мы имеем дело с типично сильным суперэго, который представители энеатипа IV разделяют с принадлежащими к энеатипу I, но в целом они более остро осознают свои стандарты и их идеалы

являются скорее эстетическими, нежели этическими. Наряду с дисциплинированностью (которая может принимать мазохистский характер), чертами, характеризующими суперэго энеатипа IV, являются целеустремленность и стремление действовать по правилам. Сильное суперэго, несомненно, способствует характерному для энеатипа IV чувству вины, стыда, ненависти к себе и самоуничижению.

4. Механизмы защиты

Насколько я знаю по опыту, основным механизмом защиты у энеатипа IV, несомненно, является интроекция, действие которой становится очевидным при рассмотрении самой структуры этого характера. Можно сказать, что низкая самооценка у индивидов энеатипа IV есть прямое выражение интроекции самоотвергаемого родителя и что завистливые потребности являются следствием хронической ненависти к себе, вызываемой такой интроекцией, - потребность компенсировать неспособность любить самого себя.

Понятие интроекции было введено Ференци в его работе «Интроекция и трансференция» ^[100]. Это понятие было затем использовано Фрейдом в его анализе процесса скорби («Скорбь и меланхолия»), где он делает наблюдение, что индивид реагирует на утрату дорогого для себя человека, уподобляясь ему, т. е. как бы говоря ушедшему: «Я не нуждаюсь в тебе, так как ты находишься внутри меня».

В то время как Ференци и Фрейд подчеркивали идею «внесения в себя «хорошего объекта», Мелани Клейн стала подчеркивать значение плохих интроекций. В случае плохой интроекции личность, движимая чрезмерной потребностью в любви, как бы пытается любой ценой («мазохистски») вместить в себя фигуру родителя.

В связи с понятием интроекции, возможно, полезно указать на то, что Фрейд часто использует понятия «интроекция» и «инкорпорация», не различая их значения. В современном словоупотреблении «инкорпорация» сохраняет значение фантазии внедрения в свое тело какого-то другого лица, в то время как «интроекция» - понятие более абстрактное, так что, когда говорят об «интроекции в эго», например, речь не идет исключительно о внедрении в само тело. В том же смысле,

что «интроекция», иногда используется и термин «интернализация», хотя, возможно, более правильно было бы сохранить его для тех случаев, где речь идет о перенесении отношений из внешнего мира во внутренний.

Даже в этом случае, однако, его использование идет рука об руку с интроекцией. Как отмечают Лапланш и Понталис ^[101], «мы можем сказать, что... с ослаблением эдипова комплекса субъект интроецирует родительский имидж, в то же время интернализуя конфликт с отцом по поводу власти». Подобным же образом и более специфично (с связи с рассматриваемой темой) мы можем сказать, что энеатип IV интернализирует отвержение родителем или интроецирует нелюбящего родителя и таким образом привносит в свою душу набор характеристик, начиная от низкой самооценки и кончая стремлением выделиться и связанными с этим хроническими страданиями и (компенсируя) зависимостью от внешнего признания.

Хотя Мелани Клейн придает большое значение проекции в механизме зависти (как и в парадигматической фантазии внесения экскрементов в грудь матери), я думаю, что процесс, в ходе которого в энеатипе IV фамильярность порождает презрение (благодаря которому доступное никогда не бывает столь же притягательно, как недоступное), скорее напоминает «инфекцию», из-за которой самоуничтожение распространяется на того, кто благодаря близости отношений (интимности) до некоторой степени познал самостояние (self-quality). В отличие от проекции, при которой то нежелательное, что психика не хочет признать, «выбрасывается» из нее, в этой ситуации имеет место не отречение от личных характеристик, а проявление того, что ощущение самости, которое никогда не является фиксированным, но, как предлагает считать Перлз, есть «функция идентичности», - по-видимому, у зависимых личностей простирается глубоко в мир интимных отношений.

Примечательным в психологии энеатипа IV (в особенности при его проявлении в терапевтическом процессе) является также механизм, который получил в психоанализе название «обращение против себя» (это приблизительно то же, что Перлз называет «ретрорефлексией». В то время как ненависть к себе и неприятие себя, очевидно, имеет место при интроецированном «плохом объекте», идея ретрорефлексии наводит на мысль о том, что гнев, порождаемый протрацией,

направлен не только на внешний источник протрации (и на лицо, вызвавшее протрацию к жизни), но также - вследствие интроекции - и на самого себя.

Помимо доминирующего механизма защиты остается рассмотреть вопрос о доминирующем содержании репрессии в типе IV, содержании, для подавления которого, возможно, больше всего подходит интроекция. Я думаю, можно утверждать, что самым нехарактерным типом поведения для энеатипа IV является отношение требовательного превосходства, столь естественного для энеатипа I. В свете вышесказанного интроекцию можно считать механизмом, с помощью которого может происходить трансформация чувства превосходства в чувство неполноценности в тех случаях, когда личность использует мазохистскую стратегию в межличностных отношениях. Интроект как бы выступает в роли камня, привязываемого к ногам человека для того, чтобы тот утонул, хотя в то же самое время поддерживает положение, при котором он испытывает потребность в этом человеке, и избегает проявления превосходства, которое, возможно, утратило для него свою функциональность благодаря имевшей место в раннем детстве адаптации.

Стремление требовать от окружающих сохраняется в энеаграмме при переходе от типа I к типу IV, однако при таком переходе чувство законности требований, характерное для типа I, уступает место чувству вины у типа IV (которая поддерживает комплекс неполноценности). Как и в других случаях, динамика, представленная структурой энеаграммы, передает не только подавление какой-то эмоции (гнева), но и ее трансформацию в следующую эмоцию (зависть), - ибо в зависти, посредством интенсификации словесных (устных) устремлений, индивид пытается удовлетворить те же потребности, которые в случае типа I удовлетворяются посредством настойчивой требовательности.

5. Этиологические и дальнейшие психодинамические наблюдения [\[102\]](#)

По конституции энеатип IV по строению тела чаще всего эктомезоморфичен - являясь при этом не столь же высоко эктоморфичным, как тип V, с одной стороны, и столь же мезо-

морфичным, как тип III, с другой стороны, - хотя в некоторых случаях строение тела у них имеет более округленные контуры, особенно с наступлением старости и среди мужчин. Повышенная чувствительность и погруженность в себя, характерные для типа IV, таким образом, сопровождаются це- реброгонией, являющейся противоположностью эктоморфии. Пластичность и артистичность типа IV (которую он разделяет с другими характерами в связанном с истеричностью углом энеаграммы) могут сопровождаться достаточной физической одаренностью. Хотя врожденные недостатки могут поддерживать чувство неполноценности (недаром говорят, что хроые завистливы), я думаю, что отсутствие физической красоты может быть более частой причиной появления зависти у женщин.

Уместно напомнить здесь замечание из известной работы Фриды Гольдман-Эйслер ^[103] о том, что существует связь между орально-агрессивными тенденциями и какими-то проблемами кормления грудью. Эта связь обычно воспринималась как подтверждение того, что недостаточное кормление грудью влечет за собою болезненные ощущения во взрослом возрасте, однако можно придерживаться И той точки зрения, что ребенок, наделенный от природы большей агрессивностью (т. е. имеющий тенденцию кусать сосок матери), вызывает у нее недовольство, что может способствовать прерыванию кормления грудью. Помимо того, что означает буквально такая идея о связи между кормлением грудью и страданиями во взрослой жизни, она может рассматриваться как проявление более общего соотношения между прострациями, пережитыми в детстве, и неудовлетворенностью жизнью у взрослого. И действительно, более поздний психоанализ показал наличие переживаний по поводу материнской любви в более позднем возрасте, после периода «сближения, когда устанавливаются ранние связи между ребенком и матерью. Этим объясняется ощущение «потерянного рая», переживаемое индивидами энеатипа IV. В отличие от апатичных индивидов энеатипа V, которые не знают, чего они лишились, представители энеатипа IV очень хорошо помнят это, если не в виде реальных воспоминаний, то хотя бы на эмоциональном уровне.

Иногда сильные переживания ребенка по поводу утраты родительской любви не подтверждаются конкретными фактами, и ситуация может быть достаточно тонкой для того, чтобы ее заметили окружающие, и может не сохраниться в памяти, пока она не будет

вскрыта в ходе психотерапевтического лечения. Помимо переживаний по поводу утраты родительской любви, в некоторых случаях это может быть событие, которое явилось причиной разочарования ребенка по поводу одного из родителей, ощущения того, что этот родитель никогда не оправдывает ожидания ребенка. Такую ситуацию можно увидеть в следующем отрывке из интервью: «Когда мне было лет семь-восемь, мне очень хотелось научиться отбивать чечетку, что было тогда очень модным. Но у нас было мало денег, мы только что переехали в Нью-Йорк после того, как во время депрессии потеряли все, что имели, и матери приходилось постоянно экономить. Тем не менее наступил день, когда я наконец должна была получить специально предназначенные для чечетки туфли и трико. Отец отправился в нижнюю часть Ист-Сайда, чтобы купить там недорогие туфли, и я весь день только и говорила о том, как я счастлива, и вечером, стоя на лестнице, я наблюдала, как мать пошла открыть дверь, вошел отец, и в руках у него было пусто, он не держал никакого свертка. И поскольку я матери все уши прожужжала своими разговорами о туфлях, она спросила его, где же туфли для Моники. Он посмотрел на нее, не понимая, что она имеет в виду. Я не знаю, помнил он о туфлях или нет, но он сказал, что уснул в подzemке и забыл их на сиденье. Это было просто ужасно. Я думаю, в подобных случаях всегда такое чувство, будто ты никому не нужен».

Типичная история жизни представителя энеатипа IV полна мучительных переживаний, причины которых часто являются весьма ощутимыми, так что болезненные воспоминания у таких людей, очевидно, являются не только следствием тех претензий, которые они предъявляют к жизни, и их тенденции драматизировать боль. Такими причинами, помимо отсутствия любви со стороны родителей, может явиться утрата одного из родителей или другого члена семьи. Нередки случаи, когда жизнь ребенка омрачается насмешками родителей или братьев и сестер. Иногда ведущим фактором, создающим трагичность ситуации, является бедность, а в других случаях появлению у ребенка чувства стыда способствуют культурные и расовые различия между его семьей и окружением.

В следующем отрывке можно проследить, как пересекаются между собой различные источники боли: «Я выросла на улице, где жили только переселенцы из славянских стран. Мои мать и отец - словаки, и все жители на нашей улице говорили на словацком, у нас на улице был

небольшой магазин, и все дети играли вместе. Поэтому, когда я пошла в школу, в которой преподавали на английском языке, всякий раз, когда я возвращалась домой, у меня было чувство, что я оказываюсь в другом мире, в другой цивилизации. Девушка, которая вышла замуж за моего брата, она англичанка, говорила, что ей не разрешали ходить на Уотер-стрит, потому что там жили „те дети“, дети, с которыми не следует общаться; и по мере того, как я становилась старше, у меня появлялось чувство, что я отличаюсь от других. И вот о чем еще мне хотелось бы упомянуть: у меня было чувство, что мать бросила меня, я это ощутила в двух-трех случаях. Когда на отца находил приступ ярости, она, как правило, поддерживала его. Когда наступали какие-то перемены, например нам приходилось менять местожительство или ему нужно было искать другую работу, ведущую роль в семье играла она. Но когда он бил и оскорблял нас, а он действительно бил нас, она отступала и, стоя где-то на заднем плане, уговаривала его не бить нас, а иногда и этого даже не делала... Однажды, когда он сильно избил меня, я помню, что она после этого даже не попыталась помочь мне. Это не было ощущением того, что мать меня бросила физически. Мы были вместе, но я чувствовала, что она меня использует, использует для того, чтобы удовлетворить какие-то свои потребности. Отец ушел на фронт, и она одевала меня, ласкала и везде носила меня с собой, я была первым ребенком и первой девочкой, и первой внучкой для родителей отца, и бабушка заботилась обо мне, когда мать была занята в магазине после того, как мы переехали из бабушкиного дома, но когда мне было два месяца, мать отнесла меня в дом своей матери, и уже в то время мы ездили на поезде то туда, то сюда. Я и в последующей жизни много путешествовала, и можно сказать, что я передвигаюсь всю жизнь. Может быть, это как-то связано с моим внутренним (внутриутробным) движением, я не знаю, но я постоянно куда-то иду. Другое состояние, о котором мне хотелось бы сказать, это ощущение того, что меня использовали, использовали во всех возможных формах в роли жертвы и козла отпущения - практически все члены семьи. И всякий раз, в последующих отношениях с людьми, когда я чувствовала себя счастливой и довольной, наступал момент, когда у меня вдруг появлялось ощущение, что меня используют. И всякий раз, когда это случалось, я как будто умирала и была неспособна что-либо делать, и при этом меня охватывало ужасное чувство страха. Я не знаю, почему

это ощущение, что меня использовали, и страх всегда появлялись одновременно».

Помимо национальности, причиной появления у ребенка ощущения того, что он не имеет нормальной семьи, и источником зависти могут стать алкоголизм родителей или другие позорные привычки. Девочка из бедной семьи, например, заявила: «Я чувствовала зависть по отношению к девочке, которая приходила на занятия в школьной форме».

Отношения, связанные с братьями и сестрами, тоже, конечно, являются весьма распространенной причиной появления ранней зависти. Так, один молодой человек рассказывает: «Я был пятым в семье, где воспитывалось семеро детей. Я как бы не принадлежал ни к старшим, ни к младшим и чувствовал себя одиноким ребенком, которому нет места в семье».

Другой человек сообщает: «Я был единственным мальчиком в семье, где, кроме меня, воспитывались четыре девочки. Мать редко меня ласкала, чтобы не сделать из меня „неженку“, чтобы я не стал похож на девочку, но в то же время в ее отношении ко мне проскальзывало нежелание того, чтобы я напоминал отца. Я мучительно ощущал недостаток тепла и чувство стыда».

Еще один говорит о своем детстве так: «Я был старшим ребенком в семье, и все шло хорошо, пока не появились другие дети, после чего вся жизнь для меня превратилась в беспрестанное соревнование с ними, которое часто сопровождалось жалобами родителям».

Или вот еще одно высказывание: «Я часто плакал, так как не мог сравняться со своим братом, который усердно учился и был хорошим спортсменом. Я искал утешения в книгах и идентифицировал себя с героями тех книг, которые читал».

В описании детского периода жизни женщин, относящихся к энеатипу IV, часто поражает более или менее отчетливое проявление кровосмесительных отношений с отцом или сексуальных соvrращений со стороны кого-то из мужчин-родственников ^[104]. Для некоторых все это не оставило каких-либо следов в психике («Я до сих пор вспоминаю ощущения, которые я испытывала от прикосновений отца»). Для других это явилось источником сложных отношений с матерью. Третьи вспоминают об этом с отвращением и чувством вины. В этом смысле достаточно типичным представляется следующее высказывание: «Я

любила своего отца, он позволил мне ощущать себя счастливой женщиной, но позднее высмеивал меня и отверг».

На вопрос, получали ли они больше внимания и заботы в результате страдания и беды, большинство представителей энеатипа IV отвечает утвердительно. «Всякие удовольствия были запрещены, - говорит один из них, - разумный мотив считался лучшим побуждением к действию». Другой замечает: «Никого не интересовало, пороли меня за дело или нет». Еще одна представительница этого типа сообщает, что она всегда изображала жертву для того, чтобы привлечь к себе внимание, но обычно ей не удавалось это сделать, и она чувствовала себя отвергнутой.

Разумеется, иногда ребенок типа IV не осознает своих страданий до наступления периода полового созревания или страдает втайне от всех. Именно поэтому один из представителей этого типа ответил на вышеуказанный вопрос так: «Да и нет: нет, потому что я молчал о своих страданиях и лишь немногие о них знали; да, потому что мое лицо и тело выражали их, и это привлекало внимание». Конечно, довольно часто родители иначе реагируют на потребности ребенка: «Моя мать с сочувствием относилась к моим страданиям и воспринимала их нормально, хотя она и не всегда должным образом реагировала на мои рыдания. А мой брат смеялся надо мной, когда я плакал». Иногда в болезненном состоянии ребенка можно отчетливо различить элемент соблазна, который проявляется в том, что матери нравится роль сиделки. «Моей матери нравилось заботиться обо мне, когда я был болен, и это давало ей власть надо мной».

Весьма часто оказывается, что женщины «самопораженческого характера» имели мать с характером того же типа и слабовольного отца. Я также заметил, что у людей типа IV чаще, чем у представителей какого-либо другого типа, встречаются отцы-садисты (энеатип VIII), за исключением самого типа VIII. В таких случаях, конечно, садо-мазохистские отношения с родителями противоположного пола способствуют кристаллизации личности всеохватывающего типа.

В целом можно сказать, что страдающий индивид в глубине души лелеет свою боль, подобно тому, как нищие в восточных странах лелеют свои раны. В то время как тип I стремится к благодетельности и претендует на то, что ему причитается, апеллируя к справедливости, тип IV требует, опираясь на свою боль и неисполненные желания. Если

стремление к любви у типа I становится погоней за респектабельностью, у самопораженческого типа оно в какой-то степени становится очевидно зависимой погоней за заботой и сопереживаниями ^[105].

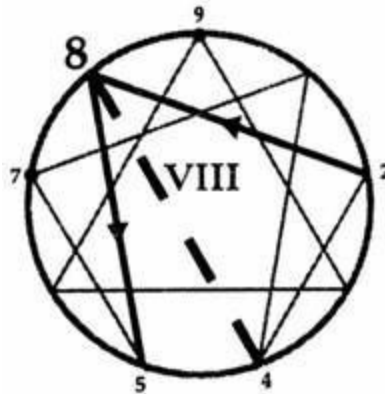
6. Экзистенциальная психодинамика

Хотя имеется достаточно оснований предположить, что наблюдаемая у представителей типа IV зависть имеет своим источником фрустрацию, связанную с ранней потребностью ребенка в том, чтобы иметь близкого человека, и хроническая боль в его характере может рассматриваться как след, оставленный болью прошлого, следует учитывать, что заикленность на страданиях прошлого может стать для представителей этого типа ловушкой. Кроме того, хотя не подлежит сомнению, что ребенок нуждается в любви и стремится к ней, чрезмерная и непреодолимая потребность в любви в настоящем может рассматриваться в качестве дисфункции и являться лишь миражом и приблизительной интерпретацией того, в чем испытывает потребность взрослый. А это вовсе не внешняя поддержка, признание и забота, а способность признавать, поддерживать и любить себя, а также развитие чувства самости как центра, который может противостоять «эксцентричным» ожиданиям доброты со стороны окружающего мира.

Мы можем точно представить себе психологию энеатипа IV с точки зрения истощения бытия или самости, которое стремится «компенсировать» зависть и которое, в свою очередь, сохраняется через самоуничтожение, через поиски существования благодаря любви и уподоблению себя другим. («Я подобен Эйнштейну, следовательно, я существую».) Психика типа IV функционирует так, как будто еще в ранней жизни ее представители делают вывод: «Я любим, следовательно, я не являюсь ничтожеством», и в последующей жизни стремятся обрести собственную значимость, обрета любовь, которой они когда-то были лишены («Люби меня, чтобы благодаря этому я знал, что у меня все в порядке»), а также через процесс искажения представления о себе в сторону преувеличения своих достоинств - через стремление к чему-то лично от себя и, по-видимому, к тому, чтобы выглядеть лучше и благороднее, чем он или она есть на самом деле.

Эти процессы являются самофрустрирующими, ибо любовь, как только она завоевана, может показаться ненужной (если он любит меня, значит, он ничего собой не представляет), или же ведут к фрустрации, потому что любовь стимулирует невротические претензии и теряет свое значение на этой почве; однако чаще стремление к существованию путем уподобления себя идеалу основывается на самоотвержении и слепоте в отношении собственной ценности. (Точно так же, как стремление к экстраординарному влечет за собой принижение значения ординарного.) Из-за этого тип IV испытывает, помимо понимания этих ловушек, более, чем какой-то другой тип, потребность в развитии самоподдержки, которая появляется как результат, в конечном счете, осознания собственной значимости и чувства уважения к самому себе и к жизни во всех ее формах.

В зависти есть патология ценностей, которую можно продемонстрировать, используя басню, обнаруженную мною в «Книге о доброй любви» Арчипресте де Гита ^[106]. Это басня о собаке, которая несет в зубах кость и, увидев в пруду свое отражение, думает, что там находится другая собака с более аппетитной костью. Она открывает пасть с целью отнять ее и теряет ту кость, которую имела. Мы можем сказать, отражение кости не есть реальность, так же как не является реальным идеализированный образ.

Глава 4

Садистский характер и вожделение

Энеатип VIII

1. Сущность типа, номенклатура и место на энеаграмме

Слову «вожделение» словарь испанского языка, изданный Королевской академией Испании, где я сейчас диктую эту главу, дает следующее объяснение: «это порок, состоящий в незаконном использовании или неупорядоченном стремлении к плотским удовольствиям», дается также и дополнительное значение - «чрезмерность в определенных вещах».

Именно это последнее определение совпадает с тем смыслом, который придает ему Ичазо в своем изложении прото- анализа, и мы можем рассматривать первое, более распространенное значение как производное от него. Поэтому я буду использовать слово «вожделение» для обозначения страсти к чрезмерному, страсти, которая стремится к интенсивности, и не только через секс, но используя для этого всевозможные виды стимуляции: активность, беспокойство, специи, высокие скорости, удовольствие, получаемое от громкой музыки, и т.д.

Вожделение размещается на энеаграмме рядом с вершиной внутреннего треугольника, что указывает на некоторое родство с праздностью, на сексомоторную предрасположенность и преобладание когнитивной обскурации или «невежества» над «отвращением» и «страстным желанием» (находящимся соответственно в левом и правом углах). Аспект праздности у вожделения может пониматься не только как реализуемый этим типом принцип, что жить можно, только испытывая острые ощущения, но также и как сопутствующее этому

нежелание погружаться в свой внутренний мир. Можно сказать, что характерная для энеатипа V жажда ощущений есть не что иное, как попытка компенсировать скрытую нехватку живости.

Будучи расположенным на энеаграмме напротив зависти, вожделение, можно сказать, образует полюс садо-мазохистской оси. Эти две личности - энеатипы VIII и IV - в некотором смысле противостоят друг другу (как это и предполагают сами термины), хотя в некоторых отношениях, например в стремлении к интенсивности, они являются сходными. Кроме того, мазохистский характер в какой-то степени является садистским, а в характере вожделения присутствует мазохистский аспект: в то время как садистский характер по своей природе активен, мазохизм проявляет эмоциональность: первый стремится удовлетворить свои потребности, не испытывая при этом чувства вины, последний испытывает желания и ощущает чувство вины по поводу своих потребностей.

Точно так же, как концентрирующийся вокруг зависти характер проявляет наибольшую чувствительность из всех типов, изображенных на энеаграмме, энеатип VIII является самым бесчувственным. Его стремление к интенсивности можно рассматривать как стремление получить при помощи действия интенсивность, достигаемую энеатипом IV благодаря эмоциональной чувствительности, которая у энеатипа VIII заглушается не только основополагающей леностью, разделяемой со всеми членами верхней триады энеаграммы, но и с помощью десенсизации, помогающей ему достичь независимости и самодостаточности.

Характерологический синдром вожделения связан с характерологическим синдромом ненасытности в том смысле, что оба они характеризуются импульсивностью и гедонизмом. В случае ненасытности, однако, импульсивность и гедонизм существуют в контексте слабого, мягкого и чувствительного характера, в то время как в случае вожделения мы имеем дело с контекстом сильного и решительного характера [\[107\]](#).

Антисоциальные нарушения личности, описанные в DSM-III, могут рассматриваться как патологическая крайность и особый случай энеатипа VIII. В более широком плане этот синдром можно охарактеризовать, пользуясь термином Райха «фаллический нарциссизм» [\[108\]](#) или описанием мстительной личности у Хорни. Слово

«садистский» кажется здесь особенно подходящим ввиду расположения этого характера на энеаграмме напротив мазохистского характера энеатипа IV.

2. История исследования типа в научной литературе

Если мы оставим художественную литературу и займемся историей исследования этого типа в психиатрии и психологии, мы обнаружим, что ему соответствует тип личности, описанный Куртом Шнайдером [109] как «взрывной» (я предпочитаю этот термин ранее использованному Крепелином термину «возбудимый»). Рассматривая «взрывных психопатов», он пишет, что они отличаются непослушанием и вызывающим поведением, что этот тип хорошо известен как из жизненных наблюдений, так и из клинического опыта, и что они способны приходить в ярость в результате малейшей провокации и, даже не задумываясь, проявлять насилие, реакция, которая получила весьма подходящее для нее название «реакции мгновенного действия».

В подобном духе Шольц [110] описывает «моральную анестезию» у людей, которые «прекрасно знакомы с моральными принципами, но не ощущают их и из-за этого не приводят свое поведение в соответствие с ними».

Проследивая историю «агрессивной модели» личности, Миллон [111] указывает на то, что «в конце XIX века немецкие психиатры охладели к теориям английских психиатров и занялись исследованиями, основанными на наблюдениях за больными». В это время Кох предложил заменить термин «моральное безумие» термином «психопатическая неполноценность». Этот термин все еще отражал веру психоаналитиков в то, что данный синдром имеет физическую основу. К тому времени Крепелин во втором издании своей основополагающей работы [112] уже высказал мнение о том, что «„морально безумные“ страдают врожденными дефектами способности обуздывать себя в стремлении добиться исполнения своих непосредственных желаний». Однако в пятом издании своей работы он изменил термин «морально безумные» на термин «психопатические состояния», а в восьмом издании писал о психопатах как о людях, у которых понижена как способность к аффекту, так и сила воли.

Разбирая особенности этого типа характера, он выделяет следующие его подтипы: возбудимые, неустойчивые, импульсивные, эксцентричные, лгуны и мошенники, антисоциальные и вздорные.

Миллон также сообщает, что именно Бернбаум в то время, когда выходило последнее издание работы Крепелина (1914 год), первым предположил, что к большинству рассматриваемых состояний, возможно, больше подходит термин «социопатический». Одно из наиболее проницательных описаний «психопатов» и «социопатов» было сделано Клекли [\[113\]](#), который среди основных черт этого синдрома называет отсутствие чувства вины, неспособность к любви, направленной на объект, импульсивность, эмоциональную ограниченность, поверхностное обаяние и неспособность извлекать пользу из пережитого опыта.

Как указывает Миллон, значительная заслуга Клекли состоит в том, что он привлек внимание к тому факту, что антисоциальных личностей можно обнаружить не только в тюрьмах, но и в уважаемых слоях общества, «где жесткий реализм в поведении поощряется как качество, необходимое для выживания». Несмотря на это, я не смог обнаружить в литературе каких-либо указаний на идентичность описанного Райхом «фаллически-нарцисстического» типа личности, к описанию которого я сейчас перехожу.

Описание этого типа было впервые представлено Райхом на заседании Венского психоаналитического общества в 1926 году и позднее было включено в его работу «Анализ характера». Он делает наблюдение, что с точки зрения физических данных для этого типа обычно характерно атлетическое сложение, для них «крайне нехарактерен астенический тип», манера поведения обычно высокомерная и никогда не бывает подобострастной, он ведет себя либо сдержанно и холодно, либо презрительно и агрессивно. «Элемент нарциссизма по отношению к объекту, включая объект любви, весьма ярко выражен и всегда более или менее пронизан садистскими характеристиками».

«В обыденной жизни обладатель фаллически-нарцисстического характера обычно оказывается в состоянии предотвратить угрожающую ему опасность собственным нападением. Агрессивность у этого характера в меньшей степени проявляется в том, что он говорит и делает, чем в том, как он реагирует на окружающих. Его агрессивность

и способность ответить на провокацию ощущается прежде всего теми людьми, которые сами неспособны обуздать собственную агрессивность. Наиболее ярко выраженные представители этого типа обычно достигают достаточно высокого положения и непригодны к тому, чтобы занимать подчиненное положение среди рядовых членов общества... Их нарциссизм, в отличие от нарциссизма других типов характеров, выражается не в инфантильности, но нагло-самоуверенным образом в проявлениях чудовищного высокомерия и чувства собственного достоинства, несмотря на то, что в своей основе они не менее инфантильны, чем другие типы». Он замечает, что «отношения этого типа с женщинами осложняются из-за типичного для него презрительного отношения к женскому полу».

В системе характеров Фромма ^[114] мы обнаруживаем наш энеатип VIII обозначенным словами «склонный использовать окружающих», которые он поясняет, говоря, что представитель этого типа «не дожидается, когда ему преподнесут то, что он хочет, но стремится получить это, отняв силой или с помощью хитрости», что «его отношение к людям окрашено смесью враждебности и желания использовать их» и что характерными чертами этого типа являются «подозрительность и цинизм, зависть и ревность». В DSM-III находим иное проявление нашего энеатипа VIII в его более крайнем выражении со склонностью к преступной деятельности, обозначенное как антисоциальная личность, для которой даются следующие диагностические критерии:

1. Неспособность поддерживать сколько-нибудь устойчивую рабочую дисциплину.
2. Отсутствие способности нести ответственность за воспитание ребенка.
3. Неприятие общественных норм в отношении поведения в рамках закона.
4. Неспособность поддерживать устойчивую привязанность к сексуальному партнеру, неразборчивость в половых связях.
5. Раздражительность и агрессивность.
6. Неспособность выполнять финансовые обязательства.
7. Неспособность планировать свою деятельность заранее.
8. Пренебрежение к истине, называемое «умением блефовать» ради достижения собственных целей.

9. Безрассудство.

Описывая антисоциальную личность, Миллон рекомендует «выйти за пределы моральных и социальных суждений как основы для ее клинической оценки» и в соответствии с этим приводит в своей работе «Расстройства личности» следующее описание критериев, предложенное в его формулировке «активной независимой личности» (которое послужило первоначальным рабочим наброском для определения типа личности, обозначенного авторами DSM-III как «антисоциальная личность»):

1. Враждебная эффективность (например, драчливый, вспыльчивый характер, привычка вступать в грубые споры, заканчивающиеся физической расправой с противником, склонность к словесным оскорблениям и физической жестокости).

2. Самоуверенный самоимидж (например, с гордостью характеризует себя как человека, который рассчитывает только на собственные силы, обладающего мощной жизнеспособностью и умеющего постоять за свои интересы).

3. Мстительность по отношению к окружающим (например, находит удовлетворение в оскорблении и унижении других, проявляет презрительное отношение к любым проявлениям сентиментальности и сочувствия и ко всем гуманистическим ценностям).

4. Гипертимическое бесстрашие (например, высокий уровень активности, проявляющийся в импульсивной способности к быстрой и мощной реакции, отсутствие страха перед опасностью и наказанием и даже влечение к ним).

5. Злобная проекция (например, заявляет, что большинство людей являются хитрыми, расчетливыми и мстительными, оправдывает собственную недоверчивость, враждебность и мстительность, приписывая эти качества окружающим).

В статье, прочитанной на заседании американской Ассоциации за развитие психоанализа и опубликованной в 1948 году в американском Психоаналитическом журнале, Хорни выступила за отмену применяемого по отношению к этому характеру термина «садистский» и предложила психодинамическую интерпретацию «открыто агрессивная мстительность» [\[115\]](#), в противоположность «самоуничижительной мстительности» (энеатип IV) и «отстраненной мстительности» (энеатип V), являющимися отклонениями от

сексуальной теории Фрейда. Описания этого характера мы находим также и в работах «Наши внутренние конфликты» и «Невроз и личностный рост человека», в которых мстительный характер рассматривается как выражение более общего «разрешения проблемы господства» (о чем я уже говорил в связи с энеатипом IX). Это способ существования, при котором индивид в большей степени идентифицирует себя со своей вызывающей восхищение самостью, нежели с той ее частью, которая вызывает презрение.

В работе Хорни читаем: «Прелесть жизни заключается в завоевании господствующего положения. Это, очевидно, требует решительности, осознанной или неосознанной, для того чтобы преодолевать все препятствия - как во внешнем мире, так и в себе, - и веры в то, что он должен оказаться в состоянии и на самом деле сделать это. Он должен суметь преодолеть превратности судьбы, сложности, связанные с любой ситуацией, запутанные интеллектуальные проблемы, сопротивление людей, собственные внутренние конфликты. Обратная сторона стремления к преодолению - это боязнь всего, что связано с беспомощностью: это то, перед чем представители данного типа испытывают самый сильный ужас» [\[116\]](#).

В специфической форме «расширенного решения проблемы», которое нас здесь интересует, Хорни описывает главную мотивирующую силу в жизни: «потребность мстительного торжества является необходимой составной частью стремления к славе. Наш интерес, следовательно, должен быть сосредоточен не столько на существовании этой потребности, сколько на огромной степени ее интенсивности. Каким образом идея триумфа до такой степени овладевает индивидом, что он всю жизнь проводит под знаком ее осуществления? Это стремление, разумеется, должно питаться из многих достаточно мощных источников. Но одно лишь знание этих источников недостаточно для того, чтобы выяснить природу этого мощного стремления. Для того чтобы достичь более глубокого понимания этой проблемы, следует посмотреть на нее с другой точки зрения. Хотя давление потребности осуществить месть и добиться триумфа может быть достаточно сильным, обычно эта потребность удерживается в пределах тремя факторами: любовью, страхом и инстинктом самосохранения. И только в тех случаях, когда этот контроль временно или окончательно нарушен, мстительность

захватывает личность человека целиком, становясь мощной, ведущей силой, как это было у Медеи, и ведет человека в одном направлении - в направлении осуществления мести и достижения триумфа... и именно комбинация этих двух процессов - мощного импульса и недостаточного контроля - объясняет столь высокий накал мстительности». Как мы видим из вышеприведенного описания, Хорни не может исключить из своей интерпретации психопатический аспект этого характера: недостаточную способность контролировать себя. Индивид как бы считает, что если в прошлом ему пришлось испытать унижения и ограничения от рук тираничных или пренебрегающих воспитанием ребенка родителей, то теперь наступило время и ему испытать удовольствие, даже если для этого придется причинить боль другим.

По-видимому, поставив во главу угла понятие мстительности, Хорни делает свое описание данного характера слишком размытым, - она включает в него и энеатип IV, ссылаясь в качестве примера на Медею (тип зависти). Хотя представитель завистливого типа может совершить преступление в результате собственной страсти, тип вождения может стать преступником не столько из-за своей безрассудности, сколько из-за присущей этому типу враждебности, бесчувственности и антисоциальной ориентации. Однако, если исключить вышесказанное, последующее описание этого типа характера у Хорни соответствует типу вождения. «Он убежден, что все окружающие в глубине души являются злыми и нечестными, а дружеские жесты - не более чем притворство; что относиться к человеку с недоверием до тех пор, пока он не доказал свою честность, есть проявление мудрости. Но даже если тому и удалось доказать свою честность, при малейшей провокации неустойчивое доверие должно снова смениться подозрительностью».

«В своем отношении к окружающим он откровенно высокомерен, зачастую груб и оскорбителен, хотя иногда все это прикрыто тонким налетом светской любезности. Действуя тонко или грубо, осознавая или не осознавая этого, он унижает окружающих и эксплуатирует их. Он может использовать женщин для удовлетворения своих сексуальных потребностей, полностью пренебрегая их чувствами. С кажущейся наивной эгоцентричностью он использует людей для достижения своих целей. Он зачастую заводит и поддерживает знакомства исключительно в том случае, если они могут способствовать осуществлению его потребности достигнуть триумфа, это люди, которых он может

использовать как ступеньки в своей карьере, влиятельные женщины, которых он покоряет и подчиняет себе, ученики, которые слепо повинуются ему и содействуют упрочению его власти. Он является признанным мастером в умении причинять страдания окружающим - разрушая их большие и маленькие надежды, отказывая им в том, в чем они так нуждаются, - во внимании, сочувствии, человеческом обществе и радости. Когда люди выступают против такого обращения, их заставляет поступать подобным образом их невротическая чувствительность». Еще одним примером мстительности этого типа характера, согласно Хорни, является то, что «он ощущает свое право на то, чтобы требовать от окружающих уважения к своим невротическим потребностям, а с другой стороны, право на полное пренебрежение по отношению к потребностям и желаниям других». Когда эти его претензии не выполняются, виновные в этом становятся объектом его карающей мстительности, «которая может принимать целую гамму оттенков, начиная от раздраженности до угрюмой мрачности, заставляющей окружающих чувствовать себя виноватыми, и до открытых вспышек злобности, при этом необузданность выражения этих чувств служит для него одним из способов настоять на выполнении своих требований, принуждая других занять позицию вынужденного умиротворения». Описанный Хорни мстительный высокомерный тип способен прийти в состояние негодования на самого себя за то, что он «позволил себе поддаться слабости». Его потребность отрицать положительные эмоции внутренне связана с потребностью в триумфе, ибо «очерствление чувств, являющееся первоначально необходимым для выживания, приводит к неограниченному росту стремления стать триумфатором в жизни». Указывает она также и на присущее этому типу чувство самодостаточности: «конечно, весьма важно не зависеть от других, именно поэтому он необычайно гордится своей богоподобной самодостаточностью».

Она подробно останавливается на гордости этого типа своей честностью, справедливостью и порядочностью. «Нет необходимости говорить о том, что он не является ни честным, ни порядочным и, возможно, не может обладать этими качествами. Напротив, если есть тип людей, которые готовы - возможно, неосознанно - идти по жизни блефуя, с полным пренебрежением к истине, это он... но мы можем понять его уверенность в том, что он в высокой степени обладает

вышеуказанными качествами, если рассмотрим рассуждения, которыми он подкрепляет свои утверждения. Нанести ответный удар - а еще лучше нанести удар первым - представляется ему (логически) необходимым оружием против окружающего его враждебного и нечестного мира. Это всего лишь разумное и законное действие, имеющее целью защитить свои собственные интересы. Точно так же, безоговорочное признание справедливости его требований, его гнева и способов выражения его должно казаться ему совершенно само собой разумеющимся и „честным“.

Следует упомянуть еще один фактор, во многом способствующий его убеждению в том, что он является чрезвычайно порядочным человеком. Он видит вокруг множество стремящихся угодить ему людей, которые стараются выглядеть более любящими, более сочувствующими, более щедрыми, чем они являются в действительности, и в этом смысле он и впрямь более честен. Он не пытается вести себя дружелюбно, в действительности он презирает подобные попытки».

В заключение я хочу процитировать высказывание Хорни о том, насколько мало рассматриваемый тип проявляет симпатии к другим людям. «За этим отсутствием симпатий лежат многие причины - и его враждебность по отношению к окружающим, и отсутствие симпатии по отношению к самому себе. Но, возможно, наибольший вклад в его черствость по отношению к людям вносит его чувство зависти по отношению к ним. Это очень горькое чувство, направленное не на какое-то конкретное достоинство определенного человека, - это всепроникающее чувство, являющееся результатом того, что он чувствует себя исключенным из жизни в целом. И это правда, - отягощенный своими комплексами, он действительно лишен всего того, ради чего стоит жить - радости, счастья, любви, созидательного творчества, духовного и нравственного роста. И если поддасться искушению рассуждать примитивно, мы могли бы задать следующие вопросы: разве он сам не повернулся спиной к жизни? Разве он не гордится своим аскетическим отсутствием потребности в равнодушии ко всему? Разве он не избегает каких бы то ни было положительных чувств? Почему же тогда он завидует другим? Но ведь он им действительно завидует. Естественно, если не подвергнуть его воздействию психоанализа, его высокомерие ни за что не даст ему

признать это. Но по мере того как его психика подвергается психоанализу, он может сделать на эту тему признание, вроде того, что все окружающие его люди более обеспечены, чем он». А это снова приводит нас к сделанному ранее комментарию о том, что точно так же, как сущность зависти можно рассматривать как подавленное вожеление, вожеление можно рассматривать как подавленную зависть.

Хотя сделанное Шелдоном описание соматотонии [\[117\]](#) мыслилось им не как описание характера, а скорее как описание определенного темперамента, это описание не следует исключать из данного обсуждения, ибо точно так же, как церебротония достигает своего максимального выражения в энеатипе V, соматотония, очевидно, находит свой максимум в VIII. «Конституционно связанная с мезоморфическим развитием (скелет, мускулы и соединительная ткань), соматотония выражает функцию движения и преследования окружающих», - говорит Шелдон.

Ниже я привожу двадцать основных соматотонических черт, выделенных Шелдоном в его исследовании:

- 1) уверенность в позах и движении;
- 2) любовь к физическим приключениям;
- 3) энергетическая характеристика;
- 4) потребность в физических упражнениях и способность получать от них наслаждение;
- 5) стремление доминировать, жажда власти;
- 6) любовь к риску и игре случая;
- 7) наглая прямота в манере вести себя;
- 8) мужество в проведении рукопашного боя;
- 9) соревновательная агрессивность;
- 10) психологическая черствость;
- 11) клаустрофобия;
- 12) безжалостность;
- 13) отсутствие щепетильности;
- 14) общая шумливость;
- 15) внешняя зрелость, не соответствующая возрасту;
- 16) горизонтальное ментальное расщепление;
- 17) экстраверсия соматотонии;
- 18) самоуверенное и агрессивное поведение в состоянии

алкогольного опьянения;

19) потребность в действии в момент испытаний;

20) ориентация на стремления и виды деятельности, характерные для молодежи.

Связь между соматотонией и типом вождения вновь подтверждает оригинальную идею конституционного фактора, стоящего за психопатической личностью - хотя таким фактором не обязательно должен являться конституционный «дефект». Легко предположить, что стратегия мстительного самоутверждения - иначе говоря, садистский характер, - очевидно, должна предпочитаться человеком, который приходит в жизнь с конституционно определенной ориентацией на действие и склонностью к борьбе.

У Юнга мы можем распознать наш энеатип VIII под названием экстравертный ощущающий тип [\[118\]](#), хотя только в его аспектах реализма и ориентации на вождение, но не в ориентации на доминирование, ибо Юнг говорит нам, что (по крайней мере, «на нижних уровнях») этот тип, который является «любителем ощутимой реальности, с отсутствием склонности к размышлениям», «не обладает желанием доминировать». Несмотря на это несоответствие, сноска Юнга на описание Вульфена (der Genuss- mensch), его комментарий, говорящий о том, что этот тип «ни в коем случае нельзя считать неспособным к любви», напротив, «его живая способность к наслаждению делает его приятным в общении», плюс наблюдение, что размышления, выходящие за рамки конкретного, не представляют для него никакого интереса и что его главное устремление - интенсификация чувств, не оставляют сомнений в идентичности рассматриваемого типа характера, что подтверждается и наблюдением о наличии у него склонности эксплуатировать окружающих: «Хотя объект отношений может стать для него совершенно необходимым, его ценность отрицается с точки зрения самостоятельно существующего и имеющего право на существование субъекта. Он подвергается безжалостной эксплуатации, из него выжимаются все соки, поскольку сейчас единственное, для чего он может использоваться, это лишь стимуляция ощущений».

Юнг также намекает и на антисоциальную направленность экстравертного ощущающего типа, замечая, что он с легкостью и без разбора принимает все, что происходит, и что, хотя это ни в коем случае

не подразумевает его полного пренебрежения законами и отсутствия сдержанности, тем не менее в значительной степени лишает его сдерживающей силы рассудительности.

В области гомеопатической медицины средством, наиболее подходящим для лечения энеатипа VIII, является препарат *Nux Vomica*, изготавливаемый из семян *strychnos nux vomica*, естественного источника для производства стрихнина. Поскольку этот препарат часто прописывают при состояниях перевозбуждения и сверхстимуляции, он получил название «лекарства от возбуждения» (Тайлер) [\[119\]](#). Ханеманн пишет: «*Nux* помогает прежде всего людям со вспыльчивым характером, раздражительным и нетерпеливым, склонным к гневу, злобности и обману».

Кэтрин Культер описывает личность, испытывающую облегчение состояния от приема *Nux Vomica*, как человека раздражительного, импульсивного и склонного к приобретению пагубных привычек. «Прикладывающийся к бутылке в период депрессии, этот тип может прибегать к оскорблениям и даже насилию; среди представителей этого типа те, кто избивает жен в состоянии алкогольного опьянения и истязает детей». Цитируя Ханеманна, она сообщает, что этот тип отличается «горячностью и вспыльчивостью», представитель этого типа напоминает «бочонок с порохом, который может взорваться от малейшей искры». Он может также иметь «напряженную, раздраженную и возбужденную манеру поведения». Она замечает, что «это внешние признаки психической озабоченности и неспособности позволить событиям происходить в их естественной последовательности. Если у него все гладко дома и на работе, он непременно сделает что-нибудь, чтобы нарушить это спокойствие. Он постоянно поднимает спорные проблемы и высказывает противоречивые мнения».

Особенно ярко подтверждает сходство рассматриваемого Культер характера с энеатипом VIII ее наблюдение того, что он «даже не пытается сдержать свой гнев... даже будучи проницательным и процветающим бизнесменом, представитель этого типа может внезапно по самому ничтожному поводу поддаться взрыву гнева, забыв при этом о правилах цивилизованного поведения и совершенно не думая о том, какое впечатление это может произвести на окружающих».

О том же свидетельствует и наблюдение, что «*Nux Vomica* может

прибегнуть к оскорбительным и нетактичным выражениям» (Ханеманн) или даже «нецензурной брани» (Беннинг- хаузен).

Неинтеллектуальный характер энеатипа VIII (разделяемый с энеатипом IX) переключается также с приписываемой личности Nux неспособностью концентрироваться, отсутствием терпения и непригодностью к интеллектуальным видам деятельности.

Что касается отношения этого типа к власти и силе, Культер отмечает «его властную натуру», которая проявляется как в домашней жизни, так и на работе, и добавляет: «Но когда Nux с присущей ему амбициозностью преследует свои интересы и пытается достичь вершины, он не только „использует" других, чтобы подняться, но для достижения своих целей готов стереть с лица земли любого, кто придерживается других взглядов, или тех, кто стоит у него на пути».

Это описание Nux Vomica было бы неполным, однако, если бы мы не упомянули о том, что характер описываемой личности включает и черты, противоположные энеатипу VIII. Хотя Культер утверждает, что описанные ею черты характера могут сочетаться со сверхчувствительностью и перфекционизмом, я полагаю, что носителями этих черт являются представители вовсе не этого типа, а некоторых разновидностей энеатипов I и IV, отличающиеся повышенной злобностью. К энеатипу VIII, конечно, не может относиться высказывание о том, что «этот тип обладает чрезвычайно низким болевым порогом» (это черта энеатипа IV), что он имеет «суетливую манеру и никогда не бывает доволен или удовлетворен и что он (постоянно) раздражен тем, что его окружает» [\[120\]](#).

Особенно напоминает энеатип I следующее: «Nux Vomica склонен критиковать окружающих, исходя из собственных добродетелей (т. е. обвинять их в отсутствии тех качеств, которыми обладает он сам - организованность, эффективность, четкость мышления), а также склонен к „упрекам" (Ханеманн) по поводу тех недостатков и дефектов, которые отличаются от его собственных, в то же время проявляя терпимость к тем, которые совпадают с его собственными».

3. Структура черт характера

Вожделение

Если гнев можно рассматривать как самую скрытую из всех страстей, то вожделение, возможно, самая явная из них, являясь, по-видимому, исключением из общего правила о том, что, где бы ни возникала страсть, на психическом уровне появляется табу, запрет против нее. Я говорю «по-видимому», ибо, хотя тип вожделения страстно одобряет свое вожделение и вожделение вообще как способ жизни, сама страстность, с которой он защищает это убеждение, выдает стремление защититься - как будто пытаюсь доказать себе и остальному миру, что то, что все называют плохим, на самом деле таким не является. Некоторые специфические черты характера, соответствующие вожделению, такие как «напряженность», «вкус к жизни», «контактность», «любовь к вкусной пище» и т.д., тесно связаны с конституционным фоном личности. Сенсомоторный характер типа (соматотоническая основа вожделения) может рассматриваться как естественная почва для произрастания вожделения. Другие черты, такие как гедонизм, склонность к скуке при отсутствии достаточного стимула, стремление к возбуждению, нетерпеливость и импульсивность, также входят в сферу характера вожделения.

Следует иметь в виду, что вожделение есть нечто большее, чем гедонизм. В вожделении не просто удовольствие, но удовольствие провозглашать удовлетворение возникающих импульсов, удовольствие от запрещенного и особенно удовольствие, получаемое от борьбы за удовольствия. Кроме удовольствия как такового, здесь присутствует и примесь боли, трансформированной в удовольствие: это либо боль других, являющихся объектом «охоты», имеющей целью получить удовольствие, либо боль, ощущаемая во время преодоления препятствий, лежащих на пути к достижению этого удовольствия. Именно это и делает вожделение не только страстью к удовольствиям, но и страстью к напряженности. Дополнительная напряженность, дополнительное возбуждение, «пряности», придающие особый вкус, проистекают не только из удовлетворения инстинктов, но и из борьбы за достижение удовлетворения и связанного с этой борьбой ощущения триумфа.

Стремление карать

Еще одну группу черт характера, связываемую с типом вожделения, можно было бы охарактеризовать как стремление карать, склонность к садизму, желание эксплуатировать окружающих, враждебность к людям. В эту группу можно зачислить такие черты, как «грубость», «сарказм» и «ирония», а также стремление запугать, унижить и довести до отчаяния окружающих. Из всех типов характеров этот тип наиболее подвержен гневу и наименее поддается запугиванию с помощью гнева.

Именно к злобности и стремлению карать, характерным для энеатипа VIII, обращается Ичазо, называя фиксацией вожделения «мстительность». Однако этот термин имеет тот недостаток, что он ассоциируется с наиболее ярко выраженной мстительностью, проявляемой энеатипом IV, ненависть которого часто находит выражение в откровенных вендеттах. С этой точки зрения энеатип VIII не является столь очевидно мстительным, напротив, этот характер злобно оплачивает за обиду и тут же преодолевает свое раздражение. Мстительность, чаще всего встречающаяся у энеатипа VIII (за исключением тех случаев, когда желание «свести счеты» возникает у него как непосредственная реакция на ситуацию), - это мстительность, которая растягивается надолго, индивид берет правосудие в свои руки в ответ на боль, унижения и беспомощность, пережитые им в раннем детстве. Как если бы он хотел поменяться с миром ролями, и после того, как он переносил страдания и унижения ради удовольствия других, решил, что сейчас его очередь получать удовольствия, даже если это и принесет боль другим. А может быть, особенно поэтому, ибо и в этом тоже может заключаться месть.

Садистская склонность к тому, чтобы наслаждаться страданиями и унижением других, может рассматриваться как трансформация необходимости жить со своими собственными страданиями и унижениями (побочный продукт мстительного триумфа), точно так же, как возбуждение, вызываемое тревогой, сильные ощущения и острые переживания представляют собой трансформацию боли в процессе ожесточения личности против окружающего мира.

Антисоциальная характеристика энеатипа VIII, как всякое бунтарство само по себе (от которого этот характер неотделим), может рассматриваться как гневная реакция на мир и, таким образом, как проявление мстительной склонности карать. То же самое можно сказать и о стремлении доминировать, бесчувственности и цинизме, равно как и

о качествах, являющихся производными от них. Стремление карать можно рассматривать как фиксацию садистского или склонного к эксплуатации характера, и заслуга выделения этих последних характеристик у данного типа принадлежит Хорни и Фромму, труды которых опередили свое время.

Бунтарство

Хотя вождение само по себе подразумевает элемент бунтарства своим настойчивым отрицанием всякого запрещения удовольствий, бунтарство само является самостоятельной чертой этого характера, более заметной у энеатипа VIII, чем у какого-либо другого. Хотя энеатип VII не обременяет себя условностями, его бунтарство носит интеллектуальный характер. Это человек передовых идей, возможно, с революционными взглядами, в то время как энеатип VIII являет собой прототип революционного активиста. Помимо специфической идеологии, однако, в этом характере есть не только сильная оппозиция авторитетам, но и презрение по отношению к ценностям, культивируемым традиционным образованием. Именно благодаря такому грубому обесцениванию авторитетов «быть плохим» автоматически становится образом жизни. Общее сопротивление авторитетам обычно можно проследить в бунтарстве против отца, который является носителем авторитета в семье. Мстительные характеры часто приходят к мысли, что от отца нельзя ожидать ничего хорошего, и постепенно начинают рассматривать власть отца как неправомерную.

Стремление доминировать

Стремление доминировать тесно связано с характерной для этого типа враждебностью к окружающим. Можно сказать, что эта враждебность служит стремлению доминировать, а стремление доминировать, в свою очередь, рассматривается как выражение враждебности. Однако доминантность выполняет также функцию личности, спасая ее от уязвимости и зависимости. Со стремлением доминировать связаны и такие черты, как «высокомерие», «стремление

к власти», «жажда триумфа», «желание принимать роль окружающих», «стремление конкурировать с другими», «попытки демонстрировать свое превосходство» и т.д. Кроме того, с этими чертами превосходства и доминантности связаны и такие черты характера, как пренебрежение и презрение к окружающим. Нетрудно увидеть, что стремление властвовать и агрессивность служат вожделению; особенно в мире, ограничивающем свободу личности, только сила и способность отстаивать свои желания в борьбе может позволить индивиду предаться своей страсти к выражению импульсивных желаний. Доминантность и враждебность служат целям мстительности, как если бы индивид еще в юные годы пришел к мысли, что быть слабым, сговорчивым, приятным для окружающих не оправдывает себя, и начал ориентироваться на достижение власти, чтобы установить для себя справедливость своими собственными руками.

Бесчувственность

С характерной для энеатипа VIII враждебностью к окружающим связана также и жестокость, проявляющаяся в таких дескрипторах, как «склонность к конфронтации», «привычка запугивать окружающих», «безжалостность», «черствость». Эти характеристики, очевидно, являются следствием агрессивного стиля жизни, несовместимого со страхом или слабостью, сентиментальностью или сочувствием. Этому отсутствию сентиментальности, реальному подходу к жизни, прямоте, резкости и грубости соответствуют презрение ко всем противоположным чертам - слабости, чувствительности и в особенности к страху. Специфическим примером огрубления психики можно считать гипертрофированное стремление к риску, посредством которого индивид отрицает свои собственные страхи и предается ощущению силы, возникающему как результат победы над внутренними конфликтами. Любовь к риску, в свою очередь, питает вожделение, так как личности энеатипа VIII умеют превращать тревогу в источник возбуждения и вместо страданий, благодаря скрытому мазохистскому механизму, способны наслаждаться самой напряженностью происходящего. Точно так же, как нёбо способно воспринимать болезненные ощущения, получаемые от острых специй, как

удовольствие, беспокойство и/или процесс ожесточения себя против него становятся для них больше чем удовольствием, оно становится психологическим пристрастием, без которого жизнь кажется бесцветной и скучной.

Вероломство и цинизм

Эти две черты можно считать связанными друг с другом. Циничное отношение к жизни личности, склонной к использованию окружающих, объясняется, с точки зрения Фромма, как следствие скептицизма, тенденции всегда воспринимать добродетель как ханжество, не верить в добрые намерения окружающих и т.д. Эти черты, так же как и жесткость, можно считать выражением определенного образа жизни и определенной системы взглядов - взглядов хищника, у которого «когти и зубы в крш». В отношении склонности к обману и хитрости следует отметить, что по сравнению с энеатипом VII энеатип VIII является более вероломным, его легко представить в образе «продавца подержанных машин» [\[121\]](#), который знает, как заставить покупателя заключить нужную ему сделку.

Экзгибиционизм (Нарциссизм)

Люди, относящиеся к энеатипу VIII, обычно интересны в общении, остроумны и часто обладают определенной привлекательностью, однако они не тщеславны и их не занимает вопрос о том, как они выглядят в глазах окружающих. Их обольстительность, хвастливость и высокомерная притязательность сознательно используются ими для того, чтобы манипулировать окружающими, для того, чтобы приобрести влияние и власть и занять соответствующее место в господствующей в обществе иерархии. Кроме того, они представляют собой нечто вроде компенсации за тенденцию эксплуатировать других и бесчувственность, компенсации, дающей им возможность подкупать окружающих и добиваться того, чтобы окружающие принимали их, несмотря на их безответственность, склонность к насилию, агрессивность и т.д.

Автономность

Как справедливо отметила Хорни, личность, которая относится к окружающим людям как к потенциальным противникам и стремится их эксплуатировать, не может полагаться на кого-либо, кроме себя. Наряду с характерным стремлением к автономности, у энеатипа VIII наблюдается и идеализация автономности, с соответствующим такой идеализации отрицанием зависимости и пассивных усилий добиться чего-либо с помощью разговоров. Их отрицание этих пассивных черт является настолько явным, что Райх выдвинул утверждение о том, что фаллически-нарцисстический характер представляет собой не что иное, как защиту против них [\[122\]](#).

Сенсомоторная доминантность

Помимо таких качеств, как вождество и гедонизм, бунтарство и стремление наказывать, желание доминировать и жажда власти, жесткость, готовность рисковать, нарциссизм, хитрость, в энеатипе VIII присутствует и преобладает действие над интеллектом и чувством, поскольку этот тип является самым сенсомоторным из всех характеров. Этот тип ориентирован на конкретное и хваткое «здесь и сейчас», особенно в сфере чувств и ощущений, для него характерна тенденция крепко держаться за настоящее, проявляя при этом нетерпеливое пренебрежение ко всяким воспоминаниям, абстракциям, предчувствиям при одновременном снижении чувствительности в области тонких эстетических и духовных переживаний. Концентрация этого типа на настоящем - это не просто проявление духовного здоровья, какой она может являться в случае других типов, но следствие установки на то, чтобы не считать реальным то, что неосвязаемо и не может послужить непосредственным стимулом для ощущений.

4. Механизмы защиты

При рассмотрении вопроса о том, какие механизмы защиты являются наиболее характерными для характера вождества-

мстительности, сразу поражает ярко выраженный в характере этой личности уклон в направлении, противоположном подавлению инстинктов, что Фрейд считал характерным для невроза вообще. И действительно, в то время как для большинства характеров (возможно, за исключением II и в какой-то степени VII энеатипов) свойственно подавление сексуальности и в еще большей мере подавление агрессивности, именно отсутствие ингибиции этих качеств является характерным для импульсивности типа вождество. Однако, интерпретируя фаллически-нарцисстический характер, Райх выразил мысль о том, что вся жизненная ориентация этого характера может рассматриваться как ориентация на защиту: защиту от зависимости и пассивности. Можно сказать, что сверхмужественный энеатип VIII стремится с помощью чрезмерного самоутверждения и агрессивности избежать положения «женственной» беспомощности - беспомощности, которая повлекла бы за собой необходимость подчиниться социальным ограничениям и обуздать собственные импульсы.

Кроме того, чтобы как-то компенсировать ощущение вины, стыда и собственной никчемности, пробуждаемых пренебрежением к другим, индивид развивает у себя чувство отрицания вины и подавление (в широком смысле этого слова) суперэго, но не ид. Это бунтарское сопротивление ингибиции в соединении с ощущением солидарности по отношению к предполагаемым интрапсихическим жертвам несправедливости, по-видимому, еще не получило соответствующего названия в психоанализе, хотя можно считать, что оно до такой степени сходно с отрицанием, что при этом имеет место отказ от интернализованного авторитета и его ценностей. Поскольку Фрейд использует термин «отрицание» (*Verneinung*) в основном по отношению к отказу от внешней реальности, я не счел нужным использовать его в данном обсуждении, кроме как метафорически, и лишь отмечаю необходимость более специфического термина, который обозначил бы подавление не инстинктивной стороны конфликта, но ее контринстинктивной стороны. Для этой цели можно было бы пользоваться терминами «контррепрессия» или «контридентификация», особенно последним из упомянутых, поскольку черты, связанные с бунтарством, могут пониматься как обратные идентификации по отношению к образцам поведения и понятиям, которых от индивида ожидают общество и родители. Расположение на энеаграмме энеатипа

VIII, противоположное IV, однако, наводит на мысль, что «контринтроекция» может быть даже более специфичной, ибо, в отличие от энеатипа IV, который имеет обыкновение привносить в свою психику отрицательные объекты, выступающие в качестве инородных тел, энеатип VIII ведет себя в противоположной манере по отношению к тем, кто склонен поглощать такие объекты, и просто «выплевывает» то, что не соответствует его желаниям.

Не менее характерна для манеры подавления энеатипа VIII специально культивируемая способность вытеснять из сознания болевые ощущения - состояние, при котором человек может не чувствовать, что у него высокая температура или воспаление среднего уха. На психологическом уровне нечувствительность к психологическому дискомфорту жестких, склонных к садизму индивидов сопрягается и с относительной нечувствительностью к стыду и объясняет кажущееся отсутствие чувства вины. Я думаю, что этим объясняется и типичное для этого энеатипа стремление к беспокойству и риску, который ими не избегается, но некоторым «садистским» способом трансформируется в стимул, источник возбуждения (акт садизма против самого себя). Это характерное поднятие болевого порога, которое можно считать основой для появления черствости, отказом от ожидания любви со стороны окружающих и выступлением против принятых обществом стандартов поведения можно называть «десенситизацией».

5. Этиологические и другие психодинамические замечания [\[123\]](#)

Конституционно энеатип VIII тяготеет к мезоэндоморфности, и в целом этот тип эго является самым мезоморфным из всех; это позволяет предположить, что «выбор» самоуверенного и воинственного стиля общения индивидами этого типа весьма сильно поддерживается их конституцией.

Этот тип является также одним из самых эктопенических [\[124\]](#) - и соответствующая недостаточность церебротонии может считаться фоном для этого весьма экстравертного характера.

Можно предположить, что влияние генетически определенного соматотонического темперамента на формирование характера является не прямым, а косвенным и напоминает ситуацию, когда шумный или излишне настойчиво требующий выполнения своих желаний ребенок вызывает неодобрение и подвергается наказанию, что, в свою очередь, будет стимулировать как его попытки к самоутверждению, так и склонность к бунтарству.

Следующий эпизод иллюстрирует такое косвенное влияние того, что можно назвать врожденным авантюризмом: «Я помню, что, когда мне было четыре года, я бежал по пляжу навстречу неизвестности. Меня искали повсюду, думали, что я спрятался в лодке. Нашли меня далеко от того места, где я должен был находиться. Когда меня спросили, что я там делаю, я ответил: смотрю на зг.езды. После этого отец выпорол меня».

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что индивиды энеатипа VIII решительно настроены искать лучшую жизнь вне дома, и поэтому они довольно часто покидают его. Одной из причин этого, возможно, является испытываемый ими недостаток любви или даже просто отсутствие нормальной домашней обстановки (как это часто бывает с малолетними преступниками в районах, населенных беднотой), и у меня сложилось впечатление, что насилие в семье в биографиях представителей энеатипа VIII встречается чаще, чем у представителей какого-либо другого типа, и в таких случаях легко понять, почему у них развиваются бесчувственность, жестокость и цинизм. Однако в других случаях обстоятельства, ведущие к разочарованию в родительской любви, не столь очевидны, особенно когда лишь один из нескольких детей проявляет эти характеристики, а у остальных они отсутствуют. Можно предположить, что в таких случаях пережитое детьми наказание воспринимается ими по-разному, так что один из них начинает покорно ожидать родительской любви, в то время как другой, более остро переживающий унижительность наказаний, приобретает авантюризм, толкающий его на поиски лучшей доли. Иногда фактором, способствующим развитию этого типа характера, является идентификация с другим членом семьи, как в нижеприведенном отрывке:

«С самого раннего детства я чувствовал себя жертвой мощного давления, и это давление осуществлялось моей бабушкой. Она была

ярко выраженным энеатипом VIII, а я был ее любимцем, я был старшим из внуков и как бы являлся наследником всей истории ее жизни».

В других случаях причиной возникновения бунтарства является тиранический отец энеатипа VI, что составляет подходящий фон для личности, которая не только склонна к бунтарству, но и усвоила ту истину, что для выживания следует прибегать к запугиванию окружающих.

Хотя в общем можно считать, что энеатип VIII, подобно энеатипу V, пессимистически оставляет всякие поиски любви вследствие своих циничных сомнений относительно добрых намерений других людей и тенденции воспринимать положительные чувства как сентиментальные, можно говорить, как и в случае других характеров, о подмене первоначальной потребности в любви. Точно так же, как у энеатипа I, поиск любви становится стремлением заслужить уважение окружающих, и для представителей этого типа «смысл любви» заключается именно в уважении со стороны других людей, для энеатипа VIII «смысл любви» состоит в готовности другого стать объектом обладания, объектом доминирования, объектом использования, а в некоторых экстремальных случаях и объектом насилия. Соответственно, все эти модели поведения и отношений со временем становятся заменителями любви.

6. Экзистенциальная психодинамика

Экстремальное развитие способности действовать, поставленной на службу выживанию в опасном мире, где никому нельзя доверять, возможно, и есть та фундаментальная модель поведения, избрав которую, индивид энеатипа VIII теряет возможность полностью раскрыть свои человеческие качества. Для дальнейшего выяснения его экзистенциальной интерпретации нам нужно понять тот порочный круг, в результате которого имеющая место обскурация поддерживает вожделение, но и вожделение в своем неодолимом стремлении овладеть всем осязаемым влечет за собой обеднение способности чувствовать и утонченности, что приводит к утрате целостности личности и, таким образом, к утрате бытия. В своем нетерпеливом стремлении к удовольствиям вожделеющий тип как бы сдвигается к излишне

конкретному пониманию своей цели как удовольствия, бегству, триумфу над окружающими и т.д. - только для того, чтобы обнаружить в конечном счете, что это вечное стремление, заменяющее ему бытие, оставляет его неудовлетворенным и по-прежнему устремляющимся к интенсивности ощущений.

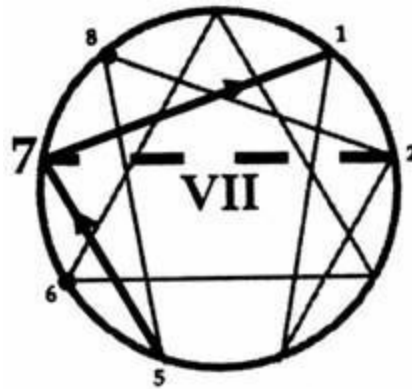
Рассматриваемую ситуацию можно объяснить с помощью парадигмы насильника - экстраполяцией подхода к жизни вожделеющего хищника. Он оставил всякую надежду на то, чтобы стать кому-то необходимым, не говоря уже о любви. Он принимает за само собой разумеющееся тот факт, что сможет получить только то, что возьмет сам. Если он будет заботиться о том, что чувствуют другие люди, он никогда не преуспеет в этом качестве берущего. Как стать победителем - ясно: нужно поставить стремление к победе на первый план, точно так же, как для того, чтобы удовлетворить свои потребности, надо забыть о другом. Однако как бы лишенный других людей мир наиболее антисоциального энеатипа VIII не менее далек от живой действительности, чем мир шизоидного энеатипа V. Точно так же, как шизоидному типу, психопату не хватает осознания человеческих ценностей и способности ощущать утрату человеческих связей, хотя внешне он кажется контактным, увлеченным и полным сильных чувств.

Парадигма насильника может послужить для обсуждения сходства с садистским типом и в том, что этот тип не знает, к чему он стремится. Конкретность желания, которое является излишне чувственным (интерес к сексуальным удовольствиям здесь не сочетается с интересом к человеческим отношениям) - это образ (имидж), через который мы можем понять, как конкретизация здорового стремления к человеческому общению, далекая от ориентации на реальность ситуации (как «реалистические» фаллически-нарцисстические претензии), ведет к очевидной утрате психологической реальности. Такая ситуация приводит к сексуализации ориентированной на вожделение личности как результат подавления, отрицания и трансформации потребности в любви.

Как бы все это ни скрывалось за внешней экспансивной живостью, жизнерадостностью и оболстительным обаянием, именно утрата человеческих отношений и отрицание потребности в любви приводят к потере цельности личности и чувства бытия.

Следовательно, энеатип VIII стремится ощущать удовольствия и

обладать властью, дающей возможность получать эти удовольствия, однако из-за чрезмерности усилий, затрачиваемых на приобретение этой власти, он теряет способность воспринимать - а ведь способность воспринимать является основой познания бытия. Упрямо стремясь получать удовлетворение там, где можно представить себе хотя бы какое-то подобие удовлетворения, он напоминает Насреддина, который ищет потерянный им у дома ключ на рынке. Углубляя недостаточность своего бытия, он лишь питает свое основанное на вожделении стремление к триумфу, равно как и другие замены бытия.

Глава 5

Ненасытность, обман и «нарцисстическая личность»

Энеатип VII [\[125\]](#)

1. Суть теории, выбор терминов и место на энеаграмме

В христианском мире ненасытность (gluttony) входит в число семи смертных грехов, тем не менее ее обычное понимание как чревоугодия, обжорства скорее свидетельствует о том, что в сравнении с другими это далеко не самый тяжкий грех. Ее не причисляли бы, однако, к основным греховным склонностям, если бы в первоначальном значении термина gluttony не имелось бы, как и в случае со скупостью и похотью, некоего дополнительного смыслового оттенка. И если понимать чревоугодие более широко - в смысле страсти к наслаждению, то можно с уверенностью сказать, что мы в данном случае имеем дело с тяжким грехом, поскольку подразумевается уклонение индивида от своей самоактуализации; гедонизм связывает душу (psyshe) и создает (вследствие беспорядка в ней) преграды на ее пути к высшему благу (Summum bonum), так что душа попадает в своего рода западню. Можно сказать, что склонность к наслаждению делает человека восприимчивым ко всякому соблазну, и в этом плане становится понятным утверждение Чосера в его «Рассказе священника»: «Тот, кто подвержен греху чревоугодия, не устоит ни перед каким другим грехом» [\[126\]](#).

Когда я впервые услышал от Ичазо о протоанализе, он развивал свои идеи относительно его на испанском языке и использовал для

характеристики представителя энеатипа VII слово charlatan (исп. болтун) и соответственно для фиксации личности на основе указанной особенности - слово charlatanism. Это слово опять же следует понимать, не ограничиваясь рамками буквального смысла, потому что обжора, чревоугодник - это тот, кто манипулирует объектом с помощью своего интеллекта. Несколько позднее Ичасо характеризовал подобный тип личности выражением ego-plan, напоминающим нам о том, что charlatan - это, помимо всего прочего, и мечтатель, - и действительно, его шарлатанство можно истолковывать в том смысле, что он принимает (или выдает) мечты за действительность. Тем не менее, мне думается, что charlatan-ism - более объемное и уместное в данном случае понятие, поскольку построение всевозможных планов не в меньшей степени характерно и для энеатипов I и III, тогда как charlatanism несет в себе и другие смыслы, которых там нет: такие как способность к экспрессии, умение убеждать и подчинять себе с помощью слов, искусно создавая в людях преувеличенное представление о своих познаниях. Представитель энеатипа VII не просто человек, постоянно строящий планы, он - интриган, для которого достижение своих целей с помощью хитростей стало второй натурой, - характер, увековеченный Лафонтеном (который и сам был к этому предрасположен) в образе Лисы.

Ичазо определял ненасытность как «желание иметь больше»: я допускаю, что у моих ненасытных читателей могут возникнуть и более глубокие интерпретации. Мое впечатление, что, хотя такое описание в характерологическом отношении уместно, оно по существу имеет в виду ту ненасытность, которая является общим свойством как чревоугодников, так и физически крепких, дюжих людей. К тому же, хотя и верно, что иногда чревоугодники полагают, что, чем больше они получают, тем большее наслаждение испытают, не менее верно и то, что они - и это более для них характерно - являются не искателями того же самого в большем количестве, но искателями (в романтическом духе) отдаленного и причудливого, искателями разнообразия, приключений и неожиданностей.

На языке DSM-III совпадение психологических признаков, образующее седьмой тип на энеаграмме, получает наименование «нарцисстического»; однако нам не следует забывать, что различные авторы уже пользовались этим термином для характеристики и других типов личности [\[127\]](#).

2. Предшественники в научной литературе о характере

Наиболее близок к нашему пониманию энеатипа VII Шнайдер, обрисовывая характер, который он называет «лабильным» [\[128\]](#). Я думаю, что в классификации Шнайдера энеатип VII диагностировался бы, вероятно, как вариант *hiperthymic*, обычно именуемый «гипоманическим», или как лабильный. Последний вид личности предстает в его описании как «чувствительный, весьма подверженный влиянию внешнего мира, склонный к самоанализу. Чуждый депрессии, но время от времени оказывающийся во власти неумеренной печали или раздражения». Его отличительная особенность в нормальном психическом состоянии - «быстро пресыщаться и испытывать чувство скуки... Беспокойство заметно овладевает таким субъектом, особенно весной; порывистое стремление к разнообразию и новизне... Другим специфическим проявлением такого типа личности становится подчеркнутая любовь к кочевой жизни». Шнайдер цитирует также Стиве, которому принадлежит специальное исследование о дезертирстве: «В результате проведенных исследований обнаруживается, что за дезертирством скрываются самые разнообразные мотивы: это и страх наказания, и тоска по родным краям, в какой-то степени чисто социальная неприкаянность одинокого, находящая выход в бродяжничестве, отчасти романтическая любовь к приключениям и жажда новизны».

Поскольку обжорство в переводе на язык современной терминологии приблизительно совпадает с «рецептивной оральностью», переходя от литературных источников к собственно психологическим, целесообразно начать обзор с рассмотрения орально ориентированного типа, выделенного Карлом Абрахамом, который характеризует его следующим образом: «избыток оптимизма, не убавляющегося от столкновения с суровой реальностью; вследствие присущего ему великодушия, живого и общительного нрава открыт для новых идей и честолюбивых замыслов, нисколько не сомневаясь в их успехе» [\[129\]](#).

В приводимом далее пассаже из работы Абрахама в поле зрения исследователя попадает характерная для энеатипа VII вербальная активность (*ability*): «их стремление к тому, чтобы получить

наслаждение посредством сосания, трансформировалось в потребность одаривать близких посредством деятельности своего рта, так что в результате мы обнаруживаем у них, помимо неизменного стремления что-либо приобретать, столь же устойчивую потребность вступать в общение с другими людьми с помощью рта; это приводит к настойчивому желанию говорить, сопровождающемуся, как правило, ощущением переполненности. Такого рода субъектам свойственно думать, что запас их мыслей неисчерпаем, и приписывать своим словам способность нести в себе глубокий смысл».

Разделяем мы или нет точку зрения Фрейда и Абрахама на стадии развития либидо и на роль сексуальности в формировании характера, в любом случае не только синдром, получивший в психоанализе название «орально-рецептивного», является реальностью, вполне доступной для наблюдения и соответствующей, заметим при этом, энеатипу VII (точно так же, как пассивно-агрессивный синдром соответствует энеатипу IV), но и связь этого синдрома с блаженным временем питания от материнской груди подтверждается со статистической достоверностью [\[130\]](#).

Наверно, небезынтересно отметить, что, когда Фрейд пользовался словом «нарцисстический» применительно к особому типу личности, образ, возникавший в его сознании, своими чертами напоминал скорее энеатип VII и нарцисстическую личность в DSM-III, нежели страдающую нервным расстройством нарцисстическую особу, какой она предстает в описании Кернберга.

В «Либидинальных типах» Фрейд пишет: «Соблюдение собственного интереса является организующим началом его жизни. Этот тип независим, и нелегко кому бы то ни было вызвать в нем благоговейный страх. Люди такого типа производят на окружающих впечатление сильной личности. Именно на них предпочитают опираться их близкие в случае необходимости. Они охотно берут на себя роль лидера, дают новый импульс культурному развитию или ломают существующие условности» [\[131\]](#).

Несмотря на то что термин «нарциссизм» широко используется применительно к характерологической диспозиции, соответствующей разнообразию психических черт энеатипа V, только энеатип VII получает в DSM-III наименование «нарцис- тического». Во всяком случае, можно говорить о том, что на него накладываются и другие

значения, на что необходимо сразу же указать. Я думаю, что прояснить этот вопрос лучше всего будет в форме проверки миллоновского описания нарцисстической личности [\[132\]](#).

«Под нарциссизмом мы имеем в виду спокойный и самоуверенный характер их поведения в обществе», - начинает Миллон и таким образом определенно изображает личность, относящуюся к энеатипу VII, а отнюдь не застенчивого, неловкого, неуверенного в себе и напряженного представителя энеатипа V.

«Их по видимости беззаботный и самодовольный вид воспринимается многими как признак уверенного в себе душевного спокойствия. Другие относятся к людям подобного типа с меньшей симпатией. Для них такое поведение свидетельствует о нескромности, самонадеянности, претенциозности и характеризует заносчивую, бесцеремонную и снобистскую манеру в обращении с людьми».

Даже если в индивидах, представляющих энеатип V, подозревать скрытую заносчивость, о ней трудно догадаться по их поведению, точно так же, как и по содержанию их речи. Поведение, проникнутое беспечным ощущением того, что «все О'Кей», типично для нашего «шарлатана» - в противоположность неуклюжей застенчивости, характеризующей представителей энеатипа V. Вернемся снова к Миллону:

«Нарцисстическим субъектам, похоже, не свойственно смирение, и они в высшей степени эгоистичны и невеликодушны... Они при всяком удобном случае, хотя обычно и непреднамеренно, эксплуатируют других, не видя в этом ничего особенного и считая, что оказываемые им услуги не требуют слишком многого взамен. Их самомнение воспринимается большинством как необоснованное. Оно отдает чванством и высокомерием, не имея под собой ничего, что бы его оправдывало».

Хотя надежда получать, не подкрепляемая ответной щедростью, не в меньшей степени ассоциируется у нас со скупостью, у чревоугодия в данном случае другой стиль, равно как и уровень эксплуатации. В то время как у представителей энеатипа V чувство своего превосходства существует бок о бок даже с еще более сильным чувством собственной неполноценности, у нарцисстической личности это равновесие находится в обратном отношении: чувство превосходства написано, так сказать, на ее лице и присутствует в ее сознании, тогда как все, что

связано с переживанием собственной неполноценности, скрыто, отрицается и вытесняется. Только к ненасытным приложимо то, что Миллон говорит о страдающих нарциссизмом, а именно то, что «их поведение может быть неудобным для окружающих, даже противоречащим здравому смыслу. И то, что в своем представлении о самих себе они - люди высшего сорта, к которым не приложима общая мерка и кому дарованы необычные права и привилегии. Такое представление о своих достоинствах настолько прочно закрепилось в их психике, что у них редко возникает вопрос, а соответствует ли оно действительности. Более того, всякий, кто не способен уважать их, воспринимается ими с презрением и насмешкой».

Следующий абзац у Миллона заставляет вспомнить о таком свойстве энеатипа VII, как любовь к построению планов, равно как и об оптимизме тех, кому свойствен орально-рецептивный синдром: «Нарцисстические личности необузданы в своей познавательной реакции на мир, они не знают меры ни в своих фантазиях, ни в рационализациях и позволяют своему воображению свободно преодолевать как ограничения реальной действительности, так и мнения других. Они склонны преувеличивать свои силы, свободно превращать неудачи в успехи, конструировать длинные и замысловатые рационализации (т.е. объяснение задним числом своих намерений и поступков. - К.Б.), которые поднимают их в собственных глазах или оправдывают то, что, на их взгляд, положено им по праву, быстро меняя при этом оценку тех, кто отказывается принимать или раздувать их представление о самих себе (self- image)». Весьма характерно наблюдение, что, «возбуждаемые не требующей особых усилий работой своего воображения, нарцисстические личности насквозь пропитываются ощущением того, что в их жизни все благополучно, что у них хорошее настроение и самые прекрасные виды на будущее. Эмоция (affect), даже если она подчас является следствием производимого такой личностью грандиозного искажения реальности, по большей части подвергается релаксации, если она не проникнута бодростью и беззаботностью. Однако стоит этому воздушному шару лопнуть, как быстро происходит переход или к крайней раздражительности и постоянному недовольству окружающими, или к повторяющимся приступам подавленного настроения, характеризующегося ощущением униженности и опустошенности».

Энеатипы V и VII противоположны друг другу не только в смысле неловкости, с одной стороны, и самоуверенности - с другой, но различаются также и по своей психической атмосфере, которая по преимуществу доставляет удовольствие в первом случае и становится источником боли для ее обладателя в последнем:

«Нарцисстические личности редко страдают от внутренних конфликтов, от борьбы в душе противоположных чувств. Похоже, что их прошлое снабдило их хорошим запасом больших надежд и ободрений. В результате они склонны доверять другим и быть уверенными, что с делами у них все будет в порядке». Тем не менее «реальность порой напоминает им о себе в достаточно суровой форме. Даже самые обычные требования повседневной жизни могут восприниматься нарцисстическими личностями как досадное вторжение в их жизнь. Необходимость исполнять такие обязанности переживается ими как унижение: ведь происходит посягательство на их заветную иллюзию о собственной почти богоподобности - и предлоги уклониться от выполнения „прозаических" задач легко находятся, поскольку „нарциссы" убеждены, что то, во что они верят, должно быть верно, а то, чего они желают, должно быть справедливо. И они не только демонстрируют незаурядный талант по части рационального объяснения своей социальной невнимательности, но используют с равной легкостью и целый ряд других внутриспсихических механизмов. Тем не менее, поскольку им не свойственно слишком много размышлять над тем, что думают другие, их защитные маневры слишком откровенны, чтобы что-либо скрыть от проницательного взгляда. Их неспособность потрудиться над тем, чтобы замаскировать свои подлинные чувства, тоже способствует тому, что их считают самоуверенными и надменными».

Я думаю, будет уместным привести здесь некоторые соображения Дэвида Шапиро [\[133\]](#) об импульсивных манерах вообще, поскольку они имеют отношение, как он сам отмечает, не только «к большинству тех, кому обычно ставится диагноз - импульсивный характер или даже психопатический характер» (энеатип VIII), но и к «некоторым из тех, кого называют пассивно-невротическими (характерами) и нарцистическими характерами» (энеатип VII).

Хотя в первом случае мы имеем дело, так сказать, с жестко импульсивным, а во втором - с мягко-импульсивным характером, в

отношении обоих можно говорить об «определенном нарушении эмоциональной деятельности, о ненормальном ослаблении в ней обдуманности и цели». Шапиро включает состояния, описываемые им как пассивные, в свой обзор по той причине, что «формальные особенности обоих видов состояний - и того, который характеризуется импульсивностью, и отмеченного чрезмерной пассивностью - свидетельствуют об их тесной взаимосвязанности». Фактически, на мой взгляд, было бы уместно при таком формальном сходстве двух рядов психических состояний говорить об общей пассивно-импульсивной манере переживания побуждения... Это переживание того, что совершен какой-то важный - не тривиальный - поступок, совершен без осознанно принятого решения, какой-либо ясной мотивировки или давно назревшего желания. Другими словами, это состояние, испытываемое человеком, когда он ощущает, что совершает действия не вполне обдуманные и вообще не предполагавшиеся.

«Эти переживания не связаны ни с внешним принуждением, ни с подчинением моральным принципам, их корень в самом желании», - поясняет Шапиро; однако «желании чрезвычайно внезапном и скоротечном, которое настолько истощено, что едва ли сопоставимо с обычным переживанием хотения или решения, - настолько истощено, что делает возможным и даже убедительным оправдание „виновного“, но в непредумышленном деянии». Таким образом, типичное заявление «Я не хочу делать этого, но я просто не могу сдерживать свое чувство (my impulse)», комментируемое Шапиро (и которое можно перевести приблизительно следующим образом: «Я чувствую, что мне не следует делать этого, и я бы не хотел поступать так сознательным образом, но если вдруг и незаметно для меня моим ногам, моим рукам или тому, что мной движет, моим импульсам, будет угодно именно так поступить, меня едва ли можно будет обвинять в случившемся»), у пассивных характеров часто принимает следующую форму: «Я не хотел делать этого, но он настаивал, не понимаю, как это получилось, но я уступил».

Подобно тому, как приверженцы учения Фрейда осмыслили синдром энеатипа VII, исходя из своих теоретических предпосылок, так и Юнг со своими последователями восприняли его в своей системе координат. Для них отличительной чертой этого в высшей степени ориентированного на будущее типа является интуиция: «Способность постигать внутренним чутьем то, что еще не явлено, перспективы и

потенциальные возможности, таящиеся в глубине непосредственно данного». Я цитирую «Психологические типы» Юнга [\[134\]](#):

«Обладающего интуицией никогда не найдешь в мире признанных ценностей настоящего, однако» него острое чутье на все новое и находящееся в становлении. Поскольку он находится в постоянном поиске новых возможностей, устойчивые обстоятельства действуют на него удушающе и он с увлечением хватается за новые предметы и обстоятельства, порой это делается с необычайным энтузиазмом только для того, чтобы хладнокровно расстаться с ними... так, словно все его воодушевление растворилось в этой новой ситуации. У нас создается впечатление, которое разделяет и сам наш герой, что он всегда в таких случаях просто достигал последнего поворотного пункта в своей жизни... Ни рассудок, ни чувство не способны удержать его от проверки новой возможности или отпугнуть, даже если она находится в резком противоречии с предшествующими его убеждениями... у него своя собственная, особая мораль, которая заключается в верности своему видению и в добровольном подчинении его власти... Естественно, такая установка таит в себе большие опасности, ибо слишком велика вероятность того, что интуитивно ориентированный тип растратит свою жизнь по мелочам на вещи и людей, расстилающих перед ним многоцветный ковер жизни, - жизни, которой, однако, живут другие, а отнюдь не он сам».

Юнговская характеристика энеатипа VII как обладающего интровертной интуицией лишь частично подтверждается результатами экспериментальной проверки - в данном случае мы принимаем личностную модель, лежащую в основе нарисованного Кэрсси и Бейтс портрета INTJ (интроверт с более развитой интуицией, нежели ощущением, более развитым мышлением, нежели чувством, и преобладанием суждения над восприятием). Эти авторы отмечают, что INTJ - наиболее самоуверенный из всех типов, что представители этого типа обращены скорее к будущему, чем к прошлому, что они выступают и как строители систем, и как энергично прилагающие свои теоретические модели к действительности.

«Для INTJ власть, основывающаяся на положении, чине, титуле или публикациях, не имеет абсолютно никакой силы. Маловероятно, чтобы этот тип поддавался магии лозунгов, девизов и модных словечек. Как и в случае с INTP, власть как таковая не производит никакого впечатления

на INTJ...»

«Ни одна идея не выглядит для него настолько шокирующей, чтобы не увлечься ею. Вполне естественно, что представители этого типа - любители „великолепных планов" и „блестящих идей" (которые со стороны часто кажутся бредовыми), они всегда открыты для новых концепций и, по существу, не могут жить без них». «Они уверенно маневрируют в сфере теории, словно перед ними гигантская шахматная доска, всегда стремясь найти стратегию, которая приносила бы щедрые и скорые плоды... Теории, которые нельзя осуществить на практике, быстро отбрасываются ими...»

«Они стремятся обыкновенно сформулировать нечто позитивное и не любят сталкиваться с комментариями отрицательного характера».

Мне думается, что энеатип VII соответствует личности, ассоциируемой в гомеопатии с *Licorodium* (бот. плаун, ликоподий). Из книги Кэтрин Культер «Портреты гомеопатических лекарств» мы узнаем о четырех наиболее характерных особенностях *Licorodium* [\[135\]](#): «его способности не падать духом в самых трудных обстоятельствах и сохранять чувство собственного достоинства, его непоколебимой живучести, невозмутимой бесстрастности, а также и об ахиллесовой пяте этого в высшей степени способного человека - его склонности к самообману...»

Культер описывает терпеливую, настойчивую популяцию, представители которой отменно здоровы, энергичны и привлекательны от природы: «красивые» и «подтянутые» - вот слова, наиболее подходящие для их внешности, точно так же, как при виде *Pulsatilla* хочется сказать, что она прелестна, *Phosphorus* - притягателен, а *Arsenicum* - аристократичен...

«Первая замечательная особенность *Licorodium* - это его чувство собственного достоинства. Это чувство можно прочесть на лице у всякого, кто обладает хладнокровием и, очевидно, неплохого мнения о самом себе. Он абсолютно уверен в своих суждениях, считая, что в любой ситуации понимает дело лучше других».

«Совсем иначе проявляется его чувство собственного достоинства - в нерасположенности доказывать свое мнение путем спора или вести переговоры. При этом он может быть драчлив, получая, подобно *Sulphur*, наслаждение от интеллектуальной борьбы, однако такая борьба отличается от спора на личном уровне, когда неизбежно приходится

страдать чувству собственного достоинства. Lусорodium настолько уверен в своей правоте, что зачастую даже отказывается обсуждать вопрос...»

«Сам по себе он учтив и любезен, когда дело доходит до комплиментов, и способен быть чрезвычайно льстивым, если захочет. Он ищет ответной лести и упивается ею, какой бы грубой она ни была... Даже когда Lусорodium явно не заслуживает оказываемых ему почестей, он все равно охотно принимает их. Он знает, что они не заслужены (в конце концов, он не глуп), однако возражать против них не будет...»

Наблюдения Культер, когда она описывает негативные аспекты чувства собственного достоинства (self-esteem), тоже находят себе соответствие во многих чертах энеатипа VII. Она приводит используемые Герингом дескрипторы «надменность» и «властность» и дает следующий комментарий: «Он не только знает лучше других, он желает, чтобы другие прислушивались к его мнению, и время от времени дает понять, что несогласные с ним - это или мошенники, или дураки. О своих конкурентах, ближних, родственниках и даже друзьях он не слишком высокого мнения, чего и не скрывает, в то же время ему свойственно преувеличивать собственное влияние и способности...»

Культер указывает на лекарственное средство, по своей природе подобное характеру Lусорodium: «Подобно тому как обладающий упругой живучестью мох приспосабливается к характеру ландшафта и меняющимся климатическим условиям, бесстрашно продолжая свой рост, живучесть Lусорodium («фантастическая способность к выживанию»: Gutmen) тоже происходит из его твердой, хотя тем не менее и приспособляющейся натуры, которая позволяет ему приспособляться к меняющимся временам и обстоятельствам, преследуя одновременно и свои собственные интересы».

«Разумеется, внимательность и обаяние, свойственные Lусорodium, могут щедро изливаться и на его близких, а не только быть направленными на посторонних. Внешние проявления этого индивида будут, таким образом, соответствовать определяющей ситуации реальности. Однако нередко к этим

Положительным качествам все же примешиваются следы „повелительной манеры" (Геринг) с неуловимым намеком на свое превосходство...»

Культер подчеркивает в Lусorodium такие эмоциональные черты, как отчужденность, бесстрастность, возвышенность взгляда на мир: «Своей отчужденной бесстрастностью и отсутствием эмоциональной экспансивности Lусorodium напоминает Луну, которая отражает свет, но не приносит настоящего тепла...»

Другая характерная черта, на которой останавливает внимание Культер, - это самообман: там, где мы обычно говорим себе: «Вот проблема! Как же мне с ней быть?», Lусorodium скажет: «Вот проблема! Как же мне ее избежать?»

3. Структура основных черт характера

Ненасытность

Про представителей энеатипа VII недостаточно просто сказать, что это люди с широким кругозором, с исследовательской жилкой: их стремление к расширению своего опыта влечет их, как правило, от неудовлетворяющего их «здесь» к многообещающему «там».

Ненасытность такого духовного обжоры прикрывается, однако, кажущейся удовлетворенностью; или, правильнее будет сказать, за их энтузиазмом скрывается разочарованность (frustration), - тем энтузиазмом, который призван, по-видимому, компенсировать неудовлетворенность, равно как и не позволять опыту разочарования стать осознанным.

О еде идет речь или о чем другом, но ненасытность у такого обжоры возбуждает, как правило, не простая пища, а все удивительное и необыкновенное. Соответственно, для него характерен интерес к магическому и эзотерическому в собственном смысле слова, что является отражением более широкого интереса к отдаленному вообще - отдаленному в географическом или культурном отношении или же находящемуся на границе человеческого знания.

Кроме того, влечение к тому, что находится за пределами его собственной культуры, свидетельствует о смещении ценностных ориентиров, о предпочтении, отдаваемом тому, что «там», перед тем, что «здесь». То же самое может быть сказано и о характерной для энеатипа VII тенденции восставать против всякого рода условностей. И

в этом случае можно с уверенностью говорить, что его идеал будет иметь скорее всего утопический, футуристический или прогрессистский характер, нежели опираться на существующие культурные модели.

Гедонистическая снисходительность к человеческим слабостям

Две черты, тесно связанные с тенденцией не ограничивать себя в удовольствиях, такие как нелюбовь к страданию, стремление по возможности избегать его и сопутствующая этому стремлению гедонистическая ориентация, характерны для личности, представляющей энеатип VII. С этими двумя чертами внутренне связаны снисходительность как к собственным, так и к чужим слабостям и потакание своим желаниям. Примечательно, что подобного рода снисходительность характеризует не только отношение индивида к самому себе, но и его установку по отношению к другим: *laissez faire* («делай что хочешь») - вот суть этой установки. Такая соблазнительная для других снисходительность к их слабостям и порокам со стороны ненасытного порой превращает последнего, по существу, в соучастника зла.

Тесно связано с потаканием своим желаниям такое свойство, как «избалованность», под которым обычно имеется в виду уверенность в своем особом праве на получение удовольствий от жизни. В данном случае дает о себе знать и своего рода «плейбо-евская» жизненная ориентация, и, косвенным образом, преувеличенное переживание того, что «все о'кей», которое развивается в человеке в качестве защиты от боли и фрустрации: та «оптимистическая жизненная установка», которая заставляет его не только думать, что у него и у других «все о'кей», но и воспринимать мир в целом как славное местечко для житья. В ряде случаев можно говорить прямо-таки о «космическом оптимизме» (*cosmic okaynese*), вырабатываемом у людей, когда их индивидуальная удовлетворенность всем находит опору в таком взгляде на мир, для которого не существует ни добра, ни зла, ни чувства вины, ни морального долга, вообще нет необходимости в каких-либо нравственных усилиях со стороны личности - достаточно просто наслаждаться жизнью.

Бунтарство

Разумеется, если в человеке нет бунтарского духа, потакать своим желаниям в условиях современной цивилизации, которая как бы то ни было представляет собой систему запретов, не так-то просто. Главное, что следует сказать о свойственном энеатипу VII бунтарстве, - это то, что оно наиболее зримо проявляется в обостренной чувствительности ко всякого рода предрассудкам конвенционального происхождения и находит обыкновенно выход для себя в юморе. При этом бунтарский дух, свойственный данному человеку, выражается, как правило, в презрении к условностям в его поведении, тогда как интеллектуальный бунт может прекрасно уживаться в человеке с изрядной долей социально-бытового конформизма. Благодаря наличию у них этой характерной особенности, представители энеатипа VII становятся скорее идеологами революции, нежели ее активными участниками.

Они, представители этого типа, как правило, не стремятся принадлежать к власти. Про обжору или ненасытного можно было бы сказать, что ему очень рано удалось «узнать», что хорошей власти не бывает, тем не менее он усваивает по отношению к властям скорее дипломатичную, нежели оппозиционную манеру поведения. Бунтарство неявно дает о себе знать у человека, принадлежащего к энеатипу VII, в том, что он обыкновенно игнорирует психологическую иерархию в отношениях с окружающими: в то время как энеатип VI воспринимает себя и строит свои отношения с людьми подчеркнуто в зависимости от своей принадлежности к высшим или низшим, старшим или младшим его по возрасту, энеатип VII, напротив, подчеркнуто «эгалитарен» в своем подходе к людям. И как не может такой человек принимать власть чересчур всерьез (потому что при этом трудно было бы потакать своим желаниям, быть снисходительным к собственным слабостям, не ведать чувства вины и сохранять сознание своего превосходства), так и перед другими не хочет выступать в качестве власти - разве что в завуалированной форме, когда хочет произвести впечатление своей подчеркнутой и мнимой скромностью.

Отсутствие дисциплины

Еще одна характерная черта энеатипа VII, которая и достаточно самостоятельна, чтобы быть рассматриваемой отдельно, и вместе с тем функционально связана с ненасытностью и бунтарством, проявляется в отсутствии самодисциплины, в неустойчивости, недостатке обязательности и специфическом дилетантизме. Словом «плейбой» («play-boy») передается не только любовь к удовольствиям, но и уклончивость, нежелание связывать себя обязательствами человека, который любит наслаждаться жизнью. Отсутствие дисциплины в его характере - это следствие свойственной ему нелюбви откладывать удовольствие, если есть возможность его получить, и основывается, если взглянуть поглубже, на восприятии всякой отсрочки удовольствия как проявления нелюбви к нему со стороны того, кто может доставить удовольствие.

Воображаемое осуществление желаний

Склонность предаваться сексуальным фантазиям (cathexis of fantasy) и ориентация на построение планов и утопию также играют определенную роль в комплексе ненасытного (gluttonous bias), который, подобно младенцу, тянущемуся к соске, льнет ко всему, что и очень сладко, и не грозит разочарованием. С только что отмеченным свойством, равно как и с бегством от грубых реальностей жизни, тесно связана притягательность для ненасытных будущего и потенциально возможного. Ненасытным действительно, как правило, свойственна футуристическая ориентация в жизни - потому что через идентификацию с планами и идеалами индивид получает, по-видимому, возможность жить мысленно в них в большей степени, чем в постоянно возвращающем нас к реальности настоящем.

Обольстительно привлекательный, или умение нравиться

В характере представителя энеатипа VII имеются два аспекта, каждый из которых по-своему способствовал широко распространенному одобрителю к нему отношению (как соответственно к «счастливому» и «любезному») и которые вместе определяют весьма существенное качество этого характера -

способность доставлять удовольствие. Испытывая ненасытную жадность к тому, что приятно, и влюбляясь через переживание удовольствия, энеатип VII, по-видимому, также не прочь удовлетворить жадность к удовольствию у тех, кого он хочет обольстить. Подобно своему антиподу на энеаграмме - энеатипу II - энеатип VII в высшей степени обольстителен и стремится доставить удовольствие как своей услужливостью, так и бодрым, неунывающим отношением к жизни, готовностью ответить уверенным «нет проблем!» на любой ее вызов.

Любезный, приветливый аспект этого характера подразумевается такими его дескрипторами, как отзывчивый, услужливый, дружелюбный, обязательный, готовый к бескорыстной помощи и великодушный. Чревоугодники (gettons) - гостеприимные хозяева и могут быть весьма расточительны. В той степени, в которой их щедрость является спутником обольстительности и скорее средством купить любовь, нежели искренним дарением, она уравнивается в психической жизни (psyche) чревоугодника соответствующей ей противоположностью: скрытым, но действенным использованием других в своих интересах, которое дает о себе знать и в виде паразитических наклонностей, и, возможно, в свойственном таким людям ощущении своего права на внимание и любовь со стороны ближних.

Состояние довольного собой и жизнью благополучия, характерное для энеатипа VII, покоится отчасти на уже знакомых нам приоритетах того, кто воспринимает жизнь под знаком наслаждения, отчасти на специфическом умении ненасытного удовлетворять свои желания в воображении. Тем не менее «ощущение того, что все о'кей», служит также и целям обольщения, и надо сказать, что стремление обольстить, очаровать делает порой представителей энеатипа VII особенно добрыми, веселыми и забавными. Хорошее настроение, свойственное энеатипу VII, заставляет других в их присутствии испытывать чувство приятного оживления, а это способствует готовности получать от них и дальше наслаждение и стремиться по возможности быть рядом с такими веселыми, приятными людьми, что лишний раз подтверждает, что счастье, по крайней мере отчасти, соблазнительно и определенно обладает способностью подчинять. Конечно, это желание чувствовать себя во что бы то ни стало счастливым, свойственное энеатипу VII, поддерживается - как и в случае с энеатипом III - за счет вытеснения и

избегания всего, что причиняет боль и приводит в итоге к обеднению опыта. В частности, пресловутое «хладнокровие» энеати́па VII связано с вытеснением той самой тревоги, которая постоянно подпитывает установку индивида на поиск убежища в наслаждении.

Нарциссизм

Другую группу характерных черт, по которым распознается работа обольщения, можно назвать нарцисстической. Она характеризуется с помощью таких, например, дескрипторов, как: «выставляет напоказ свои переживания», «знает лучше других», «хорошо осведомлен», «с сознанием своего интеллектуального превосходства». Сюда же относится и навязчивое стремление пояснять - то, что Феллини иногда пытается изобразить в своих фильмах, заставляя рассказчика за кадром к месту и не к месту комментировать происходящее на экране.

Можно говорить об «обольщении при помощи превосходства», которое чаще всего принимает форму интеллектуального превосходства, хотя (как это видно на примере мольеровского Тартюфа) не последнюю роль в его успехе играет репутация человека глубоко религиозной и праведной жизни. Характерно, что такой праведнический имидж лишен зачастую какой-либо внешней напыщенности - даже в тех случаях, когда люди пытаются активно заявлять о своем превосходстве, мудрости и доброте. Это соответствует тому факту, что ненасытные предпочитают, чтобы их взаимоотношения с людьми строились скорее на основе братства и равноправия, нежели власти и подчинения. Именно по этой причине превосходство, на которое они претендуют, скорее подразумевается, нежели открыто выражается, и выступает под маской скромной, отзывчивой и эгалитарной манеры поведения. Как и в случае с доставляемым им удовольствием, ощущение своего превосходства, свойственное энеати́пу VII, передает только половину того, что переживает при этом ненасытный, потому что одновременно им владеет чувство собственной неполноценности и, соответственно, ощущение неуверенности и тревоги. Нечто подобное мы уже видели на примере энеати́па V, и в том и в другом случае расщепление психики опускает одновременное существование двух половинок Я (two sub-selves), однако, в то время

как у представителя энеатипа V на передний план выступает отталкивающее, вызывающее осуждение Я, в нарцисстической личности верх берет как раз высоко мнящее о себе, грандиозное Я.

Важная психологическая особенность, о которой необходимо упомянуть в связи с характерной для нарциссизма тенденцией получать удовлетворение «орально-рецептивным» путем, - это обаяние, шарм - качество, в котором сходятся и вызывающие восхищение свойства энеатипа VII (одаренность, способность схватывать на лету, острый ум, житейская мудрость и т.п.), и такие его особенности, как услужливость, неагрессивность, вкрадчивость, невозмутимость и удовлетворенность. Благодаря обаянию, ненасытный способен удовлетворять свою жадность не хуже, чем рыбаку это удастся с помощью наживки, из чего можно заключить, что способностью доставлять удовольствие и шарм не просто чаруют, но и манипулируют. При помощи своего огромного обаяния ненасытный способен обворожить не только других, но и самого себя. Среди его умений видное место занимает умение очаровывать, почти равносильное гипнозу, и шарм - это и есть его магия.

Наряду с нарциссизмом, свойственным энеатипу VII, необходимо отметить и часто встречающиеся у него различные таланты, и сильную интуицию, что наводит на мысль, что именно благодаря таким задаткам, возможно, и сформировалась его преобладающая жизненная стратегия. (Точно так же, как усвоение этой стратегии способствовало развитию имеющихся задатков.)

Способность убеждать

Энеатип VII можно представить себе в виде человека, у которого поиски любви превратились в поиски наслаждения. Поскольку такая его установка неизбежно встречает определенное сопротивление со стороны объекта, он начинает удовлетворять свои желания с того, что набрасывает на свою жертву искусно сплетенную сеть из объяснений и обоснований. Всем известно, что шарлатан - это человек, способный убедить других в полезности для них того, что он продает. Тем не менее одной интеллектуальной активности, проявляющейся в объяснениях (которая, кстати, в рамках энеатипа VII может превратиться в

нарцисстический недостаток), в данном случае недостаточно: убедительность получает опору прежде всего в убежденности самого убеждающего в собственной мудрости, превосходстве, порядочности и благородстве намерений.

Таким образом, только искусственным путем можно разделить психические свойства, которые существуют в тесной взаимосвязи: очаровательность способствует убедительности, равно как и доставляет удовольствие. Способность убеждать и быть кладезем информации у представителей энеатипа VII находит иногда выражение в том, что они становятся профессиональными советчиками. Шарлатаны любят воздействовать на других с помощью советов. В шарлатанстве как таковом можно видеть не только удовлетворение нарцисстических желаний и демонстрацию своей полезности, но и потребность манипулировать другими с помощью слов, например: давать понять людям, что на них возлагаются «великие надежды», и превращать их в орудие для осуществления своих проектов. Наряду с потребностью воздействовать на других с помощью манипуляций, мы можем отметить и такие характерные для представителей энеатипа VII особенности, как сильный интеллект, хорошо подвешенный язык (*high verbal ability*), способность внушения и т.д.

Обман

Мы рассмотрели специфическую тенденцию воспринимать жизнь под знаком «все о'кей» и быть одновременно влекомым оральной страстью высасывать из жизни ее лучшие соки. Говорили о бунтарском духе приблизительно в том же ключе, что и Фритц Перлз, отмечающий, что «в душе всякого примерного мальчика скрывается злобное, жаждущее мести существо». Столкнулись у представителей энеатипа VII со смешением существующего только в их воображении - с реальностью, проектов - с их исполнением, потенциально возможного - с реально осуществимым. Затем в поле нашего зрения попали привлекательность - которая на самом деле является маской, скрывающей внутреннюю тревогу, - дружелюбность, скрывающая агрессивность, великодушие, прикрывающее тенденцию использовать другого для своих нужд. Применительно к энеатипу VII слово

«шарлатан», ассоциирующееся, в частности, с мнимыми познаниями и явным несовпадением в суждениях человека словесной карты с местностью, гораздо лучше выражает суть этого характера, чем, например, просто «человек, обладающий способностью убеждать». Если взглянуть шире, то словом «шарлатан» передается более обобщенное понятие обмана (fraudulence), для которого все вышесказанное является лишь дополнением. И действительно, по-видимому, целесообразнее использовать отвлеченно-умозрительное «обман» для фиксации рассматриваемого нами типа, нежели символическое или даже метафорическое «шарлатанство».

4. Защитные механизмы

Нельзя считать только какой-то один защитный механизм особенно подходящим для гедонистически-нарцисстического характера.

Говоря, что представители энеатипа VII очень рано усваивают, как оправдать потворство своим желаниям с помощью «хороших оснований» для них, мы тем самым признаем, что механизм рационализации приобретает в их жизни важную стратегическую функцию.

Согласно Эрнсту Джонсу, рационализация - это объяснение, придумываемое рассудком для отношения или поступка, мотивы которого неприемлемы для сознания. Хотя далеко не все склонны видеть в рационализации защитный механизм, имеются достаточные основания утверждать, что она таковым все же является, поскольку даже если и не влечет за собой торможения импульса (скорей, наоборот), то все же, действительно, способствует отвлечению внимания от «действительных причин» поступков и отношений индивида к другим людям и явлениям. В результате совершаемые поступки начинают казаться добрыми и благородными, что отвечает требованиям суперэго.

Как отмечает Матте-Бланко: «Рассеивая подозрения относительно смысла того или иного поступка, рационализация способствует мирному характеру происходящего вытеснения, и таким образом ее можно рассматривать как манифестацию вытеснения» [\[136\]](#).

Рационализация представляет в этом плане особый интерес тем, что

она вызывает и конституирует определенную жизненную тактику - «объясняющий свое поведение» прибегает к убеждению, чтобы обходить препятствия на пути к наслаждению. Тем не менее рационализацию все же приходится рассматривать как довольно элементарный защитный механизм, который служит опорой для более сложного механизма идеализации. Мы уже отмечали, что далеко не все склоны видеть в рационализации защитный механизм, то же самое можно сказать и об идеализации, которой принадлежит важная роль в психологии энеатипа VII.

Прежде всего, существует самоидеализация, которая соединяется в психике представителя энеатипа VII с отрицанием вины, а также с нарцисстической установкой и с характерными для нее претензиями. Самоидеализация может осуществляться в форме откровенного самовосхваления, даже если восхищающийся своими поступками человек и так верит в идеализированную версию самого себя.

Идеализация играет важную роль в отношениях с людьми, особенно в отношениях с матерью и ее заменителями.

(Подобно тому как представляющие энеатип VI лица мужского пола обычно влюблены в своих отцов или идеализируют их, характерной чертой представителей энеатипа VII, наделенных более нежной психической организацией, является их преданность своим матерям и бунт против отцов, которым принадлежит власть над матерью. По отношению к лицам, облеченным властью, энеатип VII, похоже, вообще усвоил деидеализирующую установку, которая, заметим, уже подразумевается его органическим неприятием всякой иерархии.)

Можно сказать, что оптимистическая установка, характерная для энеатипа VII, радостное настроение, с которым он обычно не расстается, были бы невозможны без постоянно осуществляемой идеализации мира в целом и наиболее значимых для него людей в нем. Во взаимоотношениях с другими, как и в отношении к самому себе, оптимистическая установка одним из своих следствий для человека, ее усвоившего, имеет то, что он начинает воздерживаться от критических оценок и поиска виновных, - взамен этого в его поведении появляется много напускного добродушия и любезности. У такого человека неодолимая склонность воспринимать мир в соответствии с девизом: «У меня все - о'кей, у вас все - о'кей». Кроме того, следует, видимо, говорить в данном случае о тенденции к «космическому оптимизму»,

т.е. ощущению того, что все в мире идет хорошо и нет необходимости вступать в борьбу.

Помимо защитных механизмов в виде рационализации и идеализации, можно также упомянуть о специфической связи, существующей между психологией энеатипа VII и сублимацией, поскольку весьма характерно, что ненасытный - это, как правило, тот, кто, ослепнув для того, что ему действительно нужно, к чему его инстинктивно влечет, оставляет место в сознании только для альтруистических и великодушных побуждений. Процесс сублимации позволяет нам лучше понять причины ориентированности ненасытных на фантазию, что подразумевает замену действительной цели их стремлений образами, планами и т.п., и катексис (cathexis) энергии своего либидо в собственную изобретательность (последним мы хотим сказать, что, в силу такого характера катексиса, они склонны скорее накапливать орудия и создавать условия для действия, нежели просто действовать).

5. Этиологические и дополнительные психодинамические замечания [\[137\]](#)

В терминах Шелдона для представителей энеатипа VII характерна по преимуществу тенденция к такому сочетанию экто- морфических и эндоморфических элементов, при котором последние находятся на втором месте, тогда как вся структура в целом представляет, по-видимому, пример наиболее сбалансированного распределения всех трех компонентов. Такой структуре соответствует личность, у которой интеллектуальные и духовные интересы прекрасно уживаются с направленностью психической энергии на социальную сферу (social extroversion), с деятельной или даже неугомонной натурой. Возможно, конституционная предрасположенность, проявляющаяся в равновесии интеллектуальной, эмоциональной и деятельностной ориентацией, дает объяснение характеризующей энеатип VII интуитивности (столь выразительно очерченной Юнгом в его изображении этого энеатипа). Тем не менее я не вижу ничего невероятного в том, что чрезвычайная стратегичность, характерная для этого же типа, чаще всего является результатом полученного человеком образования и воспитания, - притом, разумеется, что умственная одаренность и генетически обусловленная вербальная способность тоже играют свою роль. Так же, как для прирожденного бойца, в случае энеатипа VIII, естественно поступать наперекор другим, для того, кто умен и обладает хорошо подвешенным языком, естественно достигать своих целей в отношениях с людьми посредством своего рода адвокатской тактики - объясняя и оправдывая свои действия.

Целесообразно начать рассмотрение всего, связанного с воздействием окружающей среды в уравнении природа/воспитание, с вопроса о кормлении грудью - поскольку имеются данные о взаимосвязи между продолжительным и ничем не омраченным использованием грудью и исполненным доверия к миру, оптимистическим типом личности [\[138\]](#). Думаю, что мы можем рассматривать это открытие - как и в случае связи между неудовлетворительным кормлением грудью и орально-агрессивными чертами, показанной в том же исследовании, - в качестве парадигмы для более общей связи между счастьем в младенчестве и бодрой жизнерадостностью в позднейшей жизни. От представителей энеатипа VII нередко приходится слышать рассказ о продолжительном пользовании в своей жизни радостями, связанными с ранним детством.

Тем не менее, когда рассматриваешь жизненную историю подобного

неунывающего и исполненного доверия к жизни человека, то обнаруживаешь, что изгнание из рая детства приобретало здесь порой гораздо более резко выраженный характер, чем в случае с представителями энеатипа IV, делая, в свою очередь, понятным, почему при столкновении с разочарованиями и неудачами в своей последующей жизни такой индивид склонен был переживать регрессию к состоянию младенца у материнской груди, полностью пассивного и уверенного в том, что получит все ему необходимое. Возникает впечатление, что точно так же, как этот младенец ни за что не желал разочаровываться в своей матери, а иногда и отце, так и представитель энеатипа VII категорически не желает видеть неприятной стороны жизни. Память в такой ситуации поддерживает работу фантазии, направленную на отрицание страдания.

Я описал уже подобного рода переход - от счастливой поры младенчества к менее приятному состоянию в жизни представителя седьмого типа - в «Исцеляющем путешествии» [\[139\]](#). Я был свидетелем того, как в сознании моего пациента (в ходе психотерапевтического лечения) всплыли воспоминания об идиллических взаимоотношениях, существовавших между ним и его нянюшкой до тех пор, пока однажды он не был признан настолько взрослым, что мог сидеть за столом вместе со своими родителями, и это означало для него изгнание из теплого рая нянюшкиной кухни в холодную атмосферу столовой, где ему впервые пришлось выдержать длительное общение с его далеко не столь приветливой матерью.

Можно привести и менее драматичные примеры, например следующий: «Дома, в бытность мою ребенком, меня растили до двух лет, а затем вместе с братом отдали на попечение нашей тетушки, после чего наши родители появлялись столь редко и ненадолго, что стали казаться нам чем-то вроде призраков... Пока мне не исполнилось двух лет, меня кормили грудью, причем без соблюдения какого-либо режима. Моя мать постоянно сопровождала отца в его путешествиях, меня тоже брали с собой, пока мне не исполнилось трех лет и не возникла необходимость оставить меня в доме тети, под присмотром которой я должен был начать свое первоначальное образование». Или: «Моя мать безумно любила меня и оберегала от любой неприятности, я начал говорить очень рано и рос грациозным и ласковым ребенком. Школа была для меня ударом. Я был совершенно беззащитен перед агрессией.

В результате я стал жертвой своих одноклассников. Убежища я искал в мире фантазии». А вот еще один пример: «Что касается меня, то семья у нас была большая, дружная, жизнь текла на удивление хорошо, и я не знал забот. Пожалуй, только в школе я столкнулся с проблемами».

Часто встречающийся в слышанных мною жизненных историях представителей энеатипа VII момент - это страшно авторитарные отец или мать, в отношении которых мягкая форма сопротивления является, по-видимому, наиболее подходящей. Чаще всего подобная тактика применялась по отношению к отцам в случае энеатипа I, когда чрезмерная строгость и подчеркивание своего превосходства со стороны отца переживались ребенком как отсутствие любви к нему и способствовали не только выработке у него смутного убеждения, что власть - это зло, но и познанию на собственном опыте, что власть слишком сильна, чтобы противостоять ей открыто, а кроме того, все это вырабатывало у ребенка неправильное представление о любви как снисхождении (т.е. как о чем-то освобождающем от дисциплины). В детском опыте многих людей мать - это существо, которое от всего защитит и снисходительно отнесется ко всякому капризу (обычно это представители энеатипа IX).

«Что больше всего выводило отца из себя в отношениях со мной, так это то, что я никогда не вступал с ним в спор, но поступал так, как считал нужным, не обращая внимания на его наставления. У моего отца была очень внушительная внешность, и я не мог смотреть ему в лицо без страха, но стоило мне выйти за дверь - и я уже был вне его власти».

В ответ на вопрос: «Какое обстоятельство привело к развитию у вас склонности маневрировать перед лицом ваших родителей и в жизни вообще?» - один субъект объяснил, что его родители всегда были настолько во всем правы, что если бы он изредка не надувал их, то ему было бы совсем невмоготу.

Такая черта энеатипа VII, как способность быть обольстительным, обычно зримо проявляется в отношениях с родителями противоположного пола, и в этом плане мужчины энеатипа VII чаще всего ориентированы на мать (точно так же, как мужчины энеатипа VI по большей части ориентированы на отца). У такого юного мужчины может возникнуть ощущение, что он способен не хуже, а то и лучше отца защитить мать, потому что тот по-настоящему не любит ее, и что его задача - залечить обиды, нанесенные ей отцом. «Моя мать была

обольстительная женщина, и в ее подаче отец всегда представал в виде страшного великана-людоеда».

Конечно, в случае с энеатипом VII надо учитывать и то, что наличие сходного характера у одного из членов семьи играет роль важного фактора в процессе формирования этого типа: «Похоже, что атмосферу в доме определяли ценности „типа VII", потому что вещи, которые мне приходилось здесь слышать, были настолько фантастичны и изумительны, что человеку со стороны, наверно, показалось бы, что он попал в какой-то иной мир. Теперь я лучше понимаю это, чем тогда. Мой отец - типичный помешанный-VII, для него не существует такой вещи, как фунт мяса, он признает только коровьи туши. У нас дома - промышленный холодильник. Спальные комнаты постепенно превращаются в кладовые для продуктов. Не говоря уже о том, что у него имеется все, что ему необходимо - в воображении, разумеется. Это как если бы он был хозяином волшебного мешка, из которого можно извлечь все, что душа ни пожелает. Мне не раз приходилось слышать, как люди восхищаются моей любезностью и тактом. Моя мать обыкновенно говорила, что я некрасив, но могу завоевать мир с помощью своего обаяния. Все смеются у себя дома, где они могут позволить себе быть немного сумасшедшими. Моя мать ценит в людях культуру, и ей очень нравится, когда человек умеет хорошо выражать свои мысли».

Другой фактор, уже отмеченный мною в жизненной истории «оральных оптимистов», - это частота, с какой отец анализируемого оказывался по своему характеру робким, нерешительным человеком. В одном варианте при опросе небольшого числа анализируемых выяснилось, что в семи из восьми случаев отец их принадлежал к энеатипу VI, VII или V. В другом - четверо из пяти утвердительно отвечали на вопрос: «Не потому ли вам свойственна слабая и мягкая позиция в жизненных делах, что в детстве вы не имели рядом с собой примера здоровой агрессивности, что в вашем сознании отсутствовал образ энергичного, решительного отца?»

Представитель энеатипа VII имеет тенденцию превратиться в искателя удовольствий - до такой степени, что любовь к нему со стороны другого лица означает для него прежде всего потакание любому его желанию. К тому же поиск любви приобретает характер нарцисстического стремления - в том смысле, что способы привлечь к

себе любовь - например, быть открытым, забавным, ловким - развиваются в самостоятельные мотивы, а погоня за чарующим и благожелательным превосходством над людьми в своем поведении становится самодовлеющей целью. Таким образом, как и в других личностных ориентациях, отдельная, частная грань любви становится заменой самой любви - и препятствием к нормальному развитию любовных отношений.

6. Экзистенциальная психодинамика

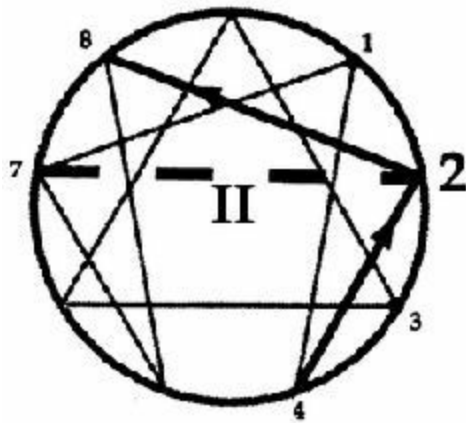
Как и у других типов характера, преобладающая страсть здесь поддерживается изо дня в день не только воспоминаниями о прежнем наслаждении или имевшей место неудаче, но и благодаря помехам, которые создает данный тип характера в нормальном функционировании организма и в реализации способностей индивида.

Как и в случае других страстей, ненасытность можно понимать как попытку заполнить пустоту. Ненасытность - точно так же, как (орально-агрессивная) зависть, - ищет вовне то, что, как она смутно понимает, у нее отсутствует внутри. Только в отличие от зависти (у которой налицо резко выраженное сознание своей онтической недостаточности) ненасытность лукаво маскирует недостаточность мнимым избытком, типологически сопоставимым с таким же избытком, как спутником гордости. (В результате страсть избывается без полного ее самоосознания.)

Онтическая недостаточность, однако, не только источник гедонизма (и избегания страдания), но и его следствие; ибо отождествление любви с удовольствием делает недоступным для гедониста более глубокий и богатый смысл любви, не сводящийся к сфере непосредственно доступного. Ощущению внутреннего дефицита (*inner scarcity*) способствует, конечно же, и отчуждение индивида от своей экзистенциально переживаемой глубины, что происходит вследствие гедонистической потребности иметь дело только с приятными переживаниями и избегать неприятных. Это ощущение подпитывается также скрытым страхом, пронизывающим описанный тип с характерной для него любезностью и мягкой услужливостью, - страхом, при котором невозможно быть самим собой. Оно поддерживается, кроме того,

склонностью манипулировать людьми, что предполагает отторжение от естественной, от природы данной человеку эмоциональной общности с людьми (как бы ни замаскировывался этот факт), благодаря постоянной имитации общительности и дружелюбия, что является одним из элементов чарующего обаяния.

Наконец, ориентация ненасытности на духовное, эзотерическое и паранормальное, притом, что по существу она стремится этим поиском решить проблему своей онтической недостаточности, лишь увековечивает эту недостаточность, ибо, ища сущее в будущем, в отдаленном, воображаемом и потустороннем, индивид тем самым только удостоверяет свое бессилие найти ценность в настоящем и действительном.

Глава 6

Гордость и лицедействующая личность

Энеатип II

1. Суть теории, терминология и место на энеаграмме

В христианстве гордость считается не просто одним из смертных грехов, но первейшим и самым тяжелым - более фундаментальным по сравнению с остальными. В величайшем памятнике христианского ясновидения, «Божественной комедии» Данте, мы обнаруживаем Люцифера - того, кто, подстрекаемый гордостью, сказал «Я» в присутствии Единственного Сущего (Only One), - в центре Ада, представляющего собой в поэме конус, сужающийся к центру земли. Эта огромная впадина (воронка) была образована, согласно дантовскому мифу, всей тяжестью гордого ангела при падении его с неба. В согласии с религиозной ортодоксией, Данте предназначает гордости самую глубокую из адских преисподен и соответственно (следуя методу обратной последовательности грехов в Аду и Чистилище) - первый круг на уступах горы, являющейся местом очищения. На этой горе, на которую пилигримы взбираются по нависающим одна над другой террасам (в традиционно понимаемой последовательности грехов), уступ гордости лежит ниже всех, будучи ближайшим к основанию.

Чосер, писавший несколькими десятилетиями позднее Данте, в «Кентерберийских рассказах» [\[140\]](#) дал хорошую, хотя и не доведенную до конца характерологическую аллюзию на гордецов в «Рассказе священника», который представляет собой, по существу, проповедь о

семи смертных грехах. Он упоминает среди «злых ветвей, произрастающих из гордости»: непослушание, хвастовство, лицемерие, презрение, надменность, бесстыдство, переполнение сердца, наглость, чрезмерную радость, нетерпение, неповиновение, самонадеянность, непочтительность, упрямство и тщеславие. Образ, возникающий из соединения этих свойств, характеризует человека, который не просто утверждает свою собственную ценность, но делает это с агрессивным самовозвышением по отношению к другим и подчеркнутым неуважением к общепринятым ценностям и авторитетам.

При всей жизненной верности, свойственной образам Чосера, в нарисованной им здесь картине отсутствует целый ряд черт, свойственных характеру, главным психологическим нервом которого является гордость. Фундаментальной для такого характера является стратегия дарения - с целью как обольщения, так и возвышения в собственных глазах. «Официальной психологии», имевшей дело с энеатипом II, не удалось, как мне кажется, адекватно описать столь характерное для этого типа ложное великодушие, поскольку упор при описании всегда делался на импульсивную эгоцентричность, ему свойственную, тогда как было бы более правильным говорить о взаимно дополняющих друг друга эгоцентричности и притворном великодушии. К тому же в существующих описаниях истерического характера прослеживается тенденция интерпретировать эротизм истерической личности как феномен в конечном счете сексуального происхождения, тогда как, наверно, было бы правильнее рассматривать этот эротизм в качестве средства, к которому прибегает обольстительность, инспирируемая желанием получать любовь от других.

Восприятие гордости как наиболее греховной, сравнительно с другими, человеческой склонности, возможно, и неплохая педагогическая стратегия для того, чтобы заставить задуматься гордецов над своим поведением; тем не менее у определенного направления в психологии, которое я представляю на страницах этой книги, несколько иная точка зрения на этот вопрос. Согласно протоанализу, все страсти требуют одинаково серьезного к себе отношения, и если одна из них рассматривается как более фундаментальная - вызывающая расстройство или даже психологическую смерть, - то в такой констатации не содержится указаний относительно степени греховности страстей или того, какое

место им принадлежит согласно сделанному прогнозу. Позиция пункта 9-го в середине энеаграммы скорее заставляет думать, что лень можно рассматривать в качестве нейтрально-без-различной средней точки спектра страстей и что активное бессознательное, хотя оно присутствует в любом падшем уме (fallen mind), в проявлениях энеатипа IX играет ведущую роль.

Мы можем уже предварительно охарактеризовать гордость как страсть к самораздуванию (self-inflation), или же, говоря другими словами, страсть к преувеличенному представлению о самом себе.

Соответствующую фиксацию или твердое и безотчетное предубеждение, с которым связана гордость, Ичазо последовательно определял как «лесть» и «ego-flat» - имея в виду не только лести по отношению к другим, но и лести самому себе, самообольщение (self-flattery), неявно присутствующее в стремлении к величию. Слово «лесть» имеет то неудобство, что ассоциируется у нас с лицом, чье поведение характеризуется по преимуществу лестью, тогда как в действительности мы имеем дело с личностью, имеющей непреодолимую склонность не только к лести, но, в равной степени, и к презрению. Такой человек льстит тем, кто, благодаря тому, что они находятся рядом, удовлетворяет его гордость, и с чувством высокомерного презрения смотрит на большинство остальных людей. Больше чем кто-либо другой гордецы практикуют в своей жизни то, что Идрис Шах называл О.У.О. - «обоюдными удобными операциями» (M.C.O. - «mutual comfort operation») [\[141\]](#).

Из расположения данного типа на энеаграмме видно, что гордость занимает место в «истероидном» ее углу, имея много общего с озабоченностью собственным воображаемым образом, что, как известно, является сущностью тщеславия. О всех трех типах характера, находящихся в этом углу энеаграммы - II, III и IV, - можно с уверенностью сказать, что в них действует ошибочное ощущение присутствия «бытия» в том, что другие видят и ценят, в результате чего центром притяжения для психики данного индивида становится собственный воображаемый образ, а не его подлинное Я; этот воображаемый образ диктует поступки индивида, на нем держится его представление о собственной ценности.

Точки 2 и 4 занимают противоположное положение относительно точки 3 и подразумевают для своих типов внутренний жест

соответственно расширения и сжатия собственного воображаемого образа. В то время как зависть имеет склонность к печали, гордость, как правило, находит для себя опору в благополучной внутренней атмосфере: энеатип IV - «трагик», тогда как II - «комик». Как и в других группах из характеров-антиподов нашей энеаграммы, существует определенное родовое сходство между характерами, находящимися в точках 7 и 2. Как ненасытные, так и гордые люди, как правило, мягкие, приятные в общении и сердечные; про тех и других можно сказать, что они обольстительны; и те и другие нарцисстичны в самом общем смысле этого слова, т.е. получают наслаждение от самих себя. Кроме этого, оба типа импульсивны, легко оказываются во власти неожиданных и непреодолимых влечений; при этом их импульсивность для достижения своих целей искусно пользуется уже упомянутой способностью очаровывать, однако каждый из двух типов желает этого по-своему: гордый очаровывает эмоционально, ненасытный - интеллектуально.

Наиболее заметное различие между этими характерами в том, что если ненасытный любезен и дипломатичен, то гордый может быть или ласков, или агрессивен (так что, как мне уже приходилось отмечать, их девизом могло бы быть «ласкай и вой» - «make love and war»). Нарциссизм этих характеров тоже различен. Можно сказать, что у ненасытного он поддерживается с помощью интеллектуального аппарата, специфическую активность которого по части убеждения себя и других мы определяли в предыдущей главе как шарлатанство. У гордого же он поддерживается благодаря самой бесхитростной влюбленности в самого себя, или, что то же самое, эмоциональному процессу любования собой путем отождествления себя с собственным воображаемым образом (такого любимого и уважаемого всеми достойными людьми человека) и, соответственно, через вытеснение из сознания своего негативного образа. Кроме того, для нарциссизма ненасытного характерно любование в себе такими чертами, которые далеко не у всех людей вызывают восхищение, и в этом смысле ненасытный становится верховным арбитром собственных ценностей, как установил Сэмюэл Батлер, изображая один из своих характеров, - «вестником из своей внутренней церкви к самому себе» [\[142\]](#). В отличие от него, представитель энеатипа II более руководствуется в своем нарциссизме общепринятыми представлениями о хорошем и плохом, так что его идеализированный образ самого себя во многом

определяется заимствованными ценностями.

Существует также полярное напряжение между энеатипами II и VII, гордостью и сладострастием, в том плане, что представители обоих импульсивны и одновременно высокомерны, хотя энеатипу II чаще, чем восьмому, свойственна тенденция быть настолько хорошим, что состязаться с ним бесполезно, тогда как энеатип VIII любит соперничество и ведет себя откровенно заносчиво. В современной психологии в общем признается существование характерологической констелляции энеатипа II, которая получила наименование «истерической» или «театральной» («histrionic») личности, однако мне неизвестно, чтобы гордость рассматривалась кем-либо из писавших на эту тему в качестве главного аспекта ее динамики.

2. Предшественники в научной литературе о данном характере

Описывая тип людей, «нуждающихся в уважении», Шнайдер приводит наблюдения Коха над некоторыми психопатами, для эго которых «адаптация к реальному положению вещей всегда является мучительным процессом», и над личностями, одержимыми «глупым и самодовольным желанием как можно чаще быть у всех на виду» [\[143\]](#).

Согласно Крепелину, для этих людей характерны «повышенная эмоциональная реакция, недостаток настойчивости, падкость на новизну, восторженность, любопытство, склонность поболтать и посплетничать, богатое воображение, склонность ко лжи, повышенная возбудимость, неожиданные вспышки энтузиазма и столь же быстрое его затухание, чувствительность, вошедшее в привычку непостоянство, себялюбие, хвастовство, гордость, желание быть в центре внимания, абсурдное отрицание очевидных вещей, подверженность влияниям, ипохондрические заявления, нежелание всерьез лечиться - несмотря на постоянные жалобы на состояние своего здоровья, склонность к сценам и романтическим жестам и вообще импульсивное поведение, доходящее порой до суицида» [\[144\]](#).

Описывая далее рассматриваемый нами характер, Шнайдер цитирует Ясперса, для которого главная черта в такого рода людях - это стремление «казаться больше, чем они есть». «Чем сильнее в подобных

личностях развивается вкус к лицедейству, тем меньше в них остается подлинных чувств; они фальшивы, неспособны к прочным или глубоким эмоциональным связям. Человека не остается, есть только сцена для показных и подражательных переживаний; такое состояние - крайняя степень проявления истерической личности».

Как и в случае со многими другими психопатологическими синдромами, мы находим ненормально увеличенный вариант энеатипа II описанным у Крепелина - в рубрике «Психопаты, нуждающиеся в любви к ним». Курт Шнайдер в своей книге о психопатических личностях [\[145\]](#), комментируя аналогичные наблюдения Коха, в заключение прибавляет: «Нетрудно догадаться, что речь по существу идет об истерическом характере».

Читая статью Easser и Lesser [\[146\]](#), я натолкнулся на замечание, что «Фрейд и Абрахам дали оригинальное описание основных черт обсессивного характера (obsessive character), однако с их стороны почти не делалось попыток привести в систему свою концепцию истерической личности». Хотя и верно, что эротическая ориентация энеатипа II согласуется с фрейдовским понятием эротической личности (когда в своей позднейшей формулировке он приводит различие между характерами, управляемыми эго и суперэго, и характером с преобладанием ид), тем не менее энеатип II - не единственный, который можно рассматривать как находящийся под знаком ид, поскольку тот же самый термин вполне приложим к энеатипам VII и VIII.

Из сделанного Lazare обзора истории «истерического характера в психоаналитической теории» [\[147\]](#) за все время ее существования я узнаю, что, «хотя руководства по общей психиатрии на рубеже двух веков неизменно описывали истерический характер, первое подробное описание истерического характера с психоаналитической точки зрения было сделано и вынесено на обсуждение Францом Виттельсом только где-то около 1930 года». И в самом деле, я не без удивления узнал, что, «несмотря на то что Фрейду открылось его призвание как раз в процессе рассмотрения случаев истерии, истерия, с которой он имел дело, по-видимому, мало была связана с истерическим характером - в том смысле, как мы его сегодня понимаем. (К тому же в своих ранних анализах Фрейд почти не уделяет внимания характеру как таковому, сосредоточиваясь исключительно на симптомах и предшествующей истории болезни.)»

В описании Вильгельма Райха [148] истерический характер имеет следующие черты: откровенно сексуальное поведение; особого рода физическая ловкость; неприкрытое кокетство; подверженность страху и тревожным предчувствиям на том этапе, когда сексуальное поведение, похоже, уже близко к достижению своей цели; легкая возбудимость; чрезмерная внушаемость; живое воображение и патологическая лживость.

Lazare, суммируя информацию, содержащуюся в трех наиболее важных, на его взгляд, научных публикациях по данному вопросу, появившихся в период с 1953 по 1968 год (авторами которых являются Lesser, Kernberg и Setzel), дает в итоге следующий список наиболее характерных черт истерической личности: поглощенность самим собой; агрессивное выставление напоказ своей личности в сочетании с неуместной требовательностью; холодность, за которой скрывается самая примитивная нарцисстическая потребность; склонность к сексуальной провокации; импульсивность; эмоциональная лабильность.

Пытаясь провести различие между более или менее здоровыми проявлениями истерического характера и несомненно больными, он отмечает, что «более здоровая истеричка, как правило, честолюбива, склонна к соперничеству, жизнерадостна и энергична. Не редкость, что она обладает строго карательным супер-эго, равно как и другими чертами, свойственными личности, страдающей неврозом навязчивых состояний, причем, похоже, что эти черты у нее носят адаптивный характер. В отличие от нее, больная истеричка гораздо менее остро переживает чувство своей вины». Я полагаю, что его «более здоровые» случаи соответствуют энеатипу III, и только «несомненно больные» (т.е. отмеченные большей импульсивностью, лабильностью и склонностью к сексуальной провокации) имеют отношение к рассматриваемому нами энеатипу II.

Пытаясь прояснить специфику истерического характера в его отличии от истерии, как таковой, Easser в цитированной выше статье анализирует шесть случаев и приходит к заключению, что обнаружившиеся в связи с ним проблемы вращаются, главным образом, вокруг сексуального поведения и реального или воображаемого сексуального объекта. Все они жаловались на разочарование и неудовлетворенность мужчинами, которых любили. Эти чувства являлись, как правило, следствием крушения романтического образа

партнера, созданного в их воображении. Все они выражали беспокойство по поводу своей необузданной сексуальности и опасались последствий такой своей пылкой страсти.

«Бессознательной пружиной их поведения было стремление состязаться с другими женщинами, очаровывать и покорять мужчин и обретать безопасность и ощущение собственной силы за счет другого - через страстные клятвы в любви и верности, которыми они азартно обмениваются со своими возлюбленными... Их фантазии обыкновенно включали в себя образ неотразимого, магнетически действующего на мужчин собственного тела, которое необходимо продемонстрировать, чтобы завоевать самца и заставить поблекнуть в его глазах остальных женщин. Бурлескная королева, роковая женщина, примадонна - вот фигуры, помогающие обрисовать образ, витающий в их воображении. Другое, на что они нередко жаловались, - это ощущение застенчивости, которое приходило к ним в обществе, ощущение того, что их подстерегают неприятности, что заметно контрастировало с их активным участием в общественной жизни... это не оставляющее их предчувствие, что нечто неприятное должно с ними произойти, соединялось с переживанием унижения и жгучего стыда в тех случаях, когда им действительно приходилось получать отказ в чем-либо или если их работу признавали неудовлетворительной. Они находили удовольствие в том, чтобы развлекать других, и охотно входили в роль любезной хозяйки на то время, когда оказывались в центре внимания, мобилизуя для этого, как правило, все свои чары, вплоть до заискивания, но при необходимости могли дать волю и своему праведному гневу».

В итоге автор приходит к выводу, что следующие черты наиболее тесно связаны с истерической личностью: лабильная эмоциональность, прямой и активный контакт с людьми, слабая реакция на неудачу и повышенная возбудимость.

В «Диагностическом и статистическом справочнике по психическим расстройствам» (DSM-III) мы обнаруживаем энеатип II под рубрикой «Расстройство, характеризующее неестественной театральностью (histrionic) поведения», для которого предлагаются следующие критерии:

А. Поведение, которое чрезмерно драматично, реактивно и выражается в подчеркнуто преувеличенных формах, о чем

свидетельствуют, по крайней мере, три из следующих его особенностей: 1) позерство и аффектация, например преувеличенность в выражении своих чувств; 2) непрестанное привлечение к себе внимания; 3) жажда деятельности и возбуждения; 4) неадекватно бурная реакция на незначительные сами по себе события; 5) безрассудные, неожиданные вспышки гнева или раздражения.

В. Характерные отклонения от нормы в отношениях с другими людьми, о чем могут дать представление, по крайней мере, два из нижеследующих пунктов: 1) искренность, которая воспринимается другими как мелкая и не вызывающая доверия, хотя внешне она может выглядеть теплой и даже очаровательной; 2) обычно такой человек эгоцентричен, склонен потакать собственным желаниям и не считаться с желаниями других; 3) тщеславен и склонен предъявлять требования; 4) зависим, беспомощен, постоянно ищет утешения и поддержки; 5) склонен манипулировать своими близкими с помощью суицидных угроз, жестов или даже попыток.

В «Психических расстройствах личности» Миллон [\[149\]](#) упоминает важную черту подобных индивидов, заключающуюся в том, что «обычно они не проявляют особого интереса к достижениям в интеллектуальной сфере и к скрупулезному анализу, хотя нередко наделены творческими способностями и богатым воображением... несмотря на то что они быстро и глубоко усваивают убеждения, их суждения не имеют под собой прочной основы, и они часто действуют по наитию».

В своей книге Миллон анализирует гистрионическую (гистрионы - актеры в Древнем Риме) личность непосредственно после рассмотрения зависимой личности (энеатип IV), и мне кажется, представляет интерес привести его описание первой по контрасту со второй:

«Гистрионы не в меньшей степени зависимы от других в том, что касается внимания к ним и любви, но, в противоположность зависимым, берут на себя инициативу по части обеспечения себя этой моральной арматурой. Вместо того чтобы отдавать свою судьбу в руки других и тем самым подвергать собственную безопасность постоянному риску, гистрионического типа личности активно вызывают интерес к себе у других, прибегая для этого к ряду соблазнительных уловок, назначение которых, по-видимому, в том, чтобы гарантировать получение восхищения и уважения, столь необходимых для них. Преследуя эти

цели, гистрионы развивают в себе невероятную чувствительность к настроениям и мыслям тех, кому они хотят понравиться. Подобная сверхбдительность и расторопность позволяют им быстро сообразить, с помощью каких маневров они смогут достичь желанных целей. Тем не менее эта чрезмерная „ориентированность на другого“, направленная в конечном счете на получение одобрения с его стороны, имеет своим следствием жизненный стиль, в основе которого лежит изворотливый и непостоянный паттерн - как поведенческий, так и эмоциональный. В отличие от зависимых личностей, которые встают на якорь, как правило, только у одного объекта своей привязанности, гистрионы не склонны связывать себя верностью и лояльностью. Их нежелание ограничивать себя только одной привязанностью, в сочетании с потребностью в постоянном поощрении и внимании, приводит в результате к обольстительному, драматичному и своенравному паттерну, определяющему их взаимоотношения с другими людьми».

Хотя в сравнении с другими авторами в юнговском описании психологических типов не так уж много наблюдений, касающихся стилей межличностных взаимоотношений, у меня почти не возникает сомнений, что, когда он формулировал специфику экстравертного чувствующего типа, перед его мысленным взором стояли случаи, относимые нами ко энеатипу II [\[150\]](#):

«Примеры этого типа, которые приходят мне на ум, почти все без исключения относятся к женщинам. Женщина такого рода руководствуется своим чувством на протяжении всей своей жизни... Ее личность оказывается приспособленной к внешним условиям. Ее чувства согласуются с объективными ситуациями и общезначимыми ценностями. Это никогда не проявляется так ясно, как в выборе ею объекта любви: любишь „подходящего“ мужчину, а не какого-нибудь другого; он является подходящим не потому, что он отвечает ее скрытой субъективной природе, но потому, что отвечает всем благоразумным требованиям в отношении возраста, общественного положения, имущественного состояния, значительности и респектабельности своей семьи и т.п.<...>

Однако мы можем чувствовать „правильно“ лишь в том случае, если ничто другое не мешает чувству. Ничто так не мешает чувству, как мышление. Следовательно, нетрудно понять, что у данного типа мышление будет по мере возможности пребывать в состоянии

временного бездействия... каждое заключение, каким бы оно ни было логичным, в том случае, если оно создает затруднения для чувства, отвергается с порога...

Но так как реальная жизнь представляет собой непрерывную последовательность ситуаций, вызывающих различные и даже прямо противоположные чувства, то и личность становится расколотой на множество различных чувственных состояний... это проявляется прежде всего в экстравагантном выставлении напоказ своих чувств, бурных словоизлияниях в процессе разговора, шумных увещеваниях, которые при всей их экспрессивности звучат неубедительно... В результате, пообщавшись с ними, наблюдатель не может воспринимать всерьез какое-либо их заявление. Он начинает не спешить со своим суждением по поводу высказанного. Но так как для этого психологического типа в высшей степени важно поддерживать в себе интенсивное ощущение раппорта с окружающими, то теперь им предпринимаются удвоенные попытки, чтобы преодолеть сдержанность собеседника».

«Истерия с характерной для бессознательного мира ее представлений инфантильной сексуальностью - основная форма невроза, свойственная этому типу.

Я полагаю, что картина, вырисовывающаяся перед нами в гомеопатической литературе, посвященной *Pulsatilla* личности, не уступит любому описанию энеатипа II, даваемому в психологической литературе» [\[151\]](#).

«Этот тип телосложения, встречающийся, главным образом, среди женщин и детей, обычно отличается хрупкостью и изяществом... что же касается весовых данных, то они могут колебаться в широком диапазоне, причем в случае склонности у этого типа к полноте формам его представителей свойственна скорее приятная округлость, нежели вялая или бесформенная тучность, характерная для *Calcareia carbonica*».

«Симптоматичная особенность *Pulsatilla* - изменчивость ее признаков: в этом отношении она словно цветок, раскачиваемый ветром... мы подробно рассмотрим здесь пять ее наиболее изначальных характеристик: приятность в общении, зависимость, общительность, эластичность и повышенная, хотя и мягкая, эмоциональность». Все перечисленные дескрипторы согласуются с характерными признаками индивидов, относящихся к энеатипу II. Культер продолжает:

«Традиционно рассматриваемая как средство для женщин... и в нашей работе соотносимая со сферой женского Pulsatilla, без сомнения, может быть полезна в качестве своего рода конституционального лекарства и для мальчиков и мужчин с характерно мягкой, нежной манерой обращения...

Ласковость и желание понравиться, характеризующие Pulsatilla, не исключают скрывающейся за ними способности заботиться о собственных интересах; ей, как никому другому, очень рано открывается в жизни, что „ласковый теля двух маток сосет". Ей нравится удовлетворить какую-нибудь мелкую просьбу, а с другой стороны, она не прочь переложить самую простейшую ответственность на других. Разумеется, она милостиво благодарит тех, кто оказал ей помощь, предлагая взамен собственную любовь, словно добрая и законная сиделка...»

Зависимость у индивида, находящегося под знаком Pulsatilla, проявляется по-разному: у детей в виде неумеренной прилипчивости, а иногда - у взрослых, не достигших духовной зрелости, - в виде беспомощности и ребячливости: «По мере того как ребенок превращается в юношу, зависимость от семьи начинает пропадать, но вместо нее устанавливается зависимость от противоположного пола. Pulsatilla привлекательна для мужчин, обычно это в высшей степени женственные молодые женщины, вся манера держаться которых крайне льстит мужскому эго... Тем не менее в своем переживании зависимости Pulsatilla способна очень многого требовать от своих друзей, родственников и знакомых в плане предоставления ими времени, попечения и эмоциональных ресурсов. В семейных, любовных и даже дружеских взаимоотношениях она всегда склонна искать все большей и большей поддержки - до тех пор, пока другие не почувствуют через некоторое время, что они являются ее пленниками...»

Общительность, свойственную Pulsatilla, Культер представляет как положительное качество, тогда как эластичность может быть и конструктивным свойством и, в более негативном аспекте, проявляться в виде нерешительности, вроде той, что приходит к нам в бакалейной лавке, когда мы пытаемся на чем-то остановить свой выбор, или снова и снова изучаем ресторанное меню, не зная, какое блюдо лучше заказать. Описание Культер повышенной эмоциональности, свойственной Pulsatilla, во многом совпадает со энеатипом II.

«Пятая характерная особенность Pulsatilla, повышенная эмоциональность (emotionalism), выражается в неустойчивости, жалости к себе и сентиментальности... Pulsatilla удачно названа „флюгером". Среди лекарственных растений (Boericke) благодаря своей переменчивой, легко поддающейся внешним влияниям натуре и порой причудливым (Ханеманн) или капризным (Геринг) настроениям...

Находясь во власти своей чувствительности, Pulsatilla существенным образом неинтеллектуальна. Разумеется, о каких бы типах телосложения ни шла речь, одни из них всегда более, другие менее интеллектуальны и понятливы, однако среди них именно Pulsatilla действует, как правило, на свой личный и неинтеллектуальный лад... Pulsatilla интересуют факты, статистические данные, научные понятия или теории. Ее ум чувствует себя более уютно, когда имеет дело с подробностями повседневной жизни и человеческих отношений... Прислушиваясь к голосу своих чувств, она систематически интерпретирует абстракции и утверждения общего характера в личных терминах - с точки зрения своих собственных мыслей, чувств и предпочтений».

3. Структура основных черт характера

Гордость

Хотя в принципе было бы нетрудно составить целую группу из дескрипторов, являющихся прямым выражением гордости, - таких, например, как преувеличенное представление о собственных достоинствах и привлекательности, тенденция «играть роль принцессы», требование для себя особых привилегий, бахвальство, потребность находиться в центре внимания окружающих и т.п., - существуют тем не менее и другие дескрипторы, которые могут быть осмыслены в качестве психологических следствий, своего рода «короллариев» гордости, и к их рассмотрению я теперь собираюсь перейти.

Потребность в любви к себе

Страстную потребность в любви к себе, важную черту индивидов энеатипа II, нередко бывает трудно заметить в них вследствие демонстрируемой ими собственной независимости - особенно в тех случаях, когда рушатся их планы и страдает достоинство. Гордый человек редко способен реализовать себя в жизни без опыта великой любви. Исключительно романтическая жизненная ориентация представителей энеатипа II может быть понята как результат ранней любовной фрустрации, сопряженной с пошатнувшимся сознанием своей личностной ценности. Подобно тому как потребность подтвердить раздувшееся сознание своей значительности, достигая своей высшей отметки, переливается в эротическую мотивацию, так и гордость перетекает в потребность в любви (в свою очередь, находящую для себя выражение в физической и эмоциональной близости), ибо потребность рассматривать себя как существо особенное удовлетворяется посредством любви со стороны другого. Потребность в интимности в отношениях с другими людьми делает из подобных представителей энеатипа II «опасных» в эмоциональном отношении субъектов, склонных незаметно для самих себя переходить на фамильярный и агрессивный тон в общении тет-а-тет. К тому же острая потребность в любви у таких гордых становится причиной того, что они с головой погружаются в стихию любовных взаимоотношений и воспринимают партнера как свою собственность. Именно подобное ощущение партнера как своей собственности, которая никуда не уйдет от тебя, ощущение, находящее себе опору в сознании своей обольстительности, и породило выражение «femme fatale» («роковая женщина»), подразумевающее, что в известных случаях женское очарование находится на службе у разрушительной силы влечения, полностью подчиняющего себе мужчину.

Гедонизм

Гедонизм тоже может быть понят как черта, имеющая отношение к потребности в любви к себе, - в том смысле, что желание удовольствия нередко выступает в качестве заместителя удовольствия. И действительно, для подобного рода личностей крайне характерна потребность в том, чтобы их любили чувственной любовью или были с

ними изысканно нежными, в той мере, в какой для них нет разницы между тем, что их любят, и тем, что им угождают (подобно тому, как в сказке «Принцесса на горошине» о благородном происхождении героини узнают из того, что ей пришлось промучиться всю ночь, но так и не удалось заснуть - и все из-за горошины, оказавшейся под ее периной). Ласковая и нежная представительница (или представитель) энеатипа II может превратиться в фурию, когда ей не потакают и не позволяют почувствовать себя любимой посредством исполнения ее капризов, - поведение, кстати, в высшей степени характерное для избалованного ребенка.

Компульсивная, т.е. осуществимая как бы помимо своей воли, погоня за удовольствиями находит для себя у людей энеатипа II естественное дополнение и поддержку в лицемер- но-веселой маске (persona), привычно надеваемой ими в обществе и изображающей удовлетворенность и воодушевление. Эта особенность энеатипа II выражается, кроме того, в склонности расстраиваться, когда никто не собирается угождать им или доставлять удовольствие (посредством ухаживания за ними, поощрения или просто смены впечатлений), и, соответственно, в отвращении ко всякого рода дисциплине, будничной деловой рутине и всему тому, что мешает предаваться безответственной веселой жизни.

Обольстительность

Нетрудно догадаться, что лицедействующий индивид, или гистрион, сосредоточенный на поисках любви и удовольствий, остро заинтересован в том, чтобы быть привлекательным. Для этого такого рода субъектам в полном смысле слова приходится работать, и прежде всего, им нужно уметь обольщать. Существуют черты характера, которые мы, в свою очередь, можем воспринимать в качестве орудий обольщения - неважно, о каком обольщении идет речь: эротическом или социальном. Так, например, в общении гистрион, как правило, существо любящее и нежное. Те, кто нуждаются в любви к себе, именно вследствие того, что сами они втайне ненадежны в этом отношении, в свою очередь, сердечны, чувствительны, при всяком удобном случае готовы выразить поддержку и сочувствие... их не смущает даже то, что

такое выставление напоказ своей любви справедливо может вызвать подозрение в поверхностности и непостоянстве их чувства. Поддержка, очаровательно предлагаемая нам такой личностью, - это, как правило, то, что может быть названо «эмоциональной» или, возможно, «моральной» поддержкой, - в том смысле, что перед вами человек, который, не будучи связан с вами никакими внешними обязательствами, внутренне полностью на вашей стороне; неудивительно поэтому, что реальная помощь от такого субъекта, как правило, обратно пропорциональна выражаемым им чувствам. (В этом отношении III, да и другие энеатипы могут быть гораздо более полезны, когда дело доходит до оказания какой-нибудь практической помощи.) Таким образом, являющаяся предметом нашего внимания обольстительность влечет за собой не только лицемерное выставление напоказ своей любви, но и органическую неспособность к конкретной самоотдаче, приводит к культивированию человеком того рода великодушия и щедрости, которые, с точки зрения их мотивации, вполне подводятся под формулу «давать для того, чтобы получать» («a giving to get»).

Лесть тоже можно расценивать в качестве средства соблазнения, практикуемого представителями энеатипа II. Следует отметить, что этот тип льстит лишь тем, в ком видит достаточно достойный объект для соблазнения.

Таким образом, эротизм является одним из средств для обольстительности. Если мы посмотрим на эротические наклонности гистрионов как на нечто служащее более широкой цели, а именно - доказать свою личную значительность (тем самым мы избегаем фрейдовского биологизма), то мы, я полагаю, лучше поймем как свойственный им эротизм, так и гордость.

Самоуверенность

Наряду с острой потребностью в любви к себе и ее производными можно отметить, что и господство является такой же характерной особенностью энеатипа II, представляя собой, в свою очередь, дериват гордости. В гораздо большей степени, чем энеатип VIII с его грубой тиранической требовательностью и энеатип I, для которого характерно моралистически-ханжеское господство и который требует воздаяния

себе на правах добропорядочного человека, свои желания удовлетворяет энеатип II, и делает он это благодаря дерзкой самоуверенности - *chutzpah*. Это самоуверенность индивида, который черпает силы в высокой самооценке и одновременно находится во власти сильного незаторможенного влечения, сочетания, способствующего образованию витальной ауры вокруг подобного, любящего приключения характера. (Как я уже отметил выше, гордый характер приводит к образованию редкой комбинации из нежности и драчливости.)

Еще один дескриптор, имеющий отношение к этой категории самоуверенности, - это своеволие, характерным признаком которого является тенденция во что бы то ни стало настоять на своем, - даже если для этого приходится прибегать к эмоциональным «сценам» или битью тарелок.

Склонность опекать других и мнимая душевная щедрость

Огромное значение для структуры гордого характера имеет подавление в себе сознания того, что ты в ком-то нуждаешься, в чем, в частности, и выражается гордость. Почти так же, как и в случае, когда мы имеем дело с человеком, во всяком деле любящим остроту, который как бы помимо своей воли ищет в жизни возбуждения и драматических эффектов, гордый тоже, как правило, не отдает себе отчета в том, что за его непреодолимым влечением нравиться и быть во всем оригинальным скрывается самая элементарная нужда в другом (*neediness*).

Обычно в общем мнении предполагается, что у гордого все обстоит о'кей и даже лучше, чем о'кей; и вот, чтобы поддержать подобную репутацию, ему действительно приходится, подчиняясь действию компенсаторных механизмов, гнаться за наслаждениями. Однако вряд ли есть что-то более противоположное переживанию жизни под знаком «все о'кей», чем самочувствие человека, нуждающегося в любви со стороны другого, - ибо гордый в процессе становления своей личности чрезвычайно привязывается к представлению о себе скорее как о лице дарящем, нежели получающем: как о том, кто настолько ни в чем не испытывает недостатка, что готов щедро делиться с другими.

Подавление в себе сознания того, что ты в ком-то нуждаешься, поддерживается в гордом не только благодаря свойственной ему

гедонистической установке, но и посредством замещений идентификации с нуждаемостью, переживаемой другими, всеми теми, на кого подобный гордый индивид распространяет свое сочувствие и чарующую заботливость. Отсюда можно понять и часто наблюдаемое у представителей энеатипа II тяготение к детям: ведь дети не только символизируют собой непринужденное своеволие и необузданность, но и являются при этом маленькими, слабыми существами, нуждающимися в защите. Дети поддерживают в гордом ощущение якобы присущего ему любвеобилия, одновременно, неосознанно для него самого, удовлетворяя его собственную, реальную нужду в любви.

Комедиантство или гистрионизм

Я мог бы написать в заголовке над этой группой особенностей рассматриваемого нами типа «театрально-неестественная реализация идеализированного представления о самом себе» - свойство, относительно которого можно резюмировать, что оно представляет собой доминирующую стратегию для представителей энеатипа II; последние в наибольшей степени выражают свою сущность именно в театрально-наигранном чувстве любви и столь же театрально подчеркнутым самодовольством. Тем не менее в симптоматичном в данном случае свойстве быть нежными и ласковыми можно видеть единственную грань типичного для гордых идеального образа самих себя, с которой они в процессе разыгрывания роли тесно срастаются.

Подобный идеальный образ включает в себя также и такую характерную черту, как способность быть счастливыми (черту, с которой мы уже встречались, анализируя обольстительность), иными словами, то независимое состояние, которое подразумевает, что индивид ни в ком не нуждается и ни от кого не зависит, а кроме того, еще одно характерное свойство, для которого слово «свободный», возможно, было бы наиболее подходящим определением, если бы только нам не было ясно, что в данном случае мы имеем дело не с подлинной свободой, заключающейся в освобождении от бессознательного подчинения механизмам собственного характера, а со свободой, тождественной своеволию, необузданности и готовности отдаваться всякому своему порыву. Такая свобода является идеалом для

того, кто любит удовлетворять свои произвольные желания, какими бы странными они ни выглядели, причем не следует думать, что подобный импульсивный тип удовлетворения связан исключительно с гедонистической ориентацией, поскольку он может порождаться стремлением избежать унижения, связанного с необходимостью подчиняться еще чьей-то власти, общественным нормам и всякого рода ограничениям. Второй тип энеаграммы не только слишком горд для того, чтобы подчиняться таким внешним правилам, но и готов восставать против власти вообще - нередко в озорной и комической форме.

В этой связи можно упомянуть и такую особенность поведения, как «интенсивность», которая наряду с остроумием - средством привлечения к себе внимания (чему погоня за наслаждениями предоставляет, как правило, обильную пищу) - может быть рассматриваема как составная часть собственного воображаемого образа, далеко превосходящего реальные возможности личности. «Интенсивность» (энергичность, напряженность в общении) - это не только засасывающая привычка, но и форма подачи себя и поддержания иллюзии собственной позитивности. Театральное позерство представителей энеатипа II являет собой контраст усилиям представителей энеатипа III реализовать свое идеализированное Я путем свершений и достижений - точно так же, как их склонность манипулировать людьми (посредством выражения своих эмоций в скандальной форме) образует противоположность свойственной энеатипу III вспыльчивости, как следствию того, что чрезмерный контроль над своими чувствами периодически дает сбой.

Впечатлительная эмоциональность

Несмотря на то что IV и II, несомненно, наиболее эмоциональные типы на энеаграмме, энеатип II можно рассматривать как специфически эмоциональный, в том смысле, что эмоциональность энеатипа IV нередко сосуществует вместе с интеллектуальными интересами, тогда как энеатип II не просто является чувствующим, но и имеет ярко выраженную интеллектуальную окраску.

4. Защитные механизмы

Связь между истерической личностью и простым вытеснением не только в первую очередь приходит на ум, когда мы задумываемся над взаимоотношением невротического состояния и защитных механизмов, но и является наиболее основательно документированной и, в принципе, не вызывающей разногласий на свой счет среди специалистов. Когда пользуются словом «вытеснение», имея при этом в виду скорее специфический защитный механизм, нежели симптом, используемый в целях защиты, то оно обозначает такой защитный механизм, при котором живущему в воображении (ideational) представителю побуждений препятствуют стать осознанным. Такая выборочная элиминация из сознания когнитивного аспекта переживания желаемого подразумевает, что человек действует в соответствии со своими побуждениями, однако не признается себе в этом, что равносильно установке на снятие с себя ответственности и не может не восприниматься нами как самообман.

В данном случае провести границу между ситуацией, когда человек действительно не знает, что делает, и ситуацией, когда он притворяется, что не знает, так же непросто, как отличить истерическое состояние от его симуляции. Подобно тому, как можно было бы сказать, что клиническая истерия есть бессознательная симуляция, можно утверждать, что и вытеснение - это не что иное, как бессознательное «нежелание знать», иначе говоря, притворство, которое стало для нас приемлемым благодаря решимости обмануть и самих себя также. Разумеется, осуществить подобную операцию можно только вследствие определенной притупленности интеллекта, специфической смутности и неточности его представлений, что идет рука об руку (или, лучше сказать, находит для себя опору) с обесцениванием когнитивной сферы. Сказанное объясняет эмоциональную характеристику рассматриваемого типа, находя поддержку и в его конституциональной предрасположенности.

В случае с защитными механизмами, независимо от того, с каким из них нам приходится иметь дело, бессознательное, по-видимому, всегда нуждается в каком-либо компенсаторном проявлении. Подобно тому, как бессознательные тенденции к разрушению и пассивности, характерные для энеатипа I, поддерживаются с помощью сознательного

стремления к добродетели и презрения к роскоши и удовольствиям (антигедонистический уклон), не существует ли также какой-то компенсации для утрачиваемого энеатипом II осознания того, что он испытывает нужду в других, в их любви, например? На мой взгляд, ответ лежит в интенсификации эмоциональных состояний, соединяемых с импульсом. Можно сказать, что, аналогично существованию механизма интеллектуализации, который помогает дистанцироваться нам от наших эмоций, существует, как следует из данного случая, и механизм «эмоционализации», или «повышенной эмоциональности», который облегчает процесс отвлечения внимания от осознания испытываемой нами потребности, или, если выразиться более точно, от «интеллектуальной репрезентации инстинкта».

Однако не только тенденцию к эмоциональному усилению и расширению обнаруживаем мы у данного типа, но и в высшей степени характерную для него импульсивность, бесцеремонность в межличностных отношениях, нетерпеливую потребность в удовлетворении своего желания и ребяческую неспособность отсрочивать исполнение удовольствия. Дело обстоит в данном случае так, словно бессознательное удовлетворение желания не может дать настоящего удовлетворения; что удовлетворение без сознания нужды не приносит индивиду ощущения того, что его потребность удовлетворена, и обрекает его на неутолимую жажду все больших удовольствий.

Нетрудно понять, что отсутствие в сознании мыслей о том, что вы в ком-то нуждаетесь, - и особенно о том, что вы нуждаетесь в любви другого, - поддерживает вашу гордость, ибо если гордость зиждется на высокой самооценке, то какой критерий оценки представляется наиболее естественным уму ребенка, как не то, что он неслучайно заслуживает любовь своих родителей? Причем до такой степени, что гордый, сам того не сознавая, говорит себе: «Я заслуживаю любви и чувствую себя любимым», в свою очередь, гордячка говорит: «Мое любовное желание удовлетворено, я не обманулась в своей любовной жажде». Тем не менее такой свой образ, как не испытывающей недостатка в любви, приходит в противоречие с не оставляющим ее сознанием нужды в подлинной любви, а брешь между этими двумя реальностями заделывается с помощью «театрального представления».

Связь между вытеснением/подавлением и такими аспектами энеатипа II, которые можно охарактеризовать как стремление быть

«другом человечества» или опекуном гонимых (комплекс «матери для евреев»), имеет аналогичный характер: не так-то просто одновременно сознавать себя эмоционально нуждающимся и щедро расточающим дары. Для специалиста по части манипуляции другими и их оболыщения с помощью подарков и услуг было бы к тому же «опасно» признаваться себе в своих собственных желаниях, поскольку тогда «щедрость» (givingness) стала бы подозреваться в том, чем она на самом деле и является в своей характерной чрезмерности, - потребностью в том, чтобы идентифицировать себя с положением и ролью дающего.

В завершение позволю себе сделать еще одно замечание: говорить о вытеснении/подавлении сознания того, что ты нуждаешься в другом, практически равнозначно тому же, что и говорить о вытеснении/подавлении психологического настроения зависти - и подобно тому, как в случае энеатипа I мы понимаем гнев в качестве преобразующей реакции на ненасытность (reaction-formation to gluttony), так и в данном случае можно понимать гордость как трансформацию зависти посредством совместного действия вытеснения и театрально-неестественной (гистрионической), повышенной эмоциональности. Так же, как для перфекциониста потакание собственным желаниям есть то, чего он наиболее стремится избегать, так и для гордого и лицедействующего (гистрионического) характера нет ничего более неприятного, о чем хочется сразу же забыть, чем жажда любви и ощущение того, что в силу каких-то причин ты ее недостоин, - переживания, кстати, в высшей степени характерные для зависти. Таким образом, можно сказать, что, благодаря взаимодействию вытеснения и гистрионической повышенной эмоциональности, зависть трансформируется в гордость, а тенденция приходить на помощь в тяжелую минуту [\[152\]](#) (succourance into nurturance), если воспользоваться термином Мургау, - в мелочную показную опеку [\[153\]](#).

5. Этиологические и дополнительные психодинамические замечания [\[154\]](#)

У представителей энеатипа II телосложение, как правило, более округлое сравнительно с энеатипом I и, кроме того, более нежное, чем у энеатипа III, и поэтому есть основания полагать, что в данном случае генетически обусловленная эндоморфия служит поддержкой, прямо-таки нутром диктуемой потребности в любви к себе. Поскольку физическая красота среди представителей энеатипа II встречается гораздо чаще, чем у какого-либо другого характера, то можно предположить, что данная особенность, а возможно, и телосложением обусловленное шаловливое расположение духа «соблазняют» уже сами по себе, без какой-либо попытки со стороны ребенка быть соблазненным - особенно в качестве стимула для склонных к тому, чтобы быть соблазнительными, родителей ребенка.

Каким бы справедливым, возможно, ни являлось наблюдение, что маленькая любимица папочки обладает притягательной силой, под влиянием которой у него возникает непреодолимое желание ласкаться и нежно с ней разговаривать, как верно, по-видимому, и то, что в реакциях маленькой девочки сознательно или бессознательно присутствует эротический элемент, я все же думаю, что сценарий соблазнения, являвшийся объектом наблюдений Фрейда в ранний период его деятельности, представляет собой скорее типичную манифестацию, нежели суть проблемы (точно так же, как и в случае с анальным характером биологическая интерпретация, как бы она ни стимулировала исследовательскую мысль, не способна ухватить более важные выводы из него для интерперсональной стратегии). Лично я убежден, что соблазнителем в рассматриваемой ситуации в первую очередь и в несравненно высшей степени является любимица родителя и только во вторую очередь тот, кто вкладывает эрос в соблазнение, и я полагаю, что ближе к истине в этом вопросе та более современная ветвь психоанализа, которая склоняется к тому, чтобы рассматривать гистрионическую личность в свете преэдиповой проблематики, - поскольку подобно тому, как в желании взрослого человека получать любовь и ласку все еще дает о себе знать желание младенца иметь рядом с собой нежную мать, так и в «избалованном, требовательном и обожаемом» окружающими пятилетнем малыше продолжает жить какая-то фрустрация на оральной почве, находящая для себя в данном случае определенную компенсацию.

Вот как занимающаяся протоанализом студентка описала процесс своего взросления:

«Я была невестой своего отца. Он заставил меня поверить в то, что я женщина, созданная для него, и я жила с этой иллюзией. Он так любил меня... но не женился на мне, он был женат на моей матери. Я была счастлива с отцом, жалко, что всему этому пришел конец».

А вот еще одно сообщение, дающее представление о специфических узах, связывающих отца с дочерью:

«Мой отец называл меня своим „тайным знаком“. Он говорил, что у меня есть особая родинка на шее, которую только он мог видеть, и поэтому я для него изумительна и неповторима. Я верила этому».

Далеко не всякий принадлежащий к энеатипу II человек, вспоминая о своем детстве, видит себя в нем счастливой, всеми любимой и

изнеженной принцессой или обожаемым родителями сыном. В некоторых случаях нам приходится выслушивать рассказ о том, как ребенок лишился любви своих родителей, а иногда последнее обнаруживается в результате терапевтического исследования. В наших возможностях привести пациентку к пониманию того, что времени превращения девочки в маленькую принцессу предшествовало время эмоциональных страданий в ее жизни. В подобных случаях возникает впечатление, что ребенок как бы требует от родителей какого-то особого повторного заверения в любви к себе, выражающегося в повышенной внимательности, в устраиваемых для него удовольствиях и в терпимости к его капризам и приступам гнева. Это как если бы ребенок заявил: «Докажите мне, что вы действительно любите меня!», и в то же время требование особого выражения этой любви к себе являлось бы, по существу, реакцией на то, что он почувствовал себя отверженным.

Пациент, например, говорит: «В глазах моей матери я был некрасивым, неопрятным, заурядным... а я не мог допустить, чтобы такой ее взгляд на меня стал частью моего существа, потому что я панически боялся слиться с этим отталкивающим образом. Именно благодаря этому я научился находить для себя опору в гордости, в чувстве того, что я являюсь центром вселенной». Из этого случая видно, что производимая воображением реконструкция своего Я может предшествовать (и быть более фундаментальной) поиску внешнего альянса, который служил бы опорой для гордого представления о самом себе. Это также наводит на мысль, что компенсация за оральные разочарования в младенческий период включает в себя не только снятие фрустрации, но и характерно компенсаторную самоуверенность. Точно так же, как этот человек утверждал, что он «пуп земли», другой вынужден был усвоить для себя установку «полегче на поворотах!» перед лицом двух своих очень грубых братьев, а третий рассказывает: «У меня был брат- близнец, образцовый ребенок в глазах окружающих, я же был его полной противоположностью. Я взбунтовался. Мое гордое выступление было реакцией на отвержение со стороны матери».

Переход от фрустрации к состоянию, характеризующемуся самоуспокоенностью и самоуверенностью, и, соответственно, к представлению о самом себе, окрашенному в такие же тона, можно воспринимать в том плане, если говорить о женщинах, что на смену

переживаниям, связанным с осознанием относительной отчужденности в отношении к вам собственной матери приходит, вследствие превращения в любимицу отца, ощущение развивающейся в вас обольстительности» [\[155\]](#).

«Моя мать была сухой и тощей. Отец же был огромным, всегда веселым, с круглым лицом и с очень красивой кожей. У меня не было надежды стать полненькой, как я ни старалась. Кому непонятно такое настроение, пускай имеет дело с тощими и сухими особами».

Следующий пример включает в себя некоторые дополнительные мотивы: «Мне не уделяли внимания в семье, я чувствовала, что мать махнула на меня рукой [\[156\]](#). У меня было два отца. В своих мечтах я претендовала на большее, чем Золушка или даже настоящая принцесса. Я должна была дожидаться своего принца, но принцем этим был мой отец, который после развода с матерью покинул меня. Я постоянно мечтала о возвращении отца. И только второй отец по-настоящему полюбил меня, хотя я и не была его родной дочерью. Во мне много было от свойственного матери стремления добиваться совершенства во всем, но, помимо этого, я была также очень соблазнительна. При такой матери ничего другого и не оставалось для существа, обреченного постоянно оставаться в тени».

Выслушивая истории, рассказываемые представительницами энеатипа II, я заметил в них нечто родственное состоянию нарушения желания - состоянию, ищущему компенсации в своенравности. Фрустрация трансформируется в данном случае в навязчивые поиски свободы, в которых выражается нетерпимость подобного характера к правилам и ограничениям. Как сказала одна женщина: «Капризы - это проверка любви». Примером этому может служить одна моя знакомая, которая вспоминает, что когда ее забирали ребенком у матери, чтобы перевезти в дом бабушки, то обещали в качестве приманки и чтобы как-то преодолеть ее явное нежелание уезжать множество приятных вещей. Позднее, чувствуя, что ее коварно обманули, она потребовала куда более приятных и необычных удовольствий, стремясь получить компенсацию что называется «с лихвой».

Вот еще одна цитата, позволяющая нам увидеть в эгоцентризме компенсаторную жажду любви:

«В семье на почве материальных затруднений возникли раздоры, и мне уже в четырнадцать лет пришлось начать работать. Я думаю, что

выработавшиеся у меня прихоти были той потребностью, с помощью которой я взимал с окружающих то, что мне, и я это смутно чувствовал, принадлежит по праву».

Не удивительно поэтому, что отцы, чей характер относится к энеатипу VII, часто появлялись в историях, рассказываемых женщинами энеатипа II. Не удивительно, если принять во внимание свойственную таким отцам обольстительность, веселый нрав, любовь к удовольствиям и семейную ориентацию. Как у представителей энеатипа I желание любви превращается в поиски уважения к себе, так у энеатипа II любовное желание, в свою очередь, становится поиском интимной близости и возможности обмениваться нежными чувствами при помощи слов и ласк. Как в одном, так и в другом случае вторичный, производный поиск становится помехой для удовлетворения главного желания. И не только потому, в данном случае, что развитие у человека «аппарата соблазнения» делает его менее совершенным и тем самым менее вызывающим любовь к себе, но также и потому, что для того, чтобы почувствовать любимого, человеку необходимо понять его/ее любовное желание и проникнуться им, а подобное стремление вытеснено у гордых из сознания - вместе с негативным представлением о самих себе, навязываемым им в детстве окружающими.

Характерная особенность раннего периода жизни у представителей энеатипа II, тесно связанная со свойственной им позицией превосходства и одаривания других, заключается в том, что они становятся помощниками матери во всем, что касается заботы о родных братьях и сестрах. Я проиллюстрирую это мое наблюдение фрагментом коллективного сообщения, сделанного группой женщин, принадлежащих к энеатипу II.

«На всех нас с самых ранних лет лежало множество недетских обязанностей; мы становились второй, маленькой матерью для младших братьев и сестер или даже полностью заменяли мать в доме на время ее отлучки. И мы справлялись с этой ролью, мы старались, чтобы наши родители были счастливы и довольны, от чего мы и сами испытывали огромное удовлетворение. Если родители были счастливы, то это заменяло для нас и любовь, и внимание, и одобрение с их стороны, если же недовольны и огорчены, то все вокруг помрачалось и мы чувствовали себя несчастнейшими из смертных. Мы существовали как бы в более безопасной жизненной среде, когда родители были

счастливы. Большинство из нас в известном смысле нашло себя, обеспечивая одного из родителей тем, что другой из родителей по тем или иным причинам не мог ему дать, становились, например, собеседником отца, если у матери это не получалось, и наоборот».

Следующий, уже индивидуальный, отчет наводит на мысль, что представительницы энеатипа II могут стараться быть «хорошими девочками»:

«После того как вы установили для окружающих определенный уровень своего поведения, он стал для них чем-то само собой разумеющимся, ожидаемым, и поэтому вам приходится поднимать планку чуть выше, для того чтобы сделать их действительно счастливыми, но через некоторое время этот новый уровень тоже становится само собой разумеющимся, поэтому, чтобы делать их счастливыми, вам приходится поднимать планку все выше и выше». В результате им приходится демонстрировать совершенно экстраординарное поведение. Несмотря на то что об этой девушке энеатипа II вполне можно сказать, точно так же, как и об упоминавшейся в своем месте девушке энеатипа I, что она «хорошая девочка», отличие ее от «хорошей девочки» энеатипа I состоит в том, что исполнение роли «хорошей девочки» происходит у нее скорее в атмосфере осуществления желания, нежели фрустрации.

Другой фактор в историях раннего детства, который привлек мое внимание, - это чрезмерная опека со стороны родителей, выражающаяся как в том, что их оберегали от столкновений с трудностями, так и в том, что на них смотрели как на свою собственность, которой можно распоряжаться по собственному усмотрению, - особенность, говорящая о том, что в положении любимчика родителей есть и своя обратная сторона, и именно с ней связана развившаяся у некоторых из наших опрашиваемых с самых ранних лет жажда свободы и стремление к независимости во всем. От девушек энеатипа II, которым в детстве редко доводилось поиграть с друзьями, часто приходится слышать, что они росли в больших семьях и родители им говорили: «Ты должна понять, что у тебя есть родные братья и сестры, и тебе не нужно другой компании для игры», - и на этом основании ограничивали их свободу.

6. Экзистенциальная психодинамика

Если мы воспринимаем гордость как результат резкого крушения надежд на любовь к себе со стороны родителей уже в раннем детстве, из которого ребенок делает вывод, что он существо никчемное и не заслуживает настоящей любви (вследствие чего побуждение нечто из себя представлять и тем самым заслуживать любовь сводится всякий раз к совершаемому как бы помимо своей воли повторению первоначального маневра, имевшего своей целью компенсацию этой ранней жизненной недостачи), то, вероятно, было бы ошибкой продолжать интерпретировать гордость как постепенно выработавшуюся у человека потребность в любви к себе. Придерживаться такой точки зрения означало бы принимать причину за следствие, поскольку острая потребность в любви к себе, свойственная представителям энеатипа II, - это, скорее, следствие гордости, нежели более глубоко коренящаяся в прошлом жизненном опыте черта. В соответствии с избранным нами методом интерпретации, который стремится заменить теорию либидо в понимании невротических потребностей (wants) экзистенциальной теорией, мы можем видеть в гордости (как и в каждой из страстей) компенсацию за открывшееся индивиду понимание отсутствия собственной ценности, которое находится в тесной взаимной связи с помрачением у него ощущения собственного бытия - естественной, первоначальной и наиболее надежной опоры для нашего ощущения личной ценности.

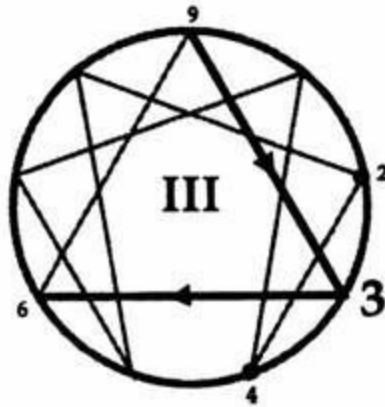
Можно утверждать, что, несмотря на внешнюю энергетичность, всегда приподнятое настроение и яркость слов и жестов, в гордом характере скрывается тайное сознание своей пустоты - сознание, трансформирующееся в боль истерических симптомов, в повышенное половое влечение и привязанность к старым любовным связям, неспособность развязаться с ними. Не противопоставляя своего подхода обычной интерпретации такой боли, как связанной с любовными переживаниями, мы все же рискуем утверждать, что было бы, вероятно, более правильным рассматривать ее в качестве принципиально не отличающейся от имеющей универсальный характер, независимо от ее способности быть и характерной особенностью рассматриваемого сейчас типа. Поступая таким образом, мы способны понять, что она может быть трансформирована не только в либидо, что, воспринятая как ощущение личной ничтожности, она становится подпоркой для воли к значительности, лежащей в природе гордости как таковой.

Такая интерпретация полезна, поскольку ориентирует нас на поиск тех факторов в жизни современного человека, которые «увековечивают» эту «дыру» в самом средоточии личности. Как подобная «дыра» возникает, не так уж трудно догадаться, ибо, как заметила Хорни, отдаваться погоне за славой равносильно продаже своей души дьяволу, - поскольку наша психическая энергия оказывается вовлеченной в работу, связанную с реализацией образа, а не нашего подлинного Я.

Ощущение того, что "мы действительно существуем, покоится на всеобъемлющей целостности нашего опыта и несовместимо с подавлением сознания, что вы в ком-то нуждаетесь, равно как оно несовместимо и с неспособностью прожить свою настоящую жизнь (как бы при этом мы ни драматизировали свой идеальный образ перед избранным кружком сочувствующих). Возбуждение может завладеть нашим вниманием и выполнять время от времени роль онтического успокоительного средства, но только на поверхностном уровне нашего сознания. То же самое можно сказать и об удовольствии. Индивид, который не в состоянии быть самим собой, конкретным мужчиной или женщиной, взамен этого вынужден лихорадочно искать удовольствий и возбуждения, пытаясь в то же время постоянно находиться в центре внимания окружающих. Таким образом, мнимое душевное изобилие обречено на то, чтобы быть, в конечном счете, эмоциональной ложью, в которую и сам данный индивид полностью не верит, - поскольку в противном случае он или она не продолжали бы отчаянно, словно их кто-то преследует, заполнять дыру мучительно ощущаемой безбытийности (Beinglessness). Если именно онтическая недостаточность служит опорой гордости и, косвенно, всей величественной конструкции вращающегося вокруг гордости характера, то онтическая недостаточность, в свою очередь, вызывается каждой из тех черт характера, которые определяют его структуру. Это и веселость, которая влечет за собой (благодаря вытеснению печальных мыслей и ощущений) утрату чувства реальности; и гедонизм, который, в своей погоне за немедленно получаемым удовольствием, довольствуется суррогатами, а не тем, что диктуется требованиями духовного роста; и ставшая второй натурой индивида недисциплинированность, идущая рука об руку с подобным гедонизмом, наиболее скандальным и необузданным проявлением которой является «истерия», возникающая

тоже благодаря стремлению к достижению таких жизненных целей, которые приносили бы еще более глубокое удовлетворение.

В заключение скажем, что в самом осознании этого порочного круга, с помощью которого онтическая недостаточность поддерживает гордость, а последняя через посредство своих проявлений, в свою очередь, поддерживает онтическую недостаточность, скрывается терапевтическая надежда; потому что задачи терапии не сводятся только к тому, чтобы у пациента установились хорошие взаимоотношения с внешним миром, которые отсутствовали в прежней его жизни: они могут включать в себя перевоспитание индивида, ориентированное на его самореализацию и на выработку у него привычки в каждодневном получении того глубокого удовлетворения, которое проистекает из аутентичности его существования.

Глава 7

Тщеславие, притворство и «рыночная ориентация»

Энеатип III [\[157\]](#)

1. Сущность типа, номенклатура и место на энеаграмме

Тщеславие - это страстная озабоченность своим имиджем или страсть жить для чужих глаз. Жить для того, чтобы производить впечатление на окружающих, означает, что в центре внимания личности находятся не переживания, а предвкушение переживаний других или фантазии по поводу их переживаний, из чего следует эфемерность усилий, связанных с тщеславием. Трудно придумать более удачное определение тщеславия, нежели «суета сует», нежели то, которое ему дает проповедник Экклезиаст, говоря, что это жизнь ради эфемерного, иллюзорного представления о себе (а не исходя из объективной реальности).

Говорить о тщеславии как о жизни ради образа самого себя, это все равно что говорить о нарциссизме, и действительно, нарциссизм можно рассматривать как универсальный аспект эго-структуры, расположенной в правом углу энеаграммы. Однако, поскольку термин «нарциссизм» используется по отношению ко многим личностным синдромам, особенно со времени публикации DSM-III, по отношению к нашему энеатипу VII, я решил не включать этот термин в заголовок данной главы.

Тщеславие особенно ярко выражено в «истероидной» области энеаграммы (охватывающей энеатипы II, III и IV), однако, как мы уже

видели, в случае гордости оно удовлетворяется комбинацией воображаемой самоинфляции и поддержки избранных личностей, в то время как в энеатипе III личность сосредотачивает усилия на том, чтобы объективно «доказать» свою ценность через активную компенсацию самоимиджа перед лицом некоего обобщенного имиджа. Это ведет к энергичному устремлению к достижениям в хорошей форме в соответствии с количественными или общепринятыми стандартами.

Различие между энеатипами III и IV заключается в основном в том, что первый идентифицирует себя с тем представлением о себе, которое он пытается «продать», в то время как для второго характерен приниженный образ себя, и поэтому свойственные ему тщеславные попытки самоутвердиться никогда не реализуются. В результате энеатип III жизнерадостен, в то время как IV подавлен.

Как уже упоминалось во введении, Ичазо, рассматривая страсть энеатипа III, говорит скорее об «обмане», нежели о тщеславии, относя тщеславие к сфере фиксаций. Исходя из своего преподавательского опыта, я пришел к тому, чтобы рассматривать тщеславие скорее как страсть, близкую к гордости, в то время как в обмане я вижу когнитивную сущность или фиксацию характера энеатипа III. Само слово «обман» - не самое лучшее для обозначения того особого вида обмана, который сопровождает тип тщеславие, отличный, например, от лживости энеатипа II и мошенничества VII, это не недостаток правдивости в отношении фактов (представитель энеатипа III может быть правдивым, правильно излагающим факты репортером), у тщеславия же наблюдается недостаток правдивости в отношении чувств и претензий.

В противоположность комичности энеатипа II и трагичности IV, для энеатипа III характерны нейтральное настроение и ощущение контроля за своими чувствами - он признает и выражает только «правильные чувства».

Хотя в христианский список грехов включена гордость (superbia), а не тщеславие, по-видимому, эти два качества часто неотличимы друг от друга, это отражается в общепринятой иконографии, где тщеславие изображается в виде женщины, смотрящейся в зеркало (как на картине Иеронима Босха «Семь смертных грехов»).

Интересно отметить, что характерологическая диспозиция энеатипа III является единственной, не включенной в DSM-III, - откуда возникает

вопрос, не связано ли это, возможно, с тем, что это расположение определило формирование модальной [\[158\]](#) личности в американском обществе начиная с двадцатых годов.

2. История исследования типа в научной литературе

Для индивидов, «в характере которых преобладают жизнерадостность и активность», Курт Шнайдер предлагает термин «гипертимический». Он говорит, что «гипертимические личности веселы, часто добры, активны, обладают сбалансированным характером и непоколебимым оптимизмом и, как непосредственное следствие этого, они достаточно поверхностны... и слишком самоуверенны» [\[159\]](#).

Ввиду преобладания типа тщеславия в США представляется интересным, что соответствующий синдром личности не привлек внимания комитета, выпускавшего DSM-III. Помимо сравнительной трудности, связанной с выделением черт характера, которые превалируют и, очевидно, высоко ценятся в этой культуре в целом, другой причиной такого упущения, возможно, явился тот факт, что индивиды этого типа, как правило, довольны собой вследствие того, что их психологическая аберрация состоит в смещении образа себя, который они «продают» (а другие «покупают»), с тем, чем они являются на самом деле. Возможно, более известным является описание энеатипа III, сделанное Фроммом [\[160\]](#), который утверждал, что открыл его как личностную ориентацию, существующую помимо трех классических ориентаций, различаемых психоанализом («рецептивная», «орально-агрессивная», или «эксплуатирующая», и «анальная», или «накопляющая»). Полагая, что это современная ориентация, появившаяся в результате развития общества как следствие возникновения современного рынка, Эрих Фромм называл ее «рыночной ориентацией».

«Рыночное понятие ценности, преобладание ценности обмена над ценностью потребления, привело к появлению подобного понятия ценности по отношению к людям и прежде всего по отношению к самому себе».

Основной чертой рыночной ориентации является то, что самое большое значение придается самопрезентации на «личностном рынке».

«Необходимо быть в моде на этом личностном рынке, а для того, чтобы быть в моде, надо знать, какого вида личности пользуются наибольшим спросом. Знание этого передается прежде всего через весь процесс образования, начиная от детского сада и кончая колледжем, и дополняется воспитанием в семье. Однако знания, приобретаемого на этой ранней стадии, недостаточно: оно выделяет лишь некоторые общие качества, такие как способность приспосабливаться, амбициозность и способность реагировать на изменение настроения окружающих. Более конкретная картина модели личности, способной добиться успеха, создается исходя из других источников - красочно иллюстрированные журналы, газеты и телевизионные программы полны фотографий и всевозможных жизнеописаний тех, кто сумел добиться в этом мире успеха.

Подобную функцию выполняет и красочная реклама. Процветающий служащий фирмы в ролике, рекламирующем мужскую одежду, - это имидж того, как должен выглядеть и вести себя человек, который имеет шанс сделать „большие деньги" на современном личностном рынке.

Самым же важным средством передачи желаемого образца личности является художественная кинематография. Молодая девушка пытается копировать выражение лица, прическу, жесты получающей высокие гонорары кинозвезды, так как видит в этом наиболее верный путь к успеху. Молодой человек пытается повторить внешний облик и усвоить манеры модели, которую он видит на экране. Хотя средний человек мало осведомлен о жизни наиболее процветающих в обществе людей, его отношения со звездами экрана совсем другие. Конечно, он не может себе позволить личных контактов, но он может снова и снова видеть их на экране, может писать им письма и получать фотографии с их автографами. В противоположность той эпохе, когда работа актера считалась социально презираемой, а сам он тем не менее служил для того, чтобы донести до публики творения великих поэтов, в задачу наших сегодняшних кинозвезд не входит передавать зрителям какие-то великие идеи - их функция состоит в том, чтобы служить связующим звеном между обычным, средним человеком и миром «великих». Даже если он не может надеяться достичь такого успеха, как они, он может попытаться подражать им, они как бы являются святыми, которым он поклоняется. Благодаря тому успеху, которого они достигли, они

олицетворяют принятые нормы жизни».

В то время как Фромм излагает в своей работе взгляд на этот тип характера «социального психоаналитика», Хорни дает нам более четкое клиническое описание [\[161\]](#). Она использует для обозначения этого характера термин «нарцисстический» и делает по этому поводу следующий комментарий: «Я с некоторыми колебаниями использую термин „нарциссизм“, поскольку в классической фрейдистской литературе он включает в себя без особого различия всевозможные виды напыщенности, эгоцентричности, чрезвычайной обеспокоенности своим благосостоянием и отхода от окружающих людей. Я же использую этот термин в его первоначальном, дескриптивном значении - „быть влюбленным в свой собственный идеализированный образ“.

Говоря точнее, этот характер представляет собой свою идеализированную сущность, которую он, по-видимому, обожает. Это основополагающее качество дает ему ту живость и жизнеспособность, полностью отсутствующие у представителей других групп. Это дает ему кажущуюся безграничную самоуверенность, которая, по-видимому, способна вызвать зависть у всех тех, кто мучается сомнениями, в то время как у него эти сомнения (в осознанном варианте) отсутствуют, ведь он считает себя помазанником, человеком, судьба которого предопределена пророком, великим дарителем и благодетелем человечества. Во всем этом содержится определенное зерно истины. Это зачастую человек достаточно одаренный, еще в детстве с легкостью завоевывавший различные награды, часто любимый ребенок, обожаемый всеми членами семьи. Именно эта не подвергаемая никаким сомнениям вера в собственное величие и уникальность является ключом к пониманию этой личности. Из этого источника он черпает свою жизнеспособность и вечную молодость, равно как и свое часто поразительное очарование. Однако, несмотря на свою одаренность, он стоит на зыбкой почве. Он может беспрестанно говорить о своих подвигах и великолепных качествах и нуждается в постоянных подтверждениях своей самооценки в виде обожания и преданности окружающих. Его чувство превосходства покоится на том убеждении, что не существует ничего, чего бы он не мог достичь, и нет человека, которого он не сумел бы завоевать. И часто он действительно способен быть очаровательным, особенно когда в его орбиту попадают новые люди. Он должен произвести на них впечатление, независимо от того,

имеет ли знакомство с ними для него какое-то практическое значение или нет. Он пытается создать и у самого себя, и у окружающих впечатление, что он „любит" людей. Он может быть щедрым, очаровывая сверкающим потоком чувств, лестью, благодеяниями и помощью - в предвкушении обожания и в обмен на ожидаемую преданность. Он удостаивает яркими эпитетами членов своей семьи и друзей, впрочем, как и свои собственные труды и планы. Он может проявлять значительное терпение, не ожидая от других того, что они окажутся совершенными; он может даже стерпеть шутки в свой адрес, конечно, если они отражают удивительные качества его натуры, но его ни в коем случае не следует задевать сколько-нибудь серьезно».

Хотя Фромм и Хорни, несомненно, оказали достаточно большое влияние на психоаналитическую культуру в целом, тот факт, что описанный ими тип был предан забвению, возможно, является результатом ограниченности их влияния на современный мир профессиональных психоаналитиков. В сегодняшней психотерапевтической практике энеатип III обычно диагностируется с помощью используемого Лоуэном биоэнергетического термина «жесткий». В сделанном Джонсоном [\[162\]](#) описании жесткого характера подчеркивается разрыв между отношением к любви и отношением к сексу: «Во всех случаях, где сексуальность отрывается или отходит от любви, какая-то часть естественного человеческого чувства исчезает. В этом смысле можно сказать, что представитель жесткого типа не способен испытывать истинную любовь». Давая более общую характеристику этого типа, он замечает, что жесткий тип «более, чем какой-либо другой тип, способен привлечь окружающих, достигать своей цели и быть самодостаточным. Для женщины этого типа характерна иллюзия, что она может купить любовь с помощью своих достоинств, но поскольку сама она не может допустить истинного чувства, все, что она в действительности получает, это лишь внимание со стороны противоположного пола... Любовно-сексуальные отношения представляют собой ту часть жизни, которая с наибольшим постоянством приносит ей неприятности. Она может, например, обнаружить, что кто-то сексуально привлекает ее, хотя при этом любви к этому человеку она не испытывает, а в другом случае она может полюбить, но не испытывать при этом сексуального возбуждения. Или может случиться так, что ее привлекают лишь те мужчины, которые

являются для нее недостижимыми, а когда они становятся для нее доступны, она теряет к ним всякий интерес. Возможна также и ситуация, при которой она проявляет много искусства и испытывает удовлетворение, и способна дать удовлетворение мужчине в начальной фазе любовных отношений, но не способна удержать все это, когда отношения становятся более интимными. Компромисс, заключаемый жесткими, в большинстве случаев оказывается наиболее эффективным, наиболее прочным и, с точки зрения культуры, наиболее одобряемым в обществе... Люди, представляющие собой жесткий тип в наиболее чистом виде, обращаются в нашем обществе к психотерапии только в тех случаях, когда возникает опасность того, что супруг (супруга) покинет их, неподобающим образом начинают вести себя дети или когда работоспособность заключенного ими компромисса ставится под сомнение из-за инфаркта или какой-нибудь другой болезни».

Синдром энеатипа III является наиболее частым фоном для того, кто диагностируется как личность типа А: стремящаяся к достижению своих целей, способная конкурировать, всегда напряженная и подверженная сердечным заболеваниям.

Психоаналитики, использующие транзактный анализ, также знакомы с этим синдромом, по крайней мере в некоторых его проявлениях. В работе Стейнера «Сценарии, по которым живут люди» [\[163\]](#), например, мы видим описание «разборчивой Красавицы»: «У нее есть стандартные понятия о так называемой „красоте, популяризируемой средствами массовой информации“, и ей кажется, что она обманывает каждого, кто находит ее красивой и считает их глупцами за то, что они купились на этот обман».

Можно привести также и описание «Пластиковой Женщины»: «В попытке получить удар, она создает свой как бы пластмассовый облик: носит яркую бижутерию, обувь на платформе, вычурную одежду, духи с резким запахом и яркий макияж. Она пытается купить красоту и благополучие, но в действительности никогда их не получает. Она ощущает себя всего на одну ступень ниже женщин, олицетворяющих красоту, навязываемую средствами массовой информации, женщин, снимки которых она видит в журналах и на экране и из которых она сделала для себя идолов... Когда эту поверхностную красоту невозможно больше покупать и наносить на себя, ее постигает депрессия: она не получает ударов, которые она в действительности

ценит, ни от себя, ни от других. Она может попытаться заполнить пустоту алкоголем, транквилизаторами или другими медицинскими препаратами. В более пожилом возрасте она часто заполняет свою жизнь всякими пустяками, а свой дом - безделушками».

Я вижу модель энеатипа III в описании истерической личности, сделанном Кернбергом [164]. Я процитирую часть описания, относящуюся к проявлению этого типа у женщин: «Преобладающей чертой у женщин истерического типа является их эмоциональная неустойчивость. Они с легкостью общаются с окружающими и способны поддерживать достаточно прочные эмоциональные отношения - хотя важным исключением при этом является задержка в их сексуальной реактивности. Они часто драматичны и даже склонны к наигранности, но проявления у них эмоций хорошо контролируются и социально адаптивны. То, как они драматизируют свои эмоциональные переживания, может создать впечатление, что их эмоции поверхностны, но исследование показывает обратное: их эмоциональность аутентична. Женщины этого типа могут быть эмоционально неустойчивы, но их эмоциональные реакции не являются ни несоответствующими ситуации, ни непредсказуемыми. Они лишь в немногих случаях способны потерять эмоциональный контроль, там, где они сталкиваются с немногими близкими для себя лицами, относительно которых у них имеются внутренние конфликты, особенно сексуального или конкурентного характера». Он добавляет, что, «хотя истеричные женщины склонны к эмоциональным кризисам, они обладают способностью „выскакивать“ из таких кризисов и в дальнейшем подвергать их реалистической оценке» и что «они могут часто плакать и иметь склонность к сентиментальности и романтизму, но их когнитивные способности при этом не затрагиваются». Это противоречит наблюдению Шапиро [165] за «когнитивным стилем истерических пациентов, характеризуемым тенденцией последних к глобальному восприятию, избирательной невнимательности и импрессионистской, скорее чем скрупулезной манере представления» - все это, как я считаю, прекрасно сочетается с особенностями склонного к притворству энеатипа II.

В то же время мужчин, представляющих истерическую модель, можно отличить от представителей типа притворство также в терминах более ограниченной области неустойчивости и импульсивности (при

этом они сохраняют способность дифференцированного поведения в обычных социальных обстоятельствах), и они также характеризуются псевдогипермаскулинным качеством, притворным подчеркиванием принятых культурой маску- линных моделей, обычно подчеркиванием независимости и превосходства над женщинами в соединении с детской привычкой дуться, когда такие притязания не удается удовлетворить» [166].

Я не нахожу характерологической модели энеатипа III среди описаний психологических типов, сделанных Юнгом, хотя это, несомненно, экстравертный тип с хорошо развитой сенсорной и мыслительной способностями [167]. При рассмотрении тест-профилей я нахожу рассматриваемую модель в портрете ISTP (экстравертно ощущающая личность с преобладанием мышления над чувством, а восприятия - над здравым суждением). Кэрсси и Бейтс [168] описывают этот тип как мужчин и женщин действия: «Когда в компании присутствует представитель этого типа, события начинают развиваться. Лампочки включаются, музыка играет, начинается игра... Если для описания типа ISTP надо было бы выбрать только одно прилагательное, удачным было бы слово „изобретательный“...»

Их обаятельная, дружелюбная манера имеет налет театральности, благодаря чему даже самое обычное, повседневное событие начинает казаться чем-то весьма удивительным. Люди типа ISTP обычно хорошо осведомлены о том, в каком ресторане лучше всего пообедать, а метрдотели обращаются к ним по именам...

Они умеют поддерживать легкий разговор, и из толпы окружающих их людей то и дело раздаются взрывы смеха, когда они рассказывают одну из своих бесчисленных забавных историй...

Супруги представителей типа ISTP по временам начинают ощущать себя чем-то вроде вещи, женщина - частью имущества, а мужчина - приобретенным за деньги предметом потребления. Отношения, как правило, принимают чисто условный характер, при этом условием их существования является то, что ISTP может получить от этих отношений...

Они мастерски используют свои наблюдения для того, чтобы „продать“ их „клиенту“. Взгляд ISTP следит за взглядом зрителя и все его действия рассчитаны на аудиторию...

ISTP являются безжалостными прагматиками и часто пытаются

оправдать целью те средства, которые они считают необходимыми для их достижений...

ISTP являются непревзойденными инициаторами любых мероприятий, имеющих целью собрать людей вместе для переговоров. Из них получаются незаменимые администраторы, которые способны быстро и эффективно вывести из неприятностей любые компании или организации. Они обладают способностью продавать идеи или проекты, как ни один другой тип...»

В гомеопатии блестящая и активная индивидуальность энеатипа III, по-видимому, может ассоциироваться с фосфором [\[169\]](#).

«Любой, кому приходилось наблюдать океан ночью, видел бесчисленные искорки сверкающего фосфора, танцующие в пене на гребне волны. Этот беспокойный элемент всегда привлекает внимание, и представители типа фосфор тоже обладают способностью приковывать к себе взгляды окружающих. Они привлекают к себе внимание изысканными манерами и неординарным умным лицом».

Кэтрин Культер описывает индивидов типа фосфор, как мужчин, так и женщин, как людей опрятных, грациозных и утонченных, с чистой кожей, иногда напоминающей поверхность фарфора, а иногда прозрачной: «Эмоционально тип фосфора дружелюбен, реактивен и легко настраивается на длину волны собеседника. Во всей его манере сквозит готовность установить теплые отношения со слушателем, и он немедленно начинает чувствовать, как лучше всего это взаимопонимание установить. Способный проявлять тонкую чувствительность в отношениях с окружающими, он с легкостью располагает их к себе любовной фразой, похвалой или трогательным вниманием, а иногда почти неуместной щедростью. Когда кому-то требуется помощь, он бросит то, чем в этот момент занимается, и будет первым, кто придет на помощь...

Фосфор общителен и стремится к тому, чтобы окружающие чувствовали себя здоровыми и счастливыми... Он чрезвычайно впечатлителен и подвержен влиянию своего эмоционального окружения... Неприятные ощущения могут сделать его физически больным, вызвав спазмы в желудке и головную боль или учащенное сердцебиение. Подобным образом на него могут подействовать даже приятные эмоции...»

Культер подробно описывает не только живость и общительность

этого типа, но и присутствующие в характере энеатипа III тщеславие и нарциссизм: «Сверкание фосфора проистекает не только от его готовности отреагировать на нужды окружающих и не только от его любви к жизни, но также и от его любви к себе. Он считает себя более чувствительным и утонченным, более интуитивным, более интересным, более одаренным и более возвышенным, чем другие. Он может быть совершенно очарован собой и рассматривать свою персону как центр, вокруг которого вращаются остальные... Фосфор доминирует не агрессивно, однако ему всегда удается привлечь к себе внимание. Однако обычно он делает это столь тонко, что окружающие едва ли осознают, что происходит, и столь увлекательным образом, что они против этого не возражают... Любовь к себе следует считать здоровой характеристикой... Но если она доведена до крайнего предела, то становится отрицательной, выявляет самоограничивающий нарциссизм...

Фосфор обладает темпераментом исполнителя. Под его искренней общительностью скрывается необходимость иметь аудиторию, состоит ли она из одного человека или из тысяч, и он готов ее развлекать, любить и отдать ей всего себя целиком. Ибо для того, чтобы выявить лучшее в своей натуре и чувствовать себя живым, ему необходимы признание и внимание окружающих».

3. Структура черт характера

Потребность во внимании и тщеславие

Если фиксацией энеатипа III считать подмену своей личности тем, чем индивиду хотелось бы казаться, что в этом случае следует считать доминирующей страстью этого характера?

У меня сложилось впечатление, что наиболее характерным эмоциональным состоянием и в то же время состоянием, которое лежит в основе характерного для этого типа стремления представить себя в лучшем свете, даже прибегая к фальсификации, является потребность во внимании; потребность быть замеченным, которая когда-то в прошлом не нашла своего удовлетворения и теперь требует его через культивирование внешнего впечатления. Помимо испытываемого

желания быть замеченным, услышанным, оцененным, в характере энеатипа III есть также и соответствующее чувство одиночества, возникающее не только как результат хронического разочарования, связанного с потребностью быть чем-то для других, но и от осознания того, что тот успех, которого личность добивается в удовлетворении своих потребностей, относится к ложному «я» и к манипуляциям. Отсюда возникает вопрос: «А любили ли бы меня ради меня самого, если бы не мои достижения, мои деньги, мое красивое лицо и т.д.?» Этот вопрос постоянно подпитывается и тем, что индивидом в его лихорадочной погоне за успехом движет не только страх неудачи, но и страх раскрыться и быть отвергнутым, показавшись миру без маски.

Я включил выражение «озабоченность внешним впечатлением» в кластер дескрипторов энеатипа III наряду с «тщеславным», что относится не только к страсти производить впечатление, но включает также капитуляцию перед культурными ценностями и подмену внутренней направленности внешней направленностью и внешней оценкой стоимости. Я включил также в кластер типа тщеславие «перфекционизм по отношению к форме», «способность имитировать» и «хамелеонство» (вследствие чего, тщеславие, например в контркультуре, может создать самоимидж полного безразличия к собственной внешности).

В психологический портрет энеатипа III входит не только страсть к модуляции внешнего впечатления. Эту страсть, как правило, активно поддерживает в психике индивида умение достигать целей, которые тщеславие ставит перед собой. Так, красивые женщины с большей вероятностью будут избирать стратегию великолепия (и соответственно совершать экзистенциальную ошибку смещения своей привлекательности со своей истинной сущностью). Помимо общих характеристик, отражающих стремление тщеславия нравиться и привлекать, таких как утонченность, предупредительность или щедрость, в портрете этого типа ярко выделяются некоторые черты, которые я намерен обсудить ниже: стремление к достижению успеха, искусство общения и забота о своей внешности.

Ориентация на достижение успеха

Энеатип III жаждет достижений и успеха, а это может предполагать стремление к приобретению богатства и определенного общественного положения. Поскольку некоторые черты характера могут рассматриваться как средства для достижения этой цели, я анализирую их под этим общим заголовком.

а) Для индивидов этого типа характерна способность выполнять работу быстро и четко, что позволяет им стать хорошими секретарями и администраторами. Для того чтобы эффективно работать, необходимо обладать четким мышлением, и такие люди часто обладают способностями к математике. Для них также характерна способность работать в быстром темпе, которая, вероятно, развивается как необходимая предпосылка эффективности в работе, а также из желания выделиться из числа окружающих благодаря этой эффективности. С эффективностью связана также рациональность и практичность жизненной ориентации - ориентации, которую часто можно наблюдать у тех, кто выбрал своей профессией инженерное дело. Если представители этого типа могут проявлять интерес к научной деятельности, то их специфический уклон в данной области можно описать как тяготение к точным наукам - то есть склонность недооценивать те виды мыслительных процессов, которые не являются логически-дедуктивными и основанными на точных фактах. Наряду с этим у таких людей мы обычно видим преклонение перед техникой, они обладают систематичностью и навыками, необходимыми для того, чтобы организовать как свой собственный труд, так и деятельность других людей.

б) С ярко выраженной устремленностью к достижению успеха связана и характерная для этого типа беспощадность, проявляющаяся в его взаимодействиях с окружающими в ситуациях, где приходится выбирать между успехом и учетом интересов других людей. Представители энеатипа III - это не всегда люди, стремящиеся угодить окружающим; их часто описывают как хладнокровных и расчетливых, способных использовать не только себя, но и других в качестве ступенек, ведущих к достижению своей цели.

в) С погоней за успехом связаны и такие черты, как способность контролировать себя, так же как и других, и стремление доминировать. Эти черты находят типичное проявление в поведении родителей по отношению к своим детям, которых они пытаются сломить, навязывая

им свои советы и настаивая на том, чтобы они поступали так, как считают нужным родители (даже в тех случаях, в которых ребенку лучше было бы сделать выбор самому).

г) Еще одна черта характера, являющаяся одним из компонентов синдрома этой личности, - это способность конкурировать как средство достижения успеха и победы. Эта черта, в свою очередь, связана с беспощадностью, с культивированием эффективности и с использованием обмана, блефа, самовозвеличивания, клеветы и других особенностей, которые будут обсуждаться ниже, в разделе «манипуляция имиджем».

д) Свойственные этому типу черты характера - беспокойство и напряженность - являются естественным следствием гипертрофированного стремления к достижению успеха и связанной с ним боязни поражения. Для них характерно повышение кровяного давления как реакция на стресс, что делает таких людей принадлежащими к хорошо известному типу А.

Социальная искушенность и мастерство общения

Еще одна группа черт характера, выделяющаяся среди дескрипторов энеатипа III, объединяет такие характеристики, как «интересный», «полный энтузиазма», «искрящийся кипучей энергией», «блестящий», «разговорчивый», «приятный», «нуждающийся в одобрении» и «остроумный». Все эти характеристики можно назвать «доведенным до блеска умением вести себя в обществе» или «умением подать себя в том свете, в котором выгодно». При этом мотивацией, оправдывающей появление этих черт, может считаться обеспокоенность своим общественным положением. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Культивирование сексуальной привлекательности

Черты, сходные по характеру с вышеупомянутыми, связаны со стремлением улучшить свой внешний облик и сохранить сексуальную привлекательность, - это черты, которые ассоциируются у нас с образом зеркала в традиционном изображении тщеславия. (Вообще, ни одна

женщина не зависима от косметики в такой степени, как женщина энеатипа III.) Так как культивирование сексуальной привлекательности идет рука об руку с фригидностью, выражаясь более простым языком, можно сказать, что существует особый тип тщеславной красоты: холодная красота фарфоровой куклы - поверхностная и эмоционально пустая.

Обман и манипулирование образом

В случае двух обобщенных черт характера, имеющих отношение к сексуальной привлекательности, - стремления блистать в обществе и стремления к успеху, мы сталкиваемся с использованием разных обликов, к которым личность прибегает, чтобы удовлетворить свою жажду бытия и в то же время завуалировать свой экзистенциальный вакуум. Если страсть выставлять себя напоказ можно представить как перерастание проявившейся в раннем возрасте потребности во внимании и признании, то ее можно также расценивать и как результат того, что личность в своем восприятии спутала бытие и образ бытия; это подобно ситуации, когда личность смешивает признание со стороны внешнего мира с внутренними ценностями. Поскольку обман - это то, что мы можем назвать фиксацией, т.е. когнитивным дефектом энеатипа III, я сгруппировал отдельно те дескрипторы, которые имеют отношение непосредственно к нему, такие как: «отождествляющий себя с маской», «верящий в собственную ложь», «притворяющийся», «фальшивый», «лживый». Мы должны включить сюда также весьма характерную для этого типа фальшивую эмоциональность. Обман, однако, находится вне эмоциональных переживаний, так как он включает в себя рациональное мышление и другие проявления практичности.

Слова «обман» и «притворство» можно использовать как указатели, определяющие центральную черту такой структуры личности как в случае самообмана (веры в тот идеализированный образ, который личность представляет миру), так и в отношении притворства перед окружающими (проявляющегося в блефе или лицемерном добродушии). В то же время именно идентификация личности с той ролью, которую она играет, и той маской, которую она надела - потеря ощущения того, что она всего лишь играет роль или надела маску, - и приводит к тому,

что окружающие начинают воспринимать это как ее истинную сущность.

Энеатип III не только озабочен впечатлением, которое он сам производит, он также выработал мастерское умение преподносить - преподносить окружающих, события и идеи. Особый дар продавать и рекламировать, характерный для этих личностей, по-видимому, является результатом обобщения способности, развившейся первоначально из стремления «продавать» и продвигать самого себя. Таким образом, они не только озабочены такими вещами, как одежда и косметика, а также демонстрация хороших манер, они - настоящие эксперты по комплектованию товаров и информации и превосходят всех остальных в рекламном бизнесе. Склонность выдвигать других, явно или скрыто, возможно, родственна другой - дополняющей ее - склонности: способности преподносить события или людей в дурном свете, манипулировать их имиджем неблагоприятным для тех образом, что они делают не только путем злословия, но также используя свою социальную искушенность, с помощью которой они могут производить приятное впечатление, очерняя при этом оппонента или соперника.

Подверженность чужому влиянию

С группой черт характера, имеющих отношение к ориентации на внешний вид и к умению выживать, тесно связана еще одна черта, имеющая отношение к тем ценностям, в соответствии с которыми формируется идеальное «Я». Эти ценности не являются ни внутренне присущими личности, ни врожденными, но приобретаются извне представителями данного типа, который больше, чем какой-либо другой, способен поддаваться влиянию и выработал у себя способность постоянно проводить скрытые «маркетинговые исследования» в своем окружении в поисках точки отсчета для своих мыслей, чувств и действий.

Способность идентифицировать себя с превалирующими ценностями олицетворяет как его склонность поддаваться чужому влиянию, так и сходство с хамелеоном, характерное для энеатипа III, т.е. его готовность изменять свои мнения и внешность в соответствии с модой. С этой способностью поддаваться влияниям связана, в свою

очередь, одновременно и прогрессивная, и консервативная диспозиция энеатипа III - диспозиция, которую нельзя считать безоговорочно консервативной, как у энеатипа IX, но которая представляет собой комбинацию конформизма со стремлением к прогрессу и совершенству (что приводит к ориентации на моду и авангард) без впадения в радикализм. На практике и модным, и не ставящим под сомнение традиционные ценности оказывается научно-технический прогресс, отсюда и корни технократической ориентации, столь характерные для психологии энеатипа III.

Прагматизм

Типичным для энеатипа III (в отличие от его соседей по энеаграмме с более четко выраженным эмоциональным характером) является такая черта, как прагматизм, проступающая в свойственной этому типу рациональности и систематической ориентации на вещи и нашедшая свое отражение в том, что этот тип описывается как «расчетливый». Выражается эта черта не только в интеллектуальном плане, ибо контроль над собой, наличие которого она подразумевает, может проявиться и в организованности, остроте восприятия, практичности, функциональности и рационализации. Именно исходя из склонности к эффективности мы можем понять те рациональные черты, которыми объясняется типичный для энеатипа III инженерный или предпринимательский менталитет и которые проявляются также в ориентации на технику и технократию.

Активная настороженность

На более высоком уровне абстрагирования, нежели тонкая реактивность и эффективность как познания, так и поведения, стоят еще более общие черты, связанные со стремлением к успеху, которые я назвал гипервигильностью (сверхбдительностью) и активностью.

Индивид, представляющий энеатип III, не только гипервигилен, но и неспособен отделиться от чего-то целиком, забыв о себе, ему необходимо все держать под контролем, он еще в детстве выработал у себя привычку полагаться только на самого себя, под влиянием ощущения,

что окружающие не проявляют по отношению к нему должной заботы. По этой причине мы не можем отделять гиперактивность, которая делает представителя энеатипа III личностью, «движимой эго», от стресса или глубокого недоверия к жизни - недоверия по поводу того, что все может идти нормально и без ее контроля над ситуацией. То же можно отнести и к гипервигильности, это проявление рожденных беспокойством сомнений по поводу нормального хода вещей и нежеланием поверить в «саморегулирующий механизм» психоментального организма. Лежащее в основе психики энеатипа III отсутствие доверия являет прямой контраст к характерному для этого типа поверхностному оптимизму (который позволяет считать, что все идет не просто нормально, но замечательно) и составляет один из факторов, порождающих склонность энеатипа III к беспокойству.

Поверхностность

Черта характера, которую сторонний наблюдатель может назвать поверхностностью, чаще всего проявляется в осознании индивидом ощущения того, что ему недоступно познать всю глубину своих чувств, оно проявляется как проблема идентификации - в том смысле, что он не знает, кем он является (если исключить роли и наиболее осязаемые характеристики), и не знает своих истинных желаний (кроме желания угодить другим и достичь эффективности). Хотя личность может осознанно и не стремиться постичь глубину чувств, наличие неудовлетворенности, очевидно, проявляется в самой интенсивности, с которой индивид пытается добиться успеха, и в усилиях, предпринимаемых для того, чтобы быть приятным окружающим и быть принятым ими. В той же мере, в какой жажда бытия заменяется внешними поисками, в той же мере личность не оставляет себе возможности даже осознать это, таким образом повторяя ставшую хронической ошибку.

4. Механизм защиты

Центральное место в психологическом облике энеатипа III занимает его идентификация себя с идеальным представлением о себе, созданным

как реакция на то, что от него ожидается окружающими, вследствие чего мы можем предположить, что в раннем возрасте здесь имела место идентификация с желаниями, критериями оценки и моделями поведения родителей.

В отличие от интроекции, при которой индивид ощущает себя как личность другого человека, идентификация определяется как процесс, в ходе которого индивид усваивает черты другого человека и таким образом в некоторой степени трансформируется, следуя внешней модели. Каким бы справедливым ни было утверждение о том, что восприятие родительских черт является универсальной характеристикой человеческого развития, очевидно также, что склонность к имитации, ориентированная на внешние модели, более всего характерна для ценностей энеатипа III. В отличие от ситуации с интроекцией, при которой индивид, по-видимому, отчаянно цепляется за имевшую место в детстве идентификацию, тщеславие у взрослых представителей энеатипа III весьма типично проявляется не столько в идентификации себя с важными представлениями прошлого, сколько в идентификации с современными и сконструированными образами того, что считается желательным в обществе. Таким образом, при разработке личного самоимиджа индивид энеатипа III, очевидно, проводит скрытое маркетинговое исследование для того, чтобы выяснить, что от него ожидает обобщенный другой. И именно этот «компьютерный» образ того, что ценится и чего хотят другие, индивид пытается воспринять и стремится подражать ему с характерным упорством.

Существенным для психологии энеатипа III (как и для седьмого) является также механизм логического обоснования. Но для этого типа наиболее характерным - помимо механизма идентификации - является механизм отрицания: механизм, посредством которого утверждается, что что-то не соответствует действительности (в предчувствии того, что кто-то поймет, что это как раз ей соответствует). Этот маневр, нашедший отражение в реплике Шекспира: «Эта дама уж слишком много протестует», тесно связан с поддержанием собственного образа и, конечно, является прямым выражением обмана.

5. Этиологические и дальнейшие психодинамические замечания [\[170\]](#)

С точки зрения конституционной, энеатип III существует в контексте соматотонии и, соответственно, в значительной мере мезоморфии. В целом численность энеатипа III, возможно, является самой высокой в мезоморфии вслед за популяцией энеатипа III и контрфобического характера энерготипа I [\[171\]](#). Не удивительно, что активная и высокоэнергетическая характеристика энеатипа поддерживается атлетической конституцией. Мне кажется весьма вероятным, что физическая красота и общая интеллектуальность могут являться теми факторами, которые влияют на детерминанты тщеславия как способа психологического выживания.

Хотя довольно часто можно услышать, что представители энеатипа III были поощряемы в детстве желанием соответствовать ожиданиям и идеалам родителей, нередко случаи, когда их желание привлечь внимание к той или иной форме собственного совершенства, возникло как реакция на пережизв ту в детстве травму, когда ребенку не уделяли достаточного внимания, таким образом, желание стать блестящими, по-видимому, является реакцией на страх оказаться проигнорированным.

«Я был младшим из пяти детей. Для меня не было места, поэтому стать блестящим было для меня единственным средством привлечь к себе внимание».

Фактор, который я заметил, рассматривая случаи, когда женщинам в детстве не уделялось достаточного внимания и признания, является наличие отца, представляющего энеатип VI.

В жизненных историях энеатипа III (особенно в случае подтипа сохранения) достаточно часто наблюдается ситуация, в которой ребенок чувствует отсутствие кого-либо, на кого можно рассчитывать, что ему не на кого рассчитывать, что стимулирует у ребенка развитие автономности. Эффективность в этом случае исходит не только из желания завоевать любовь родителей своими достижениями, но также и из необходимости заботиться о самом себе. «Мне приходилось беспокоиться о безопасности для себя и своих сестер. Схватки между родителями не прекращались». «Мне приходилось самому заботиться о себе. Конфликт дома принял такие формы, что мне ничего не оставалось делать, как представлять, что там все прекрасно». Достаточно обычной является ситуация, при которой личность энеатипа III происходит из семьи, один из членов которой тяжело болен или в доме царит хаос, связанный с какой-то большой проблемой (например, алкоголизм отца),

занимающей внимание родителей, которое они могли бы уделять детям, и вносящей свой вклад в создание для ребенка стимула самому заботиться о себе.

Часто встречаются и ситуации, в которых люди помнят, что в детстве окружавшие их обстоятельства вырабатывали у них мысль о том, что говорить правду небезопасно, так же как небезопасно раскрывать окружающим свои чувства и желания.

«Одно из детских воспоминаний, которое приходит мне на ум и которое подтверждало необходимость и правомерность обмана, такое: у нас в саду росли яблони, и всякий раз, когда мы ели зеленые яблоки, мы страдали расстройством желудка, поэтому мать запретила нам их есть. Однажды она вышла в сад развесить белье и обнаружила на земле надкушенные яблоки. И тогда она пообещала: „Если вы скажете правду, вас не накажут. Кто ел зеленые яблоки?“ Яблоки ели и я, и моя сестра. Поэтому я сознался, меня отшлепали, а сестра получила пенни. В голове у меня все смешалось, и я подумал: „Какой смысл говорить правду?“ Вот так люди и приучаются к обману».

Наличие склонности у энеатипа III к самоконтролю можно объяснить не только стремлением к выживанию и манипуляцией собственным образом: за этим часто стоит необходимость соблюдения суровой дисциплины в детстве. Рассказывая о своем детстве, женщина, выступающая от лица трех представительниц одного и того же характера, сказала: «Нас всех объединяет испытанный в детстве страх наказания ремнем. Если не наказывали кого-то из нас лично, наказание получал кто-нибудь другой. И я помню, что для меня это было просто кошмаром, я сделала бы все, что угодно, для того, чтобы не „получить это“, и поэтому нужно было хорошо себя вести, хотя иногда было непонятно, для чего это все было нужно, но строгость родителей снова и снова заставляла вести себя подобающе. Все должно было происходить определенным образом. И это не было перфекционизмом, просто полагалось не делать того-то и того-то. Я думаю, что ко всему этому примешивалось чувство стыда, стыда по поводу того, что ты сделаешь что-то не так, как это должно делать».

У представителей энеатипа III довольно часто кто-то из родителей тоже принадлежит к энеатипу III, и в этом случае мы можем считать, что озабоченность по поводу внешности возникает здесь через идентификацию. «Моя мать превратила меня в куклу: я должна была

брать уроки балета, всегда быть красиво одетой, мне не разрешалось повышать голос, смеяться, обнаруживать какие-то чувства... Она умерла, когда мне было девять лет, и мое воспитание продолжил отец». Иногда дополнительным стимулом для подражания является восхищение объектом подражания. «Мой отец был очень достойным человеком. Он был уже в отставке, но всегда носил белую рубашку, синий шерстяной костюм и золотые кольца, он был очень, очень добропорядочным. И его роль как бы перешла ко мне. Ведь он был подобен игроку, исполняющему свою роль».

«Родители всегда стремились достойно выглядеть в глазах соседей, они всегда стремились выглядеть достойно. Понимаете, мы должны были выглядеть достойно, потому что мы третий тип, один из наших родителей относился в третьему типу, а мы были его дети, и поэтому мы должны были выглядеть достойно». Наиболее распространенный энеатип среди матерей представителей энеатипа III - это энеатип IV, и в этом случае можно говорить о бунтарской дисиденфикации (утрате личностного начала) - желании не быть вечно жалующейся особой с массой проблем, но быть личностью, которая действует независимо, причиняя другим как можно меньше беспокойства. Это может совпадать с ситуацией, в которой ребенок ощущает, что он не может себе позволить иметь проблемы, поскольку это навязывает ему роль, в которой он должен заботиться о своей матери.

Можно сказать, что на протяжении развития характера энеатипа III поиски любви дают ему мотивацию для преуспевания, и постепенно желание угодить и быть признанным, становясь независимым, затемняет первоначальное стремление, так что понятие быть любимым приравнивается к понятию быть привлекательным и удачливым.

6. Экзистенциальная психодинамика

Подобно тому, как в шизоидном характере экзистенциальная сторона более всего очевидна самому субъекту - который остро осознает свою внутреннюю пустоту, - в случае энеатипа III экзистенциальный момент внутреннего вакуума хорошо виден сторонним наблюдателям пустых или «пластмассовых». Эта тенденция тщеславных людей игнорировать оскудение их эмпирического мира сближает их с энеатипом IX, в котором, как мы увидим, обскурация бытия - благодаря своей центральности - абсолютно неосознаваема. Их сходство в этом отношении отражает их связь на энеаграмме, согласно которой в тщеславной идентификации себя с внешностью лежат психодинамические корни патологического самозабвения.

Тот факт, что описание энеатипа III отсутствует в DSM-III и что энеатип IX лишь приблизительно конгруэнтен одному из синдромов, описанных в этом пособии, позволяет предположить, что распознаваемые патологии представляют собой более внешний или

более видимый слой психопатологии, нежели та, которая связана с этими двумя типами, энеатипы III и IX могут жить самой обыкновенной и, возможно, даже счастливой жизнью, не осознавая четко своих интерличностных дефектов, скрывая свою духовную психопатологию - потерю своей внутренней сути и подлинных духовных переживаний.

Если энеатип III ощущает, что ему «чего-то недостает внутри», он скорее всего определит это ощущение пустоты как незнание того, кем он является, т. е. как проблему идентификации. Широкое признание проблемы идентичности и ощущение ее универсальности отражают, как мне кажется, превалирование энеатипа III в американской культуре.

«Незнание, что я есть» у представителя энеатипа III обычно означает: «Все, что я знаю, это роль, которую я играю, - а существует ли что-нибудь помимо нее?» Он приходит к осознанию того, что его жизнь - это серия представлений и что идентичность, таким образом, лежит в идентификации с профессиональным статусом и другими ролями. Вместе с пониманием того, что «это не я» или «эти роли не составляют никакой личности», приходит ощущение изоляции от некоего скрытого потенциального «я». Наряду с инстинктивным ощущением игнорирования своего «я» или индивидуальности, обычно имеет место и ощущение незнания своих истинных желаний и чувств - ощущение, захватывающее их до такой степени, что они начинают признавать сфабрикованные чувства за свои, и их выбор определяется внутренней направленностью, но поддерживается во внешних моделях.

В то время как у более социально ориентированных индивидов присутствует так называемое свойство «бабочки», заставляющее их вступать на поиски своего социального статуса, и их самоотчуждение является результатом излишней обеспокоенности своим имиджем, который они стараются поддерживать в глазах общества, у более сексуально-ориентированных личностей аналогичный процесс имеет место в отношении поиска «сексуальных аплодисментов», стоящего за культивированием сексапильности. Страсть быть приятным и привлекать поляризует внимание личности в направлении внешних проявлений ее бытия за счет глубины эротических и эмоциональных переживаний - что часто способствует появлению фригидности у женщин.

Джодоровский (Jodorowsky) дал глубокое описание такой ситуации в своем эссе о сексуальном супермене, у которого сотни рук и тысячи

пальцев, на каждом из которых имеется половой орган или язык, что позволяет ему совершать половой акт, достигая высочайших стандартов, однако его сосредоточенность на эффективности его действий трагическим образом не оставляет ему возможности наслаждаться самому [\[172\]](#).

Признавая значение экзистенциального момента в энеатипе III (легко объяснимого, исходя из его места в энеаграмме), полезно выйти за пределы интерпретации страсти к одобрению как подмене любви или косвенного выражения желания любви. Как бы ни было важно признать истинность этого, я думаю, что необходимо рассмотреть ту точку зрения, что постоянная борьба энеатипа III за получение «нарцисстической подкормки» поддерживается самоосуществляемым обеднением, которое, несомненно, возникает как следствие оттока психической энергии в сторону игры в жизни, оцениваемой глазами других людей.

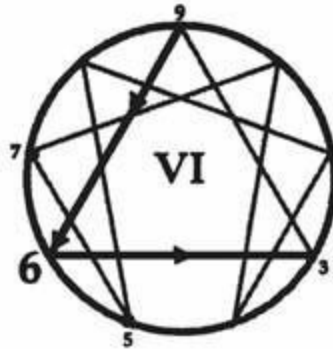
Я думаю, стоит уделить должное внимание этому процессу, при котором безумное возбуждение «гонимой эго» личности создает потерю бытия, - что, в свою очередь, толкает на поиски бытия в царстве внешнего, ведь истина, несомненно, способна освободить нас, истинный взгляд на вещи в этом порочном круге может высвободить энергию и внимание индивида и сфокусировать их на том, чего они привыкли избегать - и что потенциально несет болезненные ощущения - на своей внутренней сущности.

В бешеной погоне за достижениями, общественным статусом, аплодисментами, а отсюда - не имея возможности остановиться и заглянуть внутрь своей сущности, энеатип III как бы повторяет сам себе столь популярное в Америке приказание: «Не стой там, делай что-нибудь», тогда как на самом деле таким людям нужно давать обратное указание: «Не делай ничего, стой там».

Психотерапевтам важно понять, что эти люди «в маске», которым обычно трудно оставаться одним и которые испытывают сложности, отделяя себя от переигрываемых достижений, могут извлечь для себя большую пользу, поставив перед собой задачу увидеть собственное лицо и осознать «потерю лица» как результат того, что они избегали смотреть в зеркало.

Поскольку внутренняя сущность есть нечто совершенно для них чужеродное, то, что с точки зрения их мира, основывающегося на форме

и количестве, как бы вообще не существует, медитация - в особенности медитация, подчеркивающая пассивность, - может показаться этим людям абсолютно неинтересной и бессмысленной. Однако, если применить к поставленной задаче интеллектуальное убеждение или воспользоваться личным доверием, можно добиться того, что внимательное наблюдение за этим «бессмысленным сидением» заставит сфокусироваться на скуке и бессмысленности существования, а это в дальнейшем даст им возможность осознать трагедию неспособности получать жизненную энергию через живое чувство существования.

Глава 8

Трусость, Параноидальный характер и обвинение

Энеатип VI

1. Теория сущности.

Номенклатура и место на энеаграмме

Для обозначения и фиксации энеатипа VI Ичазо (как мы уже упоминали в предисловии) использует понятия «робость» и «трусость» соответственно.

Робость может рассматриваться как чувство беспокойной нерешительности или подавление действия ввиду наличия страха, но, если это так, тогда значение этого термина мало отличается от значения понятия «страх», которое я буду использовать для обозначения главенствующей страсти этого типа характера.

Однако, если мы будем использовать понятия «страх» и «трусость» для обозначения главенствующей страсти энеатипа VI, мы вынуждены будем при этом отметить, что - как в случае с гневом и другими эмоциями - это важное эмоциональное состояние не обязательно проявляется непосредственно в поведении. Оно может проявиться иначе, в виде сверхкомпенсации - сознательной позиции героических устремлений. Противопоставленное фобии отрицание страха по сути своей ничем не отличается от маскировки гнева чрезмерной мягкостью и контролем, а также маскировки эгоизма чрезмерной уступчивостью и

других форм компенсации, демонстрируемых рядом характеров, в особенности некоторыми подтипами.

Более характерным, нежели страх или трусость, для многих личностей, принадлежащих к энеатипу VI, может быть наличие тревоги - этой производной страха, которую мы можем охарактеризовать как страх без осознания внешней или внутренней опасности.

Хотя страх и не относится к числу «смертных грехов», трансценденция страха вполне может стать краеугольным камнем истинных христианских идеалов в той мере, в какой она доводит *Imitatio Christi* (подражание Христу) до уровня несомненного героизма. В этой связи интересно будет отметить, как сместился христианский идеал от представлений первых христиан-мучеников до идеала, пронизанного отношением, которое Ницше критиковал, называя его «рабской моралью» (хотя в последнее время, по крайней мере в Южной Америке, церковь вновь стала героической, вплоть до мученичества).

В отличие от представления о добродетели древних греков (*arete*), где особо выделялось мужество, идеал христианского общества, как отмечал Ницше, предполагает чрезмерное послушание авторитетам и дисбаланс в пользу контроля Аполлона над экспансивностью Диониса.

Так же, как мы можем проследить деградацию в христианском сознании от мужества до трусости, можно говорить и о деградации в понимании веры и христианском мироощущении. В протоанализе вера рассматривается как психокатализатор, который можно представить себе в виде неких ворот, через которые возможно освобождение от рабства неуверенности, разительно отличается от значения этого слова в обычных религиозных рассуждениях, а именно - строгого следования набору определенных догм.

Как я собираюсь указать в психодинамическом анализе, неперенный двойник страха, я думаю, может быть обнаружен в самоуничтожении, самопротивопоставлении и самообвинении - превращении в собственного врага, - что, видимо, предполагает: лучше противостоять себе (присоединяясь к ожидаемой внешней оппозиции), чем встретить внешнего врага. Определение параноидального характера, приведенное в DSM-III, уже, чем понятие энеатип VI, так как последнее включает три разновидности параноидального мышления, которые предполагают различные способы преодоления тревоги. Еще одно определение - это фобический характер в психоанализе,

отраженный в DSM-III как «избегающая» личность, а также в синдроме «зависимой» личности, хотя существует разновидность личности, в большей степени об- сессивная, обычно диагностируемая как смешанное расстройство личности - среднее между параноидальным и об- сессивным характером.

2. Предшествующие описания характера в научной литературе

В классификации личностей Курта Шнайдера нашему энеатипу VI соответствует образ фанатика, однако такое описание отображает не весь спектр этого характера.

Мы можем сказать, что параноидальный, или подозрительный, характер есть скрытая форма расстройства личности, которая в числе крайностей умственной патологии была известна уже Крепелину как параноидальная шизофрения. Касаясь изначально заложенного в характере параноидальных шизофреников мрачного восприятия, он отмечает [\[173\]](#), что, попутно с ощущением себя объектом враждебности и т.п., они обнаруживают в себе «сочетание неуверенности и чрезмерной переоценки собственного „я“, которое проявляется в том, что пациент враждебно противостоит воздействию, побуждающему его бороться за жизнь и пытаться избежать этого воздействия посредством внутренней экзальтации».

Разделяемая сегодня многими концепция параноидального характера обогатилась исследованиями и наблюдениями Фрейда по параноидальной шизофрении. То, что Фрейд говорит о последней, особенно в отношении дела Шребера, теперь рассматривается шире, как соответствующий характерологический синдром. Хотя немногие сейчас продолжают придерживаться сексуальной интерпретации паранойи как защиты от гомосексуальных отношений с одним из родителей, однако более полная интерпретация Фрейда нашла подтверждение в общем положении, что параноидальная ненависть - это защита от любви. Я думаю, что это утверждение можно считать справедливым, если мы рассматриваем такую защиту не как нечто направленное в первую очередь против инстинктивной или эротической любви, но как защиту, направленную против искушения обольстительной «любви через

уступку», - защиту, которую в подрастающем ребенке порождает страх.

В то время как «слабая» (внешне трусливая) личность проявляет послушание по отношению к родительскому авторитету, а «обязательный или исполнительный» подтип соблюдает абстрактный принцип подчинения букве закона или же идеологическим установкам, «сильный» и фанатичный подтип подозрительного характера (часто определяемый как параноидальный) защищает себя от соблазна капитулировать настолько же страстно, насколько он является контрфобическим. Он защищен от сомнений, чувства неопределенности и нерешительности убежденностью «истинно верующего». В то время как в языке экспериментальной психологии весьма распространено такое понятие, как реакция «драчливость/бегство» (fight/flight reaction), полярность между «слабой» и «сильной» формами подозрительного характера относится скорее к убежанию/уступке (flight/surrender) дихотомии, которая присутствует также в поведении животных и знакома нам прежде всего по поведению собак (или волков): подставляя горло противнику, они тем самым выражают подчинение.

У Курта Шнайдера ^[174] мы находим описание сходного состояния личности, без упоминания о параноидальном характере, под определением «фанатик». Говоря о фанатиках, он отмечает, что их эмоциональность весьма ограничена и они могут показаться окружающим «холодными». У них отсутствует чувство юмора, и они обычно серьезны. Вероятно, они гордятся тем, насколько всегда объективны, рациональны и неэмоциональны.

Шнайдер также отмечает, что «все фанатично настроенные возмутители спокойствия имеют обыкновение придавать своим убеждениям „характер общественной важности“, а также тенденцию опубликовывать эти фанатичные идеи в виде схем и программ. Если же по поводу идеи, которой придается слишком большое значение, кто-то высказывает свое собственное сомнение или же она становится предметом всенародного обсуждения, все усилия фанатика концентрируются на том, чтобы положить соперника на обе лопатки...»

В наши дни DSM-III рассматривает психологическое строение энеатипа VI под диагнозом параноидальная личность, исключая то обстоятельство, что описание этого синдрома в DSM-III дает представление лишь об одном из возможных вариантов трусливой личности, представленной на энеаграмме.

В DSM-III параноидальное расстройство личности охарактеризовано такой существенной чертой, как всеобъемлющая необоснованная подозрительность, а также недоверие к людям, сверхчувствительность и пониженная эмоциональность, которые не имеют отношения к другим умственным расстройствам, таким как шизофрения или любое другое параноидальное расстройство.

Миллон пишет ^[175]: «Личности с этим расстройством относятся к типу сверхбдительных, принимающих меры предосторожности против любой осознанной опасности. Они имеют обыкновение не признавать своей вины, даже если их действия имеют оправдание. Окружающим они часто кажутся сдержанными, скрытными, неискренними, замышляющими что-то недоброе. Они могут ставить под сомнение честность других, всегда ожидая от них какого-нибудь подвоха. По этой причине они также могут быть патологически ревнивы... Они во всем ищут скрытые мотивы и тайный смысл. Часто их посещают мимолетные идеи, связанные с восприятием другими людьми, т.е. что окружающие относятся к ним предвзято или же говорят о них гадости... Таким людям зачастую трудно расслабиться, они обычно выглядят напряженными и имеют тенденцию контратаковать, как только осознают наличие какой-либо угрозы...»

Шапиро, описывая в своем научном труде «Невротические стили» ^[176] параноидальный характер, рассматривает подозрительный характер в более широком диапазоне. В начале главы он отмечает, что «вне измерения жестокости существуют, образно, хотя довольно грубо выражаясь, два ^[177] типа людей, которые принадлежат к этой категории: неприметные, зажатые, опасливо подозрительные личности и сурово высокомерные, более агрессивные, подозрительные и страдающие манией величия».

Вышесказанное согласуется с описанием параноидального синдрома неуживчивого холодного характера, представленного в DSM-III, а также синдромов ищущей душевного тепла избегающей личности и зависимой личности, при которых сомнения и подозрительность направлены в основном внутрь себя самого и принимают форму неуверенности в своей безопасности. Избегающая личность отличается от шизоидной тем, что у неуверенных в себе личностей, которые не осмеливаются приблизиться к другим людям, отрешение от мира имеет активный характер, что контрастирует с пассивным отчуждением у шизоидных,

являющихся по сути настоящими одиночками, ибо их манера держаться от людей на расстоянии оборачивается безразличием, а не результатом осознанного конфликта.

В то время как шизоидный тип легче всего описать, используя такие понятия, как дефицит, недостаточное осознание самого себя, недостаток мотивации действия, бесчувственность, - в случае избегающей личности это, наоборот, избыток внимания, мотивация действия и сверхчувствительность. Как отмечает Миллон, существенной чертой избегающих личностей является «сверхчувствительность к возможному отказу, унижению или позору, сильное нежелание вступать в какие-либо отношения с другими людьми, если только им не будут даны гарантии того, что окружающие не будут воспринимать их критически, отчуждение от общества, несмотря на сильное желание произвести впечатление и быть нормально воспринятыми обществом, а также низкая самооценка». Если шизоидная личность испытывает трудность при приспособлении к окружающим, то избегающий или фобический тип всего лишь ведет себя осмотрительно, при этом способности к приспособлению у него огромные. Для них характерна большая эмоциональность и когда они испытывают боль, и когда они испытывают приятные ощущения. «Они глубоко переживают свое одиночество и изоляцию, болезненно воспринимают свое нахождение „не у дел“ и испытывают сильное, хотя часто и подавляемое, желание быть принятым обществом. Несмотря на сильное стремление завязать какие-либо отношения и активно участвовать в общественной жизни, они все же боятся передать свое благополучие в руки других» [\[178\]](#).

Определение «фобический» характер давно используется в психоанализе. По этому поводу Феникель пишет, что «фобический характер - подходящее определение для тех личностей, чье поведение сводится к уклонению от ситуаций, на самом деле желанных» [\[179\]](#).

Кроме этих двух разновидностей параноидального типа (которые мы можем охарактеризовать с помощью таких черт, как сила и слабость соответственно) существует также еще один (относящийся к третьему подтипу, согласно преобладанию инстинкта), который можно было бы описать как «пруссский характер» в честь этого стереотипа германской авторитарной и исполнительной суровости. Мы действительно находим его описание у Миллона в приложении к DSM-III, которое я часто цитирую в этой книге. Миллон называет этот подтип «личностью

смешанного параноидально-компульсивного типа» [\[180\]](#).

Несмотря на их всевозрастающую враждебность и отрицание конформизма и покорности как способа существования, они сохраняют лежащую в основе их характера ригидность и перфекционизм. Они представляют собой наиболее мрачных, лишенных чувства юмора, напряженных, зажатых и неспособных на какие-либо изменения внутри себя людей, обычно ограниченных, не отступающих от буквы закона и убежденных в собственной праведности. Эти черты их внешнего облика являются еще более внутренне присущими им и интернализованными в качестве фиксированной системы привычек. Возможно, ранее они находили необходимым объяснять свою зависимость от окружающих тем, что это их единственный путь к вознаграждению, но пережитки их привычки к сверхконтролю и безошибочности, которые были присущи им всю жизнь, очень нелегко устранить. Таким образом, они продолжают искать ясность в правилах и указаниях, не могут терпеть неопределенности и налагают на свою жизнь порядок и систему. Лишившись же направляющей руки тех, кого они презирали, эти параноидальные личности полагаются исключительно на самих себя и становятся в стремлении к порядку и власти собственными безжалостными надсмотрщиками.

Сравнивая вышеупомянутые разновидности энеатипа VI (которые можно с уверенностью назвать обсессивными) с обсессивным добродетельным характером (т.е. энеатипом I), Миллон ищет различие между ними и предполагает, что оно заключается в том, что эти параноидально-компульсивные типы отказались признать их стремление к зависимости и оставили надежду получить защиту через чьи-либо добрые услуги. Правильно это или нет, но нельзя поставить под сомнение утверждение, что параноидальные личности в большей степени устремлены в себя и более интровертированы. Однако «они продолжают искать ясность в приказах и указаниях, не могут терпеть неопределенности и налагают на свою жизнь порядок и систему».

Среди психологических типов, описанных Юнгом, наиболее близким к энеатипу VI является интровертно-мыслительный тип, который «сильно подвержен влиянию всяческих идей и чьи суждения звучат холодно, непреклонно, деспотично и безжалостно, так как относятся больше к субъекту, чем к объекту». Такие типы характера, как избегающе-подозрительный и драчливый, также рассматриваются

Юнгом, который отмечает: «Он может вести себя довольно вежливо и дружелюбно, но при этом постоянно ощущает некое неудобство, которое выдает его скрытое намерение - обезопасить оппонента: оппонента надо во что бы то ни стало успокоить и умиротворить, чтобы тот не заподозрил недоброе».

Юнг отмечает и фанатическую грань этого характера: «Стремясь к осуществлению своих идей, он ведет себя главным образом упрямо, своевольно и абсолютно не подвержен чьему-либо влиянию» [\[181\]](#).

В отделе тестовых профилей я нахожу контрфобический вариант энеатипа VI, описанный как ENTJ [\[182\]](#).

Согласно Кэрси и Бейтс [\[183\]](#), среди черт характера этого типа доминирует интерес к власти. «Если бы требовалось определить тип поведения ENTJ одним словом, этим словом было бы „командующий“. Главная движущая сила и потребность ENTJ - это лидерство...» Они также отмечают, что «личности типа ENTJ имеют сильную потребность создавать, где бы они ни находились, некую структуру и заставлять людей идти к каким-либо отдаленным целям».

«У них, вероятно, сильно развито эмпирическое, объективное, а также экстравертное мышление, и если надо, они способны классифицировать, использовать обобщение, суммировать факты, приводить доказательства и делают это непринужденно».

В гомеопатических работах я не смог найти единого описания типа, схожего с энеатипом VI, кроме двух, относящихся к «сохраняющемуся» и «сексуальному» подтипам подозрительного характера. Личность типа Сепия (каракатица, лат.) представляет собой застенчивый тип подозрительного характера, который маскирует свое поведение неопределенностью и уклончивостью и соответствует избегающему типу, приведенному в DSM-III, а также и нашему самосохраняющемуся подтипу.

Личность типа Лахесис (дающая жребий, одна из мойр, греч.), напротив, соответствует нашему контрфобическому варианту энеатипа VI. Ее характерными чертами являются наличие силы и неуживчивый характер. Я проиллюстрирую оба эти типа характера ниже примерами из исследования Кэтрин Культер [\[184\]](#).

«В некоторых случаях у личности типа Сепия мы можем наблюдать отсутствие материнского инстинкта... Она горячо любит и мужа, и детей, но при этом слишком измучена, чтобы чувствовать что-либо,

кроме потребности прорваться сквозь повседневную работу и дожить до следующего дня. У нее просто не остается ни физической, ни эмоциональной энергии для любви.

Все проявления любви - супружеской, родительской, дочерней и даже близких дружеских отношений - это посягательство на резервы ее энергии и препятствие на пути удовлетворения ее потребности в уединении и самостоятельности (ухудшение настроения в компании - восстановление хорошего настроения в одиночестве - Кент). Она рассуждает о любви примерно в следующем ключе: „Эти люди любят меня. Они что-то от меня ожидают. Я должна подстроиться под их ожидания и не разочаровать их..."»

Культер описывает женщину типа Сепия, как живущую под постоянным давлением «чувства долга», хотя и сражающуюся против ограничивающих ее условий, но при этом неспособную отказаться от своих обязательств, что свойственно типу *Lycopodium*: «...Чем осознанней она хочет вырваться из сложившейся ситуации, тем сильнее на нее действуют ее чувства долга и вины... Сепия отчаянно пытается действовать правильно, но действовать правильно слишком трудно для нее!...»

Рассматривая личность типа Лахесис, соответствующую нашему контрфобическому типу, Культер говорит о сущностном раздвоении, присущем ей: «Описание умственных симптомов, сделанное Херингом, с самого начала включало в себя сущностную напряженность натуры, сражающейся с самой собой, а также изменчивое настроение и поведение - абсолютная радость и доброе настроение, за которыми следует резкое падение духа...»

«Все же этот тип весьма эмоционален, - гораздо более, нежели тип Сульфур (сера, лат.), интеллект которого однозначно превалирует. Действительно, напряженность чувства, которое тип Фосфор стремится поддержать в себе, изначально присутствует у Лахесис, который часто не способен отказаться от этой напряженности (скорее чувство владеет им, чем он владеет чувством). В конечном счете тип однозначно классифицируют как чувствительный... в тех случаях, когда чувствительность в нем достигает высшей отметки. Все эти непререкаемые силы бесконечно сражаются за главенство в теле пациента, и оно превращается в истерзанное поле боя».

Одной из наиболее известных черт характера типа Лахесис является

словоохотливость. Культер посвящает ей несколько страниц комментариев. Она описывает сексуальность типа следующим образом:

«Сексуальное влечение обычно сильно как у женщин, так и у мужчин (любвеобильность, влюбчивость, сильное возбуждение сексуального желания - Геринг), для них характерны сильные сладострастные мечтания (Аллен), при этом пациенты свидетельствуют, что их сексуальные контакты с партнерами типа Лахесис неизменно приносили им удовлетворение. Но если сильное сексуальное влечение не находит удовлетворения, оно способно перейти в навязчивое состояние. Без успокоения, которое приносят нормальные сексуальные отношения, пациент может впасть в глубокую депрессию и демонстрировать маниакальное поведение на сексуальной почве...

Лахесис, по сути, является религиозной натурой, которая нуждается в сильной вере или духовных обязательствах для выражения своей чрезмерной эмоциональной энергии и восприимчивости к „экстазу" или же, в крайних случаях, состояний „близких к трансу" (Геринг)...

Классическая гомеопатическая литература, в которой обязательно выделяются характерные черты больных, отмечает недоверие, тщеславие и ненависть, которые Лахесис демонстрирует по отношению к окружающим. Но так как настоящий портрет личности должен давать и здоровые, привлекательные черты характера, отмечаются также: способность к любви, щедрость, моральная устойчивость (Беннингхаузен), таким образом, доброму имени этого типа будет отдано должное...»

В заключение в каталоге страстей характеров типа Лахесис Культер приводит в основном те дескрипторы, совокупность которых указывает нам на личность энеатипа VIII:

«Вопреки их скептицизму, моральной неустойчивости и внутренним конфликтам, личности типа Лахесис проявляют такую неутомимую жизнестойкость, что окружающие инстинктивно определяют их как „нетерпеливых", „сверхвозбудимых", „имеющих склонность к пагубным привычкам", „сверхстимулируемых", „одержимых навязчивыми идеями" или „страстных" - не только в сексуальном плане, их страсть распространяется также на знания, опыт, понимание, стремление к цели, религиозное сознание, - это страсть к жизни как таковой!...»

3. Структура черт характера

Страх, трусость и беспокойство

Одной из главных черт характера, составляющих список дескрипторов энеатипа VI, является весьма специфическая эмоция, которая в современной психологии определяется как тревога или беспокойство. Ее можно сравнить с законсервированным чувством страха или тревоги до появления какой-либо опасности, при этом опасность уже не угрожает, но тем не менее остается в воображении.

Изучая дескрипторы энеатипа VI, я нахожу, кроме тревоги, также много таких, в которых страх является неотъемлемой психологической характеристикой: страх ответственности, страх перед совершением ошибки, страх перед неизвестным, страх отпустить от себя кого-либо, страх перед враждебностью и обманом, страх перед неспособностью совладать с трудностями, страх не выжить, страх перед одиночеством в пугающем мире, страх предательства, а также страх любви. Параноидальная ревность тоже может быть причислена к этой категории.

Близко к этой группе стоят черты характера, связанные с выражением страха в поведении: ощущение собственной небезопасности, сомнения, неспособность принять решение и постоянная напряженность (вследствие страха совершить ошибку), паралич действия, вызванный сомнениями, отсутствие мобильности в поведении, неспособность прореагировать на импульс, избегание принятия решений, уклонение от любого компромисса, а также сверхосторожность и бдительность, склонность к непременной перепроверке, состояние постоянной неуверенности, недостаток уверенности в себе, сверхтрепетливое поведение, трудности, испытываемые при нестандартных ситуациях (ситуациях, в которых трудно выбрать одну из накатанных моделей поведения).

Если действие страха заключается в том, что он парализует или сдерживает, то именно сдерживание импульса, как считал Фрейд, дает пищу для тревоги, и мы можем сказать, что это страх перед чьими-либо импульсами, страх перед спонтанным действием. Такой «страх бытия», выражаясь словами Тиллиха, обычно складывается из страха перед

окружающим миром, а также перед будущими последствиями чьих-либо действий в настоящем. Еще один путь возникновения страха - страх перед импотенцией у тех личностей, которые боятся дать волю своим агрессивным и сексуальным эмоциям. Неспособность положиться на чьи-либо силы, отсутствие веры в способности других и в возможность совладать с ситуацией, а также, как следствие, неуверенность в себе и неспособность обойтись без посторонней помощи можно рассматривать не как что-то абсолютно иррациональное, но как результат ощущения себя в психологическом плане «кастрированным».

Сверхнастороженная гипернамеренность (over-alert hyperintentionality)

Чувством, близко стоящим к тревоге, но тем не менее не идентичным ей, является чрезмерная бдительность, которая объясняется подозрительным и сверхбдительным характером. В отличие от уверенной сверхнастороженности, демонстрируемой энеатипом III, одной из характерных черт которого является стремление «держать все под контролем», сверхнастороженность данного типа можно назвать гипервигильностью (сверхнастороженностью), назначение которой - поиск скрытого смысла и подозрительного в поведении окружающих. Помимо того, что она входит в число составляющих состояния хронической подозрительности, где служит для объяснения потенциально враждебной реальности, гипервигильность также является причиной излишних раздумий в тех случаях, когда для окружающих - это всего лишь дело спонтанного выбора. Я выбрал определение Шапиро «гипернамеренность» для определения сверхнеомобильного и жестко фиксированного поведения личности подозрительного характера, а также чрезмерной потребности полагаться на рациональные решения.

Теоретическая ориентация

Страх делает труса неспособным действовать, таким образом, у него никогда не хватает уверенности в себе и возникает потребность

побольше разузнать о чем-либо, чтобы знать лучше. Он не только нуждается в указаниях, для этого типа характерно (недоверие к указаниям - в то же время потребность в них) решать свой внутренний конфликт через поиск этих указаний в какой-либо логической системе или прибегая к здравому смыслу. Энеатип VI является не только интеллектуальным типом, но и самым логичным из всех типов, он просто предан логическому рассуждению. Если энеатип VII использует интеллект как стратегию, энеатип VI скорее обожествляет его, помещая себя в фанатическую зависимость от здравого смысла (практического разума) и только от него одного, совсем как в каком-нибудь наукообразии. Находясь в состоянии постоянного поиска ответов для решения своих проблем, энеатип VI более других имеет склонность ставить вопросы и, таким образом, является потенциальным философом. Он использует интеллект не только для решения проблем, но и находит утешение в поиске этих проблем, что приносит ему чувство безопасности. Гипервигильность этого параноидального типа держит его в состоянии постоянного поиска проблем: он по сути своей является охотником за проблемами, и ему трудно воспринимать самого себя без этих проблем. Пока есть надежда воспринимать себя как окруженного разного рода проблемами, будет и надежда решить их - именно здесь, в таком восприятии проблемы, и кроется весьма коварная ловушка, результатом которой может стать, например, неспособность выйти из роли пациента в лечебном процессе или же просто многочисленные трудности на пути к нормальному существованию.

Бесполезность предпринимаемых действий и неспособность правильно определить свои проблемы у наиболее застенчивого энеатипа VI являются не только следствием чрезмерной ориентации на абстрактное и теоретическое. Здесь обнаруживается и поиск утешения в интеллектуальной активности, что, в свою очередь, является следствием сдерживания себя по причине страха, неспособности принять решение и хождения вокруг да около.

Располагающее дружелюбие

Остальные группы дескрипторов касаются обобщенных черт характера, и их лучше было бы определить как средства, к которым

личность прибегает, чтобы справиться с тревогой. Таким образом, можно рассматривать проявление душевной теплоты большинства представителей энеатипа VI как слабость: способ расположения к себе. Даже если мы не согласны с фрейдовским восприятием дружбы как таковой как параноидального союза перед лицом общего врага, нам придется признать, что и такая дружба существует. Постоянный поиск защиты трусливо притворяющихся личностей также подпадает под эту категорию.

Рядом с дескриптором «притворство» я поставил в этот кластер также следующие черты характера: «поиск и отдача душевного тепла», «гостеприимство и радушие» и «щедрость». Сюда также могут быть причислены «патологическая набожность» и «чрезмерная преданность каким-либо личностям или идеям». К вышеупомянутым относятся и черты, присущие наиболее неуверенным, трусливым личностям: «тактичность», «вежливость», «подобострастие». Я заметил, что те представители энеатипа VI, в которых эти качества характера доминируют, также склонны предаваться грусти, одиночеству и чувствовать себя всеми покинутыми даже в большей степени, чем представители энеатипа IV.

Черта характера, довольно близкая к располагающему подобострастию и душевности энеатипа VI, - потребность в общении с более сильным партнером, которое придает трусу уверенность в себе, хотя обычно сводит на нет его соревновательные устремления.

Психологическая ригидность

Близкой к располагающим к себе проявлениям трусливого характера является способность к приспособлению. Однако такую черту характера, как послушание само по себе, я причислил к более общей черте - исполнительности, проявляющейся в законопослушании, преданности своим обязанностям, как правило, определяемым внешним авторитетом, а также склонность соблюдать правила и придавать особую ценность документам и директивам. Тех представителей энеатипа VI, у кого эти черты характера доминируют, мы можем описать как личностей, имеющих «прусский характер», в честь этого стереотипа психологической несдвигаемости и железной организации.

Страх перед авторитетом, а также перед совершением ошибок вызывает у них потребность в четких указаниях насчет того, что является хорошим, а что - плохим, поэтому они довольно нетерпимы ко всякого рода неопределенностям. Эти указания по своей сути совершенно не схожи с общепринятыми, характерными для «управляемого другими» энеатипа III, это скорее рамки поведения авторитетов настоящего и прошлого, каковым, например, являлся непререкаемый внутренний кодекс Дон-Кихота, который воображал себя странствующим рыцарем. Также к вышеперечисленному я добавил бы «контроль», «правильность», «хорошую информированность», «трудолюбие», «пунктуальность», «точность» и «ответственность».

Драчливость

Наряду с мягким, послушным стилем поведения равно как и с ригидным, принципиально следующим правилам, используемыми личностями энеатипа VI для преодоления тревоги, я назвал бы кластер черт характера, который обозначил как «драчливое запугивание». Именно с его помощью (как отмечал Фрейд, описывая Эдипов комплекс) личность противостоит авторитету родителя. Позднее, в самостоятельной жизни эта личность использует свое представление об авторитете одновременно и для достижения чувства безопасности. Также относящимися к этой категории, но при этом не связанными с осуждением авторитета и соревновательным желанием занять его место я бы назвал следующие черты: «склонность к спорам», «склонность критиковать», «скептицизм» и «цинизм».

Вместе с вышеупомянутыми я также поместил дескрипторы: «убежденность в собственной правоте», «стремление принудить окружающих признать верной его точку зрения», «напыщенность», «блеф», «сила», «мужество» и «помпезность». Такая черта, как «стремление найти козла отпущения», более характерна для личности энеатипа VI, придерживающейся сильного стиля поведения, чем для его душевно слабого подтипа.

Ориентация на авторитеты, и идеалы

Общей чертой таких личностей и агрессивного, и исполнительного, и подбострастного стилей поведения является их отношение к авторитету. Можно утверждать, что страх в энеатипе VI был впервые вызван авторитетом наделенного властью родителя (обычно отца) и ужасом перед наказанием с его стороны. Так как изначально этот страх приводил к смирению, послушанию или же, наоборот, к демонстративному неповиновению (а также часто к амбивалентному восприятию) по отношению к родителю, сейчас эта личность продолжает вести себя так же и чувствовать то же самое по отношению к тем из окружающих, кому она предписывает роль авторитета или для которых она (сознательно или подсознательно) становится авторитетом.

Сущность «авторитарной агрессии» и «авторитарного подчинения», как отмечают авторы исследования «Авторитарная личность», можно описать следующими образами: личность энеатипа VI проявляет агрессию по отношению к нижестоящим в иерархии авторитетов [\[185\]](#) и подчинение по отношению к вышестоящим. Такие личности не только существуют в иерархическом мире, но для них также характерно совершенно сознательно и любить и ненавидеть авторитет (так как, несмотря на тревогу и вопреки собственной неопределенности, они относятся к наиболее амбивалентному из всех типов характера).

Помимо черт характера, относящихся к подчинению - сильной потребности во внимании и любви, ненависти и амбивалентности по отношению к авторитету, - энеатип VI в большей степени, чем какой-либо другой, имеет склонность идеализировать образ авторитета, что проявляется либо через обожествление своего кумира, либо, в более обобщенном плане, через расположение ко всем великим и сильным, а также в ориентации на неперсонализированную величественность, вследствие которой некоторые личности начинают в чрезмерной степени мифологизировать жизнь с целью удовлетворить страсть к первоначальной величественности. Это стремление к тому, что на самом деле больше, чем нормальная жизнь, проявляется в обожествлении (демонизации) обыкновенного мира (Юнг пишет об этом в своих наблюдениях интровертных мыслительных типов) и придании осознанной возвышенности идеалам фанатиков, и является очень характерной чертой для личностей энеатипа VI, которых поэтому можно назвать «идеалистами».

Обвинение себя и окружающих

Чувство вины также свойственно характеру энеатипа VI, в той же мере, в какой оно свойственно характерам энеатипов IV и V, различие же состоит в том, что в характере энеатипа VI механизм вырабатывания чувства вины связан напрямую с уже известным нам механизмом оправдания через поиск и создание внешних врагов. Это не только проявление тревоги, но, можно сказать, стремление к смягчению вины с помощью старательного умиротворения возможных осуждающих, а также с помощью настойчивого блефа, за которым личность скрывает все свои несовершенства. Когда, такая личность узурпирует авторитет родителя и сама становится авторитетом, она действует исходя из соображений не только защитить себя, но также избежать вины.

Можно сказать, что чувство вины, проявляющееся в таких чертах, как готовность защитить себя, самооправдание и ощущение собственной небезопасности, включает в себя самообвинение, в результате которого личность становится сама для себя родителем, что приводит к постоянному болезненному состоянию. Именно в этом противостоянии, в результате которого личность превращается в собственного врага, я и вижу фиксацию, присущую энеатипу VI, т.е. здесь на сцену выступает когнитивный дефект, развившийся в результате воздействия страха и ставший впоследствии источником последнего. Для энеатипа VI характерно обвинение не только по отношению к самому себе, но также и по отношению к окружающим, что он делает через проекцию ситуации, возможно, в целях избежать страдания от чрезмерного чувства вины. Энеатип VI преследует не только себя, он может также быть подозрительным и критичным преследователем, который насаждает собственную грандиозность исключительно под предлогом того, что это поможет вынести справедливый приговор всем окружающим.

Сомнения и амбивалентность

Если мы говорим о самоуничижении, мы говорим и о неуверенности в себе, второе является следствием первого, подобно тому, как подозрительность приводит к неуверенности в окружающих. Кроме

обвинительно-инквизиторского отношения к себе и другим, слово «сомнение» также наводит меня на мысли о неуверенности, которую энеатип VI испытывает по отношению к своим собственным воззрениям: он одновременно и унижает себя за что-то, и оправдывает это состояние, при этом его ощущения неопределенные, как у параноидальных шизофреников: в самых крайних состояниях они себя ощущают и преследуемыми, и великими.

Другими словами, он сомневается в самом себе и в собственных сомнениях: он подозрительно относится к окружающим и в то же время боится ошибиться. Результатом такой двойственности в поведении, естественно, становится хроническая неуверенность в себе при выборе направления действия, постоянное чувство тревоги, потребность в поддержке и руководстве и т.п. Иногда - для защиты от невыносимого ощущения неопределенности - он может принять позицию инстинно верующего, который абсолютно уверен во всем. При всем при этом не обязательно фанатическая, но и личность, просто относящаяся к энеатипу VI, отличается своей амбивалентностью, которая характерна для этого энеатипа в гораздо большей степени, чем для всех остальных. Самым сильным из проявлений такого амбивалентного отношения являются ненависть и любовь, которые такая личность одновременно испытывает по отношению к авторитету родителя.

Интеллектуальные сомнения, вероятно, являются лишь проявлением его эмоционального сомнения, вследствие которого его разрывает между ненавидящей и подавляющей самостями - желанием доставить удовольствие и желанием противоречить, подчиняться и восставать, восхищаться и унижать.

4. Механизмы защиты

Близкое сходство параноидального расстройства и проецирования своих действий не оставляет сомнений настолько, что, как отмечает Шапиро: «ментальное действие (или ментальный механизм) имеет очень важное значение в нашем понимании параноидальной патологии, а его симптомы почти позволяют охарактеризовать такое поведение как то, что в психиатрии называют паранойей» [\[186\]](#).

Хотя слово «проекция» имеет множество значений, подходящим в

этом контексте следует считать приписывание окружающим тех мотивов чувств или мыслей, которые личность упорно не хочет признать своими. В некоторых случаях («проекция суперэго») причиной является непризнание самообвинения, которое вытеснено наличием скрытого оправдательного мотива, что все насильственные, недоброжелательные намерения имеют внешний источник (наиболее поразительное из заблуждений психопатов, одержимых манией преследования). Ощущение того, что за тобой подглядывают, тебя осуждают и т.п., собственно, является одной из составляющих подозрительности энеатипа VI и может быть также описано как экстернализация: механизм перехода интраперсонального явления в интерперсональные отношения. В других случаях («проекция ид») окружающим приписываются импульсы, которые личность не в состоянии признать своим, таким образом, самообвинение превращается в обвинение окружающих. В любом случае мы можем сказать, что проекция - это ментальная операция, цель которой - в самооправдании или же в избегании чувства вины, и, таким образом, является чем-то вроде выходного клапана для излишнего чувства вины. Процесс вырабатывания этого чувства вины - который я предлагаю рассматривать как краеугольный камень психологической структуры энеатипа VI - можно отнести к функциям защитного механизма и определить как «идентификацию с агрессором». Душа труса относится к той категории душ, которые более всего воплощают в себе понятия: дьявол, соперник, враг [\[187\]](#).

Можно сказать, что личность энеатипа VI однажды нашла способ умиротворить своих врагов, став врагом самой себе. Как будто она решила для себя, что было бы благоразумным усвоить самообвинение, так как таким образом у нее никогда не будет неприятности с авторитетом. Самообвиняющая личность обычно видит уродство там, где всего лишь естество, и порой наш фрейдовский ид настолько наполнен враждебными и деструктивными устремлениями, насколько страх является частью общего невроза. Такое созидание ужаса в своем воображении в тех случаях, когда это всего-навсего спонтанная ситуация, не только подчеркивает подавление чувств, но также, косвенно, через подавление чувств, создавшуюся ситуацию, при которой человек не осознает себя, что, в свою очередь, делает индивида уязвимым к самопоношению, способным к обливанию себя грязью.

5. Этиологические и другие замечания по психодинамике

[188]

Хотя внутри каждого из типов характера между подтипами возможны некоторые структуральные различия, ни один из типов так не поражает ими, как энеатип VI, субтипы которого воплощают три шелдоновских компонента. В то время как контрфобическая (сексуальная) сильная и неуживчивая ипостась энеатипа VI является мезоморфной, избегающая фобическая (самосохраняющаяся) представляет собой смягченный во всех отношениях эндоморфический вариант, ориентированный на выполнение долга, и фантастический; например, Дон-Кихот относится к эктоморфическим типам. По-видимому, каким бы универсальным ни было восприятие тревоги в раннем возрасте, именно структуральный фактор определяет, реагирует ли индивид на беспокойство желанием быть больше и вызвать страх у окружающих (у более агрессивных, соматотонических личностей), стремлением образовывать двусторонние защитные альянсы (у висцеротоников) или же стремлением решить жизненные проблемы с помощью разума, идеологии или других авторитетных установок.

Помимо вполне осознанной нехватки нежных чувств, в основе характера энеатипа VI также лежит страх наказания, особенно эмоционального выговора. Наиболее поразительным аспектом характера являются проблемы, возникающие при восприятии авторитета, особенно отца, который обычно является родителем, наделенным авторитетом. В своем отношении к авторитету подтипы также демонстрируют разное поведение: избегающая личность становится наиболее податливой, а контрфобическая - наиболее соревнующейся и непослушной.

Кроме страха перед отказом или наказанием со стороны авторитарного, наделенного авторитетом родителя (обычно относящегося к энеатипу VI или энеатипу I), в детстве трусливой личности также присутствует возможность перенять страх через интернализацию взглядов матери, чрезмерно стремящейся оградить его от опасностей внешнего мира. Беспреданно бомбардируемый заявлениями типа: «Будь осторожен, а то упадешь!», «Никогда не говори с незнакомыми людьми!», «Будь осторожна с мужчинами,

никогда не доверяй им!», ребенок приучается не доверять своим собственным силам, а также и окружающему миру. В некоторых, случаях мы находим в повседневной жизни примеры уничтожения, в результате которого ребенок учится сомневаться в собственных ощущениях, как, например, в рассказе пациента, изложенном ниже:

«Но самое сильное воспоминание первых семи лет моей жизни - это как он приходит домой, они дерутся, а я боюсь, что они убьют друг друга. Однажды вечером, когда мне было четыре года, это, должно быть, был самый плохой год, когда он сильнее всего пил, и они постоянно дрались друг с другом. От своих сестер и братьев я уже слышал о таких случаях. Но в ту конкретную ночь... Ну... у моих братьев была своя комната, у сестер тоже была комната, а у меня была маленькая кроватка в спальне родителей, так как нигде больше в доме места не было. Я был самым младшим, и меня первого отправляли спать: в какое бы время мой отец ни приходил домой - обычно, я думаю, когда бары закрывались, - сразу начинались стычки с матерью. Я знал, что, если уж меня положили спать, я не должен был вставать ни в коем случае. Но в ту ночь скандал был действительно невыносимым. Я думал, что страх парализует меня, но тогда я почувствовал какой-то неожиданный прилив адреналина, пулей вылетел из кровати и сбежал вниз по лестнице. И... я сначала подумал, что мои опасения сбылись, потому что моя мать лежала, распластавшись на полу, отец сидел на стуле рядом. Я подошел к ней, пытался привести ее в чувство, но не смог. Я посмотрел на отца и сказал: „Она умерла, ты убил ее!“ Отец был в пьяном ступоре и ответил мне только: „Нет, она притворяется, все нормально, отправляйся спать!“ Помню, я хотел остаться там, но настолько боялся его, что все-таки пошел спать. Помню, я плакал, пока не заснул, но на следующее утро я услышал, как мать зовет сестру и брата завтракать перед школой. Я встал очень осторожно, чтобы не разбудить отца, который, как обычно, отсыпался: по утрам мне приходилось вести себя очень тихо. Но когда я сошел вниз, никто и словом не обмолвился о вчерашнем. И такое было вполне в порядке вещей. Кроме страха, я еще чувствовал сомнение. Происходило ли это все на самом деле или только в моем воображении?»

Иногда причиной формирования тревоги в характере ребенка становится несоответствие в родительском поведении, например, не зная, за что его в следующий раз накажут, ребенок начинает

сомневаться в окружающем мире прежде, чем в самом себе. Так как большинство личностей энеатипа VI росли в атмосфере, в которой доминировала сильная личность, большинство из них подвергалось сомнению и недоверию со стороны своих родителей и поэтому, я думаю, что недоверие к самому себе - результат интернализации.

Другим распространенным примером возникновения тревоги в характере индивида является ситуация, при которой его заставляют почувствовать свою вину: «Посмотри, сколько твой отец работает, ты не должен причинять ему еще больших неприятностей». В таких случаях сильным средством обвинения может быть религия, а сексуальная сфера чаще всего становится мишенью. Другой способ причинить боль своим родителям осуществляется по типу: «Они дали мне почувствовать, каким неблагодарным я был по отношению к ним, в то время как они меня так любят и столько для меня делают».

Такие требования проявления чувства вины весьма характерны для матери энеатипа VI, которая, как правило, постоянно жалуется и занимается постоянным самобичеванием.

Такие матери - довольно частое явление в семьях энеатипа VI: «Моя мать была очень своенравной, очень часто занималась угрозами и шантажом (4), она постоянно грызла моего отца (6). Она постоянно говорила во множественном числе и всегда держалась на первом плане. С ее стороны я всегда ощущал абсолютное неуважение к моим интересам и склонностям. И это меня очень огорчало. Мой отец имел обыкновение говорить, что женщины способны высасывать у человека все силы».

Часто, хотя и не обязательно, в таких семьях отсутствует нормальное общение между родителями: «Дома все разговоры сводились к жалобам», «Дома родители постоянно дрались», «Мои родители много спорили, они всегда старались быть правы». Таким образом, нам не составит труда проследить, как подобные конфликты отражаются впоследствии в виде сильной амбивалентности личностей энеатипа VI, при этом амбивалентность проявляется не только по отношению к своим импульсам, она также связана с двойственным восприятием каждого из родителей, который оценивается не только по отдельности, но и глазами другого родителя.

Потребность в любви проявляется у энеатипа VI по-разному, в зависимости от подтипа. Контрфобический и агрессивно-параноидальный подтипы требуют повиновения, так как в детстве они воспринимали любовь к отцу как повиновение. Избегающая фобическая личность, напротив, приравнивает любовь к защите, источнику безопасности, с чьей помощью она компенсировала бы свою неуверенность - ей нужна сильная личность, на которую можно положиться. Исполнительный общительный тип слишком сомневается или же амбивалентно воспринимает отдельных личностей, и вместо них он выбирает авторитет неличностного характера - систему как суррогат родителя. Эта внутренняя акция может рассматриваться как некий намек на соревнование с авторитетом родителя, как если бы сын заявил отцу: «Я лучше пойду за Иисусом Христом, чем за тобой, и тебе придется признать, что гораздо лучше быть хорошим христианином, чем просто послушным сыном». Меняя свою преданность или верность родителю на преданность религии или же здравому смыслу, он также меняет свои запросы в любви, отворачиваясь от реального мира реальных людей к авторитетам, которые «больше, чем жизнь», существующим разве что в фантастической реальности, подобно

Дульцинее Дон-Кихота.

В случае энеатипа VI - я думаю, было бы весьма уместно обсудить эту тему, принимая во внимание линию, связующую типы 9 и 6 на энеаграмме - можно сказать, что страх совершения чего-либо влечет за собой состояние, при котором индивид теряет контакт с самим собой, что при недостаточности мотивации бытия проявляется как хрупкость или слабость в самовыражении.

Если энеатип III недостаточно осознает свое отчуждение, а энеатипы IV и V напряженно переживают его, воспринимая самоотчуждение как чувство собственной незначительности, в типе 6 онтическая обскурация проявляется с помощью проекции в будущее в виде чувства враждебности, преисполненной страха. Это чувство было весьма точно описано К.Д.Лэнгом как страх заглянуть внутрь себя и обнаружить, что там никого нет. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, при которой личность и не игнорирует до конца свой внутренний конфликт, и в то же время и не стремится встретить его лицом к лицу: она всего лишь немного всматривается в себя, частично избегая проблемы.

Хрупкость ощущения бытия имеет то же качество, которое, говоря о тиковой обскурации, как таковой, Лэнг описал как «онтическое чувство небезопасности».

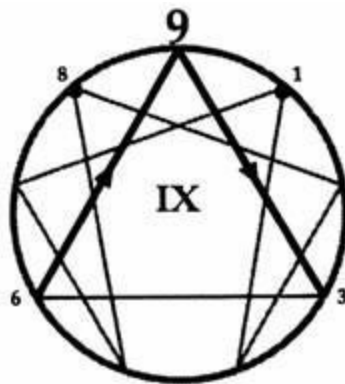
Можно заключить, что чрезмерная забота энеатипа VI о безопасности базируется не столько на физиологическом или даже на эмоциональном страхе, сколько на чрезмерном беспокойстве о факторах физической и эмоциональной защищенности от опасности, которая «не от мира сего». В отличие от переживаний действительно мужественной личности, которая может рискнуть всем, включая жизнь, из смутного чувства, корнящегося где-то вне очевидного существования, трус проецирует ощущение тиковой небезопасности во внешние области существования через обобщенную неспособность рисковать или чрезмерную привязанность к авторитетам и силе, как гарантии риска.

В случае параноидального характера *sensu strictu* легко понять, что утрата бытия происходит здесь из поиска бытия через родство с «великими» и подпитывания собственной помпезности, что можно проиллюстрировать ситуацией с Дон-Кихотом, который в идентификации с идеалом странствующего рыцарства и благородства

живет вымышленной жизнью, несовместимой со слишком обыденными (отнюдь не помпезными) переживаниями повседневной реальности.

В других случаях подменяет бытие не грандиозность идеала или внутреннего имиджа, а помпезность внешнего авторитета настоящего или прошлого. Во всех подобных случаях можно сказать, что за бытие принимается авторитет или же та особая сила, которой он обладает.

Как верно то, что личности, психологический уровень которых соответствует энеатипу VI, отказываются от своей силы перед лицом авторитета, так же можно сказать, что они отвергают само чувство бытия, проецируя его на личности, системы и идеи, наделенные важностью или возвышенностью «большой, чем жизнь».

Глава 9

Психодуховная инерция и предрасположенность к сверхприспособлению

Энеатип IX

1. Сущность типа, номенклатура и место на энеаграмме

Слова «лень» и «праздность», с помощью которых Ичазо описывает главенствующую страсть и фиксацию (соответственно) энеатипа IX, не передают на самом деле то, что они изначально должны были обозначать до того, как вместо латинского термина *accidia* было введено понятие «медлительность».

Профессор Чилийского университета Джанини пишет (указывая исключительно наиболее авторитетных латинских авторов): «То, что св. Фома, Григорий Великий, св. Исидор, Кассиан определяли как *accidia*, - очень сложный феномен, и его значение не укладывается в рамки более современных переводов, таких как недостаточность мотивации действия и т.п.» [\[189\]](#).

Термин *accidia* - в свою очередь, перевод с древнегреческого «*achedia*» - скорее означает лень душевную и духовную, нежели тенденцию к отказу от действия. Это же понятие в контексте данной книги я буду описывать словом «праздность». В случае такой духовной лени мы можем говорить о забывании Бога, или, выражаясь светским языком, о глухоте по отношению к своему духу и потере чувства бытия до тех пределов, где уже невозможно увидеть разницу, - о духовном

огрублении. В психологическом аспекте *accidia* означает потерю внутреннего осознания, отказ видеть и сопротивление любым переменам.

Дороти Сейерс пишет в своем комментарии к «Чистилищу» Данте, что *accidia*, по сути своей, явление настолько коварное, что оно, подобно Протею, может принимать такое количество облиций, что дать ему исчерпывающее определение очень трудно. *Accidia* - это не просто лень ума, это всепоглощающее отравление воли, которое поначалу проявляется в форме безразличия и состояния абсолютного равнодушия ко всему, затем приводит к осознанному отказу от счастья, а его кульминацией становится состояние мрачной интроспекции и отчаяния. Одна из форм ее проявления, которая особенно волнует некоторые современные умы, - это покорность злу и греху, с готовностью маскируемая под видом «терпения», другая заключается в отказе действовать согласно своим добрым и прекрасным намерениям, характеризуемом как «утрата иллюзий», а иногда как «искушенность» [\[190\]](#).

Сочетание утраты внутреннего осознания и покорного, склонного к самоотречению характера, сопутствующего ему, приводит к синдрому добросердечной приятной «приземленности», часто доведенной до пределов педантизма и узости сознания.

Энеатип IX - это личность, не только не научившаяся любить самого или самое себя в результате того, что его или ее лишили любви, но также и та, которая забывает свое разочарование в любви с помощью некой разновидности психологического пакидермизма, чрезмерного упрощения, психологической ампутации, что превращает ее в наименее чувствительный и наиболее стоический из характеров. (Энеатип IX располагается напротив сверхчувствительных четвертого и пятого, стоящих внизу энеаграммы.)

Сколь бы справедливым ни было все вышесказанное, оно не может объяснить, почему духовная лень настолько проникла повсюду в этом мире, равно как и ее проявлений вне жилища отшельника и монастыря. Дело ведь не в отсутствии у энеатипа IX религиозности, как раз наоборот, - только эта религиозность проявляется скорее в социальном и идеологическом восприятии мира, чем в отношении его мистической сущности. Энеатип IX, как мы увидим, - это удовлетворенный и великодушный тип людей, чья «медлительность»

проявляется не столько в отвращении к духовному, сколько в утрате внутреннего мира, отвращении к психологическому исследованию и сопротивлении любым переменам, которое идет нога в ногу со сверхстабильностью и склонностью к консерватизму. Его девизом - для себя и для окружающих - может быть изречение: «Не буди лиха, пока оно тихо».

Я считаю, что наиболее бездеятельных среди «сверхприспособляемых» сегодня диагностируют как «зависимых», однако зависимость - это нечто, что энеатип IX разделяет с энеатипом IV и отчасти с избегающей формой энеатипа VI, - резкий переход самоотречения в состояние депрессии в наши дни гораздо более редкое явление, чем во времена Кречмера.

2. Предшествующие описания характера в научной литературе

Хотя Курт Шнайдер в своих исследованиях обращался к пациентам, страдающим от более серьезных нарушений психики, мы все же можем распознать наш энеатип IX в его «абулическом психопате», главной отличительной чертой которого является «недостаток воли и неспособность противостоять давлению во стороны внешнего мира». Такие личности «легко сбиваются с пути истинного как под давлением обстоятельств, так и под влиянием окружающих. Закономерно, что при их податливом поведении они также чувствительны и к доброму влиянию... Эти люди, которые почти всегда добры, не уделяют никакого внимания медицинским и образовательным заведениям, они благоразумны, молчаливы, усердны и скромны». Он отмечает, что люди такого склада „идеальные гости" в таких заведениях, однако после того, как они эти заведения покидают, влияние жизни снова берет верх, сводя, таким образом, на нет все достижения».

Вероятно, самый известный из синдромов, соответствующий энеатипу IX, был определен Эрнстом Кречмером [\[191\]](#) как циклотимия. В исследовании личности на грани психического расстройства, проведенном среди маниакально-депрессивных пациентов, отчет о котором содержится в его классическом труде *Physique amp; Character* [\[192\]](#) (после статистической обработки сведений), Кречмер отметил

наиболее часто встречающиеся черты этого характера:

1. Общительный, добродушный, дружелюбный, радушный.
2. Бодрый, наделенный чувством юмора, веселый, мягкосердечный.
3. Спокойный, уравновешенный, легко подавляемый, мягкосердечный.

То, что Кречмер представлял как циклоидный характер, для Шелдона - продолжателя его идей - стало переменной, которую люди проявляют в различной степени, и только меньшинство проявляет в максимальной.

В своем труде «Многообразие темпераментов» Шелдон [193] в «кратчайшем изложении» сообщает, что «висцеротония проявляется в таких чертах, как: стремление к расслаблению, стремление почаще бывать в веселой компании, а также страсть к еде, к общению, к расположению или к социальной поддержке. Когда один из этих компонентов преобладает, главным мотивом жизни представляется поглощение и сохранение энергии».

Я процитирую ниже двадцать основных черт висцеротонии, которые Шелдон выделил в своем исследовании в пятидесятых годах:

1. Расслабленность в позах и движениях.
2. Любовь к физическому комфорту.
3. Замедленная реакция.
4. Любовь к еде.
5. Обобществление, социализация процесса еды.
6. Получение удовольствия от процесса пищеварения.
7. Любовь к вежливому обхождению.
8. Стремление к общению.
9. Неразборчивость в выборе друзей.
10. Жадное стремление к расположению и поддержке.
11. Ориентация на людей.
12. Эмоциональная уравновешенность.
13. Терпение.
14. Удовлетворенность собой.
15. Крепкий сон.
16. Отсутствие уверенности в характере.
17. Простота, уравновешенность чувственных связей, висцеротоническая экстраверсия.
18. Расслабление и стремление к общению под воздействием

алкоголя.

19. Потребность в чем-либо участии при возникновении проблем.

20. Ориентация на связи, приобретенные в детстве, и семью.

Принимая без возражений утверждение Шелдона, что висцеротония может проявляться в различных стадиях, мы не вправе усомниться в том, что в медлительном типе она проявляется в максимальной степени, так как висцеротонические черты характера в нем не только бросаются в глаза, но, похоже, являются тем материалом, который поддерживает весь остальной характер. Мы можем отметить, что крайняя экстравертность энеатипа IX не только имеет структуральные истоки, но что эта структура является точкой опоры для защитного уклонения от своей внутренней сущности. Ариетти [\[194\]](#) различал два основных вида депрессии, демонстрируемых разными типами личности: «притязющую депрессию» (нашего типа зависть) и депрессию самообвинительного типа, «при котором особенный акцент делается на самообвинение и самоуничужение». Хотя Арьетти занимается в основном состояниями психотической декомпенсации, которая противоречит общительности, типичной для праздного типа, здесь все же возможно разглядеть пример энеатипа IX: мы знаем, что для него характерны обязательность, усердие, сильное патриотическое чувство, конформизм с сильным желанием принадлежать и консервативные идеи.

Хотел бы отметить, что терапевты-биоэнергетики в наше время классифицируют личностей энеатипа IX как «мазохистских»:

«Примечательно, что у мазохистов обычно полное тело с сильными мышцами, наличие которых, как полагают, сдерживает прямое проявление агрессии и блокирует лежащий в основе этого характера мощный негативизм. Мазохистский характер имеет тенденцию чрезмерно угождать окружающим, принося себя при этом в жертву, хотя в то же самое время он демонстрирует пассивно-агрессивное поведение» [\[195\]](#).

Вариант такого характера, напоминающий известную «Матушку Хаббард», описывается в «Трансактном анализе».

«Всю свою жизнь она нянчится и проявляет заботу обо всех, кроме себя. Она постоянно отдает больше, чем получает, и соглашается с таким неравенством, так как считает себя наиболее незначительной из всех членов семьи, а ее значение измеряется исключительно тем, что

она отдает другим» [\[196\]](#).

Из всех типов личности, описанных в DSM-III [\[197\]](#), наиболее конгруэнтным энеатипу IX является «зависимая личность», описанная в контексте следующих характеристик: наиболее распространенный образец зависимого и покорного поведения, проявляющегося к моменту вступления человека во взрослую жизнь и существующий в различных контекстах, включает по крайней мере пять перечисленных ниже характеристик:

1) не способен принимать решения без множества советов или поддержки со стороны окружающих;

2) позволяет окружающим принимать за него важные решения типа: где жить, какую работу выбрать;

3) из-за страха быть отвергнутым соглашается с людьми, даже когда считает, что они не правы;

4) ему или ей трудно проявлять инициативу в каких-либо начинаниях или просто действовать в одиночку;

5) вызывается справиться с вредной или унижительной работой, чтобы заработать симпатию окружающих;

6) в одиночестве ощущает дискомфорт или беспомощность, идет на все, чтобы избежать одиночества;

7) ощущает себя опустошенным или беспомощным, если близкие отношения с кем-либо прекращаются;

8) его часто одолевает страх быть всеми покинутым;

9) его легко задеть критикой или неодобрением.

Миллон отмечает следующую особенность этого синдрома:

„центры притяжения" зависимых личностей находятся в окружающих, а не в них самих. Они приспособляют собственное поведение, чтобы угодить тем, от кого они зависят, а поиск любви приводит к тому, что они отрицают те мысли или чувства, которые могут не понравиться окружающим».

Согласно Миллону, «зависимые личности в исключительной мере способны на самоуничтожение, подобострастны, всегда согласны со всеми, молчаливы, они легко располагают к себе окружающих... Они отрицают свою индивидуальность, подчиняют себе свои желания и скрывают те отличительные признаки, которыми наделены как личности, отдельно от окружающих» [\[198\]](#).

Хотя кто-нибудь из специалистов, знакомый с понятием

циклотимии, охарактеризовал бы ее как экстраверсию, в описании психологических типов Юнга к энеатипу IX ближе всего стоит интровертно чувствующий тип, который он чаще наблюдал среди женщин:

«Их внешнее поведение гармонично, не привлекает внимания, создается впечатление, что она приятно проводит время или испытывает ответную симпатию, при отсутствии всякого желания повлиять на окружающих, произвести на них впечатление, как-либо изменить их... И хотя она всегда проявляет желание к мирному и гармоничному сочувствованию, незнакомцев она воспринимает безо всякого намека на дружелюбие или душевное тепло, демонстрируя явное безразличие... Столкнувшись с чем-либо увлекательным, способным пробудить энтузиазм, она придерживается благожелательного, хотя и критичного нейтралитета... Однако любой сильный эмоциональный порыв будет встречен с мертвенной холодностью» [\[199\]](#).

Просматривая данную главу как раз после публикации работы Лорны Бенджамин «Межличностная диагностика и лечение личностных расстройств» [\[200\]](#), я обнаружил, что ее понимание расстройства зависимой личности существенно отличается от нашего представления о фобической личности (самосохраняющийся подтип энеатипа VI). Если ее восприятие отражает точку зрения всего профессионального мира в целом, мне кажется, что энеатип IX в коллективном восприятии медицинского мира Америки стал таким же невидимым, как и энеатип III.

Тем не менее, если мы обратимся от воззрений Юнга к описаниям фон Франц [\[201\]](#), я отмечу, что ближайшим соответствием энеатипу V, учитывая характерную для него недостаточность внутренних переживаний, будет ее тип с экстравертным восприятием [\[202\]](#):

«Личности, принадлежащие к типу с экстравертным восприятием, наделены способностью и специальной функцией реагировать и связываться, устанавливать связь с окружающими в конкретном практическом плане... они также наделены великолепной фотографической памятью и способны быстро и объективно установить связь происходящих вокруг событий. Вот почему люди такого типа часто встречаются среди хороших альпинистов, инженеров и деловых людей - всех тех, кто имеет широкое и точное представление об окружающей реальности во всем ее разнообразии... Юнг отмечает, что

люди такого склада очень часто производят впечатление бездушных. Большинство людей, вероятно, сталкивалось с такими бездушными, инженерного склада ума типами, при общении с которыми складывалось впечатление, что человек полностью посвятил себя машинам и их шестеренкам и смотрит на жизнь под этим углом зрения... Интуиция у них, как правило, отсутствует начисто, так как представляется им чем-то типа бредовой фантазии».

Исследуя тестовые профили (test profiles), я узнаю энеатип IX в описании типа ISTJ (личность с преобладанием ин-тровертности в отношении, мышлении и суждении), который отличается «решительностью в практических делах», а также «преданностью установкам, проверенным временем». Я цитирую Кэрси и Бейтс [\[203\]](#):

«Если только можно описать этот тип с помощью всего одного прилагательного, то наиболее подходящим будет „зависимый“. И на работе, и дома представитель этого типа ведет себя спокойно и серьезно <...> мысль о невыполнении контракта приведет такую личность в состояние шока <...> они выполняют свои обязанности без шумихи и фанфаронства, поэтому та преданность, с которой они отдаются работе, часто остается незамеченной и неоцененной по заслугам».

«Склонность ISTJ к скрупулезности, детализированию, беспристрастности в суждении, практической стороне дела, заботе о состоянии материалов и о персонале приводит к тому, что люди такого склада обычно заняты в тех профессиях, где их предпочтения оказываются полезными. Из личностей типа ISTJ получаются великолепные банковские эксперты, аудиторы, бухгалтеры или налоговые эксперты... Они вполне справились бы с обязанностями владельца похоронного бюро, юрисконсульта или правоведа».

«В роли мужа или жены личность типа IST J представляет собой несущую колонну любого брака. Такие личности относятся к брачному контракту с таким же трепетом, как и к деловому».

Однако в том же источнике мы можем распознать черты энеатипа IX в описании типа ESFJ (с преобладанием экстравертности в восприятии, чувствах и суждениях), Кэрси и Бейтс описывают его как самый общительный из всех характеров:

«Гармоничное существование - вот ключ к пониманию этого типа характера... ESFJ - убежденные апологеты признанных жизненных институтов, таких как дом, школа, церковь и социальная группа... Их

легко ущемить безразличием, они испытывают потребность в признании как для себя самих, так и для удовлетворения своего чувства привязанности, которое проявляют в виде услуг, которые они оказывают окружающим... всегда сознательные и порядочные, личности этого типа, однако, могут прийти в смятение, если их изолировать от общества... Для них характерен интерес к событиям и проблемам в жизни их коллег, но когда предметом разговора становятся абстрактные научные или философские проблемы, личности типа ESFJ могут проявлять беспокойство».

«Личности типа ESFJ любят, когда семейные решения принимаются быстро и эффективно, а семейная жизнь четко расписана, строится по определенному расписанию и протекает планомерно. Они не возражают против исполнения повседневных обязанностей, преданы общепризнанным ценностям, таким как семья и дом, соблюдают свою супружескую клятву и являются наиболее симпатичными из всех типов».

Гомеопатическая литература также содержит сведения о энеатипе IX. Такие свойства этого типа, как стабильность и стремление занимать нейтральную позицию, приравниваются к свойствам карбоната кальция, который по сей день используют для покрытия белых стен. Карбонат кальция, входящий в состав лекарств, добывают из внутреннего слоя раковины устрицы, сам же моллюск тоже рассматривается как модель этого типа людей: «внутри - само животное, холодное, бледное, влажное, вялое и пассивное; снаружи оно окружено раковиной - непроницаемой, прикрепленной к скале, которая надежно защищает беспомощное существо внутри. В то же время внутри этого неразвитого существа растет жемчужина невероятно изысканной красоты, которая образовывается с помощью постепенного затвердевания ткани вокруг раздражающей моллюска крупы песка...» [\[204\]](#)

Далее я цитирую из работы Кэтрин Культер: «Праздность или инерция (Геринг) является ключевой характеристикой данного типа. Он очень напоминает по своей вялости устрицу, самого пассивного представителя семейства моллюсков, которая раскрывает и закрывает свою раковину только для добывания пищи или же для продолжения рода <...>

В общем, для представителей типа Calcareя (Калкарея) характерна некоторая незрелость или невыработанность каких-либо качеств, даже

во взрослом возрасте. Они охотно общаются с детьми, и порой таким людям гораздо приятнее находиться в их обществе, нежели в обществе взрослых... на самом деле им хотелось бы остаться детьми, - они предпочитают жить в их защищенном, спокойном мире, в котором время протекает медленно, чем в вечно стремящемся куда-то соревновательном мире взрослых... Инерция, присущая типу Калкарея, прослеживается в „недостатке решительности" (Ханеманн) и отсутствии таких качеств, как амбиция, энергичность и стимул. Такая личность становится пассивной в результате собственной чрезмерной податливости и самоотречения, - он или она могут представлять, что в восприятии окружающих какие-либо устремления или работа выглядят такими же бесполезными и отвратительными, как и в их собственном. Таким образом, окружающие чаще всего воспринимают личностей энеатипа IX как неудачников... так как для людей данного типа нехарактерно сражаться и соревноваться в мире, где и то и другое до определенной степени необходимо».

Картина умственной лени представляется довольно ясно: «Личность такого типа привыкает откладывать дела на потом, очень легко приходит в замешательство, расточает себя на выполнение незначительных дел и не способна приступить к решению серьезных насущных проблем. Они готовы истратить все свои силы на что-либо сиюминутное с целью как-то оттянуть выполнение действительно важных дел...

Калкарея также может демонстрировать поведение, совершенно полярное традиционному проявлению праздности, при котором то, что обычно вызывает у этого типа напряженность, может восприниматься как часть нормального, установленного порядка... Таким образом, иногда личность типа Калкарея, вялая, апатичная и флегматичная, вдруг превращается в неутомимого работника с целью превзойти или же сверхком- пенсировать лежащую в основе ее характера медлительность и инерцию. Часто такое упорство может приобретать характер „преувеличенного" или „ненормального трудолюбия" (Кент), когда человек способен работать день и ночь без отдыха...»

3. Структура черт характера

Психологическая инерция

Я пытаюсь привести в порядок список дескрипторов, используя классификацию по очевидной психологической общности, и нахожу, что один из основных кластеров предполагает наличие такой черты характера, как «недостаток внутренних переживаний», выражаясь словами Хорни из статьи под таким же заголовком, - отсутствие огня, флегматическую нехватку страсти. В один ряд с этим термином мы можем поставить «наркотизацию» (тоже термин Хорни) и «толстокожесть» (огрубление чувств в результате «длительного страдания»). Одним из интеллектуальных проявлений потери внутреннего осознания, произошедшей в защитных целях, является недостаток тонкости ума и воображения. Подавление эмоций и умерщвление чувств также характерны для этого типа (проявляются в сверхфлегматичном характере и потере контакта с самим собой или маскируются общительным и великодушным нравом).

На познавательном уровне определяющим аспектом является тот факт, что личность глуха в отношении своего внутреннего голоса - потеря инстинкта, старательно маскируемая очевидной анимализацией (так же, как псевдоспонтанность сексуальной и социальной свободы сосуществует с умерщвлением внутреннего мира).

Нежелание видеть, быть в контакте со своими переживаниями - это явление, родственное лени к познанию. Утрата чувствительности или внутреннего осознания личности сравнима с затмением. В один ряд с этим затмением познавательной способности, учитывая преобладающую активность характера, следует поставить такую его черту, как «конкретизм», способы выражения которого варьируются от педантичности до чрезмерно приземленного восприятия, отношения к жизни, которое демонстрировал Санчо Панса, для того чтобы выжить: практическое выживание за счет всех тонких и таинственных проявлений души, иными словами, утрате открытости всему неожиданному и духовному.

Сверхадаптация

Если духовная лень, или *accidia*, является ведущей страстью

энеатипа IX, его стратегия в межличностных отношениях и сопутствующий ей взгляд на жизнь могут быть отражены в кластере, составленном из таких черт характера, как «сверхадаптация», «самоотрицание», «самозабвение», «невнимание к собственным потребностям», а также «подверженность чрезмерному контролю» - которую я включил в ту же группу, так как невозможно приспособляться (не говоря уже о сверхприспособлении), не обладая способностью держать себя в узде и подавлять свои импульсы. Противоречит лежащим в основе характера энеатипа IX дисциплинированности и самоконтролю (черта, которую он разделяет с энеатипом I, с меньшей долей интенсивности) то, что мы отмечаем склонность этого типа к алкоголю и его страсть к еде. И то и другое есть проявление компенсационного потворства физическим аппетитам, что не представляет собой интенсификации живости.

Два других дескриптора - это «осмотрительный» и «ответственный». Личность энеатипа IX - это не только тот, кто в конечном счете тащит «тяжелую ношу», но и тот, кто, в силу своей зависимости и великодушия, всегда готов нести на своих плечах тяжелый груз. Если в большинстве случаев неспособность исполнения заповеди «возлюби ближнего, как самого себя» происходит оттого, что человек любит себя больше, чем ближнего, то в случае энеатипа IX ситуация как раз обратная, так как сверхприспособляемые личности откладывают достижение собственных благ и удовлетворение собственных потребностей в чрезмерной податливости требованиям и нуждам окружающих.

Не составляет особого труда понять связь между двумя описанными чертами характера: сверхадаптация к окружающему миру была бы слишком болезненной без самозабвения.

Смирение

Как самоотчуждение, так и сопровождаемое самоотречением чрезмерное приспособление предполагают в характере смирение - отказ от самого себя, отречение от себя и от жизни, как будто личность выработала для себя стратегию притворяться мертвым, чтобы остаться в живых (при этом становясь духовно мертвым для жизни, ради жизни).

Хотя смирение лежит в основе сверхадаптации, оно требует отдельного рассмотрения в свете той роли, которую в этом характере играют черты, включающие в себя лень по отношению к собственным нуждам, умиротворенность и добровольный отказ от своих прав или неспособность отстаивать их.

Щедрость

Близкими к доминирующей в этом характере ориентации на сверхадаптацию, к таким обобщенным чертам характера, как «доброта», «добродушие», «беспомощность», «способность прощать» и прежде всего - «самоотречение», можно считать такие черты энеатипа IX, как «сердечность», дружелюбная жизнерадостность и экстравертная веселость «циклотимика». Кажется, что такая веселость - это одно из проявлений склонности принимать себя несерьезно, чтобы не давить на окружающих, так же как дружелюбие поддерживается в таких людях способностью быть для другого чем-то большим, нежели для себя. Эта склонность к жизнерадостности и гипоманиакальная сторона характера «висцеротоников» были хорошо известны Диккенсу, который в романе «Дэвид Копперфилд» представил нам великолепный портрет одного из них в лице мистера Микобера. Сверх-приспосабливаемые личности обычно любят детей и животных, им доставляет наслаждение работать в саду. В отношениях с окружающими такая личность обычно ведет себя как хороший слушатель, человек, который всегда готов помочь, он утешает их, сочувствует и, возможно, сожалеет им.

Заурядность

Личностей энеатипа IX обычно описывают как непритязательных. Их самооценка обычно низка, что приводит к самоотречению в отношении их потребности в нарциссизме. Их отношение к превосходству и блистательности также невысоко, и они, вполне возможно, пренебрегают собственной внешностью. Характерная для этих людей заурядность и простота, возможно, проистекают от того, что эти люди отказались от стремления превосходить и блистать. (Энеатип IX не стремится ни блистать, как III, ни быть лучше всех, как I.) Хотя,

казалось бы, личности этого характера оставили надежду на признание, в них присутствуют глубокая подсознательная жажда любви, проявляющаяся в самозабвенном смирении, и скрытое желание быть вознагражденным любовью. Чувство собственной значимости, так же как и чувство бытия, у энеатипа IX находит удовлетворение не во всеобщем одобрении, а через косвенное соучастие, когда человек живет жизнью окружающих: утраченная личность становится личностью через симбиоз с семьей, нацией, партией, клубом, командой и т.п. Здесь мы можем говорить о поиске внутреннего мира через соучастие на уровне чувств, семейном уровне либо на уровне каких-либо больших групп.

Роботизированная привязанность к привычкам

Множество черт характера, проявляющихся в процессе составления кластеров дескрипторов, имеют отношение к такой черте, как роботизированность. Сверхприспосабливаемые личности - рабы своих привычек. Они просто скованы постоянством и обыденностью. Шелдон говорит это обо всех висцеротониках. Они чрезмерно поглощены сохранением собственного внутреннего равновесия. Как следствие, они имеют склонность к консерватизму и привыкли жестко следовать устоявшимся нормам. Та же черта, мне кажется, лежит в основе чрезмерной привязанности к обыденному, к коллективным установкам «как надо делать» [\[205\]](#). Роботизацию, конечно, можно рассматривать как потерю внутреннего мира и самоотчуждения. В целом можно прийти в удивление от парадокса, заключающегося в том, что этот трудоемкий, полный страданий жизненный путь базируется на страсти к комфорту: психологическому комфорту, приобретаемому за столь высокую цену, что, как упоминалось выше, практики-биоэнергетики относят личностей энеатипа IX к мазохистским.

Рассеянность

Из всего вышесказанного ясно: личности энеатипа IX смотрят на жизнь с позиции нежелания видеть, что приводит к чрезмерному упрощению внешнего и внутреннего мира, сокращению способности заглянуть в самую суть своей души, а также к интеллектуальной лени:

качеству простаков, проявляющемуся в чрезмерной конкретности и педантизме. Не удивительно, что утрата внутреннего мира и способности заглянуть в суть явления влечет за собой в духовном плане потерю тонкости сознания, необходимого для поддержания чувства бытия вне множества переживаний в сенсомоторной области.

Тот факт, что пертурбация сознания присутствует в этих различных обскурациях, похоже, подтверждается тем, что личности энеатипа IX описывают себя как рассеянных, легко приходящих в смущение, иногда жалуются на плохую память. Мне кажется, что личности энеатипа IX часто становятся виновниками различных поломок или жертвами несчастных случаев, - я думаю, что это наблюдение может стать основой для статистического исследования факта связи между гибелью людей в автомобильных катастрофах и чрезмерной полнотой водителей. Природа этой проблемы внимания кроется в том, что у этих людей проблемы с концентрацией внимания - что приводит к стремлению уйти из центра области переживаний на ее периферию. Эта рассеянность сопровождается, однако, намеренным стремлением личности отвлечь свое внимание как бы под действием желания не переживать или не видеть. Телевидение, газеты, шитье, кроссворды и тому подобные занятия, вкупе со сном, используются ими в целях наркотизации или «онемения».

4. Механизмы защиты

Когда я впервые изложил свои взгляды на соответствие структуры характера и доминирующих механизмов защиты, я не мог подыскать такого термина, который с наибольшей полнотой отражал бы способ, который энеатип IX использует для того, чтобы избежать внутренних переживаний вследствие внимания, проявляемого к окружающему миру. Наиболее подходящее, на мой взгляд, - это определение «наркотизация», которое я позаимствовал у Хорни, - так как значение, приданное ею этому термину, не ограничивается потерей осознания, но точнее раскрывается как «погружение себя в сон» путем погружения в работу или же с помощью таких стимулирующих средств, как телевидение или чтение газет. Позднее я обнаружил, что этот самоотвлекающий маневр был частично описан Эрвингом Полстером

термином «дефлексия», используемым в гештальт-терапии.

«Дефлексия - это невротический механизм [\[206\]](#), используемый для ухода от прямого контакта с другой личностью. Это способ выпустить пар, не проявляя этого действия в контакте. Напряженность снимается с помощью многословия, крепких выражений, отшучивания; тем, что говорящий избегает конкретности и прибегает к абстрактному, говорит не по существу, приводит неподходящие примеры или не может их вообще привести, вежлив вместо того, чтобы быть точным, пользуется стандартными выражениями вместо естественного языка, заменяет умеренные эмоции чрезмерными, говорит о чем-то, но ничего не говорит по поводу или отбрасывает всю важность того, о чем только что говорили. Все это смягчает жизнь. Действие - вне цели; оно незначительно и имеет меньшее значение. К дефлексии может прибегать равно как инициатор контакта, так и респондент. Инициатор дефлексии чувствует, что он не получает того, чего добивается, что его усилия не приносят ему желаемого результата. Более того, он не может понять причину неудачи. Респондент, который подвергает дефлексии усилия собеседника, как если бы у него в руках был невидимый щит, часто чувствует себя бесчувственным, человеком, которого ничего не трогает, который испытывает скуку, смущен, духовно пуст, циничен, нелюбим, не интересен никому и вообще лишний. Когда же подвергшаяся дефлексии энергия вновь возвращается, она направлена на свою цель и ощущение контакта значительно возрастает» [\[207\]](#).

В то время как Полстер говорит нам о смягчении межличностного контакта, я все же считаю, что характерный для психологической структуры энеатипа IX механизм защиты предполагает сходный процесс также и в случае контакта с самим собой или вообще контакта в самом широком смысле этого слова. (Я вспоминаю одного человека, которого можно было назвать «телеманьяком», который любил слушать новости во время приема пищи. Я полагал, что причина этого в основном кроется в желании избежать личного контакта за столом, но вдруг мое внимание привлекло действительно важное сообщение в разделе международных новостей. И тут я заметил, что, как только передавали что-либо важное, слушать становилось невозможно, так как он сразу начинал говорить или иногда переключал телевизор на футбол.) Механизм отхода от действительно важного на периферию события можно рассматривать как основополагающую «защитной

экстраверсии» как таковой в «автоинтранцептивном» энеатипе IX. Я предлагаю называть его просто - «самоотвлечение».

В энеатипе IX также частично присутствует еще один психологический механизм, который Кайзер постулировал как «источник всех эмоциональных расстройств» и описывал как фантазию слияния и как нереалистичный перенос во взрослую жизнь ранних симбиотических отношений с матерью. Эта концепция перекликается с используемым в гештальт-терапии понятием «конфлуэнция», характеризуемом как «пограничное расстройство», однако его все же можно причислить к механизмам защиты, постольку, поскольку оно может быть расценено как попытка отрицать в своем сознании собственную изоляцию, одиночество и собственную индивидуальность. Я цитирую Полстера [\[208\]](#):

«О личностях, живущих в нездоровом слиянии, нельзя сказать, что они находятся в персональном контакте. Это, конечно, беда многих браков и длительных дружеских отношений. Стороны такого слияния признают лишь минимальное расхождение во мнениях или отношении к чему-либо. Если несоответствие во взглядах становится явным, они не могут достичь искренней договоренности или же просто признать расхождение во мнениях. Нет, они должны либо восстановить утраченное слияние любыми доступными средствами, либо расстаться. Последнее может привести к мрачному расставанию, обидам или, в некоторых случаях, стремлению нанести другому удар, чтобы как-то компенсировать потерю, или же, разочаровавшись в восстановлении конфлуэнции, такие люди могут занять по отношению друг к другу враждебную позицию, испытывать абсолютное равнодушие и неуважение, а также стремление избавиться от другого как от объекта интереса.

Чтобы восстановить утраченное слияние, одна из сторон предпринимает попытку приспособить либо себя к другому, либо другого к себе. В первом случае личность соглашается на все, пытается уладить все разногласия, беспокоится по поводу малейших расхождений во мнениях, ей нужно испытание или же абсолютное принятие, личность стирает свою собственную индивидуальность и в стремлении снискать расположение становится рабом. В другом случае, когда личность не терпит противоречий, она уговаривает, подкупает, заставляет или запугивает.

Когда между двумя личностями контакт, а не слияние, они не только уважают мнения, вкусы и интересы другого, но и активно приветствуют оживление и радость, которые приносит разрешение этих разногласий. Слияние приводит к обыденности и застою в отношениях, контакт - к радости и дальнейшему развитию».

5. Этиологические и дальнейшие психодинамические замечания [\[209\]](#)

Иногда личности энеатипа IX бывают заметно эндоморфичны - «киты» в атласе Шелдона редко сравниваются с людьми какого-либо другого характера, и про всю совокупность таких личностей можно сказать, что это самая эндоморфичная группа энеаграммы. Ее также можно назвать самой эктопеничной, и в этом мы можем видеть структуральную предрасположенность к недостаточности внутренней сущности в характере этого энеатипа.

Шелдон наблюдает недостаточность черт, подчеркивающих индивидуальность, не только в эндоморфичном телосложении, но и у висцеротоников, хотя трудно сказать, является ли это структуральным компонентом или вторичным образованием, так как уже утверждалось, что симбиотический характер [\[210\]](#) есть результат затруднения в развитии личности на стадии индивидуализации, - в то же время, возможно, что и эта черта развития сложилась под структуральным влиянием, ибо Шелдон наблюдает недостаточность индивидуальных черт не только в эндоморфичном телосложении, но также и у висцеротоников.

Хотя Миллон предполагает, что зависимость в случаях таких личностей, возможно, проистекает из чрезмерной материнской заботы, это совершенно не совпадает с моими наблюдениями личностей энеатипа IX, которые происходили в основном из больших семей, где родительское внимание было разделено между многими братьями и сестрами, или из семей, очень занятых своим хозяйством, в которых тяжелый труд отнимал значительную часть материнской энергии. Такие описания конгруэнтны смирению так называемой зависимой личности, тем огромным усилиям, которые она вкладывает, чтобы заслужить любовь, скрытым в их самозабвенном чрезмерно жертвенном

поведении. Только после проведения курса психотерапии представитель энеатипа IX начинает понимать, какой голод он испытывал в детстве, и то, в какой степени он ограждал своих родителей от деидеализации, упорствуя в своем сверхдоверчивом детском простодушии.

Хотя удовлетворенность жизнью энеатипа IX, возможно, поддерживается совокупностью висцеротонических черт, очень часто по обстоятельствам, в которых протекало детство, можно заключить, что для ребенка не оставалось другого выхода, чем приспособиться к ним. В некоторых случаях причина заключалась не в отсутствии материнского душевного тепла, а в том, что она, в силу обстоятельств, не могла проводить с ним больше времени, и ребенок чувствовал, что жалобы или другие способы привлечения внимания не помогут. В других случаях отношение к ребенку в семье было сложным, и он боялся, что если будет жаловаться, то потеряет то малое, что имеет. В приведенном ниже отрывке из автобиографии вы найдете описание двух случаев, необычных и в то же время очень наглядно демонстрирующих, как личность сделала «решение» в пользу чрезмерного приспособления событий: отрывок воспоминаний из жизни экзотического народа, демонстрирующий крайнюю жестокость отношения к детям.

«Мое раннее детство делится на две части. Когда мне было шесть месяцев, родители отдали меня на воспитание моей прабабушке, согласно древнему обычаю племени саморов, и поэтому я не видела своих родителей до девяти лет, пока не началась война и моя тетя не подумала, что лучше вернуть меня родителям, чтобы со мной ничего не случилось во время войны. Я и до этого была заброшена и никому не нужна, а когда я вернулась в семью, мои братья и сестры не признали меня, они считали меня непрошеным гостем в доме. Итак... моя мать тихая, но властная. Мой отец - пьяница, и мы всегда знаем, когда он приходит с работы, потому что, возвращаясь с работы, он обычно поет, мы знаем, что должны делать - мы должны исчезнуть, а я всякий раз виновата во всем, потому что я старшая из тринадцати детей, и если что-то не так, то это, конечно, по моей вине. Сначала меня отшлепают, потом отец выпорот меня ремнем, а затем я дам ремня моим братьям и сестрам, чтобы они знали, что, когда родителей нет дома, я главная, что они должны меня слушаться. Моя мать - очень тихая, но тем не менее очень властная в своем спокойствии. Она хорошо контролировала нашего отца, и кстати об отце, - мы, дети, никогда не видели, чтобы он

поднимал руку на мать. Дождавшись, пока он протрезвеет, она поговорит с ним, но на следующий день он точно так же придет с работы пьяный. И еще одна вещь: он никогда не тратил денег на выпивку и всегда приносил домой чек. Он был хорошим добытчиком, а выпивкой его всегда угощали друзья. Он никогда не поднимал на мать руку, и мы никогда не видели, чтобы они ссорились. Во время японской оккупации он работал очень много, но все равно, когда мы собирали урожай, приходили японцы и отбирали у нас еду. И мы с матерью шли снова в поле, - мы помогали ей собирать картофель и другие овощи, но через несколько дней опять приходили японцы. Таким образом, нам не хватало в те дни пищи. Мне было тогда девять лет... а после двух лет оккупации нас поместили в японский концлагерь. Японцы собирали всех мужчин старше восемнадцати и увозили их. Моего отца тоже увезли, но ему удалось бежать, а остальных японцы расстреляли по дороге. Моя мать спрятала меня перед тем, как японцы забрали их всех, загнали в пещеру и закидали их ручными гранатами, так как боялись восстания и готовились перебить нас всех, но им помешали американцы».

Хотя описанные в этом рассказе события можно отнести к редким, тем не менее они наглядно демонстрируют нам, что у девочки были основания стать смиренной по характеру, так как ей приходилось приспосабливаться к ситуациям, в которых она ничего другого не могла поделать. Когда я сказал ей об этом после того, как прослушал ее рассказ, она моментально отреагировала так: «Поэтому я всегда отвечаю, что меня всегда все устраивает. Я обманываю людей, отшучиваясь, говоря с ними».

Деталь, часто встречающаяся в рассказах представителей энеатипа IX, - постоянная готовность участвовать в домашней работе. Например, из рассказа одной женщины: «Ты должна доить коров все время, и утром, и вечером... еще одна черта обоих моих родителей - они требовали, чтобы перед тем, как играть, ты поработал, не выказывал своих эмоций, терпел и не жаловался на то, что ты болен».

Часто ребенок становится помощником матери, нянькой младших детей, как, например, в следующем случае: «У меня был брат старше меня на два года, потом родилась я сама, и пять лет я была ребенком, но потом родилась сестра. И я не знаю, как так получилось, что я стала ответственной за сестру, хотя мне тогда было всего пять лет, а через два

года у меня появилось некоторое чувство обиды по отношению к ней. Я пыталась понять, в чем тут дело, и мне пришло в голову, что я в некотором смысле потеряла с ее рождением свое детство. Я помню один случай, должно быть, в это время она была еще очень маленькая, три или четыре года, мы стояли на улице с очень оживленным движением. Мама была в магазине, мы ждали отца. Я держала ее за руку (мне тогда было, наверно, лет восемь), и вдруг она увидела отца, вырвалась и побежала через улицу. Что я особенно запомнила, это как отец увидел ее, выбежал на улицу и остановил движение. Если б он этого не сделал, ее бы, конечно, задавили. Первое, о чем я подумала, что если бы с сестрой что-то случилось, то случилось бы по моей вине. Сейчас это производит очень сильное впечатление. Я не думаю, что мои родители наказывали меня за это, не помню, чтобы они это делали, но тем не менее... когда через четыре года родилась еще одна девочка, я уже была готова стать ее матерью, и я думаю, что я это и сделала, - оба родителя росли в многодетных семьях, где то, что каждый ребенок заботится о младшем, считается само собой разумеющимся. Я считаю, что в нашей семье тоже так получилось. И в этом не было особой необходимости, - так как мама не работала и, я думаю, могла прекрасно сама с этим справиться. Вот именно здесь, мне думается, у меня и появилась мысль о самозабвении, о том, что свои желания нужно отложить в сторону и никогда не чувствовать себя достаточно свободно, чтобы радоваться жизни и делать то, что я хочу, - я все время смотрела за детьми, следила, чтобы с ними ничего не случилось».

Рассматривая личности родителей, я чаще всего встречаю энеатипы IX и I, особенно часто в паре. Влияние первого, естественно, способствовало тому, что личность выбрала самозабвение как модель поведения, влияние второго привнесло перфекционистские требования к жизни: «Моя мать всегда была очень строга и перфекционистична во взглядах. Хорошее поведение было способом спастись от порки». «Мне всегда читали наставления, что так делать нельзя, и добавляли, что придут времена, когда этого делать будет совсем нельзя».

Хотя сверхприспособляющиеся очень далеки от того, чтобы протестовать, небезынтересно будет отметить, что противостояние родителю может сформировать мотив придерживаться такого стиля поведения, как, например, в рассказе молодого человека: «Моя мать (I) всю жизнь отчитывала отца (IX) в моем присутствии, я думаю, то, что я

стал таким, какой я сейчас, было протестом с моей стороны, так как мне всегда приходилось делать то, что она хотела. Он работал за городом, и когда бы ни появлялся, мать начинала говорить о его проблемах. Но у меня, ребенка, были только приятные воспоминания».

Довольно просто понять, почему во многих рассказах представителей энеатипа IX присутствует мать, относящаяся к энеатипу IV, как и в случае, когда родитель относится к перфекционистскому типу, имеют место требовательность и потребность уступать этим требованиям. В следующем случае этот элемент присутствует вкупе с другой часто встречающейся особенностью детства энеатипа IX, с желанием стать миротворцем в конфликте родителей: «Я помню, как моя мать постоянно упрекала отца, говоря о том, что он должен найти работу, что все приходится делать ей одной, и тому подобное. Но я не мог поверить, что мой отец действительно такой плохой, и я хотел быть таким, как он, - спокойным и свободным. Он имеет мало, но и довольствуется этим немногим. Мне тоже нужно немного, всего лишь любовь. Я стал чем-то вроде моста между ними, стремился наладить их отношения как посредник».

В то время как в других характерах стремление к любви, по-видимому, превратилось в стремление к ее суррогату, поиску того, что изначально воспринималось как средство привлечь родительское внимание и заботу, в «медлительных» личностях, по-видимому, имеет место смирение во имя любви и внимания. Только это смирение поддерживается в них ценой потери внутреннего осознания, так как принудительное добродушие обязательно влечет за собой подсознательное желание взаимности. Так как подсознательный характер желания любви не позволяет говорить об обольщении или преследовании, личность испытывает наибольшее чувство благодарности, когда кто-либо замечает его или ее самопожертвование, и можно сказать, что поиск любви в таких личностях проявляется в основном в желании быть признанным в их самопожертвовании и бескорыстном великодушии.

6. Экзистенциальная психодинамика

Если внизу энеаграммы осознание боли максимально (энеатипы IV и V), в IX, на ее вершине, оно минимально, - если в энеатипе III обскурация бытия станет быстрее заметна какому-нибудь неудачнику, который спросит: «А к чему такая суета?», чем самой личности, в представителе энеатипа IX этот неудачник не заметит потери внутренней сущности, так как его удовлетворенность, похоже, действует таким образом, что окружающим он кажется гораздо более здесь, чем сам себя ощущает. Возможно, в этом и лежит отличительная характеристика обскурации бытия в праздном, чрезмерно приспособляющемся характере, - в том, что он стал слеп по отношению к самому себе.

С помощью разъяснения утраты бытия в остальных характерах мы выяснили теперь, как отчаянное стремление к жизни в своем нетерпении как бы закрепляется в различных явлениях, в которых содержится надежда бытия. В случае энеатипа IX причина не лежит в интенсификации «онтического- го либидо», как раз наоборот, причина - в обманчивом отсутствии этого страстного стремления, которое дает личности ощущение духовного удовлетворения.

В то же время обманчивая просвещенность «здравомыслящего

крестьянина» влечет за собой бессознательность бессознательного, усыпление, когда человек уснул и не чувствует собственных желаний. Я не могу понять утверждения Ичазо о том, что в случае праздности «ловушка» кроется в чрезмерном желании познания. Верно как раз обратное: энеатип IX не испытывает достаточного желания к познанию, несмотря на субъективное ощущение себя живым и в таком виде, равно как и на проявления смещенного стремления к познанию, такие как эрудиция, путешествия, коллекционирование антиквариата. На самом деле такая негативная трансмутация преобразуемого стимула в импульсы, ориентированная на отход к менее значительному, типична и может выражаться в любопытстве. Мистер Пиквик, герой Диккенса, путешествующий по пригородам Лондона, изучающий языки и т.п. - хороший литературный пример вышесказанного.

По мере того как я изучал экзистенциальную психодинамику различных характеров, я постепенно выявил несоответствие - выраженное центральным положением энеатипа IX на энеаграмме характеров, - заключавшееся в том, что «забывание себя» - источник всех патологий. В то время как в других случаях это межличностное осложнение, похоже, становится фоном, на котором протекают внутренние конфликты личности, в энеатипе IX оно выходит на передний план, а относительная недостаточность компенсаторных процессов производит впечатление внутреннего здоровья, «псевдозрелости». Мы можем сказать, что энеатип IX менее невротичен, чем остальные характеры, в обычном смысле этого слова, т. е. учитывая только психологические симптомы, и что его осложнения носят в большей степени духовный характер.

Несмотря на все вышесказанное, суррогаты бытия энеатипа IX не стоят на переднем плане - как в ориентированном на внешние проявления и быстрые ритмы тщеславном характере или в стремящихся к напряженности мазохистских и садистских личностях третьего. «Поиски счастья там, где его нет» присутствуют в нем, как они присутствуют во всех характерах. Одну из форм этого явления я назвал «чрезмерным оскотиниванием»: поиск бытия в животном комфорте и действия, направленные на выживание. Такая личность могла бы заявить: «Я ем, поэтому я существую». Другая форма - это стремление к бытию через принадлежность. Для энеатипа IX чужие потребности - его потребности, а чужие радости - его радости. Живя символически, он

живет чужой жизнью. Он мог бы сказать: «Я это ты, поэтому я существую», - где «ты» может быть любимым человеком, нацией, политической партией, каким-нибудь Пикквикским клубом, даже футбольной командой...

Хотя компульсивное самоотречение развивается частично благодаря стремлению принадлежать кому-либо, оно также служит потребности в онтической компенсации: «Я существую, потому что я могу что-то делать». «Я существую, потому что я могу быть полезным». Так же как бытие можно заменить в целях компенсации на принадлежность, его можно в тех же целях подменить обладанием - как указано в названии одной из книг Эриха Фромма: «Быть или иметь» [\[211\]](#).

Как бы то ни было, из устремленности ко всему материальному и очевидному появляются Санчо Пансы - наиболее угодные в этом мире «онтические миротворцы», а поиск бытия в чем-то конкретном, кажущийся наиболее преисполненным здравого смысла, оказывается наиболее отдаленным от него.

Эта отдаленность напоминает историю об ослах Насреддина: рассказывают, что у одной отдаленной таможенной заставы видели, как Насреддин все ездит и ездит через границу на осле. У таможенников возникло подозрение, что он что-то незаконно перевозит через границу, но им никогда не удавалось найти что-нибудь в сумках, кроме сена. Когда один из них много лет спустя встретил Насреддина - оба жили в другой стране, и обстоятельства прошлого уже не имели значения, - он спросил Хаджу, что же он все-таки так искусно перевозил через границу, что они никогда не могли его поймать. Насреддин ответил: ослов.

Если сравнением в высшем смысле здесь могло бы стать высказывание об удаленности от нас Бога («ближе, чем яремная вена»), то притча об осле Насреддина тоже может стать сравнением, когда мы говорим о том, насколько незаметным может быть неведение, и об исключительной незаметности невроза энеатипа IX.

Глава 10

Предложения для дальнейшей работы над собой

Я слышал, что как-то Карен Хорни спросили, что же делать при неврозе, и она ответила, что само по себе внимательное чтение ее книг уже может считаться шагом вперед.

В начале своей терапевтической карьеры Фрейд считал необходимым добиваться того, чтобы пациенты разделяли его взгляды на сознание в целом, а также принимали складывающуюся в процессе лечения терапевтическую теорию. И конечно, внутренний психоанализ возник во многом благодаря разработкам Фрейда в области самоанализа, а его ценность, реалистично осознавая при этом его ограничения, - понимали и разделяли многие из его окружения. Однако с течением времени практикующие психотерапевты стали не только игнорировать самоанализ, но и налагали на него запрет.

Одним из исключений из положения, при котором все увеличивалось противостояние профессионалов попыткам пациентов анализировать самих себя, была Карен Хорни, - она написала свою классическую работу по этому вопросу, будучи одним из старших обучающихся психотерапевтов в Институте психоанализа в Нью-Йорке. Я сам расцениваю это распространенное предписание пациентам не предпринимать попыток просветить себя как проявление скрытого авторитаризма, неуверенности в своих силах и столь же скрытого стремления создать альянс с целью установления монополии экспертов, и я думаю, что мы не можем себе этого позволить во времена, когда выход из затруднительного положения, в котором мы все оказались, в значительной степени зависит от индивидуального изменения личности, когда мы не можем позволить себе игнорировать потенциал и стремление личностей работать над собой в той степени, в которой они способны на это.

Хотя интеллектуализация действительно может препятствовать терапевтическому процессу в сознании личности или же в ее отношениях с психотерапевтом, я подозреваю, что самоанализ был забыт по причине скрытого авторитаризма психотерапевтов, особенно в догуманистический период. Таким образом, здесь мы также имеем дело с проявлением монополистического отношения психоанализа как института, которое выражается в том, что каждый психоаналитик твердит своим пациентам не только «никуда больше не обращайтесь за помощью», но и «не пытайтесь вылечить себя сами, я это сделаю за вас».

В связи с этим я считаю, что самостоятельное изучение не только может быть элементом психотерапии в профессиональном, индивидуальном или групповом плане, но и может стать очень действенным средством, благодаря сведениям из этой книги.

Познать самих себя - к этому нас призывают не только древние и священные традиции, но мы можем сказать, что импульс к самоизлечению (а говоря в более общем смысле, импульс оптимизировать свое сознание) - это естественный, здоровый и мудрый способ реагирования на жизненные затруднения. Мне хорошо известно, какую огромную роль в решении проблемы взаимоотношений играют личные отношения, а также о том, что некоторым личностям необходимо пройти в течение этих отношений не только период терапевтических отношений как таковых, но и - до того как лечение станет возможным - период терапевтической регрессии, но тем не менее я хотел бы подчеркнуть, что даже в условиях межличностного контакта именно личность в конечном счете делает главную работу. Можно сказать, что ассистированная психотерапия - это специализированный и очень полезный метод проведения занятий по самоанализу, в то же время все то, что мы узнаем о себе и как это представляем, в конечном счете определяем мы сами. В связи с этим я посвятил несколько лет своей жизни разработке того, что я называю этосом работы над собой, и даже более распространенной идеи, что в наше критическое, беспокойное время психиатрия должна рассматриваться как экстренная помощь популяции людей, идеально подготовленных к тому, чтобы, образно выражаясь, держать свои дома в чистоте, а не выступать в качестве средства, которое ее заменяет.

Уже несколько лет я предоставляю группам людей не только

информацию, такую как в этой книге, но также и приемы для работы друг с другом, при этом они контролируют друг друга на протяжении этого процесса, и я знаю много случаев, где этот процесс сыграл особенно важную роль в жизни людей, которые до этого обращались к психотерапии. Однако в случае этой книги я излагаю свои идеи в контексте предисловия к работе над собой, и в связи с этим читатель может увидеть, в какой мере я считаю эту книгу не более чем предисловием.

Так же, как и Карен Хорни, я планировал, что сам процесс чтения книги уже станет формой работы над собой. Точнее, я представлял себе, как читатель, по мере того как он переходит от одной галереи портретов - взятых из литературных произведений, психологической практики или из накопленного мной опыта и разработок - к другой, почувствует, что он гуляет по залу с зеркалами, которые отражают различные аспекты его личности. Для тех, кто до сих пор, прочитав книгу, спрашивает самого себя: «А что же мне делать?» - и не ощущает себя участником процесса обучения или, как я упоминал выше, обучающегося сообщества, я и написал эту главу.

Для начала я хотел бы выделить тот аспект, что «работа над собой» представляет признание правды о себе и о своей жизни, несмотря на дискомфорт или боль, которые оно может повлечь - выражаясь другими словами, откровенную исповедь.

Точно так же как, на языке христианства, признание греха в себе может стать путем к раскаянию, очищению и возможному спасению, в контексте современной терминологии можно сказать, что любой, кто полностью осознает свою рабскую психологическую зависимость от невротических устремлений, почувствует сильное желание освободиться, воодушевленный интуитивным желанием обрести духовную свободу. Другими словами, он будет всей душой молиться о свободе от страстей и стремиться к ней, как он стремится дышать более чистым воздухом.

Подчеркнув это желание к изменению и поворот от мирского к божественному, я в то же время хотел бы обратить ваше внимание на то, что обучающая стратегия предусматривает не только взгляд на самого себя со стороны, но и вырабатывание нейтрального взгляда при изучении «механизма» нейтрального восприятия, при котором желание изменить себя не «отреагируется» в поспешную и поверхностную

попытку «усовершенствовать себя» [\[212\]](#).

Хотя целью следующей стадии работы будет изменение поведения, этой стадии, когда личность активно добивается развития межличностной добродетели, - вряд ли удастся достичь, не положив в основу тщательное осознание самого себя. Веками насаждаемая во всех высших цивилизациях мораль «делай добро» подтверждает тот факт, что без самоосознания истинной добродетели можно достичь только ценой подавления и обеднения сознания.

Если личность подходит к процессу самопознания с набожными устремлениями, объективно осознавая свои заблуждения, и в то же время пытается оставлять в сознании место для таких своих недостатков, избежать которые невозможно, так как они являются следствием переживаний прошлого и неизбежно длящегося процесса самореализации, она приходит к выводу, что самоосознание самодостаточно. Действительно, правда о самих себе может освободить нас, так как, если мы на самом деле осознаем что-либо о самих себе, это «что-либо» изменится само, без «наших» попыток изменить себя. Правдивый взгляд на то, что мы делаем, как делаем и почему делаем, трансформирует наши застарелые реакции в глупости, которые скорее всего отпадут сами по себе или утратят свою власть над устремлениями нашей сущности.

Все, что ценно в отношении осознания наших заблуждений вообще, прежде всего, конечно, имеет отношение к осознанию нашей основной черты характера и главенствующей страсти, что включает понимание гештальта множества собственных черт характера и их динамической связи с этими центральными очагами.

Работая над девятью предыдущими главами, я рассчитывал на то, что читатели, ознакомившись с ними, найдут в одних характерах больше общего с собой, чем в других, и что для некоторых из них самоузнавание в свете одного определенного набора черт характера и психологической динамики произойдет, возможно, как спонтанно, так и эффективно. Действительно, вера в то, что раскрытие посредством этой книги собственного характера может послужить инструментом самодиагностики, а также вера в то, что знание своей основной черты характера может освободить личность от тирании (как центр души), приносят мне удовлетворение.

Для тех, кого чтение этой книги не привело к такому

самоузнаванию, самым важным аспектом в решении задачи узнать себя лучше [\[213\]](#) останется самоизучение, ориентированное на внутреннее определение того, что личность еще недостаточно созрела, чтобы увидеть себя объективно, - в таких случаях этой зрелости нужно дожидаться, - и стремление к самоузнаванию, скорее всего, приведет к тому, что у личности появится стимул осознать психологические реалии как они есть.

Тем моим читателям, которые осознали, что представляет собой доминирующая страсть и соответствующая ей фиксация, я посоветую приступить к курсу дополнительного самоизучения и написать автобиографию, принимая во внимание эти проникновения в сущность. Эта автобиография должна включать в себя ранние воспоминания - особенно воспоминания болезненных ситуаций, - и станет ясным, как через детские переживания формировался способ преодоления болезненных обстоятельств.

Тем, кто последует этому моему совету, я рекомендую погрузиться во время написания в воспоминания и убедиться, что их повествование не отклонилось в сторону абстракции, но отражает звук, обстановку, действия, отношения и чувства, вызванные из прошлого. Не спешите, наоборот, используйте возможность наладить контакт со своими воспоминаниями, сколько бы времени у вас на это ни ушло.

Погружаясь в воспоминания о прошлом, старайтесь выработать отношение беспристрастного наблюдения. Пишите так, как если бы вам надо было просто составить отчет о событиях, внутренних переживаниях, мыслях, решениях, действиях или реакциях прошлого. После того как вы опишете ваши детские годы, рассмотрите ваше взросление и взросление вашего эго в период юности, время, когда осознаются горести детских лет, когда стремление к тому, чего так не хватало в детстве, оформляется в ранние мечты и планы на будущее. Затем, продолжая историю вашей жизни, вы можете проследить, как эти ранние мечты и идеалы отразились в вашей жизни.

Превратите написание этой автобиографии в исследование источников и развития вашего конкретного характера - отталкиваясь от конкретной, присущей вам страсти и фиксации. Когда вы закончите анализировать прошлое в свете этой базовой структуры, вы будете в состоянии лучше понять действие этого «механизма» в вашей повседневной жизни тут и там.

После изучения вашей прошлой жизни вы будете готовы к проведению самоанализа вашего настоящего состояния с точки зрения этих идей, т. е. настоящего, самостоятельно осуществляемого протоанализа: обработки ежедневных переживаний в свете психологического понимания, обсуждаемого в этой книге. Этот процесс требует дисциплины самонаблюдения, а также дисциплины ретроспективного взгляда - умения разжевывать недавние переживания, отталкиваясь от «рабочих идей».

Так как основная идея работы над собой - это осознание практической пользы обращения к «негативным эмоциям» и так как эти болезненные состояния вызваны разочарованием страстей, можно сказать, что неизменным аспектом этой работы является, по словам Гурджиева, «сознательное страдание» - готовность продлить эти переживания с целью рассмотреть и исследовать их.

Идеальным материалом при письменной обработке являются болезненные и неприятные события дня: моменты, в которые вы испытываете разочарование, вину, страх, боль, гордыню, одиночество и тому подобное. В особенности обратите внимание на те эпизоды, которые вы охарактеризовали как «неправильно прожитые»: моменты, когда человек ощущает, что его поведение или слова могли бы быть другими, и он ищет альтернативу своему поведению, хочет «переписать» этот эпизод жизни. Именно в отношении таких моментов вы и должны применить информацию, содержащуюся в этой книге, с целью найти способ управлять вашей страстью - вашей главенствующей страстью в особенности, а также стараться идентифицировать черты характера или склонности, связывающие ваше поведение с основным образом жизни. Кроме продолжающегося описания и анализа болезненных внутриличностных переживаний, необходимо стремление включить в этот процесс как можно больше переживаний экзистенциальной боли, т. е. боли от ощущения (возможно, возрастающего) собственной механизированности, зависимого характера вашей личности, отсутствия необходимой реальности и особенно - отсутствия чувства истинного бытия.

Можно сказать, что в обычных условиях сознание наполовину полно и наполовину пусто в отношении чувства бытия. Мы лишь наполовину осознаем свое положение, лишь наполовину понимаем свою разобщенность с тем, что на самом деле должно быть ядром

переживаний человеческого существа. Или, иначе можно сказать, что мы прикрываем старое, слишком болезненное чувство экзистенциального вакуума фальшивым ощущением бытия, которое поддерживается в нас различными иллюзиями, для каждого характера соответствующими.

Осознание погружения во мрак - глубочайший аспект сознательного страдания, в то же время в мучениях этой боли каждый, кто в нее погружается, находит источник самой драгоценной движущей силы для работы по изменению себя. Я рекомендую тем, кто посвятил себя самонаблюдению и записывал свои переживания в дневник в течение трех-четырех месяцев, перечитать то, что я написал под заголовком «Экзистенциальная психодинамика» (в главах, соответствующих их энеатипам), а также, основываясь на своих наблюдениях, написать заключение, включающее как подтверждение проделанной работы, так и ваши планы по ее расширению.

Работа по самонаблюдению - в том виде, в котором я ее рекомендовал, это не просто возможность развития способностей к наблюдению самого себя, что является внутренним аспектом прогресса на пути к самопознанию, - развитие способности быть свидетелем по отношению к самому себе, в свою очередь, является фактором, обеспечивающим плодотворность вашего внутреннего взгляда.

Среди многочисленных систем по развитию самосознания, освобождению от роботизированного поведения и выработыванию основной установки я особенно рекомендую для начала упражнение по концентрации сознания на животе в том виде, в котором это описано Карлфридом фон Дюркгеймом в его книге «Хара» [\[214\]](#). Суть упражнения состоит в том, чтобы поддерживать в течение дня чувство присутствия в точке, находящейся примерно на четыре пальца вниз от пупка, сопровождаемое расслаблением брюшных мышц и плечевых мышц, выравниванием оси тела по отношению к центру тяжести и ощущением своего дыхания.

Дополнительные рекомендации для тех, кто намеревается использовать эту книгу, не ограничиваясь только чтением, состоят в дальнейшем развитии способности переживать события без умозрительных выводов или осуждения, чего можно достичь, практикуя медитацию випасаны.

Совмещение занятий по самоизучению и медитации было одним из

постоянных аспектов моей работы, и, как следствие, я изучал практику как буддизма, так и «Четвертого Пути» (Б.Успенского). Примерно после двадцати лет экспериментирования в этой области я пришел к выводу, что наиболее подходящей основой для занятий по самопознанию является ви-пасана, при которой особый упор делается на внимании к своим ощущениям и эмоциям, в то же время практика самад-хи (samatha), в которой особенное значение придается уравниванию, больше подходит для второй стадии работы, где внимание концентрируется на корректировке поведения и развитии добродетелей.

Хотя по медитации випасаны (vipassana) выпущено некоторое количество книг, которые могут послужить равно как стимулом, так и основой более полного понимания этой темы, я тем не менее хотел бы завершить свои предписания, дав вам некоторые следующие инструкции по проведению медитации випасаны, которыми вы, возможно, будете пользоваться начиная с этого дня:

- Сядьте либо на стул, либо, что предпочтительнее, в позу полулотоса на медитационную скамью.

- Закройте глаза и расслабьтесь. Расслабьте плечи, в особенности обратите внимание на то, расслаблен ли ваш язык, - он имеет большее отношение к вашему внутреннему диалогу, чем обычно считают. Пусть ваше тело свисает с позвоночника и погружается, если это возможно, в живот. Расслабьте также руки и ноги.

- Теперь переключитесь на дыхание.

- Пусть дыханием займется, если возможно, ваше внутреннее животное или же нижний уровень вашего сознания, - не командуйте себе, как военный, делать вдох и выдох.

- Теперь ощутите, как подымается и опадает верхняя часть брюшины, и вы избавляетесь от мускульного напряжения и начинаете ощущать свое дыхание. Старайтесь почувствовать стенку брюшины в ее надчревной части (т.е. область треугольника вниз от верхней части грудины и опускающимися вниз нижними ребрами), поднимающуюся и опускающуюся с каждым дыхательным циклом. Почувствуйте ваше «солнечное сплетение» по мере подъема и опадения стенки брюшины при каждом вдохе и выдохе.

Несмотря на то что все вышеприведенное может послужить хорошим подспорьем для нескольких занятий медитацией, это всего лишь только основа практики випасаны. Если вы прибегли к ней и

добились определенных успехов, попытайтесь воспринимать ваше дыхание как вопрос: «Что же я сейчас испытываю?», который вы задаете себе при каждом вдохе. Таким образом, занятие медитацией станет упражнением по непрерывному осознанию ментальных событий, при которых вы не будете забывать о дыхании и концентрации внимания на брюшине.

Вопрос «Что же я сейчас испытываю?», конечно, нет необходимости облекать в слова. Акт дыхания сам по себе можно воспринимать как эквивалент немого вопроса или немого напоминания о необходимости ощущать все, что происходит в вашем теле, чувственной сфере и более тонких гранях сознания.

В то время как сказанное выше можно причислить к попыткам современной психиатрии не терять контакта с реальным положением дел, отличительной чертой упражнений в випасане можно назвать особое отношение к бесконечному процессу ощущения: отношение, при котором мы концентрируем свое внимание, сравнимое с тем, которое мы обсуждали в связи с осознанием нашей повседневной жизни, - непредвзятое отношение, при котором мы в состоянии оставить в своей душе место для всего, что бы в ней ни происходило, при котором мы способны внимательно рассмотреть всю панораму происходящего. Всматриваясь глубже, мы видим, что цель такого отношения не состоит в том, чтобы охватить все, и в то же время заключается в том, чтобы ни от чего не отказываться, - это отношение открытости и непосредственного беспристрастия.

Возможно, самое важное из того, что я могу сказать любому, кто, последовав моему совету, воплотил в жизнь мои предложения, - это в свете уже приобретенного понимания личности идти за рамки занятий по самоизучению, самоосознанию и умению заглянуть внутрь себя, по пути дальнейшего приобретения опыта исповеди. Эта идея может прийти к вам спонтанно, так как все, что мы узнаем о себе, имеет тенденцию проявляться в общении, в то же время кое над чем мы можем здесь поработать в той мере, в которой мы осознаем, что не только правда сама по себе может стать основой счастливой жизни, но и честность в отношениях с кем-либо (в некоторых избранных отношениях) может сама по себе привести на правильный путь, и наоборот, - неспособность или нежелание быть искренним, хотя бы в таких избранных отношениях, приводит к тому, что мы так и остаемся

находящимися на свободе пленниками самих себя.

Альтернативой решению внести ясность в развитие своих дружеских и семейных отношений, пользуясь знаниями о себе, может стать объединение со сходно мыслящими людьми, заинтересованными в дальнейшем познании этих идей. Моя главная рекомендация такой группе единомышленников - совместно пользоваться дневником, при этом я призываю не только использовать его в общем плане, но и цитировать отдельные страницы дневника, признавая право свободно исправлять написанное и быть в курсе того, какие исправления были внесены. Я могу предположить, что само по себе совместное пользование станет значительным стимулом для постоянной работы с самого момента основания группы. Еще один совет состоит в том, чтобы использовать время, которое вы проводите вместе, для совместных занятий медитацией, а также для психотерапевтических упражнений, желательно меняя партнеров на каждом занятии. Суть данного упражнения состоит в чередовании того, что я называю «свободным монологом» (точнее, свободным монологом в контексте медитации), и ретроспективного комментария к нему с использованием межличностных ролей, обсуждения черт характера и высказывания противоположных точек зрения. Если предыдущее упражнение лучше проводить, работая в парах, то для такого ретроспективного обсуждения больше подойдет группа из четырех-шести человек (когда двое говорят в присутствии остальных). Я процитирую описание такого свободного монолога, проведенного на совместной встрече с И.Дж.Гоулдом при поддержке фонда Мелия в Беркли, штат Калифорния [\[215\]](#):

«Я хочу, чтобы вы закрыли глаза, устроились поудобнее и расслабились, при этом позвоночник остается прямым. Представьте, что это колонна, пропустите через него центр тяжести. Пусть ваше тело расслабится, а сознание будет таким, каким оно стремится быть. Ощутите свое тело, ощутите свое дыхание. Через несколько минут я попрошу вас открыть глаза так, что это не изменит ничего в вашем внутреннем состоянии».

(Пары какое-то время сидят спокойно.)

«Когда настанет время открыть глаза, не смотрите партнеру в лицо, смотрите на его живот. Пусть проявятся ваши визуальные впечатления: умейте видеть не глядя. Следите за собой, не вмешиваясь, осознайте себя, не делая никаких установок, и если вы почувствуете, что вас

уводят мысли, или ощутите в своем теле напряженность, вы можете снова закрыть глаза и начать еще раз все сначала. А сейчас откройте глаза и начните с самого начала.

Итак, вы сидите с открытыми глазами в присутствии другого человека, и все равно вы не думаете. Вы не делаете ничего по поводу того, что находитесь в чьем-то присутствии. Просто будьте или, как говорится в даосских указаниях по медитации, позвольте себе вести себя как идиоты, - что значительно труднее в чьем-то присутствии.

Сейчас очень медленно начинаем поднимать глаза к груди вашего партнера, при этом ваше сознание продолжает молчать, а тело расслаблено. Продолжайте движение вверх очень медленно, пока ваш взгляд не остановится на горле партнера. Почувствуйте, присутствует ли там другое ощущение, другое восприятие бытия. Наконец ваш взгляд доходит до рта вашего партнера. В то время как один из вас продолжает внимательно наблюдать просто за присутствием партнера, второй начинает говорить. Ни тот ни другой не придают значения словам, слова - это всего лишь звуки.

Правила игры отличны от правил психоанализа, при которых сознанию предоставляется полная свобода, они также отличаются от правил континуума осознания (т.е. когда кто-либо выражает свои переживания в данный момент). Если вы выступаете в роли говорящего, вы абсолютно свободны. Нет никаких установок того, что вы должны говорить. Вы просто говорите. Единственное требование заключается в том, чтобы вы продолжали следить за собой, осознавать себя. И еще одна рекомендация: подбросьте что-нибудь из ваших внутренних ощущений в то, что вы говорите».

В любой группе, которая настолько продвинулась в осуществлении этих предложений, следующим шагом может стать освоение опыта сверхвидения, и здесь я считаю себя вправе порекомендовать нескольких человек, которые обучались ему под моим руководством в течение последних десяти лет или около того.

Этот этап, в свою очередь, может стать переходным ко второй стадии работы, стадии, цель которой - развитие высших чувств, или добродетелей, и избирательное освобождение от проявлений, считающихся наиболее деструктивными, - аспект, выходящий за рамки содержания этой книги.

Все же после стольких лет преподавания материала этой книги

психотерапевтам я много раз был свидетелем того, какое большое значение это имело для их клинической практики, и я просто не могу не предположить, что эта книга, издание которой позволит гораздо более широкой профессиональной аудитории приобщиться к этим идеям, - вызовет эффект, опять же в более широком сообществе тех, кто проходит психотерапевтическое лечение. Это, действительно, увеличивает то чувство удовлетворения, которое я испытываю в связи с изданием этой книги, и по этой причине мне особенно хочется сказать несколько слов моим читателям- психотерапевтам.

Я хотел бы в очень простой форме обратиться к вопросу, который мне задавали очень часто: «Как же нужно воплощать эти идеи в психотерапии?» - обратиться только для того, чтобы сказать, что это не самый удачный вопрос, который можно задать. Хотя я разделял некоторые такие идеи, которые возникли в моей практике по гештальт-терапии во время Второй международной конференции по гештальт-терапии в Мадриде (1987) [\[216\]](#), и мог бы в один прекрасный день написать о том, как я скрыто использовал эти сведения, работая с группами, проходящими курс терапевтического лечения (при котором эффект в значительной мере достигается использованием расхождений во взглядах разных личностей и предоставлением им возможности увидеть мир глазами друг друга). На данном этапе вместо того чтобы пытаться составить какой-либо список указаний того, как использовать идеи из этой книги в психоанализе, я хотел бы заметить, что сам никогда особенно не стремился использовать их во что бы то ни стало, и я рекомендовал бы всем остальным позволить идеям «самим осуществлять работу» - чтобы они непосредственно и органично проникали в их практику.

Я убежден, что обостренное восприятие характера - это один из лучших способов поддержки для того, чтобы психотерапевтическое вмешательство проходило успешно, какие бы ни были его условия, и так как я верю в то, что характер - это скелет невроза, я убежден, что лечение, при котором внимание сконцентрировано на характере пациента, безусловно ближе к цели, чем основанное исключительно на симптомах и воспоминаниях. Поэтому я хотел бы выразить надежду на то, что это знание принесет просветление, поможет сориентироваться и вдохновит на созидание тех, кто помогает другим в их лечении и развитии, и я думаю, что мне осталось только напомнить о той разнице,

которая пролегает между теоретическим пониманием и практическим опытом, и предположить, что самое лучшее, что может сделать профессионал, чтобы воплотить эти идеи в жизнь, - это проверить их действие на себе - остальное придет само собой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Замечания, касающиеся дифференциального диагноза некоторых типов личности [\[217\]](#)

I/III

Сходные в том, что касается самообладания и любви к соблюдению формальностей, эти два типа различаются, однако, в том, что первый тип энеаграммы (далее ЭI, и аналогично: ЭII, ЭIII и т. д. - прим. перев.) более сдержан и более серьезен, тогда как ЭIII скорее экспансивен и открыто жизнерадостен. Кроме того, ЭI в своем поведении более сориентирован на традицию, тогда как ЭIII ориентируется на других людей и стремится «быть как все».

I/V

Хотя обоим типам присуще умение владеть собой и стремление во всяком деле к законченности и совершенству, они отличны друг от друга в том, что склонны отождествлять себя - в случае ЭI - с исполненной собственного достоинства стороной своего Я, а в случае ЭV - с переживанием чувства вины. Соответственно представитель ЭI в своих внешних проявлениях напорист и упрям, в то время как представитель ЭV застенчив и нерешителен.

I/VI

Разновидность ЭVI, преобладающей чертой у представителей которой является приверженность долгу, возможно, трудно будет отличить от ЭI. Одно из различий выражается в большей напористости последнего, другое - в том, что для робкого, каковым, как правило, является представитель 3VI, гораздо труднее принимать решения.

Кроме того, ЭI более активен.

II/III

Хотя обоим типам свойственна забота о том, как они выглядят в глазах других, и жажда внимания к своей личности, представитель ЭII сравнительно более свободен и непосредственен, тогда как ЭIII контролирует себя, опасаясь дать волю своим чувствам. ЭII также имеет тенденцию к фамильярности в отношениях с людьми, ЭIII по сравнению с ним всегда помнит о личностной дистанции и придерживается определенных границ в общении.

II/VII

Хотя обоим типам свойственно гедонистическое отношение к жизни, равно как и стремление очаровывать окружающих, только ЭII оказывается подлинно эмоциональным типом, тогда как у представителей типа ЭVII теплая благожелательность соседствует рука об руку с полнейшей независимостью от того, кому эти дружелюбные чувства адресованы. Последнее подразумевает у представителей данного типа хладнокровное стремление остаться в стороне.

II/VIII

Хотя гордый может быть импульсивен, самонадеян и высокомерен, тем не менее ЭII, наиболее характерным воплощением которого он является, определенно эмоционален, в то время как ЭVIII деятелен. Представитель ЭII по преимуществу очаровывает, представитель ЭVIII более ориентирован на власть и открытое господство.

II/IX

Несмотря на то что мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что типы ЭIX и ЭII выглядят весьма схожими по внешнему виду в силу свойственной им склонности к известной щедрости, ни один характер

нельзя назвать менее театральным и менее эгоцентричным, чем принадлежащий ЭIX, в то время как характеру у ЭII в наименьшей мере свойственно смиряться с судьбой или ориентироваться на заведенный порядок вещей, и, кроме того, ЭIX сознательно бескорыстен, тогда как ЭН склонен манипулировать людьми и, одаривая ближних, постоянно собой любит. Отметим также, что ЭIX терпелив, а ЭII нетерпелив. ЭIX придерживается реальной действительности; ЭII - романтик.

III/V

Как и в случае различия между ЭII и ЭIII, различие ЭIII и ЭIV связано с компромиссным соглашением между чрезмерным контролем над собой и эмоциональной экспрессивностью. Если поведенческим стереотипом для ЭIII является феномен куклы Барби, то стереотипом для ЭIV может служить балерина. Наиболее отчетливо это проявляется в контрасте между приподнятым настроением, в котором по большей части находится ЭIII, и приступами печали, которым периодически подвержен ЭIV, что является отзвуком соответственно хорошего (в случае ЭIII) и плохого (в случае ЭIV) представления о самом себе. Хотя оба типа обладают способностью брать под контроль свои произвольно выражаемые чувства и оценки, у представителей ЭIII это качество принимает форму педантизма, тогда как у представителей ЭIV оборачивается притворством и жеманством. Кроме того, можно отметить, не выходя за рамки сопоставления этих двух типов и рассматривая их только относительно друг друга, что ЭIII более интеллектуален, а ЭIV более эмоционален.

III/V

Эти два типа трудно спутать между собой, поскольку ЭIII деятелен и эффективен, а ЭV, с характерной для него отрешенностью от мирских забот, неэффективен и непрактичен. Оба типа можно назвать нарцисстическими - в том смысле, что изредка ЭV, точно так же как и ЭIII, пытается приобщиться к подлинной жизни и любви, разыгрывая своего рода спектакль, однако стиль того и другого при этом различен: ЭIII более общителен и не боится конфронтации в

отличие от шизоидного ЭV, который избегает конфронтации и социальных контактов.

III/VI

Между этими двумя типами в некоторых случаях трудно провести четкое различие, так как ЭVI в своем обеспокоенном поведении может демонстрировать повышенное тщеславие, а ЭIII, в свою очередь, склонен к проявлению беспокойства, что называется «в чистом виде». Тем не менее содержание подобного беспокойства обычно различно у этих двух типов. У ЭIII - это боязнь чрезмерного самообнаружения и тем самым возможного разобщения с окружающими, тогда как для ЭVI характерно беспокойство относительно того, чтобы не допустить ошибки или не оказаться в неведении, что и в каком порядке следует делать в определенной ситуации. Даже если ЭIII может быть наделен очень сильным интеллектом, его интеллектуальная ориентация заключается в поиске рациональной опоры для практического действия, тогда как ЭVI обычно интересуется больше теоретическими и метафизическими вопросами, вне их практического приложения. По-видимому, даже более поразительным, чем противоположность этих двух типов в плане экстраверсии (ЭIII) - интроверсии (ЭVI) является то, что в отличие от ЭIII, который стремится быть как все, ЭVI обычно действует в соответствии с собственными взглядами, даже если они и не являются общепринятыми.

III/VII

Эти типы нетрудно спутать друг с другом, поскольку представители ЭVII обычно слывут тщеславными и экстравертными. Нередко побуждение к достижениям сильнее у ЭIII, тогда как у ЭVII подобное побуждение сдерживается сибаритским отвращением ко всякого рода усилиям. К тому же, в то время как ЭIII может считать себя любителем наслаждений (enjoyer), ЭVII более правильно отнести к гедонистическому типу, поскольку жажда наслаждений в этом случае неизбежно влечет за собой терпимость к распушенности и презрение к общественным условностям. Однако еще рельефнее противоположность

между ними выступает на примере оппозиции дисциплинированность <-> контроль со стороны других (в случае ЭШ) и вседозволенность <-> контроль со стороны других (в случае ЭVII).

III/VIII

Эти типы при случае можно легко спутать между собой, поскольку отдельные представители ЭШ могут отдавать себе отчет в развившейся у них самоуверенной жажде соперничества, причем соперничестве с оттенком злопамятства, и могут иметь склонность как к господству, так и к соперничеству. Основное различие между ними, как и в случае различия между ЭШ и ЭVII, заключается в импульсивности и бунтарском нраве, свойственном ЭVIII, в противоположность типичному для ЭШ умению владеть собой и согласовывать свое поведение с общепринятыми нормами.

III/IX

Несмотря на то что противоположность между этими двумя типами может быть очень заметной с точки зрения наличия у них осознанного побуждения к достижениям, представители обоих из них могут принадлежать к разряду людей, что называется, «горящих на работе», равно как и тех, кто достаточно поверхностно переживает свою жизнь, не затрагивая ее глубинных пластов и не задумываясь над ее смыслом. Кроме того, ЭIX может быть так же бесстрастен, как, по всей видимости, бесстрастен ЭШ, а ЭШ, в свою очередь, проявлять ту же ласковость и нежность, что и ЭIX. Одно из различий между ними состоит в том, что из всех характеров ЭIX наиболее ориентирован на традицию, тогда как ЭШ наиболее ориентирован на других людей; следует добавить, что характер ЭIX функционирует в тесной связи с состоянием внутренних органов своего носителя, тогда как характер у ЭШ более зависит от внешних соматических факторов. Хотя оба типа практичны, ЭIX более расслаблен и мягок, в то время как ЭШ энергичен и прям - не только в прямом физическом смысле, но и в психологическом отношении.

IV/V

ЭIV и ЭV, занимающие места в самом низу энеаграммы, опознаются в качестве неудачников, что подразумевает у них наличие чувства неполноценности и вины, равно как и склонности к покорности и послушанию. Тем не менее в то время как ЭIV рассчитывает на установление контакта с другим человеком вопреки тому, что его надежды уже не единожды рушились, ЭV отказывается, считая это дело безнадежным, и если депрессия, характерная для ЭIV, в соответствии с его эмоциональными данными, - это сплав из печали, слез и самообвинений, то депрессия у ЭV выражается в сухости и опустошенности души, в той заброшенности и одинокости, при которой печаль кажется похороненной под тяжким грузом покорности судьбе. В целом можно утверждать, что у ЭIV тип личности интенсивный, тогда как у ЭV он наименее интенсивный, после ЭIX, в сравнении с другими типами энеаграммы.

IV/VI

Вероятно, самое поразительное различие между этими типами - в эмоциональности и экспрессивности ЭIV в противоположность сосредоточенности на интеллекте и сдержанности чувств у ЭVI. Эти два типа трудно спутать.

IV/VII

В данном случае мы имеем дело с противоположностью депрессии и приподнятого настроения, а также чувства вины, с одной стороны, и ощущения того, что у «вас все о'кей», с другой. Кроме того, ЭIV в большей степени по сравнению с ЭVII получает свою характеристику через суперэго. В большинстве случаев ЭIV выражает свой гнев гораздо чаще, чем ЭVII, который буквально заставляет себя быть мягким и ласковым в обращении.

IV/VIII

Хотя эти два типа имеют много общего, в первом больше эмоциональной интенсивности, тогда как во втором преобладает интенсивность, свойственная деятельной жизни. Так же и гнев дольше сохраняется в первом, тогда как во втором рассеивается благодаря его взрывчатой экспрессивности. Более важна, однако, противоположность между импульсивностью ЭVIII, который домогается того, чего ему хочется, и сдерживанием своих чувств у ЭIV, у которого страстное желание идет рука об руку с самозапретами и внутренним осуждением чрезмерных желаний. Вследствие этого ЭVIII завладевает, в то время как ЭIV жалуется или достигает своих целей, спекулируя на своих страданиях.

IV/IX

Единственная общая черта у этих характеров - это их способность создавать условия для депрессивных состояний. Тем не менее даже в таких случаях для ЭIV характерен «требующий тип» депрессии, тогда как у ЭIX депрессия находит свое выражение в простой печали и пассивности, в которых мы не ощущаем драматического начала и потребности во внимании к себе, свойственных депрессии ЭIV. Хотя оба типа получили ярлык «мазохистские», ЭIV эмоционален и сверхчувствителен, а ЭIX практичен и долготерпелив, ЭIV лицемерен и театрален, тогда как ЭIX флегматичен.

V/VI

Эти типы могут смешиваться благодаря наличию у ЭV шизоидных черт, равно как и склонности к печали у особой разновидности данного типа - еще более избегающей людей, нежели основной тип. Кроме того, ЭV может - как и ЭVI - быть недоверчивым. Здесь следует учесть, что недоверие ЭУ носит характер более избегающий, более сторонящийся, нежели недоверие представителя ЭVI, даже и в случае фобии последнего, поскольку он более зависим от людей, более ласков и великодушен: как в плане оказания услуг, так и в качестве гостеприимного хозяина. ЭVI также сравнительно более

дисциплинирован и принимает во внимание существование внешней власти - как в плане готовности подчиняться условной или действительной власти, так и в сознании своего превосходства над теми, кто стоит ниже его на иерархической лестнице.

V/IX

Эти два типа нетрудно и спутать, потому что, несмотря на противоположность между сверхчувствительным интровертом и экстравертом со «слаборазвитой чувствительностью», в отношении обоих мы можем говорить о резиньяции (смирении, покорности судьбе) и забвении собственных нужд. Различие же между ними в том, что в первом случае - это резиньяция, сопряженная с бегством от людей (изоляция), тогда как в другом резиньяция не мешает участвовать в жизни людей, не устраняет способности к контакту с ними, что подразумевает противоположность психологических характеристик невеликодушного или скупого индивида и индивида, готового отказывать себе во всем. Однако наиболее ярко характеризует эти два типа противоположность между великодушием и щедростью, свойственной ЭIX, и весьма умеренной помощью, сотрудничеством и поддержкой, которых можно ожидать со стороны ЭV.

VI/VII

Нет сомнений, что ЭVII гораздо обаятельней представителей ЭVI и значительно легче приспосабливается к обстоятельствам. С другой стороны, гнев и возмущение переживаются представителями ЭVI более заметно. Наиболее интересно различие между ними по линии такого показателя, как чувство вины: у первого оно отсутствует, зато присутствует у второго. В то время как ЭVI в своих отношениях с людьми придерживается иерархической точки зрения, ЭVII воспринимает людей как равных и не испытывает какого-либо особого страха перед представителями власти. Если о ЭVII можно сказать, что это - в широком смысле слова - опасющийся тип, то он все же, в отличие от ЭVI, не склонен поддаваться панике или испытывать беспричинную тревогу, и страх в данном случае является

психодинамическим аспектом ставшей обязательной для этого типа мягкости и доброты.

VI/VIII

Различие этих двух типов выступает с полной ясностью на примере застенчивости (ЭVI) против сверхсамоуверенности (ЭVIII) и явной боязливости (ЭVI) против столь же явного бесстрашия (ЭVIII) - за исключением случая, представленного одной из разновидностей трусливости - контрфобического характера (counter-phobic), у которого стремление к силе и воинственности может симулировать фаллически-нарциссический характер. Одно из различий между этими типами заключается в большей интеллектуальной ориентации ЭVI, что контрастирует с антиинтеллектуальной ориентацией, которая гораздо чаще встречается среди представителей ЭVI, - а также в большем чувстве вины у него и в озабоченности по поводу своего интеллектуального авторитета. Отметим также значительную степень интровертности первого и большую, в сравнении с ним, импульсивность и недисциплинированность последнего.

VI/IX

Одно из различий в данном случае проходит по линии наличия у этих типов интровертно-экстравертных показателей. Другое связано с тем, что упоминавшимся преобладанием соответственно интеллектуальной (ЭVI) и сенсорно-моторной (ЭIX) ориентаций. В то время как ЭVI ориентируется на иерархию, ЭIX не принимает иерархический взгляд на жизнь. Кроме того, если ЭVI, наряду с ЭУ, в своих действиях больше, чем какой-либо другой тип, руководствуется собственными взглядами независимо от их общепринятости, то ЭIX в наиболее чистом виде представляет ориентированность на традицию.

VIII/VIII

Различие между этими двумя характерами можно передать с

помощью противоположности между мягкосердечием и жестокосердием. Хотя оба одинаково импульсивны, - первый интеллектуален, второй активен. Кроме того, в то время как ЭVII свойственна тенденция к смирению и повиновению, ЭVIII стремится господствовать.

VIII/X

Эти два типа можно перепутать, поскольку такие характерные черты, как пассивность и лень, которые иногда имеются у представителей ЭVII, могут быть истолкованы как выражение преобладающей для ЭIX страсти. Одно из различий между ними в том, что интенсивной жизни в мечтах у ЭVII противостоит почти полное отсутствие внутренней жизни у ЭIX. Другое - лисья хитрость и тонкость, свойственная представителям ЭVII и контрастирующая с отсутствием тонкости и наивностью - характерными признаками «синдрома Санчо Панса». Кроме того, потакание своим желаниям, характерное для ЭVII, заметно контрастирует со способностью ЭIX откладывать свои желания и полностью приспосабливать свою жизнь к требованиям среды. Далее, хотя ненасытность приводит к тому, что человек обременяет себя разнообразными психологическими комплексами, тем не менее и психологическая лень приводит к чрезмерному упрощению психики.

^[1] Перевод В. Зеленского.

^[2] Хотя иногда я подчеркиваю поведенческую, когнитивную жди аффективную точки зрения, идея о том, что каждая поведенческая черта связана с когнитивным и мотивационным аспектами, является сквозной в данной книге.

^[3] Основатель Психоаналитического института в Сантьяго и глава психоаналитически ориентированной психиатрической клиники Чилийского университета.

^[4] Ouspensky P. D. In search of the miraculous (New York: Harcourt, Brace amp; World, 1949). Русский перевод: П. Успенский. В поисках чудесного. - СПб... 1994. - 528 с.

^[5] Цитата Тотилы Альберта взята из неопубликованной рукописи. В

более расширенном виде см. Клаудио Наранхо «Агония Патриархата». - Воронеж, 1995.

^[6] Sheldon W. H. and Stevens S. S. The varieties of temperament: a psychology of constitutional differences (New York: Harper amp; Brothers, 1942).

^[7] Я заимствую этот термин у д-ра Роланда Фишера, бывшего редактора журнала «Измененные состояния сознания» (Journal of Altered States of Consciousness).

В оригинале выражение Altered State of California представляет игру слов, основанную на слове «State» - «состояние», «штат». В результате одновременно получается «Измененный штат Калифорния» и «Измененное состояние Калифорнии» с намеком на выражение «Измененные состояния сознания» - в настоящее время широкоупотребляемый термин в трансперсональной психологии. - *Прим. ред. перев.*

^[8] Перлз Фритц. Внутри и вне помойного ведра. - СПб., 1996.

^[9] Я написал «Об одном поиске», «Психология медитации» и «Исцеляющее путешествие», которые были опубликованы в семидесятые годы. Недавно я опубликовал «Гештальт-терапия» (1993, русский перевод: 1996). В настоящий момент я готовлю книгу «Божественное Дитя и Герой».

^[10] Davidson Roy Weaver. Documents on contemporary dervish communities (London: Society for Organising Unified Research in Cultural Education, 1966).

^[11] Это личное приглашение со временем приобрело более обширный характер. По моему предложению в дальнейшем в группу вошел ряд моих друзей, а позже более чем сорок американцев присоединились ко мне. В результате работы группы и был создан «институт Арика».

^[12] Подробнее о традиции Сармуни (Sarmouni) см. J. G. Bennett. Masters of Wisdom.

^[13] В работе Лилли и Тарта (см. Tart. Transpersonal Psychologies) моя роль сводилась к постановке диагноза, но не к дескрипторам типов характера.

^[14] Так, например, сопоставление «Рыночной Ориентации» Эриха

Фромм и личности, отнесенной Лоуэном (Lowen) к нарцисстическому типу, позволило мне увидеть, что оба автора пользуются различным словарем и находящиеся в центре внимания различные аспекты того же самого характера. Тут важно отметить, что и Хорни придавала слову «нарцисстический» сходное значение. Несмотря на их дружбу и определенное сходство во взглядах, Фромм и Хорни не производили впечатления понимания ими того, что они говорят об одних и тех же вещах.

^[15] Что я уже и сделал в статье «О пуританическом характере», в которой я предпринял концептуальную кластеризацию наблюдаемых мной черт характера, с тем, чтобы углубить гипотезу о наличии черт более фундаментальных (American Journal of Psychoanalysis, vol. XLII, № 2, New York: Agathon Press, 1982).

^[16] Понятие «смертные грехи», относящееся по своей природе как к страстям, так и к идеям разрушения, можно обнаружить уже у первого автора, писавшего на эту тему, у Эвагриса Понтикуса (IV век н. э.) (Evagrius Ponticus).

^[17] Peterfreund E. International Journal of Psychoanalysis, 1978, 59, p. 427-441.

^[18] Этот вопрос сходен, но ставится несколько шире, нежели тот, на который ссылается Р. Лэнг, использующий выражение «онтическая ненадежность» (ontic insecurity).

^[19] Guntrip Harry. Schizoid Phenomena. Object Relations and the Self. - N. Y., 1969.

^[20] Хорни Карен. Невроз и личностный рост. - М., 1996.

^[21] Shapiro David. Psychotherapy of Neurotic Character (New York: Basic Books, 1989).

^[22] Перевод В. Зеленского.

^[23] Влечения, касающиеся родственных отношений, принято считать инстинктом, несмотря на то что Гантрип (Guntrip) не принимает этого положения. Например, Модел (Model) говорит о двух разновидностях инстинкта - о сексуальном и агрессивном инстинкте «ид» (id) помимо недавно признанного объектно-ориентированного инстинкта эго.

^[24] Несмотря на то что в работе «Структуры энеатипов» я писал, что чистый инстинкт (pure instinct) может быть изображен тремя точками, в

отличие от ограниченного инстинкта, выраженного через три энеаграммы, тем не менее я хотел бы процитировать Ичазо, который утверждает, что, хотя это и имеет место в медитативном погружении, однако, при попытке выработать выражение сущности в жизни, эта сущность может быть изображена в виде энеаграммы, содержащей три центральных треугольника энеаграмм инстинкта.

^[25] Имеется русский перевод. См. Энеаструктуры личности. Воронеж, 1996. К сожалению, по техническим причинам, не зависевшим от редактора русского издания, книга вышла с большим количеством ошибок. Тем не менее приношу свои извинения читателям. - В. 3.

^[26] В данной работе мы не будем рассматривать все 27 подтипов, кроме случаев с разновидностями «подозрительного» характера. Это обусловлено тем, что формы энеатипа VI настолько отличаются друг от друга, что говорить о нем в общих чертах означало бы упустить их удивительные отличительные характеристики.

^[27] В своей книге «В поисках чудесного» Успенский ссылается на Гурджиева, который говорит, что представленное им учение независимо от всех остальных течений (таких, как теософия или западный оккультизм) и что по сей день оно оставалось не раскрытым. Данное учение, как и другие учения, использует символический подход, и основным символом здесь является энеаграмма. Она состоит из окружности, разделенной на девять частей точками, которые соединяются между собой при помощи девяти линий, образуя схему, подчиняющуюся «закону семи» и «закону трех». В этой же книге Успенский приводит слова Гурджиева о том, что в общем энеаграмма может рассматриваться как универсальный символ и что любая наука может быть выражена через ее посредство, и, следовательно, тому, кто умеет пользоваться энеаграммой, книги и библиотеки становятся не нужны. Если человек, оказавшийся один в пустыне, нарисует на песке энеаграмму, то сможет познать вечные законы вселенной, и с каждым разом он будет узнавать что-то новое, чего не замечал раньше. Далее он говорит, что наука об энеаграммах долгое время держалась в секрете и что теперь она доступна почти всем, но в неполной мере и только теоретически, и что знания о них будут почти бесполезными, если они не будут исходить от человека, полностью владеющего ими.

^[28] Cooper, Arnold M., Allen J. Frances, Michael H. Sacks, Psychiatry.

Volume I, The Personality Disorder and Neurosis (New York: Basic Books, 1990). Ссылки на литературу о циркумplexных моделях, присутствующие в данном абзаце, а также модель, представленная на рис. 5, приводятся из вышеупомянутого сборника.

^[29] Как будет видно в дальнейшем, личность «пограничных состояний» *sensu strictu* (в узком смысле (*лат.*) - *прим. пер.*) соответствует осложнениям этого типа.

^[30] DSM-III-R.

^[31] Если рассматривать данное понятие в полном объеме, то конкретно для энеатипа V оно отличается от понятия шизоида.

^[32] Можно отметить, что Фритц Перле, придававший большое значение размышлениям и словесной агрессивности, сам был фаллически-нарцисстической (*phallic-narcissistic*), карающей личностью.

^[33] Энеатипу IX обычно присуща эндогенная депрессия (*endogenous depression*), а типу IV - депрессия невротическая.

^[34] Хотя основной целью «работы над самим собой» является смещение акцентов в контроле за поведением от низшего эмоционального центра страстей к высшему центру, можно предвидеть и следующую стадию - смещение акцентов от «низшего интеллектуального центра» обычного познания, наполненного ложными представлениями, сформированными в детстве (фиксации), к высшему интеллектуальному центру созерцательно-интуитивного понимания.

^[35] «The Arica Training» chapter by John C. Lilly and Joseph E. Hart in *Transpersonal Psychologies*, edited by Charles Tart (El Cerrito, CA: Psychological Process, 1983).

^[36] В главе 7 я предлагаю рассматривать «тщеславие» в общем контексте с «гордостью» (скорее как страсть покрасоваться перед окружающими, нежели как страсть к напыщенности, к инфляции), а обман и самообман - как когнитивный аспект энеатипа III (когда индивид отождествляет себя со своим ложным Я).

^[37] Взгляд, изложенный здесь, имеет отношение к высказываниям Когута о том, что пертурбация личности лежит в основе нарцисстических расстройств, но при этом простирается дальше, рассматривая пертурбацию личности как основу всей психопатологии.

^[38] Гантрип использует термин «эго», «чтобы обозначить состояния

или условия развития всей психики, всей личности. „Эго" выражает психическую самореализацию, и каждый психический процесс имеет „эго-качество", будь то сильное эго или слабое». По поводу слабости эго Гантрип пишет: «В структуре характера каждого человека присутствует в большей или меньшей степени незрелость, которая ощущается как определенная слабость и неполноценность эго...» И далее: «Ощущение слабости возникает из-за недостаточности достоверного чувства собственной реальности и подлинности в качестве эго».

^[39] Abraham Karl Leonard and Virginia Woolf, editors, *Selected Papers on Psychoanalysis* (London: Hogarth Press, 1965).

^[40] Термин Henry Murray, введенный им для обозначения мотива, направленного на избегание прикосновения к внутреннему миру, но и не чужд гордыни. В действительности слово гордыня иногда используется специфически, чтобы описать аристократическое, надменное отношение перфекционистов, а не для описания характера, обозначаемого здесь как «гордый», устремления которого состоят не столько в том, чтобы достичь уважения и восхищения окружающих, сколько в том, чтобы ощущать себя кому-то необходимым и любимым и быть объектом восхищения в качестве выдающейся личности.

^[41] Тот факт, что энеатипы I и V путаются друг с другом, является, как мне кажется, выражением сходства, выходящего за пределы конструктивных характеристик. Можно также говорить о сходстве в случае характеров, занимающих место на конце двух других антиподов в энеаграммах IV-VIII и VII-II.

^[42] Термин является примером жаргона, употребляемого психиатрами по отношению к сознанию индивида, относительно правомерности использования которого имеются различные мнения. У Курта Шнайдера можно найти «ананкастиков», описанных как форма более широкой категории «неустойчивости» или «ненадежности» (insecure), что в общем соответствует шизоидному типу. Ниже смотри также мои комментарии по поводу описаний анального и обсессивного характеров Карла Абрахама и Вильгельма Райха.

^[43] Schneider Kurt. *Las Personalidades Psicopaticas* (Madrid: Ediciones Morata, 1961).

^[44] В наше время в DSM-III используется термин «обсессивная

болезнь».

^[45] Немецкий термин.

^[46] Von Gebattel V.E. The world of the Compulsive, in Existence: A new Dimension in Psichiatty and Psychology, edited by Rollo May (New York: Basic Books, 1959).

^[47] International Classification of Diseases (Международная классификация болезней, девятое издание). Salt Lake City, UT Med - Index Publications, 1991.

^[48] Abraham K. Указ. соч.

^[49] Reich Wilhelm. Character Analysis. 1961.

^[50] Я нахожу поддержку вышесказанному в том, что некоторые черты, приписываемые Абрахамом и другими авторами «анальному характеру, такие как убежденность» в том, что они умеют делать все лучше, чем другие, соответствует энеатипу I, в то время как другие - такие как медлительность - типичны для энеатипа V. С этим связано и то, что выражение «ком- пульсивная личность», первоначально употреблявшееся как эквивалент термина «анальный характер», стало применяться в США для обозначения энеатипа I, в то время как в Европе оно повсеместно употребляется по отношению к энеатипу V. (См., например, анализ ананкастического типа фон Гебзаттеля, включенный в работу Ролло Мэя «Существование».)

^[51] Сокращение (аббревиатура) DSM III используется в данной книге как обозначение справочника Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. - Washington D.C.: American Psichiatic Association, 1987.

^[52] Millon Theodore. Disorders of Personality. (Расстройства личности): DSM III: Axis II (New York: John Wiley amp; Sons, 1981).

^[53] Neurosis and Human Growth. - New York, 1990. Русский перевод: Невроз и личностный рост. - СПб., 1997.

^[54] Юнг К. Психологические типы. - СПб., 1996.

^[55] Keirsev David amp; Bates Marilyn. Please Understand Me. - 1984.

^[56] Coulter Catherine R. Portraits of Homoeopathic Medicines. Vol. 1 (Berkeley: North Atlantic Books, 1986). Все отрывки (стр. 235-300) цитируются с разрешения автора.

^[57] Coulter Catherine. Указ. соч. Т. 2. С. 242-248.

[58] Согласно Олдхаму и Фрошу (Oldham and Frosch), авторам главы, посвященной компульсивной личности в «Психиатрии» Купера и др., некоторые исследования позволяют предположить, что «генетический факт может проявляться предрасположенностью к развитию обсессивных черт». Кроме того, многие клиницисты, начиная с Фрейда, высказывали предположение о том, что факторы, связанные с конституцией, играют роль в развитии этого нарушения. Авторы приводят высказывание Радо о том, что «компульсивные пациенты конституционно обладают повышенным количеством гнева, что побуждает их с раннего возраста сражаться за власть с другими. Мы можем также процитировать Эриксона, который пишет о том, что «в детстве будущий компульсивный пациент либо обладал присущей ему от природы повышенной самостоятельностью, либо являлся объектом чрезмерного контроля и строгого отношения со стороны родителей». Далее он заключает, что «вариации этой последней формулировки представляют собой психодинамику данного нарушения, наиболее часто предлагаемую в современной клинической литературе». Авторы приводят также цитату Инграма о том, что «потребность в осуществлении контроля у компульсивного пациента представляет собой попытку идентифицировать себя с внушающими страх родителями». Мильтон также высказывает мысль о том, что «потребность держать под контролем свои импульсы, в особенности враждебного характера, связана с тем, что в детстве ребенок подвергался чрезмерному контролю со стороны родителей». Лидс также пишет о том, что «можно сделать вывод, что родители обсессивных пациентов сами имели тенденцию к обсессивности, будучи не в состоянии терпеть выражения инстинктивных влечений и стремления к самостоятельности ни в себе, ни в детях...». Cooper Arnold M., Allen J. Frances, Michael H. Sacks. *Psychiatry. Vol.1: The Personality Disorders and Neurosis* (New York: Basic Books, 1990); Купер Арнольд, Аллен Дж. Френсис и Сэкс Майкл Х. *Психиатрия, т. I: Нарушения личности и невроз* (Нью-Йорк: Бейсик Букс, 1990).

[59] То есть мускулистые с округленными чертами и не обладающие хрупкостью или утонченностью.

[60] Чосер Д. Кентерберийские рассказы, современная английская версия Дж. У. Николсона / Нью-Йорк: Гарден Сити Букс, 1934. С. 595.

- [61] См. анализ фон Гебзаттеля ниже.
- [62] Schneider K. Указ. соч.
- [63] Kretschmer E. Korfebau und Character (Berlin: Springer Verlag, 1925). Русский перевод: Кречмер Э. Строение тела и характер. Государственное издательство Украины, 1924.
- [64] Von Gebattel V.B. «The World of Compulsive» in Existence: A New Dimension in Psychiatry and Psychology, edited by Rollo May (New York: Basic Books, 1959).
- [65] Там же.
- [66] Horney Karen. Neurosis and Human Growth (New York: W.W. Norton amp; Co, 1990). Русский перевод: Хорни К. Невроз и личностный рост. - СПб., 1997.
- [67] Fairbairn W.R.D., цитата из Otto Kernberg, «An Object - Relations Theory of the Personality» (New York: Basic Books, 1952).
- [68] Fairbairn W.R.D. Borderline Conditions and Pathological Narcissism (New York: Jason Aronson, Inc., 1985).
- [69] Millon T. Указ. соч.
- [70] Юнг К.Г. Указ. соч.
- [71] Соответствие, подтверждаемое иллюстрирующими сносками на Канта и Ницше.
- [72] Keirse D. amp; Bates M. Указ. соч.
- [73] Цитируется с разрешения автора, Кэтрин Р. Культер; все отрывки, посвященные типу *сульфур*, взяты со стр. 151-197. Портреты гомеопатической медицины. Т. 1 (Berkeley, C.A. North Atlantic Books, 1986).
- [74] Перепечатано с разрешения автора из указ. соч., том 2, стр. 67-106.
- [75] Von Gebattel V. E. Указ. соч.
- [76] Гессе Герман. Сиддхарта. - СПб., 1992.
- [77] Kretschmer Ernst. Physique and Character. - An investigation of the nature of Constitution and the theory of temperament. - N.Y., 1936.
- [78] Matte Blanco Ignatio. Psicologia Dinamica (Santiago: Estudios de Ed. de le Universidad de Chile, 1955).
- [79] У Сивера и Кендлера в главе, посвященной шизоидной личности, в работе Купера и др. «Психиатрия» авторы пишут: «Генетические

исследования позволяют предположить, что в биографии шизофреников можно наблюдать генетическую изоляцию в период детства и отрочества, хотя результаты в этом отношении могут быть неоднозначны». Цитируется приводимое в этом исследовании утверждение о том, что здесь «имеют место конституционально детерминированная антагония и недостаток удовольствий, проистекающий из межличностных отношений». Они также приводят данные о том, что в истории болезни шизофреников наблюдается «неадекватное или недостаточно стабильное отношение со стороны матери, что ведет к появлению ощущения изоляции и подавляемости со стороны окружающих».

[80] То, что раньше имели обыкновение называть «шизофренической матерью»... От такой матери ребенок защищает свою внутреннюю жизнь, уходя в себя и приобретая склонность к скрытности.

[81] De Quevedo, Francisco Snero del Intierno in Suend y Discoursis. Английский перевод в: Dreams and Discoursis UK, 1989.

[82] Kraepelin E. Die Psychopathischen Persoulichkeiten. - Vienna. 1950; Цитирую по: K. Schneider. Las Personalidades Psicopaticas (Madrid, 1962).

[83] Schneider K. Указ. соч.

[84] Синдром, описанный Батлером в его работе «Вздорный (litigiens) человек», т.е. человек, которому свойственно желание наказывать других людей с помощью правосудия (сутяжник), уже был описан в европейской психиатрии, где он известен под названием «ворчливый» (вечно недовольный, раздражительный).

[85] Goldman-Eisler Freida. Breastfeeding and Character Formation // Personality in Nature, Society and Culture. 1st ed. Clyde Kluckhohn amp; Henry A. Murray editors (N.Y., 1948).

[86] Клейн Мелани. Зависть и благодарность. - СПб., 1997.

[87] Клейн Мелани. Указ. соч.

[88] Берн Эрик. Игры, в которые играют люди. - М.: Прогресс, 1992.

[89] Steiner Claude. Scripts people play. - N. Y., 1985.

[90] Kernberg Otto. In Severe Personality Absorbers: Psychoterapeutic Strategies. - N. Y., 1984.

[91] В исправленной версии DSM синдром саморазрушающей личности относят к категориям, требующим дальнейшего исследования.

[92] По мнению Перри и Клемана, термин «пограничный случай» не вызывает смысловых ассоциаций и не передает модели поведения, которая изображает отличительные стилистические черты. См.: Пограничный пациент // Архивы общей психиатрии. Т. 35, 1978. С. 141-150.

[93] Гринкер Р.Р. Синдром пограничного случая. - Нью-Йорк: Бейсик Букс, 1968. Четвертая группа явно принадлежит к шизоидам, что может объясняться присутствием среди обследуемых индивидов энеатипа V.

[94] Millon T. Указ. соч.

[95] Mitchell Arnold and Kelman Harold. Masochism: Horney's View // International Encyclopedia of Psichiatry, Psychology, Psychoanalysis, and Neurology. Vol. 7, p. 34-35. - N.Y., 1977.

[96] Их истинные мотивы в скрытом виде соответствуют шизоиду, кроме всего прочего они могут указывать на безразличие или холодность. Впечатление благоприятной ответной реакции или реакции симпатии предполагает энеатип IX.

[97] Keirsey D. amp; Bates M. Указ. соч.

[98] Культер К. Р. Указ. соч. Т. I. Цитаты приводятся с разрешения автора (стр. 349-361).

[99] Arietti Sylvano. Affective Disorders // American Handbook of Psychiatry. Vol. 3. - N. Y., 1974. Ариетти предложил именно этот термин «притязательность» для наиболее часто встречающейся личностной основы невротической депрессии, которую мы будем обсуждать в связи с энеатипом IX.

[100] Ferenczi. First Contributions to Psycho-Analysis.- London, 1952. Он пишет в этой работе: «Там, где параноик изгоняет из своего эго импульс, ставший ему неприятным, невротик помогает себе, включая в свое эго как можно большую часть внешнего мира...»

[101] Leplanche J. and Pontalis J.B. The Language of Psychoanalysis. - N.Y., 1973 (Лапланш Д. и Понталис Ж.Б. Язык психоанализа, - Нью-Йорк: У.У.Нортон и Ко, 1973).

[102] Stuart S. Asch (Стюарт С.Э.), описывая мазохистскую личность в работе: Cooper Arnold M., Allen J. Frances and Sacks Michael. Psychiatry. Vol. I. The Personality Disorder and Neurosis. - N.Y., 1990 (Купер Арнольд М., Аллен Дж.Френсис и Майкл Сэкс. Психиатрия. Т. I. Нарушения личности и невроз. - Нью-Йорк: Бейсик Букс, 1990), начинает с

заявления о том, что, «несмотря на многочисленные попытки объяснить этиологию мазохистской личности, можно сказать, что в общем она до сих пор неизвестна». Среди интересных данных, которые он приводит, привлекает внимание работа с мечеными цыплятами, которая показала, что «болезненная стимуляция, проводимая на протяжении критических первых 18 часов жизни, способствует быстрее устанавливающейся и более сильной привязанности к родителям, чем у контрольной группы». Он цитирует высказывание Бер- лингера о том, что «мазохист пытается добиться любви того, кто его наказывает, поскольку, возможно, для него это единственный вид близости, какой он знает». Однако он добавляет, что «нередки случаи, когда моральные мазохисты имели в детстве родителей, которые жестоко их наказывали».

[103] Goldman-Eisler Frieda. Указ. соч.

[104] Я пришел к этому выводу, размышляя по поводу личности женщин, подвергшихся насилию со стороны отца, с которыми мне приходилось сталкиваться при психотерапевтическом лечении.

[105] Сексуальный подтип энеатипа IV вносит в дискуссию некоторые сложности, поскольку у него развивается удивительная потребность быть чем-то особым, что, в свою очередь, проявляется как наличие высокомерной мстительности.

[106] Libro de Buen Amor, ed. by Maria Brey Marino. - Madrid, 1982.

[107] Связь между ненасытностью и вожделением была отмечена уже давно, так, в «Рассказе священника» у Чосера (указ. соч.) читаем: «Вслед за чревоугодием идет разврат, так как эти два греха столь близкие родственники, что временами их трудно различить».

[108] Цитируется по работе: Fromm Erich. Man for himself: An Inquiry into the Psychology of Sthics (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964). Русский перевод: Фромм. Человек для себя. - Минск, 1992.

[109] Schneider Kurt. Указ. соч.

[110] Scholtz. Die Moralische Anaesthesie (Leipzig, 1904).

[111] Millon T. Указ. соч.

[112] Kraepelin E. Psychiatrie: Ein Lehrbuch, 2nd ed. (Leipzig: Barth, 1887).

[113] Cleckly H. The Mask of Sanity (St. Louis: Mosby, 1941).

[114] Фромм Эрих. Указ. соч.

[115] Наш энеатип VIII.

[116] Horney Karen. Our Inner Conflicts: A constructive Theory of Neurosis (New York: W. W. Norton and Co., 1992).

[117] Sheldon W. H. The Varieties of Temperament (New York: Harper and Brothers, 1941).

[118] Юнг К. Г. Указ. соч.

[119] Coulter Catherine R. Указ. соч. Т. 2. Все отрывки цитируются с разрешения автора, стр. 3-46.

[120] Coulter Catherine R. Указ. соч., стр.12-13.

[121] Фромм Эрих. Указ. соч.

[122] Reich Wilhelm. Character Analysis, translated by Vincent Carfagno (New York: Simon and Schuster, 1972).

[123] В своей главе об антисоциальной личности в работе Купера и др. «Психиатрия» Уильям Х. Райд рассматривает некоторые доказательства органических корреляций этого синдрома. «Самые надежные данные подчеркивают характеристики автономности, указывающие на пониженный уровень базисного беспокойства, пониженную автономную реакцию на некоторые формы стресса и изменения в скорости автономного выхода из такого стресса». По его утверждению, «никакие переживания раннего возраста не могут с высокой степенью вероятности предсказать наступающую позднее социо-патию», хотя он добавляет, что «наиболее важным вопросом, связанным с отцом, является вопрос о том, являлся ли он или не являлся „социопатич-ным". Ибо „антисоциальные" отцы последовательно ассоциируются с антисоциальным или криминальным поведением потомства в статистическом смысле».

[124] То есть низкий в эктоморфии.

[125] Перевод глав 5-6 - К. Бутырина.

[126] Чосер. Указ. соч., с. 602.

[127] Например, большинство иллюстраций из клинической практики в книге Лоуэна о нарциссизме соответствует нашему энеатипу III.

[128] Schneider Kurt. Указ. соч.

[129] Abraham Karl. Указ. соч.

[130] См. Goldman-Eisler Frieda. Указ. соч.

[131] Freud Sigmund. Libidinal Types. English translation in Collected

Papers, vol. 5, p. 249 (London: Hogarth, 1950).

[132] Millon T. Указ. соч.

[133] Schapiro David. Указ. соч.

[134] Юнг К. Г. Указ. соч.

[135] Coulter Catherine R. Указ. соч. Т. 1, с. 79-123.

[136] Matte-Bianco Ignacio. Указ. соч.

[137] Раздел, посвященный этиологии в написанной Кернбергом главе о психических расстройствах, свойственных нарцисстической личности, - главе, являющейся частью коллективной работы, среди авторов которой Соорер и др., больше других разделов по своему объему, однако и вопросов по его прочтению остается немало. Кернберг начинает с заявления, что «теории, предлагаемые Розенфельдом (Rosenfeld), Когутом (Kohut) и мной, совпадают в том отношении, что подчеркивают важность психодинамической этиологии таких расстройств и сосредотачивают внимание на патологии способности удерживать в норме чувство самоуважения как ключевом вопросе их патогенеза». Резюмируя свою точку зрения, Когут утверждает, что источником нарцисстической психопатологии является «травматическое нарушение эмпатической функции у матери и невозможность вследствие этого нормального развития процессов идеализации». Все это «приводит к задержке в развитии, к фиксации на уровне архаического и инфантильного претенциозного Я и бесконечным поискам идеализированного Я-объекта, без которого формирование структуры личности нельзя считать завершенным...» Собственная точка зрения Кернберга сводится к тому, что «в течение какого-то времени, в возрасте от 3 до 5 лет, нарцисстическая личность вместо того, чтобы интегрировать положительные и отрицательные представления о себе и объектах - что обеспечивало бы „предметное постоянство" (object constancy), компилирует все положительные представления как о себе, так и об объектах, равно как и идеализированные их образы. Это приводит к образованию крайне далекого от действительности, идеализированного представления о самом себе и патологического, исполненного претензий Я. Виновниками развития у ребенка патологически претенциозного Я, конечно же, являются те родители, которые, будучи холодны и сдержаны в обращении с ребенком, одновременно им восхищаются».

- [138] Goldman-Eisler Freida. Указ. соч.
- [139] Naranjo C. The Healing Journey (New York: Pantheon Books, 1974).
- [140] The Canterbury Tales, modern English version by J.U.Nicholson (New York: Garden City Book, 1934). Русский перевод: Чосер Джерри. Кентербе- рийские рассказы. - М., 1973.
- [141] Shah Idries. Reflexions (London: Zenith Books, 1968). Ср. выражение из басни И. Крылова: «Кукушка славит петуха за то, что славит он кукушку» (*прим. ред. пер.*).
- [142] Butler Samuel. The Characters (Cleveland: Case Western University, 1970).
- [143] Schneider K. Die Psychopatischen Personalichkeiten (Vienna, 1923).
- [144] Kraepelin E. Указ. соч.
- [145] Schneider K. Указ. соч.
- [146] Hysterical Personality: a revaluation // Psychoanalytic Quarterly. 1965, 34, p. 390-402.
- [147] Lazare A., Klerman S. L. and Armov D. Oral, Obsessive and Hysterical Personality Patferus: Replication of Factor Analysis in an Independent Sample. - 1970, p. 275-290.
- [148] Reich Wilhelm. Character Analysis (New York: Simon and Schuster, 1961).
- [149] Millon T. Указ. соч.
- [150] Юнг К. Г. Указ. соч.
- [151] Coulter Catherine R. Указ. соч. Т. 1. Все отрывки (стр. 199-225) цитируются с разрешения автора.
- [152] Чтобы снискать симпатию, любовь или эмоциональную поддержку ближних.
- [153] Чтобы привлечь к себе внимание поступками, приносящими материальную или моральную выгоду другим.

[154] Несмотря на то что я в принципе согласен с Кернбергом в том, что необходимо проводить различие между гистрионической личностью и собственно истерической, мне все же думается, что его сжатый отчет, касающийся семейной динамики истерических пациентов (см. Купер и др. Психиатрия), больше соответствует случаю гистрионического, нежели истерического, в строгом смысле слова, типа. Он сообщает, что психоаналитическая литература «демонстрирует растущее согласие в том, что женщины с истерическим расстройством личности происходят из сравнительно прочных семей со следующими характерными особенностями. Отцы таких женщин - это, как правило, обольстительные мужчины, в поведении которых по отношению к собственным дочерям элементы сексуального очарования и чрезмерного поощрения причудливо соединяются с резкими и авторитарными, а иногда и пуританскими замашками: соблазнительность, характерная для их отношений с дочерьми, когда те находятся в детском возрасте, сменяется запретом с их стороны на все, что имеет отношение к сексуальному и романтическому, с наступлением отрочества. Матери таких пациенток характеризуются как особы властные и склонные искусно и всесторонне контролировать жизнь своих дочерей, причем нередко создается впечатление, что они пытаются с помощью своих дочерей реализовать собственные неосуществленные стремления. В то же самое время эти матери эффективны и ответственны как в ведении своих домашних дел, так и в исполнении общественных обязанностей. Я также думаю, что, по существу, именно к энеатипу II относятся в большинстве случаев наблюдения Магмог над пациентами, в отношении которых этот автор приходит к выводу, что «в действительности, это были люди с неразрешенными оральными конфликтами, сосредоточенными вокруг патологической зависимости от других, пассивности и свидетельствующими, в первую очередь, о серьезных расстройствах на стадии преэдиповых отношений ребенка с матерью».

[155] По-видимому, с опытом ранней фрустрации связано открытие, к которому я пришел, работая с группой, составленной из представительниц энеатипа II. Выяснилось, что большинство из них почувствовало в детстве, что по крайней мере один из родителей испытывал разочарование от того, что дочь не противоположного с ним пола.

[156] В этой матери, судя по всему, можно узнать представительницу энеатипа I.

[157] Перевод глав 7-10 - Д. Скородумова.

[158] Употребляемый в статистике технический термин, означающий «наиболее часто встречающийся по сравнению со средним значением».

[159] Schneider Kurt. Указ. соч.

[160] Fromm Erich. Man for Himself: An Inquiry into the Psychology of Elthics (New York: Holt Rinehart and Winston, 1964). Русский перевод: Фромм Э. Человек для себя. - Минск, 1992.

[161] Horney Karen. Neurosis and Human Growth (New York: W.W.Norton amp; Cj., 1991). Русский перевод: Хорни Карен. Невроз и личностный рост.- СПб., 1997.

[162] Johnson Stephen M. Ph.D. Characterological Transformation. The Hard Work Miracle (New York: W. W. Norton amp; Co., 1985).

[163] Steiner. Указ. соч.

[164] Kernberg Otto. Указ. соч.

[165] Shapiro David. Указ. соч.

[166] Я не согласен с точкой зрения Кернберга о том, что это модель описана как «фаллически-нарцисстическая», поскольку описание этой модели, сделанное Райхом, больше напоминает своим подчеркнутым преобладанием мужественности и импульсивностью энеатип VIII.

[167] В отличие от энеатипа VIII, у которого преобладающими обычно являются чувства, а не мышление.

[168] Keirsey D. amp; Bates M. Указ. соч.

[169] Coulter Catherine R. Указ. соч. Т. 1. Все цитаты по типу «фосфор» (стр. 1 -17) приведены с разрешения автора.

[170] Согласно Кернбергу в «Психиатрии» Купера и др.: «До сих пор нет доказательств, свидетельствующих в пользу генетической предрасположенности к нарушениям личности среди истерично-гистрионного спектра», однако «полная неудача попыток провести различие между истерическими и гистрионными нарушениями личности в эмпирических исследованиях тормозит возможность развития генетики этих расстройств личности». Наблюдение Фрейда о том, что истерия связана с переживанием в младенчестве конфликта на фаллическо-эдиповой стадии, в полной мере применимо к нашему

энеатипу III. То же относится и к высказываниям более современных психоаналитических авторов, подчеркивающих преобладание Эдипова комплекса, страха кастрации и зависти к пенису как динамических черт истерической личности.

[171] Сексуальный вариант энеатипа VI.

[172] La vida sexual del hombre elastico // Metal, № 47 (Spain).

[173] Kraepelin, цитирую по Schneider, указ. соч.

[174] Schneider K. Указ. соч.

[175] Millon Theodore. Указ. соч.

[176] Shapiro David. Nerotic Styles. - New York: Basic Books, Inc., 1965.

[177] Выделено мной.

[178] Именно Миллон ввел термин «избегающая личность» в своей работе «Расстройства личности».

[179] Fenichel O. The Psychoanalytic Theory of the Neurosis (N. Y., 1945).

[180] Millon Th. Указ. соч.

[181] Юнг К. Г. Указ. соч.

[182] Экстравертные личности с преобладанием интуиции над ощущением, мышления над чувствами и рассудочности над интересом к восприятию как таковому.

[183] Указ. соч.

[184] Coulter Catherine R. Указ. соч. Т. I. Все выдержки по характеру «Сепия» (Sepia) (стр.125-139), а также по характеру «Лакесис» (Lachesis) (стр.301-344) цитируются с согласия автора.

[185] Adorno T. W. et. al. The Authoritarian Personality (New York: Harper amp; Brothers, 1950).

[186] Shapiro D. Указ. соч.

[187] Не говоря уже о том, что обвинение является в большей степени «дьявольским», чем обман, учитывая то обстоятельство, что дьявола называют «отцом лжи».

[188] Согласно тому, что говорят об этиологии параноидальной личности Сивер и Кендлер, «существует определенное количество генетических исследований, показывающих, что личности такого типа гораздо чаще появляются в семьях шизофреников, в особенности если у них есть склонность к параноидальному психозу». Они цитируют

Колби, объединившего в одну четыре самые основные теории, которые Сивер и Кендлер считают постулатами в сфере изучения параноидального мышления: «гомосексуальную теорию Фрейда, теорию враждебности (согласно которой параноидальный феномен - результат проекции сильной подсознательной ненависти), гомеостатическую теорию (восстановление равновесия через трансформацию личностью чувства вины и несовершенства в идею запугивания со стороны окружающих) и теорию стыда-унижения. Они также считают, что трактовка Колби стыдо-унизительной модели поведения (согласно которой личность вместо того, чтобы позволить себе испытать неприятное воздействие стыда или унижения, обвиняет окружающих в том, что они несправедливы к ней) является наиболее всеобъемлющей и подходящей для работы с пациентами. Подводя итог психоаналитическим концепциям о причине происхождения избегающей личности, Миллон (Купер и др., указ. соч.) утверждает, что родительский отказ или безразличие по отношению к детям в раннем возрасте являются наиболее распространенной причиной формирования данного характера. Тем не менее хотел бы отметить, что у меня возникают некоторые сомнения насчет того, что большая часть вышесказанного относится именно к избегающей личности (например, наблюдение Хорни насчет ухода избегающей личности от людей я считаю в той же степени верным и для шизоидных личностей).

[189] Gianini. H. El demonio del Mediodia // Teoria Die. - Santiago de Chile, 1975.

[190] Данте. Божественная комедия. Кн. 2 - Чистилище.

[191] Kretschmer E. Указ. соч.

[192] Кречмер Э. Строение тела и характер. - М., 1995.

[193] Sheldon W. H. Указ. соч.

[194] Arietti Silvano. Affective disorders // American Handbook of Psychiatry. №4. 1974.

[195] Johson Stephen M., Ph.D. Указ. соч.

[196] Я цитирую из «Banald Scripts of Women» by Wickoff in Claude M. Ste- iner. Scripts People Live (New York: Bantam Books, 1975).

[197] DSH-III. Указ. соч.

[198] Миллон Теодор. Указ. соч.

[199] По-видимому, в описаниях Юнга энеатипа IX и энеатипа V

существует некоторое наложение, поскольку настойчивое подчеркивание им недостаточной эмоциональной выразительности хотя и является правильным, но не отражает не менее характерной для циклотимического характера приветливости.

[200] Bendjamin Lorna Smith. Interpersonal Diagnosis and Treatment of Personality Disorders (New York: Guilford Press, 1993).

[201] Von Franz Marie-Louise and James Hillman. Lectures on Jungs Typology (Dallas: Spring Publications, Inc., 1971).

[202] Описание которого у Юнга совпадает с нашим энеатипом VIII.

[203] Keirse D. amp; Bates M. Указ. соч.

[204] Coulter Catherine R. Указ. соч. Т. 1. Все цитаты по типу *Calcareia* (стр. 39-46) перепечатаны с разрешения автора.

[205] Личности такого типа также, возможно, в целях сверхкомпенсации - ввиду их сверхприспособляемости - могут демонстрировать поведение, за которое их можно охарактеризовать как несдвигаемо упрямых, с той же ограниченностью и предвзятостью, которые они разделяют с энеатипом I.

[206] Некоторые специалисты по гештальту предпочитают называть это «пограничным расстройством», что, на мой взгляд, звучит несколько педантично.

[207] Polster Erving amp; Miriam. Gestalt Therapy Integrated (New York: Vantage Books, 1974).

[208] Polster Erving and Miriam. Указ. соч.

[209] Описывая этиологические особенности зависимой личности (Купер и др. «Психиатрия»), Эсман утверждает, что «ни одно из биологических обоснований не подходит для объяснения этого синдрома, однако возможно, что некоторые варианты характеров могут иметь предрасположенность к развитию такого». Он также цитирует предположение Малера о том, что «такие дети не могут разрешить „кризис сближения" второго года и испытывают напряженность и тревогу при отделении от матери, поддерживая таким образом тесную привязанность к ней, что становится помехой для нормального развития самостоятельной личности и объективного восприятия».

[210] Его можно рассматривать как эквивалент сексуального подтипа сверх- приспособляемых. См. книгу Johnson «Characterological Transformation».

[211] Fromm Erich. To Have, or to be (New York: Bantam Books. Inc., 1982). Русский перевод: Фромм Э. Иметь или быть. - М., 1992.

[212] Скрытая сущность такой ориентации, а также другие ключевые проблемы работы над собой раскрываются более подробно в сборнике эссе И.Дж.Гоулда: The Human Biological Machine as a Transformational Apparatus (Nevada City, CA: Gateways Books, 1975).

[213] В приложении я привожу некоторые указания по поводу того, как ассистировать в этом процессе при различных диагнозах.

[214] Von Durckheim Karlfried Graf. Hara: The Vital Center of Man (London: George Allen and Unwin. Ltd., 1962).

[215] Naranjo C. Transformation and the fluman Potential Movement // Talk of the Menth. № 85 (Nevada City, CF: Gateways Books, 1990).

[216] Naranjo C. Gestalt and Protoanalysis // Gestalt Therapy: The Attitude and Practice of an Atheoretical Experimentalism (Nevada City, CA: Gateways Books, 1993). Русский перевод: Наранхо К. Гештальттерапия. - Воронеж., 1996.

[217] Перевод К. Бутырина.